Лю Цысинь

О МУРАВЬЯХ И ДИНОЗАВРАХ

от создателя романа
ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

FANZON

О муравьях и динозаврах

Цысинь Лю

Аннотация
Лю Цысинь. О МУРАВЬЯХ И ДИНОЗАВРАХ. ПЕСНЯ КИТА
О муравьях и динозаврах
Пролог. Яркие искры
Глава 1. Первое знакомство
Глава 2. Эпоха исследования организма динозавра
Глава 3. Заря цивилизации
Глава 4. Письменность
Глава 5. Эпоха парового двигателя
Глава 6. Оружие муравьев
Глава 7. Первая. динозавро-муравьиная война
Глава 8. Информационная эра
Глава 9. Встреча на высшем уровне
Глава 10. Забастовка
Глава 11. Вторая динозавро-муравьиная война
Глава 12. Медицинская делегация
Глава 13. Последняя война
Глава 14. Зерно-мины
Глава 15. «Яркая Луна» и «Император моря»
Глава 16. Измена

Глава 17. Крайнее средство сдерживания
Глава 18. Битва за передающую станцию
Эпилог. Затянувшаяся ночь
Песня кита
Песня кита
Конец микрокосмоса
Нити
Посыльный
Судьба
Бабочка
Утром
Слава и мечты
Бремя воспоминаний
Круг

Аннотация

Лю Цысинь — один из ведущих мировых писателей-фантастов и лидер китайской научной фантастики. Он заслужил любовь читателей и уважение критиков благодаря своему феноменальному роману «Задача трех тел».

Под обложкой этой книги скрываются роман «О муравьях и динозаврах» — фантастическая притча о конфликте двух цивилизаций, двух империй, двух мировоззрений и катастрофе, к которой это привело, и сборник «Песня кита», который включает десяток ранее не переводившихся рассказов и повестей Лю разных лет.

АВТОР — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ФОНДА АРТУРА КЛАРКА «ЗА ВЛИЯНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ НА ОБЩЕСТВО».

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АЛЛЕГОРИЯ.
ПРИТЧА. САТИРА. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

145 миллионов лет назад. Мезозойская эра.

Меловой период.

Великие империи муравьев и динозавров мирно сосуществуют. Действуя сообща, они достигли больших успехов, но, несмотря на это, различия между ними слишком велики. Сможет ли их союз уцелеть или подозрения и межвидовая ненависть приведут к вымиранию?

Наука пытается найти ответ на философские вопросы бытия в романе «О муравьях и динозаврах» и сборнике рассказов «Песня кита», которые составляют книгу Лю Цысиня — лидера китайской фантастики.

«Из этой книги можно извлечь ценный урок, но Лю не собирается его вам навязывать. Если после чтения у вас появятся новые мысли, то только потому, что вы добровольно открыли свой разум».

At Boundary's Edge

Лю Цысинь
О МУРАВЬЯХ И ДИНОЗАВРАХ. ПЕСНЯ КИТА

Liu Cixin 刘慈欣

The CRETACEOUS PAST or OF ANTS and DINOSAURS

The WHALE SONG

Лю Цысинь

О МУРАВЬЯХ И ДИНОЗАВРАХ

Роман

ПЕСНЯ КИТА

Рассказы

Москва 2024

О муравьях и динозаврах

Роман

Пролог
Яркие искры

Если свести всю историю Земли к одному дню, то один час будет равняться двумстам миллионам лет, одна минута — 3,3 миллиона, а одна секунда — пятидесяти пяти тысячам лет. Жизнь появится уже в восемь или девять часов утра, а вот человеческая цивилизация возникнет только в последнюю десятую долю последней секунды дня. С тех пор, когда философы провели первые дебаты на ступенях древнегреческого храма, рабы заложили первый камень в основание Великой пирамиды, а Конфуций принял в освещенной свечами хижине с соломенной крышей своего первого ученика, до момента, когда вы перевернули первую страницу этой книги, прошла всего одна десятая часть века — часы успели тикнуть один раз.

Но как же шла жизнь на Земле за несколько часов до этой десятой доли секунды? Неужели прочие организмы только плавали, бегали, размножались и спали? Неужели они на протяжении миллиардов лет пребывали в неразумном

состоянии? Неужели из всех бесчисленных ветвей древа жизни свет мысли украсил только нашу маленькую веточку? Это представляется маловероятным.

Но для семени разума вырасти в великую цивилизацию — нелегкий подвиг. Совершить его можно лишь при одновременном выполнении множества условий, а вероятность такого, пожалуй, меньше одной миллионной. Можно сказать, что зарождающийся интеллект подобен маленькому огоньку в чистом поле — его может погасить легкий ветерок любого направления. Если огоньку все же удастся поджечь окружающие травы, дорогу ему быстро преградит глинистая пустошь или ручеек, и нарождающееся пламя неизбежно угаснет. Но даже если ему повезет и он охватит большой участок леса, велика вероятность того, что вскоре пройдет сильный ливень и потушит его. Короче говоря, вероятность того, что пламя превратится в неодолимо пылающий пожар, очень мала. Так что не исключено, что на протяжении долгой истории эволюции разумные существа неоднократно зарождались, развивались до определенной степени и исчезали в бесконечной ночи древности, подобно огонькам светлячков.

Примерно за двадцать минут до полуночи — то есть до того, как вы раскрыли книгу, — на Земле зажглись два огонька разума. С точки зрения реальной истории этот двадцатиминутный период ни в коем случае нельзя назвать коротким. Он соответствовал шестидесяти с лишним миллионам лет, и эта эпоха настолько далека от нас, что мы не в силах представить себе такой промежуток времени. Предки человечества появятся лишь через несколько десятков миллионов лет. Тогда не только людей не было, но даже континенты имели совсем иную форму, чем сегодня. На принятой геологической шкале этот временной отрезок входит в верхний меловой период и носит название маастрихтского яруса.

В то время Землю населяли животные, именуемые динозаврами. Существовало много видов динозавров, и большинство из них были очень большими. Самые тяжелые весили восемьдесят тонн — как восемьсот человек, — достигали в длину почти сорока метров, а в высоту — восемнадцати и могли бы заглядывать в окна шестого этажа. Они обитали на Земле уже около ста пятидесяти миллионов лет, то есть появились на Земле почти за четверть миллиарда лет до нынешнего дня.

По сравнению с несколькими сотнями тысяч лет, прожитых человечеством на Земле, сто пятьдесят миллионов — действительно очень долгий срок. За столь продолжительное время дождевые капли, падающие в одну и ту же точку, способны пробить Землю насквозь, а легкий ветерок, непрерывно обдувающий гору, напрочь сровнять ее. Вид, претерпевающий постоянную эволюцию на протяжении столь долгого времени, обязательно станет разумным, даже если вначале был совершенно глуп.

Именно это и случилось с динозаврами. Они выкорчевывали большие деревья, очищали стволы от ветвей и листьев и ротанговой лозой привязывали к их концам большие камни. Если камень был круглым или квадратным, получался огромный молот, способный одним ударом расплющить, скажем, нашу современную легковушку; из плоского камня — огромный топор, из заостренного — копье. При изготовлении копий динозавры оставляли на верхушках стволов несколько ветвей, служивших стабилизаторами полета. Эти копья, достигавшие в длину трех-четырех десятков метров, летали почти как наши ракеты!

Динозавры образовали примитивные племена

и стали селиться в огромных пещерах, которые выкапывали сами. Они научились пользоваться огнем для освещения пещер и приготовления пищи, сохраняя тлеющие угли, оставленные ударами молнии. Вместо осветительных свечей они частенько использовали целые сосны в несколько человеческих обхватов! Головнями этих «свечек» они даже писали на стенах пещер простыми штрихами о том, сколько яиц было отложено вчера и сколько детенышей динозавров вылупилось сегодня. Что еще важно — динозавры уже обладали зачаточным подобием языка. Для наших ушей их разговоры звучали бы как свист поездов.

Тогда же признаки зарождающегося интеллекта проявились и у другого вида обитателей Земли — муравьев. Как и динозавры, к тому времени они уже прошли длительный процесс эволюции. Они воздвигли города на всех континентах — где-то высокие муравейники, где-то подземные лабиринты. Масштабы муравьиного общества намного превосходили масштабы общества динозавров. Существовало много королевств с населением, превышающим сто миллионов; в этих обширных сообществах развивались сложные, жестко организованные структуры, функциони-

ровавшие в точном, машинном темпе. Муравьи общались друг с другом с помощью феромонов. Эти чрезвычайно сложные молекулы запаха могли передавать сложную информацию, которая наделила муравьев более развитым языком, нежели тот, что был у динозавров.

Хотя первые проблески разума появились на Земле практически одновременно сразу у двух видов — огромного и миниатюрного, каждому из них путь к цивилизации затрудняли серьезные недостатки и непреодолимые препятствия.

Главным недостатком динозавров было отсутствие рук, способных к точным мелким движениям. Их большие неуклюжие когти были бесподобны в бою — например, один их вид, *Deinonychus*, обладал острыми, похожими на сабли когтями, которые довольно успешно использовал, чтобы потрошить других динозавров. Они также могли изготавливать грубые орудия, но не были способны выполнять тонкие операции, мастерить сложные инструменты или изображать сложные письмена. А это является необходимым условием для развития цивилизации: только наличие универсальных рук может обеспечить самоподдерживающуюся связь между эволюцией мозга и деятельностью

по выживанию.

Муравьи, в отличие от динозавров, могли выполнять невероятно тонкие операции и создавать сложные архитектурные сооружения — как надземные, так и подземные.

Однако им существенно не хватало широты и разносторонности мышления. Когда критическая масса муравьев собиралась вместе, у этой общности проявлялся коллективный разум — строгий и негибкий, очень похожий на компьютерную программу. Руководствуясь этими «программами», которые разрабатывались в течение длительных отрезков времени, муравьиные колонии строили один сложный город за другим. Муравьиное общество походило на большой, точный механизм, в котором каждый отдельный индивидуум был простым винтиком. Если один из этих винтиков отделялся от машины, его мышление оказывалось чрезвычайно поверхностным и механическим. А ведь творческое мышление, необходимое цивилизации, это прерогатива отдельных людей, например наших собратьев Ньютона и Эйнштейна. Простая избыточность коллективного разума не может породить возвышенное мышление, точно так же как сто миллионов нас, людей, думая изо всех сил,

не смогли бы придумать три закона движения и теорию относительности.

При обычном ходе событий образовавшиеся сообщества муравьев и динозавров не могли бы продолжать эволюционировать. Как это случалось с бесчисленными видами до и после, пламя разума, вспыхнувшее в этих двух видах, должно было угаснуть в водах времени, проявившись лишь как два мимолетных проблеска света в долгой ночи истории Земли.

Но в один прекрасный день случилось нечто необычное.

Глава 1
Первое знакомство

Был самый обычный день завершающей части верхнего мелового периода. Мы не в состоянии установить точную дату, но это, несомненно, был самый обычный день, и Земля пребывала в покое.

Давайте-ка взглянем, что представлял собой мир в тот день. Тогда форма и положение континентов радикально отличались от нынешних. Антарктида и Австралия образовывали единое целое и превышали размером любой из континентов нашего времени, Индия была большим островом в море Тетис, а Европа и Азия — двумя отдельными массивами суши. Цивилизация динозавров развивалась преимущественно на двух суперконтинентах. Первый из них, Гондвана, несколько миллиардов лет назад был единственной сушей планеты Земля. С тех пор он успел распасться, и его площадь значительно уменьшилась, но все еще равнялась современным Африке и Южной Америке, вместе взятым. Второй, Лавразия, отделился от Гондваны и позже образовал

Северную Америку.

В тот день на всех континентах каждое живое существо было занято привычным делом — выживанием. Обитатели этого нецивилизованного мира не знали, откуда пришли, и не беспокоились о том, куда идут. Когда солнце мелового периода стояло прямо над головой, а тени, отбрасываемые листьями саговников, съеживались до крошечного размера, они были озабочены лишь поисками очередного обеда.

Один тираннозавр уже нашел, чем перекусить. В тот момент он находился в центральной части Гондваны, на залитой солнцем полянке среди рощи саговых пальм. Его обед составляла большая жирная свежепойманная ящерица. Разодрав огромными когтями все еще дергавшуюся добычу пополам, он сунул ее заднюю половину в свою огромную пасть и принялся с наслаждением жевать. В эти минуты он был совершенно доволен и своей жизнью, и всем миром.

Примерно в метре от левой ноги тираннозавра находился маленький городок муравьев. В его подземной, большей части обитало около тысячи муравьев. Тираннозавр в погоне за ящерицей устроил там ощутимое землетрясение, но, к счастью, не наступил прямо на город. Сей-

час его жители выбрались на поверхность и разглядывали причину бедствия. Тираннозавр возвышался над ними как горный пик, пронзающий облака, и заслонял более половины неба. Муравьям, стоявшим в тени горы, казалось, будто небо внезапно затянули тучи. Они видели, как высоко в этом небе часть ящерицы перешла из когтей тираннозавра в его пасть, намного превышавшую размером все их пещеры. Они слушали звук жевания, походивший на раскаты грома в вышине. Прежде не раз бывало, что такой гром сопровождался градом клочков мяса и обломков костей. Таких крошек с избытком хватало для еды всему муравейнику на целый день. Но этот тираннозавр держал пасть плотно закрытой, и с неба ничего не падало. Немного погодя он сунул в рот и вторую половину ящерицы. Снова загремел гром — и снова наземь не упало ни крошки съестного.

Завершив трапезу, тираннозавр отступил на два шага и, довольный, улегся в тени, чтобы вздремнуть. На глазах муравьев пик согнулся и превратился в не слишком дальний, но тоже довольно высокий горный хребет. Земля в очередной раз содрогнулась, и поляну опять озарило солнце. Муравьи качали головами и вздыхали.

Сухой сезон в этом году затянулся, и с каждым днем жизнь становилась все труднее. Последние два дня они голодали.

Как раз в тот момент, когда удрученные муравьи повернули обратно к входу в город, поляну сотрясло еще одно землетрясение. Оглянувшись, они увидели, что горный хребет перекатывается с боку на бок. Вдруг тираннозавр засунул огромный коготь в пасть и принялся яростно ковырять в зубах. Они сразу же поняли, что тревожило его сон: мясо застряло между зубами и не на шутку раздражало.

И тут мэра муравьиного городка осенило. Он забрался на травинку и выпустил феромон в сторону собравшихся внизу сограждан. Все муравьи, до которых он долетел, понимали, что имеет в виду мэр, и передавали сообщение дальше. Волна возбуждения прокатилась по колонии, муравьи замахали усиками и во главе с мэром направились к тираннозавру, образовав на земле несколько черных ручейков. Сначала им казалось, что горизонт, ограниченный линией гор, находится невероятно далеко, что он хоть и видим, но недостижим. Затем тираннозавр беспокойно перекатился им навстречу, в одно мгновение сократив расстояние между собой и

процессией муравьев. Огромная когтистая лапа упала с неба и с оглушительным грохотом грохнулась прямо перед мэром. Сотрясение подбросило всю процессию над землей, а поднявшаяся пыль взметнулась перед муравьями, как грибовидное облако атомного взрыва.

Не дожидаясь, пока осядет пыль, муравьи поспешили за мэром влезть на коготь динозавра. Гигантская ладонь лежала перпендикулярно земле, образуя неровный утес. Но муравьи всегда умели лазать, как мало кто другой, и отвес не стал для них препятствием. Они быстро взобрались на вершину утеса и оказались на предплечье динозавра. Для муравьев покрытое грубой кожей предплечье представляло собой плато, пересеченное оврагами. Петляя по ущельям, колонна неуклонно шествовала к конечной цели — пасти тираннозавра. Как раз в этот момент тираннозавр поднял лапу, чтобы снова поковырять в зубах. Муравьи, маршировавшие по ней, почувствовали, что почва под ногами накренилась, затем земное притяжение резко усилилось, и они вцепились кто во что мог, чтобы их не сбросило. Огромная голова тираннозавра занимала половину неба, а его медленное дыхание было подобно ветру, проносящемуся по небесам. А сверху на муравьев

уставилась пара огромных глаз, и они задрожали от страха.

Заметив муравьев на своем предплечье, тираннозавр поднял другую руку, чтобы стряхнуть их. Огромная ладонь заслонила полуденное солнце, как грозовая туча, и на пересеченной равнине, куда успели добраться муравьи, сразу потемнело. Они в ужасе поднялись на задние пары лап и отчаянно размахивали усиками. Но мэр не потерял самообладание. Он картинно поднял переднюю лапу и указал на пасть динозавра. Все остальные в точности повторили его жест.

Тираннозавр сначала опешил, но через несколько секунд понял, что затеяли муравьи. Подумав еще немного, он опустил угрожающе занесенную лапу. Солнце вновь озарило предплечье, где собрались муравьи. А тираннозавр открыл пасть пошире и уперся когтем в расщелину между зубами, так что образовался очень даже удобный мост. Теперь уже муравьи засомневались, но мэр решительно направился по пальцу к временному мосту, и вся колонна устремилась за ним.

Первая группа муравьев быстро добралась до конца пальца. Остановившись на гладком коническом кончике когтя, они с благоговением заглядывали в пасть динозавра. Перед ними

раскрылся ночной мир, где назревала гроза. Сильный, влажный ветер, пахнущий запекшейся кровью, обдувал их лица, из бесконечных темных глубин доносились раскаты грома. Когда глаза муравьев привыкли к полумраку, они смутно различили вдалеке большое пятно еще более плотной тьмы, границы которого постоянно меняли форму. Муравьи долго не могли сообразить, что это горло динозавра — именно оттуда прилетал грохочущий гром, рождавшийся в его желудке. Муравьи в испуге зажмурились, но затем пересилили себя, один за другим забрались на огромные зубы тираннозавра и поползли вниз по гладким белым эмалевым скалам. И начали рвать застрявшую в широких щелях между зубами розовую плоть ящерицы своими мощными жвалами.

Время от времени кто-нибудь из муравьев отвлекался от старательного жевания и окидывал нервным взглядом два огромных зуба, уходивших ввысь по обе стороны от него. А оттуда, сверху, свешивался, поблескивая в косых лучах солнца, проникающих в пасть, еще один ряд зубов, и казалось, что эти два ряда могут сомкнуться в любой момент. Тираннозавр тем временем переместил палец на верхнюю челюсть, и непре-

рывный поток муравьев потек уже туда, чтобы очищать от мяса верхние зубы, зеркально отражая то, что происходило на нижней челюсти. В дюжине с лишним щелей между зубами динозавра суетилось более тысячи муравьев. Вскоре от застрявших клочьев мяса не осталось и следов.

Исчезло неудобство, так раздражавшее тираннозавра. Он еще не дошел в своей эволюции до выражения благодарности и поэтому просто медленно, с удовольствием, выдохнул. Внезапный ураган, пронесшийся по двум рядам зубов, сдул всех муравьев до единого. Они поплыли по воздуху облаком черной пыли и благодаря тому, что почти ничего не весили, благополучно приземлились примерно в метре от головы тираннозавра. Совершенно сытые, муравьи направились к входу в свой город. А тираннозавр перекатился в прохладную тень и погрузился в спокойный сон.

Вот и все.

Земля спокойно вращалась, солнце неторопливо сдвигалось к западу, заставляя удлиняться тени саговников, между которыми с новым оживлением порхали бабочки и жужжали мелкие летучие насекомые. Издали доносился приглушенный расстоянием грохот волн первобытного океана, разбивавшихся о берег Гондваны.

Никто даже подумать не мог, что в этот безмятежный час история Земли резко повернула в другом направлении.

Глава 2
Эпоха исследования организма динозавра

Через два дня после встречи с динозавром, в такой же душный полдень, жители муравьиного городка ощутили еще одно близкое землетрясение. Выскочив на поверхность, они сразу же увидели высокую фигуру и узнали того самого тираннозавра, с которым имели дело два дня назад. Тираннозавр присел на корточки, склонился мордой к самой земле и принялся ее рассматривать. Обнаружив поселение муравьев, он поднял лапу и указал на два ряда огромных зубов, торчащих из разинутой пасти. Муравьи сразу поняли динозавра, и все как один, вся тысяча, возбужденно замахали усиками. Тираннозавр положил переднюю конечность на землю и позволил муравьям забраться на нее. Сцена двухдневной давности повторилась в точности: муравьи стройными рядами прошествовали туда, где в зубах динозавра застряло мясо, наелись досыта, а динозавр избавился от раздражавшей его неприятности.

С тех пор тираннозавр стал регулярно посещать

город муравьев, чтобы чистили ему зубы. Муравьи научились улавливать его шаги за тысячу метров и безошибочно отличать их от походки других ящеров. Они даже могли определить по звуку, в каком направлении двигался тираннозавр. Если он приближался к городу, муравьи нетерпеливо устремлялись на поверхность, зная, что обеспечены пищей на сегодня. Мало-помалу сотрудничество между гигантом и малютками становилось все более практичным и понятным.

В один прекрасный день земляные потолки муравьиного города вновь задрожали от приближающихся шагов, но совсем не так, как раньше: знакомый топот смешивался с незнакомыми вибрациями. Выбежав на поверхность, муравьи увидели, что их партнер привел с собой еще трех *Tyrannosaurus rex* и одного *Tarbosaurus bataar*! Все пять динозавров тыкали когтями себе в пасти и просили муравьев о помощи. Мэр с первого взгляда понял, что своим силами они не справятся, и поспешно отправил гонцов в несколько близлежащих городов. Вскоре из-за деревьев вышли и собрались на поляне три потока муравьев — всего более шести тысяч. Для того чтобы обслужить одного динозавра, требовалась тысяча муравьев — хотя, может быть, вернее было бы сказать, что

для того, чтобы накормить их, хватило бы мяса, застрявшего в зубах одного хищника.

На следующий день динозавров оказалось восемь, через день — уже десять; почти все — крупные хищники. Динозавры ломали и вытаптывали хрупкие саговники, отчего поляна быстро увеличивалась в размере, зато помогали доброй дюжине муравьиных городов решить вопрос питания.

Однако основа для сотрудничества между этими двумя видами ни в коем случае не была надежной. Во-первых, по сравнению с бесчисленными трудностями, с которыми сталкивались динозавры — голодом, когда добычи было мало, жаждой, когда вода в округе высыхала, травмами, полученными в схватках с себе подобными или динозаврами других видов, а также со множеством смертельных болезней, — застрявшее в зубах мясо было лишь очень мелкой неприятностью. Кое-кто из тех динозавров, которые приходили к муравьям, чтобы почистить зубы, делали это из любопытства или ради забавы. С другой стороны, когда закончится сухой сезон, пищи для муравьев снова станет в изобилии и им не нужно будет полагаться на столь неортодоксальный метод пропитания. Ужасные пиршества

в пастях динозавров, так похожие на врата ада, не доставляли удовольствия большинству муравьев.

Важным шагом вперед в сотрудничестве между динозаврами и муравьями стало появление тарбозавра с кариесом. В тот день к муравьям, чтобы почистить зубы, пришли в общей сложности девять динозавров. Мясо из зубов у всех вычистили идеально, однако один из тарбозавров все еще был недоволен. Он высоко поднял одну переднюю лапу, чтобы муравьи, закончившие работу, не могли уйти, и настойчиво тыкал в зубы когтем другой. Мэр, возглавлявший эту колонну, вернул в пасть динозавра несколько десятков муравьев, и все они тщательно осмотрели те зубы, в которые тыкал указующий коготь. Они быстро обнаружили в гладких эмалевых стенках несколько полостей, по каждой из которых могли двигаться бок о бок два, а то и три муравья. Мэр первым нырнул в одну из этих ям; вслед за ним отправились еще несколько муравьев, и они внимательно осмотрели стены прохода. Зубы динозавра очень тверды, и те, кто был способен прокладывать туннели в подобном материале, бесспорно, не уступал по меньшей мере муравьям в искусстве копания.

Муравьи на ощупь продвигались вперед, и вдруг из ответвления прохода выскочил черный червь, в два раза больше муравья, и, щелкнув большими острыми жвалами, откусил мэру голову. И тут же, будто из ниоткуда, в туннель ворвались еще несколько червей. Разорвав строй муравьев, они яростно атаковали. Муравьи к тому времени уже слишком устали и не могли защищаться; более половины перебили в одно мгновение. Уцелевшие изо всех сил пытались прорваться через окружение, но, промчавшись мимо черных червей, они заблудились в лабиринте проходов. Из лабиринта выбрались только пять муравьев, один из которых нес голову мэра. Голова муравья сохраняет жизнь и сознание довольно долго после того, как ее отделят от тела. Поэтому, когда пять муравьев вынесли голову мэра из пасти динозавра, он, прежде чем умереть, сам рассказал тысяче муравьев, все еще стоящих на предплечье, что происходит в зубах, и отдал последнюю команду.

Вскоре крошечная армия из двухсот муравьев-солдат двинулась в пасть динозавра. Они очистили от врагов тот зуб, который начал обследовать мэр. Но, хотя муравьи-солдаты были искусны в бою, черные черви во много раз превос-

ходили их размерами. Зная структуру туннелей, черви успешно отразили атаку, убив не меньше дюжины муравьев-солдат, и заставили их отступить из туннеля. Боевой дух муравьиной армии начал падать, но тут прибыло подкрепление из другого города. Оно состояло из солдат другого типа — они были мельче, зато могли наносить разрушительные удары муравьиной кислотой. Вновь прибывшие ворвались в туннель, мгновенно развернулись, нацелили свои задние части на врага и выпустили мелкие струйки капель муравьиной кислоты.

Тела червей в одно мгновение превратились в обожженные черные массы, от них повалил темный дым. Вскоре прибыл еще один отряд подкрепления. Эти муравьи-солдаты также были довольно мелкими, но имели настолько ядовитые мандибулы, что даже после вроде бы безобидного укуса черный червяк дважды дергался и падал замертво.

В пасти тарбозавра разыгралась полномасштабная битва, армия муравьев наступала от зуба к зубу, истребляя черных червей. Из всех углублений эмали сочился едкий дым. Бригада рабочих муравьев вытаскивала из пасти тела черных червей и складывала на лист, который динозавр

держал на ладони. Вскоре лист был доверху усеян мертвыми черными червями; над трупиками, сожженными кислотой, все еще вился дымок. Несколько других динозавров, собравшись вокруг тарбозавра, с изумлением наблюдали за происходящим. Полчаса спустя битва закончилась, и в зубах не осталось ни одного черного червя. В пасти тарбозавра стоял странный привкус муравьиной кислоты, но зубная боль, беспокоившая его на протяжении большей части жизни, исчезла. Он, взволнованно рыча, рассказывал о чуде всем присутствовавшим динозаврам.

Новость быстро распространилась по лесу, и количество динозавров, посещающих муравьев, внезапно резко возросло. Кто-то из них все еще хотел просто почистить зубы, но большинство приходило за лечением от стоматологических заболеваний, поскольку кариес был распространен как среди плотоядных, так и среди травоядных животных. В самые оживленные дни на поляне собиралось до нескольких сотен динозавров и, соответственно, количество муравьев, которые их обслуживали, также резко увеличилось. В отличие от динозавров, муравьи, однажды прибыв, редко возвращались обратно. Так на поляне постепенно вырос большой город с населением

более миллиона муравьев; этот город, получивший название Костяной цитадели, стал первым на Земле местом, где муравьи и динозавры постоянно общались между собой. Каждый день по утоптанной почве шагали между потоками муравьев колоссальные динозавры. На поляне кипела шумная, процветающая жизнь.

Желающих полечить или почистить зубы становилось все больше, а между тем сухой сезон закончился. Муравьям больше не приходилось довольствоваться кусочками мяса, случайно застрявшими в зубах динозавров: пациенты теперь оплачивали их медицинские услуги свежими костями и мясом. Жителям Костяной цитадели больше не нужно было добывать пищу, и они превратились в профессиональных дантистов. Эта специализация повлекла за собой быстрый прогресс медицинской технологии муравьев.

В битвах за избавление динозавров от зубных червей муравьи часто путешествовали по полостям к корням зубов. На стыке зубов и десен они обнаружили толстые полупрозрачные трубки. Когда к этим трубкам прикасались во время боя, пасти динозавров сотрясали сильные землетрясения. Со временем муравьи догадались, что стимуляция этих трубок причиняла динозаврам

боль — позже эти структуры назовут нервами. Но муравьи давно знали, что если, грызть корни определенной травы с двумя листочками, то сначала начнут отниматься конечности, а потом и вовсе заснешь, иногда даже на несколько дней — и все это время муравей не чувствует боли, даже если ему оторвать ногу. Они попробовали смачивать каплями сока этой травы нервы в корнях зубов динозавров, и после этого прикосновение к ним уже не сопровождалось землетрясениями. У динозавров, страдавших от стоматологических заболеваний, часто гноились десны, но муравьи знали о другой траве, сок которой способствовал заживлению ран. Они наносили его на язвы, и те быстро закрывались. Внедрение этих двух методов, снимавших боль и уменьшавших воспаления, позволило муравьям излечивать динозавров не только от зубных червей, но и от других заболеваний, не связанных с этой зловредной живностью, — зубной боли и периодонтита.

Однако подлинная революция в медицинских технологиях муравьев была связана с исследованием тела динозавра.

* * *

Муравьи были прирожденными исследователями. Причиной этого служило не любопытство — муравьи как раз не любопытны, — а инстинкт расширения своего жизненного пространства. Время от времени, уничтожая червей или поливая лекарством ряды зубов динозавра, они заглядывали в глубину его пасти. Этот темный, влажный мир далекого нутра гигантов пробуждал в муравьях невольную тягу к дальнейшему изучению, но чуждость среды и опасность предприятия снова и снова останавливали их.

Эпоху исследования тела динозавра открыла муравьиха по имени Даба[1] — первый в истории цивилизации мелового периода муравей, получивший собственное имя. После долгой подготовки Даба воспользовалась возможностью, предоставившейся вслед за истреблением зубного червя, и возглавила небольшую, из десяти солдат и десяти рабочих, экспедицию в глубины пасти тираннозавра. Борясь с экстремальной

[1] Примечания: 1

Вообще-то, и рабочие муравьи, и муравьи-солдаты всегда самки. Самцов у муравьев очень мало, и активного участия в жизни муравейника они не принимают. Но раз уж в русском языке «муравей» мужского рода, то здесь будет и так и так. — *Примеч. пер.*

влажностью, экспедиция пересекла длинную узкую равнину языка, усеянную бесчисленными вкусовыми рецепторами, которые торчали, как белые валуны, образуя впечатляющее мегалитическое сооружение, уходившее в бесконечную темноту. Исследователи прокладывали себе путь между этими скользкими валунами. Когда динозавр открывал и закрывал пасть, свет из внешнего мира проникал сквозь щели между зубами, косо падал на равнину языка, мерцая, как молния, на горизонте, и от мегалитов вкусовых рецепторов ложились длинные колеблющиеся тени. Когда язык динозавра извивался, вся равнина поднималась и опускалась, как волны, и на мегалитах появлялась зыбкая рябь. Кошмарное зрелище повергло муравьев в ужас, но они продолжали движение. Иногда динозавр сглатывал, и с обеих сторон внезапно подступали вязкие паводки, мгновенно затапливавшие всю равнину. Муравьи цеплялись за вкусовые рецепторы, чтобы их не смыло, дожидались, пока вода отступит, и продолжали путь.

После продолжительного странствия они добрались до корня языка. Здесь далекий свет был намного слабее и едва освещал входы в две огромные пещеры. В одной пещере завывал свирепый

шторм, менявший направление каждые две-три секунды. В другой пещере ветра не было, но из ее непостижимых глубин исходил басовитый гул. Муравьи привыкли к этому звуку за время работы над зубами, но здесь он был намного громче и походил на раскаты грома. Позже они узнали, что эти громадные дыры были, соответственно, дыхательным горлом и пищеводом динозавра. Таинственный и ужасный шум нервировал муравьев больше, чем штормовой ветер, поэтому они решили проникнуть в дыхательные пути. Экспедиция во главе с Дабой осторожно спускалась по скользким стенам прохода. Когда ветер был попутным, они поспешно продвигались на несколько шагов вперед, а при встречном ветре двигаться было невозможно и оставалось лишь только распластаться и крепко держаться за стену.

Муравьи прошли не так уж далеко — их лапки хоть и слегка, но раздражали дыхательные пути. Динозавр кашлянул, чем положил конец первой экспедиции муравьев. Ураган невообразимой силы налетел из глубины туннеля, оторвал участников экспедиции от опоры и с молниеносной скоростью перенес их через равнину языка. Несколько муравьев разбились о громадные зубы, а

остальных ветром выбросило изо рта.

Даба лишилась одной из своих средних ног, но, не дрогнув, быстро организовала вторую экспедицию. На этот раз ее целью была выбрана не глотка, а пищевод. Начало путешествия прошло гладко. Достигнув корня языка, муравьи проникли в пищевод и далеко проследовали по проходу. В темноте туннель казался бесконечным, а грохот из черной бездны становился все громче и громче.

В этот момент тираннозавр решил хлебнуть воды из ручья. Муравьи, спускавшиеся по пищеводу, услышали позади рев, который быстро делался громче и в конце концов заглушил привычный шум, доносившийся спереди. Стоило Дабе подать команду остановиться, чтобы выяснить, что происходит, как стена воды, заполнившая весь туннель, смыла всех муравьев вниз по пищеводу. Растерянная Даба бессильно неслась вместе с потоком и понимала только, что ее с огромной скоростью несет вниз, к желудку динозавра.

В конце концов ее с силой ударило, и она начала тонуть в чем-то липком. Она изо всех сил напрягала ноги в отчаянных попытках выбраться из густой трясины, но не могла даже пошевелить-

ся. К ее счастью, сверху продолжала литься вода, разжижавшая слизь и поднимавшая наверх все, что успело в ней застрять. Когда течение утихло, Даба оказалась на поверхности.

Не теряя присутствия духа, она попробовала идти. Жижа под ногами была водянистой и податливой, но по ней плавало множество твердых обломков разных форм и размеров, по которым можно было двигаться, переползая с одного на другой. Даба упорно пробиралась вперед, вытаскивая ноги из засасывающей трясины, и все же смогла достичь берега. Перед ней возвышалась мягкая стенка, покрытая ресничками, примерно с нее длиной, которые напоминали странный карликовый лес. Позднее она узнала, что это стенка желудка.

Даба начала карабкаться вверх по стенке желудка. Куда бы она ни двигалась, ближайшие реснички сворачивались, пытаясь схватить ее, но их движения были медленными, и ей без труда удавалось ускользнуть. К тому времени глаза Дабы привыкли к сумраку, царившему в этом мире. К своему удивлению, она обнаружила, что здесь все же не совсем темно. Снаружи сквозь кожу динозавра пробивался слабый свет, позволивший Дабе разглядеть четырех своих собратьев-мура-

вьев, карабкающихся вверх по стенке желудка. Она поспешила присоединиться к ним. Немного оправившись от потрясения, пятеро муравьев стали внимательно рассматривать сверху то, что позже будет названо пищеварительным морем, — жижу, из которой выбрались.

Пищеварительное море представляло собой большую вязкую трясину. Его поверхность медленно пенилась, и время от времени большие пузыри лопались, производя знакомый грохочущий звук. Когда такой пузырь лопнул прямо под Дабой, она увидела, как короткий толстый предмет приподнялся над поверхностью моря и медленно накренился набок. Она узнала ногу ящерицы. Мгновение спустя на поверхность всплыл еще один массивный треугольный предмет. Пара больших белых глаз и большой рот выдавали в нем рыбью голову. Даба высмотрела в пищеварительном море еще немало частично переваренных предметов, в основном пережеванные останки и кости животных, а также несколько косточек диких фруктов.

В этот момент один из муравьев, оказавшийся рядом с Дабой, толкнул ее локтем и указал прямо под ноги. Она увидела, что из стены сочится прозрачная слизь. Эти выделения собирались в

блестевшие в слабом свете ручейки, которые стекали через лес ресничек в бурлящее внизу море. Позже она узнала, что это желудочный сок, служащий для пищеварения. Этот сок уже покрыл нескольких муравьев целиком, у них покалывало по всему телу, и это ощущение быстро усиливалось до жжения, которое они ранее испытывали только после того, как недруги из собственной породы брызгали на них муравьиной кислотой.

— Нас переваривает! — выкрикнул один из муравьев. Даба удивилась не его сообщению, а тому, что в состоянии различать феромоны своих спутников в едкой смеси запахов, висевших в затхлом воздухе.

Он сказал чистую правду. Они уже начали перевариваться в содержимом желудка динозавра, и говоривший уже лишился усиков. Тут Даба заметила, что и от ее собственных усиков остались половинки.

— Нужно скорее выбираться отсюда! — воскликнула Даба.

— Каким образом? Мы очень уж далеко забрались. У нас просто сил не хватит, — сокрушенно ответил один.

— Нам не выбраться — ноги уже переварились, — подхватил другой. Даба лишь сейчас

заметила, что и ее пять ног почти полностью растворились в желудочном соке. И у остальных четверых дела обстояли ничуть не лучше.

— Ох, если бы случился еще один потоп, и нас вынесло наружу… — мечтательно протянул еще один муравей.

И тут Дабу осенило. Она посмотрела на одного из уцелевших спутников — муравья-солдата с внушительными мощными мандибулами и объявила:

— А вот ты, тупица, как раз и сможешь *устроить* еще одно наводнение!

Тот в недоумении уставился на начальницу экспедиции.

— Кусай его! Грызи как можно больнее.

Боец постепенно сообразил, что от него требуется, яростно взялся за дело и быстро отгрыз несколько щетинок, оставив на стене глубокие ранки. По стенке желудка пробежала дрожь, и он тут же начал конвульсивно содрогаться. Муравьи изо всех сил вцепились в щетинки, чтобы их не сбросило вниз. Даба обратила внимание на то, что лес щетинок напрягся, а это значило, что динозавра сейчас вырвет. Действительно, желудок резко сжался, и поверхность пищеварительного моря взметнулась вверх, унося с собой мура-

вьев. С этим потоком пятеро путешественников стремительно поднялись обратно по длинному пищеводу, пронеслись по равнине языка и, преодолев два ряда зубов, оказались в огромном внешнем мире, тяжело приземлившись в траву.

Когда же остатки отряда с великим трудом откопались из громадной лужи рвоты, их горячо приветствовало целое море муравьев — встречать великих исследователей собралась толпа в несколько сотен тысяч сородичей.

Так началась Эпоха исследования организма динозавра. Она была так же важна для цивилизации муравьев, как Эпоха великих географических открытий — для человечества.

Глава 3
Заря цивилизации

Повторяя новаторский подвиг Дабы, в глубины тел динозавров через пищевод погружались одна экспедиция муравьев за другой. Они выяснили, что быстрее всего добраться до желудка можно, когда динозавр ест или пьет, — с потоком воды или массой пережеванной пищи.

Муравьи установили, что динозавр состоит по меньшей мере из двух систем: пищеварительной, которую исследовали уже неоднократно, и дыхательной системы, в которую пока что не удалось пробраться. Как только Даба оправилась от своих травм, пятиногий муравей с ненормально короткими усиками возглавил еще одну экспедицию через трахею динозавра. На этот раз экспедиционный отряд состоял из муравьев помельче, и они держали между собой большие интервалы, чтобы свести к минимуму раздражение дыхательных путей динозавра и предотвратить катастрофический кашель.

Путешествие по дыхательным путям было очень тяжелым в сравнении со странствием

через пищевод, так как не было ни еды, ни воды, с потоками которых можно было преодолеть значительную часть пути, зато почти все время приходилось бороться с ураганами. Выдержать эту экспедицию могли только самые сильные муравьи. Но великая исследовательница и ее команда снова одержали победу и впервые проникли в дыхательную систему динозавра.

В отличие от пищеварительной системы с ее влажной, удушливой застойной атмосферой, в дыхательной системе господствовали свирепые ветры и течения. В легких динозавра муравьи с благоговейным трепетом наблюдали, как в огромном трехмерном лабиринте, образованном воздушными мешочками, воздух растворяется в кровотоке. Зрелище реки крови, текущей из какого-то неведомого источника, заставило предположить, что внутри динозавров существуют и другие миры. Много позже они смогли подтвердить это предположение и узнать, что в организмах динозавров существует не только кровеносная, но и нервная и эндокринная системы.

На третьем этапе муравьи взялись за исследование черепов динозавров. Сначала они попытались проникнуть туда через ноздри, но

раздражение внутренней поверхности заставило подопытного динозавра чихнуть. Случившийся порыв ветра оказался значительно резче, чем кашель, который доводилось испытывать исследователям дыхательных путей. Муравьи вылетели из ноздрей, как пули из пистолета. Большинство участников экспедиции были разорваны в клочья. Более поздние исследователи черепа проникали через уши — с бóльшим успехом. Муравьи добирались до органов зрения и слуха динозавров и изучали эти тонкие системы. Они добрались даже до мозга, но не могли догадаться, для чего нужен этот орган; его назначение они поняли только через много лет.

Таким образом, муравьи получили детальное представление об анатомии динозавров, заложив тем самым фундамент для последующей медицинской революции.

Муравьям часто доводилось видеть больных динозавров: они походили на скелеты. Отяжелевшие веки с трудом поднимались и даже не могли полностью открыть тусклые глаза, движения были медленными и вялыми, они постоянно стонали от боли. Многие из них довольно быстро погибали. В тела этих больных динозавров экспедиции муравьев проникали чаще всего.

Сравнивая их внутренние органы с аналогичными частями у здоровых динозавров, они легко определяли очаги поражения. Муравьи строили массу гипотез по поводу различных методов лечения внутренних заболеваний у динозавров, но не могли проверить на опыте ни одну из них. Лечение таких болезней стало бы грандиозным предприятием, но муравьи всегда проникали в тела динозавров без ведома последних. Пожалуй, любой динозавр, узнав, что муравьи намерены залезть ему в желудок или мозг, категорически запретил бы это, даже если бы ему объяснили, что его хотят вылечить.

Эпохальный прорыв был связан с гадрозавром по имени Алиджа — первым в истории цивилизации мелового периода динозавром, получившим собственное имя.

Алиджа однажды заявился в Костяную цитадель. Муравьям с первого взгляда на изможденную фигуру динозавра стало ясно, что он болен. Когда группа примерно из полу-тысячи муравьев вышла ему навстречу, чтобы приветствовать и предложить помощь точно так же, как и всем прочим пациентам-динозаврам, Алиджа открыл пасть и указал когтем внутрь. В этом жесте не было необходимости; динозавры приходили сюда

только для того, чтобы чистить и лечить зубы. Но ведущий врач по имени Ави, которого позднее признают отцом муравьиной медицины внутренних органов, заметил, что Алиджа, в отличие от других динозавров, указывал не на зубы, а еще глубже, в горло. Затем динозавр указал на живот, поморщился, чтобы показать, что ему больно, и снова указал на горло. Его действия просто нельзя было истолковать двояко: он просил муравьев осмотреть его желудок.

Поэтому доктор Ави во главе команды из нескольких десятков муравьев отправился на первое в истории внутреннее обследование динозавра, добровольно согласившегося на это. Диагностическая бригада через пищевод добралась в желудок Алиджи и быстро обнаружила там повреждение в стенке. Однако в распоряжении доктора Ави имелось там мало кадровых и прочих ресурсов, что о серьезном, да еще и принципиально новом медицинском вмешательстве не могло быть и речи. Выбравшись из пасти динозавра, он потребовал срочной встречи с мэром Костяной цитадели.

Доктор Ави объяснил ситуацию и запросил ни много ни мало пятьдесят тысяч муравьев и, если брать на наши меры, около трех килограммов

анестезирующих и противовоспалительных средств.

Мэр возмущенно замахала усиками:

— Доктор, ты, наверно, с ума сошел! У нас сегодня перегрузка по клиентуре! Если мы отдадим тебе столько муравьев, то без обслуживания останутся чуть ли не шестьдесят динозавров — не говоря о том, что лекарств, которые ты просишь, нам хватит на сотню пациентов. Этот гадрозавр болен! Он так слаб, что не сможет отыскать для нас ни мяса, ни костей. Как он расплатится за это невиданное лечение?

— Госпожа мэр, надо быть дальновиднее, — возразил доктор Ави. — Если наше вмешательство окажется успешным, мы, муравьи, не будем вынуждены ограничиваться только лечением зубов, но сможем справляться практически с любыми заболеваниями. Наши деловые связи с динозаврами расширятся в десятки, нет, в сотни раз!

Доводы Ави убедили мэра. Доктор получил и муравьев, и лекарства, и требовавшиеся полномочия. Быстро собрали пятьдесят тысяч муравьев и приготовили две кучи лекарств. Больной гадрозавр неподвижно распластался на земле, а ему в пасть стройными колоннами устремилась небольшая армия муравьев, каждый из которых

тащил груз лекарств. А сотня с лишним гигантских динозавров замерла вокруг, с любопытством наблюдая за невиданной затеей.

— Этот идиот пустил целую кучу букашек прямо к себе в желудок! — пробурчал тарбозавр.

— Ну и что? Мы же каждый день запускаем их в рот, — рассудительно возразил тираннозавр.

— Зубы — одно дело, а желудок — совсем другое, — огрызнулся тарбозавр.

— Но если они действительно смогут вылечить его… — сказал коренастый стегозавр, повернув, насколько мог, массивную шею, чтобы лучше видеть.

— И ты ради этого пустил бы их к себе в желудок? А потом они станут забираться к нам в носы, в уши, в глаза? Да они и до мозгов доберутся! И что тогда? — Тарбозавр грозно оглянулся на травоядного стегозавра.

— Ну и что? Ты лучше представь себе, насколько легче станет жить, если любую болезнь можно будет вылечить, — мечтательно сказал тираннозавр, потирая подбородок.

— Да! Жить станет легче! Болеть — это ужасно… — загомонили динозавры.

На первом этапе операции больной участок желудка Алиджи обработали анестетиком. Это

лекарство добывали из особых растений для использования во время стоматологических процедур. Его-то муравьи, под руководством доктора Ави, прежде всего потащили в желудок гадрозавра. После введения анестетика несколько тысяч рабочих муравьев начали срезать пораженные ткани. Это была сложная, тяжелая и длительная работа, так как вырезанное необходимо было извлечь наружу. Муравьи-носильщики образовали длинную непрерывную черную линию и передавали кусочки плоти от одного к другому. На земле, там, где кончалась эта цепь, начала расти кучка гнилой желудочной ткани. Когда же пораженная плоть была полностью удалена, муравьи завершили операцию, покрыв вырезанный участок противовоспалительным средством. Для этого в тело гадрозавра отправилось еще одно грандиозное шествие. Вся операция продолжалась три часа и завершилась к заходу солнца. Когда все муравьи покинули внутренности Алиджи, динозавр сообщил, что боль в животе прошла. Через несколько дней он полностью выздоровел.

Новость разлетелась по миру динозавров со скоростью лесного пожара. Количество обращающихся за лечением в Костяную цитадель выросло более чем в десять раз — одновременно

все больше муравьев прибывало в город в поисках средств к существованию.

Благодаря такому сильному росту практики медицинские технологии муравьев развивались семимильными шагами. Получив возможность беспрепятственно проникать в тела динозавров, они научились лечить различные заболевания пищеварительной и дыхательной систем; позже их сфера деятельности расширилась, охватив заболевания кровеносной, зрительной, слуховой и нервной систем, для которых требовалось еще более совершенное мастерство. Постоянно разрабатывались новые лекарства, получаемые не только из растений, но и из животных, а также из неорганических минералов.

В то же время у муравьев быстро развивались эндохирургические методы. Например, при проведении операции на пищеварительной системе больше не требовались продолжительные пешие переходы многочисленных колонн муравьев по пищеводу динозавра. Теперь они попадали в желудок методом «муравьиной лепешки»: примерно тысяча муравьев, плотно прижавшись друг к другу, образовывала во рту пациента шар диаметром десять-двадцать сантиметров, а затем динозавр запивал одну или несколько таких

гранул водой, как будто проглатывал таблетку. Этот метод существенно повысил эффективность хирургического вмешательства.

Костяная цитадель продолжала расти. Некоторые динозавры, приходившие лечиться, оставались тут же. Они основали невдалеке от муравьиной метрополии собственный город. Поскольку эти динозавры строили свои дома из больших камней, муравьи назвали этот город Валунным. Костяная цитадель и Валунный город позже станут столицами Формиканской и Заурианской империй Гондваны.

Между тем некоторые из динозавров, уходивших после лечения, брали с собой группы муравьев и доставляли их в другие города и колонии динозавров по всей Гондване. Прибывая в эти далекие места, муравьи-переселенцы передали местным жителям медицинские знания Костяной цитадели. Таким образом, сотрудничество между динозаврами и муравьями постепенно распространялось по всей Гондване, став фундаментом союза этих двух столь несхожих между собой видов.

До тех пор такое сотрудничество между двумя доминирующими видами на Земле можно было классифицировать только как продвинутый

симбиоз. Муравьи оказывали динозаврам медицинские услуги в обмен на еду, а динозавры обменивали еду на медицинскую помощь. Хотя этот обмен значительно эволюционировал с тех пор, как муравьи обглодали зубы первого динозавра, суть его оставалась неизменной.

Вообще-то, взаимовыгодные ассоциации такого рода между различными видами существовали на Земле издавна и сохраняются по сей день. Например, взаимоотношения очистительного симбиоза, похожие на те, что сложились между муравьями и динозаврами, установились среди морских организмов. Животные-чистильщики избавляют некоторых рыб от эктопаразитов, грибков и водорослей, от поврежденных тканей и остатков пищи, а сами при этом наедаются досыта. Они собираются на стационарных «станциях очистки», где и дожидаются прихода рыб-клиентов. Чистильщики и клиенты общаются между собой при помощи однозначно понимаемых сигналов: например, когда креветка хочет подойти к большой рыбе, чтобы почистить ее, она прикасается к ней своими усиками.

Если рыба желает, чтобы ее почистили, она наклоняет тело, раздувает жабры и открывает рот, показывая тем самым свое согласие. Только

получив этот дружелюбный ответ, креветка-чистильщик приступит к работе. В противном случае она рискует быть съеденной. Такое сотрудничество чрезвычайно важно для рыб. Если в регионе пропадают чистильщики, почти сразу же ухудшается состояние здоровья местных рыб, а потом и сокращается их численность.

Однако этот тип симбиотических отношений имеет свои ограничения. Симбионтов связывают друг с другом исключительно цели повышения качества существования, их взаимообмен ограничивается пищей и услугами, необходимыми для выживания. Но переход к цивилизации требует, чтобы симбионты обменивались чем-то более значимым, вступали в сотрудничество на более высоком уровне и могли создать союз, который являлся бы не просто симбиотическим, но и коэволюционным.

Именно на этой стадии в Валунном городе произошло нечто такое, что подняло союз динозавров и муравьев на новую высоту.

Глава 4
Письменность

Для динозавров записи на так называемых табличках значили столь же много, как для нас — записи на бумаге. Таблички существовали двух видов: стационарные и переносные. Стационарные, именовавшиеся в обиходе «слово-холм» и «слово-камень», представляли собой действительно или холм с более-менее ровным склоном, или обрыв, или большой валун с относительно гладкой стороной, где динозавры вырезали свои огромные письмена. Переносные таблички делались из самых разных материалов, но наиболее распространенными были дерево, камень и кожа. Деревянные таблички обычно представляли собой обрубок ствола, расколотый по длине, и вот на этом плоском сколе делали запись. Поскольку динозавры не были знакомы с металлом, у них не было пил и, значит, они не умели делать доски. Чтобы раскалывать древесные стволы, они использовали массивные каменные клинья. Роль каменных табличек играли, как ясно из названия, камни — плоской формы и относительно мягкие,

чтобы на них можно было выбивать надписи. Они бывали различных форм и размеров, но даже самые мелкие не уступали величиной круглому обеденному столу наших дней. Разнообразные кожаные таблички изготавливали из шкур и писали на них красками, сделанными из растений или минералов. Частенько приходилось использовать для одной записи много шкур.

Большие толстые пальцы динозавров не могли удерживать мелкие орудия для письма и резьбы и не обладали ловкостью, которая позволяла бы делать тонкие движения. Поэтому самые мелкие их знаки были размером с футбольный мяч. Так что таблички поневоле приходилось делать или выбирать очень большие, но сплошь и рядом даже на таких помещалось всего лишь по нескольку знаков.

Таблички обычно были общими для племени или селения динозавров и использовались для ведения простых записей о коллективной собственности, принадлежности к данному сообществу, рождениях, смертях, экономике производства. Племени из тысячи динозавров понадобилось бы от двадцати до тридцати больших деревьев только для того, чтобы вести реестр своих членов, а на протокол одного собрания — более

ста шкур. На изготовление табличек уходила значительная часть ресурсов, сил и времени, которыми располагали динозавры, а если племена или селения перемещались, что в эпоху, когда существование обеспечивала охота, происходило часто, транспортировка библиотек оказывалась самой трудоемкой частью переселения. По этой причине, хотя в обществе динозавров не одну тысячу лет существовал письменный язык, его культурное развитие шло мучительно медленно, а в последние несколько столетий и вовсе почти остановилось. Письменность динозавров оставалась чрезвычайно скудной. Располагая только простыми однозначными цифрами и несколькими пиктограммами, она сильно отставала от эволюции их речи. Недопустимо медленное развитие письменности стало самым большим препятствием для научного и культурного прогресса в мире динозавров, надолго задержавшим их общество в примитивном состоянии. Это был классический пример того, как неправильная форма руки может затормозить эволюцию вида.

В Валунном городе насчитывалось около сотни писцов, и одним из них был Кунда. В мире динозавров работа писца представляла собой нечто среднее между работой наших машинисток и

печатников. Их главной обязанностью было копирование табличек вручную. Сейчас перед Кундой и еще двадцатью писцами громоздилась гора табличек — они делали копию реестра жителей Валунного города для сохранности. Большая часть реестра была записана на деревянных табличках. Сотни расщепленных древесных стволов были сложены в штабеля размером с холм, отчего рабочее место Кунды походило на наш современный лесосклад.

Кунда, зажав в левой лапе тупой каменный нож, а в правой — большой каменный молот, копировал пиктограммы с деревянной таблички длиной почти десять метров на две новые, покороче. Он занимался этой скучной, изматывающей работой целыми днями, но казалось, что стопка пустых колод перед ним ничуть не уменьшается. Отбросив каменные орудия, он потер усталые глаза, прислонился спиной к стопке табличек и тяжело вздохнул, испытывая глубокую подавленность из-за своей скучной жизни.

И тут на земле прямо перед ним появилась колонна из примерно тысячи муравьев; вероятно, они возвращались с операции. Вдруг Кунде пришла в голову неожиданная идея. Он встал, достал две полоски вяленого мяса светящейся ящерицы

и помахал ими перед колонной. Такие ящерицы действительно испускали по ночам флуоресцентный свет, и муравьи очень любили их мясо.

Когда отряд подошел к динозавру, тот указал на табличку, которую копировал, затем на новую, где успел вырезать всего два с половиной символа, и показал жестами, чего хочет. Муравьи поняли его сразу. Они заползли на гладкую белую поверхность деревянной таблички и начали жвалами выгрызать на дереве значки. Кунда, исполнившись самодовольного удовлетворения, снова откинулся на стопку табличек. Он понимал, что для выполнения задачи муравьям потребуется гораздо больше времени, чем ему, но терпения и упорства у них больше, чем у любого другого существа. Рано или поздно они сделают то, что нужно, а он тем временем сможет ненадолго расслабиться.

Кунда задремал. Во сне он видел себя командиром могучей армии из миллиона с лишним муравьев и воодушевленно наблюдал за их деятельностью. Армия захлестнула черным приливом сотни чистых табличек, но вскоре волна муравьев отступила. Таблички снова стали белыми, и теперь на каждой была вырезана строка аккуратных, упорядоченных символов…

Тут что-то защекотало ему лодыжку. Он вскинулся и увидел, что несколько муравьев кусают его левую лодыжку. Именно так они чаще всего привлекали к себе внимание динозавров. Видя, что он проснулся, муравьи, собравшиеся на его лодыжке, замахали усиками, указывая на планшет и давая понять, что работа выполнена. Кунда посмотрел на солнце и понял, что прошло очень мало времени. Затем он перевел взгляд на таблицу и чуть не лопнул от бешенства. Муравьи закончили наполовину написанный им знак совершенно правильно, в натуральном размере, а вот прочий вырезанный ими текст оказался во много раз мельче и казался тоненьким хвостиком при трех больших знаках! Такая работа не просто никуда не годилась — эти подлецы испортили всю заготовку!

Кунда отлично знал, что муравьи — большие хитрецы, и сейчас получил очередное доказательство этого. Он схватил веник и замахнулся было им, намереваясь покарать обманщиков, но тут его взгляд — чисто случайно, опять упал на испорченную, как он решил, табличку, и в голове вспыхнуло озарение: да, значки, вырезанные муравьями, были мелкими, но вполне читаемыми для глаз динозавров. Сам Кунда и его коллеги

делали свои письмена такими крупными не для удобства чтения, а лишь потому, что никак не могли сделать их меньше. Ловкости пальцев не хватало.

И он подумал, что, может быть, муравьи, отчаянно размахивающие перед ним усиками, пытаются объяснить ему именно это.

Кунда отбросил в сторону карающий веник; гневное выражение его лица сменилось улыбкой. Он аккуратно положил полоску вяленого мяса в середину толпы муравьев и искусительно помахал второй. Вернув таким образом к себе внимание муравьев, он нагнулся над табличкой, указал на три больших значка и строчку мелких и, шевеля пальцами, попытался спросить, могут ли они вырезать значки еще мельче. Те не сразу сообразили, что он хочет от них, но все же додумались, энергично замахали усиками, выражая согласие, забрались на нетронутую часть таблички и принялись за работу. Вскоре была готова строка из значков еще меньшего размера, примерно таких же, как буквы, которыми напечатано название этой книги на титульном листе. Кунда отдал им оставшийся кусок мяса, поспешно отрубил каменным топором часть таблички с самой маленькой строкой и, зажав ее под

мышкой, радостно помчался к префекту города.

Писцы считались у динозавров низким сословием, поэтому перед лестницей громадного каменного особняка, где размещалась приемная префекта и другие службы, его остановили стражники. Кунда, не вступая в объяснения, поднял перед собой обрезок деревянной таблички. Как только крупные, могучие динозавры-стражники присмотрелись к ноше Кунды, удивление на их лицах сменилось благоговейным восторгом, как будто им преподнесли священную реликвию. Налюбовавшись, они вновь перевели взгляды на Кунду, но теперь с таким видом, будто перед ними стоял великий мудрец, и без лишних слов пропустили его.

— Что это у тебя? Зубочистка? — осведомился префект, увидев Кунду.

— Нет, ваше префектство, это табличка.

— Шутить изволишь? На этой, с позволения сказать, табличке и ползнака не уместится!

— Однако на ней больше тридцати знаков. Можете убедиться сами. — Кунда протянул префекту дощечку.

Тот воззрился на нее с тем же благоговением, что и стражники.

— Думаю, что ты сделал это не сам, — сказал он

Кунде после продолжительной паузы.

— Конечно нет, ваше префектство. Это муравьи!

Крохотная табличка пошла из лап в лапы по кругу муниципальных чиновников. Точно так же мы могли бы разглядывать, скажем, диковинную костяную фигурку. И между динозаврами, составлявшими правящий слой Валунного города, вспыхнуло оживленное обсуждение.

— Такие маленькие значки… Потрясающе!

— И притом прекрасно читаемые!

— Очень много наших предшественников пытались научиться писать вот так — мелко и аккуратно, — но ни у кого пока не получалось.

— Да, эти мелкие козявки обладают очень, очень полезными способностями.

— Давно пора было бы догадаться, что муравьев можно использовать не только в медицинских целях!

— Только представьте себе, сколько материалов мы сэкономим!

— Да! А как просто будет перемещать записи! Посудите сами: я ведь смогу в одиночку унести весь реестр городского населения! А прежде для этого требовалась сотня носильщиков!

— По-моему, никто не обратил внимания на

еще один аспект: теперь мы сможем использовать для записей другие материалы!

— Совершенно верно! Обойдемся без древесных стволов: пластины коры легче и удобнее для переноски.

— Да, кора и шкуры мелких ящеров будут обходиться гораздо дешевле.

Префект прервал гам энергичным взмахом лапы.

— Что ж, теперь муравьи будут вести для нас записи! Начнем мы с того, что соберем для этого дела армию, порядка миллиона. — Он ненадолго задумался, обвел взглядом помещение и в конце концов ткнул когтем в сторону Кунды. — А заниматься этим будешь *ты*!

Таким образом сбылось сновидение Кунды, а Валунный город, да и весь мир динозавров, стал тратить гораздо меньше древесины, камня и шкур. Но на фоне действительного влияния, которое оказало это событие на ход истории цивилизации мелового периода, экономия была мелочью.

Итак, динозавры при помощи муравьев научились делать записи мелким шрифтом и фиксировать огромные объемы информации. К тому же алфавит делался все сложнее и богаче. У

динозавров появилась возможность полно и систематически сохранять все имеющиеся знания и опыт, используя письменные слова и математические уравнения. Более того, в письменном виде эту информацию можно было широко распространять, тогда как прежде ее необходимо было хранить в памяти и передавать из уст в уста. Это замечательное достижение дало новый импульс науке и культуре мелового периода, прервав ее продолжительный застой и положив начало головокружительному развитию цивилизации.

Между тем новые приложения для мелкой моторики, несравненно развитой у муравьев ввиду их очень малых размеров, обнаруживались во всех концах мира динозавров. Взять, к примеру, технологию измерения времени. Солнечные часы динозавры изобрели невесть когда, но поскольку в качестве гномона они использовали большой ствол дерева и рисовали вокруг него грубые часовые линии, смотреть время можно было только там, где часы находились. Благодаря использованию мастерства муравьев солнечные часы удалось сделать меньше, а часовые линии — точнее, что позволило динозаврам носить их с собой. Позже динозавры изобрели песочные часы и водяные часы, и хотя они могли

сами изготавливать сосуды — основную часть этих устройств, — только муравьи были в состоянии просверлить отверстия, через которые пересыпалось содержимое сосудов. А уж производство механических часов без муравьиного труда вообще было бы невозможно — ведь даже в «дедушкиных часах» высотой с динозавра содержалось множество мелких деталей, которые могли изготовить только муравьи.

Однако наиболее значимым вкладом помимо письменности, который муравьи своими умениями и навыками внесли, в развитие цивилизации, стали научные эксперименты. Благодаря способности муравьев к тонкой работе теперь удавалось проводить точные измерения, прежде недоступные для динозавров, что позволило им перейти от качественных научных экспериментов к количественным. Экспериментальные исследования, которые когда-то считались невозможными, стали реальностью, и это привело науку мелового периода к быстрым успехам.

Муравьи стали практически неотъемлемой частью мира динозавров. Среди динозаврьей знати распространилась повальная мода всегда носить с собой миниатюрные муравьиные гнезда. Как правило, это были деревянные шары, где обитали

несколько сотен муравьев. Если динозавру требовалось что-то написать, следовало расстелить на столе пласт коры или кусок пергамента из чьей-то шкуры и положить рядом муравьиное гнездо. Муравьи выбегали наружу и принимались выгрызать буквы, которые диктовал динозавр. Муравьи писали совсем не так, как делаем это мы — они разбивались на мелкие группы и гравировали сразу много знаков, отчего их скорость написания многократно превосходила нашу. Естественно, карманные муравейники, вернее их обитатели, помогали выполнять очень много других дел, где требовались тонкие действия.

Что касается муравьев, то они получали от динозавров гораздо больше, чем прежние кости и куски мяса. Новое сложившееся партнерство дало муравьиному миру то, чего у них никогда прежде не было — письменный язык. Впрочем, муравьи не скоро постигли эту концепцию и оставались без письменности еще долго после того, как стали делать записи для динозавров, ограничиваясь простым копированием знаков, нанесенных динозаврами на большие таблицы, на маленькие и в меньшем размере. Их производительность была невысока, поскольку они могли копировать значки лишь последовательно

и по одному. Но динозаврам позарез требовались муравьи, которые могли бы писать под диктовку, как секретари, а муравьи, осознавшие значение письменного языка для общества, жадно стремились учиться. Благодаря дружным усилиям обеих сторон муравьи быстро освоили алфавит динозавров и позаимствовали его для собственного использования.

Для цивилизации мелового периода главное значение появления у муравьев письменного языка, созданного прежде динозаврами, заключалось в том, что он стал мостом между столь непохожими мирами. Муравьи со временем научились понимать речь динозавров, а вот последние никак не могли понять язык муравьев, основанный на феромонах, — этого не позволяла их физиология. Поэтому между двумя мирами происходили только простые обмены. Но после того, как муравьи овладели письменным языком, ситуация кардинально изменилась: муравьи теперь могли общаться с динозаврами посредством письменности. Чтобы облегчить это общение, они изобрели поразительный метод. Тысячи муравьев собирались на ровной, желательно прямоугольной площадке и выстраивались группами, образующими знаки и строки текста. Эта

техника парадно-строевой композиции совершенствовалась с каждым днем. В конце концов муравьи наловчились настолько плавно переходить от одного построения-записки к другой, что смена строя-текста происходила практически незаметно, как на экране компьютера.

По мере развития общения между двумя мирами муравьи перенимали у динозавров все больше знаний и идей, и новые научные и культурные достижения стремительно распространялись в муравьином мире. Вот так был преодолен основной недостаток общества муравьев — слабость творческого мышления, — и их цивилизация вступила в эпоху быстрого развития. У динозавров и муравьев в их союзе были весьма несхожие роли: муравьи заменяли динозаврам ловкие пальцы, а те, в свою очередь, генерировали идеи для обоих народов. Сплав этих взаимодополняющих коллективных разумов на завершающем этапе мелового периода в конце концов породил впечатляющую ядерную реакцию. В сердце Гондваны взошло солнце цивилизации, разогнавшее продолжительную ночь эволюционной истории жизни на Земле.

Глава 5
Эпоха парового двигателя

Время шло своим чередом. Минула тысяча лет. Муравьи и динозавры создавали обширные империи, а вся Меловая цивилизация перешла на качественно новый этап. В мире динозавров началась эпоха парового двигателя. Ящеры добывали самые разнообразные минералы, выплавляли и использовали многие металлы. Им не удалось приручить электричество — зато они создавали большие сложные машины, приводимые в действие энергией пара. Они построили в разных концах континента множество крупных городов, связанных между собой сетью широколейных железных дорог. Поезда, катавшиеся по этим путям, состояли из вагонов размером с наши пяти-шестиэтажные дома, и таскали их столь же громадные паровозы. Они сотрясали землю далеко в стороны от своего пути и испускали клубы пара, сливавшиеся с облаками на горизонте. Динозавры пользовались высотными воздушными шарами, покрывавшими тенью целые города, над которыми проплывали. Все

океаны Земли бороздили построенные ими большие суда, приводимые в движение паровыми машинами или огромными парусами. Целые флотилии этих кораблей, похожие на плавучие горные хребты, несли гондванских динозавров и муравьев на другие континенты, распространяя модель цивилизации, базирующуюся на союзе этих столь несхожих видов, по всему позднемеловому миру.

По меркам самих муравьев, их империя была невообразимо громадна. Они давно уже не строили подземные муравейники, их города были разбросаны по всем континентам, как звезды по небу. Нам трудно осознать громадные размеры цивилизации динозавров, но столь же непросто поддается осмыслению микроскопичность и хрупкость цивилизации муравьев. Как правило, город муравьев занимал площадь с футбольное поле, но, изучив его через увеличительное стекло, можно было бы поразиться его сложности и размаху — в соответствующем масштабе, естественно. Дома, построенные муравьями, имели метр-два высоты и чрезвычайно запутанную планировку — настоящие трехмерные лабиринты. Поезда у них были не крупнее наших самых маленьких искусственных автомобильчиков, а

грузовые воздушные шары, увлекаемые самым легким ветерком, походили на мыльные пузыри. Этим транспортным средствам были доступны только короткие расстояния. Если муравей решал отправиться куда-нибудь далеко, необходимо было использовать для этого поезда, корабли и воздушные шары динозавров.

Между мирами динозавров и муравьев сложились тесные обоюдно выгодные взаимоотношения. В один прекрасный день динозавры изобрели технологию печати, позволявшую с помощью машин быстро воспроизводить на бумаге объемные тексты, а заодно и пишущие машинки, клавиши которых были размером с наши компьютерные экраны — под размер их пальцев. Но, хотя в этом деле динозавры теперь обходились без помощи, в других областях способности муравьев к тонкой работе стали еще важнее. Да что говорить: даже печатные прессы и пишущие машинки никак нельзя было сделать без множества деталей, требовавших при изготовлении большой точности, доступной только муравьям. С появлением в мире динозавров настоящей, полномасштабной промышленности спрос на тончайшую работу многократно увеличился. Изготовление клапанов и манометров для паровых

машин, компасов океанских лайнеров и тому подобное требовало участия искусников-муравьев. А уж медицина, с которой начался союз этих двух видов, практически полностью принадлежала муравьям, поскольку динозавры с их лапищами просто не в состоянии были научиться оперировать себе подобных.

Да, динозавры и муравьи полагались и опирались друг на друга, но при этом сохраняли независимость в собственных делах, что приводило к появлению все новых и более сложных экономических взаимоотношений. В мире имели хождение два вида бумажных денег: купюры размером с японскую циновку татами[2], которые использовали, естественно, динозавры, и крохотные прямоугольнички муравьев. Эти деньги были равноценными и обменивались один к одному.

В первом тысячелетии Меловой цивилизации отношения между мирами муравьев и динозавров были гармоничными и — в общем — обходились без трений. Эта гармония обеспечивалась в первую очередь взаимозависимостью и четким пониманием того, что распад союза повлечет за

[2] Примечания: 2

Традиционная японская циновка татами имеет два строго определенных размера: 95,5х191 см или 88х176 см.

собой пагубный кризис у обеих сторон. Второй причиной было крайне низкое потребление ресурсов обществом муравьев. Они занимали мало места, их материальные потребности было легко удовлетворить. Большая часть территории Формиканской империи пересекалась с Заурианской территорией, но не накладывалась на нее, что позволяло динозаврам и муравьям сосуществовать, не вступая в заметную конкуренцию.

Однако резкие различия в физиологии и социальных структурах этих видов неизбежно проявились в форме непреодолимой культурной пропасти между двумя цивилизациями. Из-за этого миры муравьев и динозавров так и не стали по-настоящему единым целым: по мере развития цивилизации межкультурный конфликт между ними становился неизбежным.

С ростом интеллекта у обеих рас стало развиваться осознание необъятности космоса, но научные методы изучения основополагающих законов вселенной все еще находились в зачаточном состоянии. Наука не давала немедленных и внятных ответов на вопросы, поэтому в обоих мирах родилась религия, развившаяся до пламенного фанатизма. Когда различия между муравьями и динозаврами нашли выражение в

религии, латентный кризис начал переходить в открытое состояние и над цивилизацией мелового периода сгустились темные тучи.

В Валунном городе ежегодно проходила встреча правителей динозавров и муравьев. Суверены Заурианской и Формиканской империй обсуждали главные проблемы, стоявшие перед их мирами. Столицами государств все также были Валунный город и Костяная цитадель. На фоне величественного города гигантов-динозавров Костяная цитадель походила разве что на почтовую марку, скромно прилепленную на угол большого конверта, но статус обеих столиц неизменно оставался равным. Так что, когда Лассини, правительница Формиканской империи, прибыла в высоченный и просторный дворец императора зауроподов, ее встретили с величайшим почетом. Знатные и тем более верховные представители муравьев всегда являлись к динозаврам в сопровождении отряда солдат, именуемого разговорным корпусом. Его обязанности, как видно из названия, заключались в переводе в текстовый вид феромонных речей представителя муравьев. Численность корпуса зависела от ранга визитера; муравьиную королеву сопровождал самый большой эскорт — сто тысяч солдат.

Под звуки фанфар почетного караула динозавров стотысячная фаланга проследовала за королевой в зал. Черный квадрат площадью два метра медленно двигался по гладкому и блестящему, как зеркало, полу и остановился перед императором динозавров, вышедшим вперед, чтобы приветствовать королеву.

Император Урус заговорил первым.

— Хе-хе… Королева Лассини, это ведь вы шествуете перед фронтом этого черного квадрата? Как же долго мы не виделись? Год? — Урус нагнулся, долго смотрел на пол перед разговорным корпусом, потом покачал головой. — Помнится, в нашу прошлую встречу я видел вас, а вот сейчас никак не рассмотрю! Увы, старею, и зрение уже не то, что прежде.

Черный квадрат распался и стремительно образовал несколько строчек крупных букв: «Вероятно, дело в цвете пола. Будь он из белого мрамора, вы отлично видели бы меня. Ее императорское величество Лассини, правительница Формиканской империи, выражает наилучшие пожелания его императорскому величеству Урусу».

Урус улыбнулся и кивнул:

— Хе-хе… И мои наилучшие пожелания вашему

императорскому величеству. Полагаю, посол уведомил вас о том, какие вопросы мы хотели бы сегодня обсудить.

Глядя на возвышающуюся перед нею громаду динозавра, королева Лассини шевельнула усиками и высказала ответ в форме феромонов. Уловив химический сигнал, старшие командиры немедленно передали его своим подчиненным, стоявшим позади. Дисциплинированные солдаты двигались стремительно и четко, как детали хорошо отлаженного и смазанного механизма; в мгновение ока химическая реплика королевы выразилась в буквах: «Цель встречи — урегулировать религиозный диспут между нашими мирами. Эта проблема терзает нас с времени царствования вашего предшественника и теперь стала причиной худшего из кризисов, когда-либо затрагивавших союз муравьев и динозавров. Ваше величество, несомненно, понимает, что из-за него Земля стоит на грани катастрофы».

Урус снова кивнул:

— Совершенно верно, ваше величество. Я, со своей стороны, не сомневаюсь, что вы полностью сознаете, насколько трудно найти выход из этого кризиса. С чего вы предлагаете начать?

Королева на мгновение задумалась, а потом

разговорный корпус с быстротой молнии перестроился на мраморном полу: «Предлагаю начать с того пункта, по которому мы с вами согласны».

— Отлично. Динозавры и муравьи согласны в том, что этот мир может иметь только одного бога.

«Совершенно верно».

Правители немного помолчали.

— Нужно договориться о том, как выглядит бог, — сказал Урус. — Мы спорили об этом тысячу раз, но придется опять вернуться к вопросу.

— Да, в этом суть конфликта и всего кризиса, — согласилась Лассини.

— Не может быть сомнений, что бог имеет облик динозавра, — сказал император динозавров. — Мы видим бога очами нашей веры, и в его образе воплощены все динозавры.

— Не может быть сомнений, что бог подобен муравью, — возразила муравьиная королева. — Мы также видим бога очами нашей веры, и в его образе воплощены все муравьи.

Урус улыбнулся и покачал головой:

— Королева Лассини, будь у вас хоть капля здравого смысла, мы разрешили бы проблему в один миг и без всякого труда. Неужели вы всерьез считаете, будто бог может быть такой козявкой,

не больше пылинки, как вы? Да разве смог бы крохотный бог создать огромный мир, в котором мы с вами обитаем?

— Величина — это еще не сила, — не согласилась Лассини. — Рядом с горными хребтами и океанами вы, динозавры, тоже не больше пылинки.

— Но мы обладаем творческими способностями, чего нет у вас, — сказал Урус. — А общество муравьев сложно сконструированная отлаженная машина, в которой любой муравей всего лишь крошечный винтик.

— Одними мыслями мир не создать. Подумайте сами: без наших умений чуть ли не все изобретения динозавров так и остались бы мечтами. Сотворение мира, несомненно, представляло собой чрезвычайно точно рассчитанное и скрупулезно осуществленное мероприятие. Его мог выполнить только бог-муравей.

Урус расхохотался.

— Что меня сильнее всего раздражает в вас, муравьях, это ущербное воображение. Похоже, ваши крохотные мозги годятся только для простейших арифметических действий. Вы и впрямь лишь крошечные винтики в машине! — Он нагнулся к самому полу и прошептал стоявшей перед ним

муравьиной королеве: — Я вам все объясню. Когда бог создавал мир, ему вообще не нужно было ничего делать. Он просто придал форму своим мыслям и — фу-ух! — эти мысли превратились в мир. Ха-ха-ха!

Он выпрямился и вновь зашелся в хохоте.

— Ваше величество, я пришла сюда не для того, чтобы спорить с вами о метафизике. Нам следует разрешить чрезмерно затянувшееся противоречие между нашими мирами.

Урус воздел когтистые лапы и воскликнул:

— Ну вот, мы с вами согласны еще в одном вопросе! Несомненно, мы должны раз и навсегда покончить с этим противоречием! Ваше величество, прошу вас, предложите свое решение.

Лассини ответила без малейшей заминки. И, чтобы подчеркнуть решительность ее заявления, солдаты разговорного корпуса обвели надпись ровной, как по линейке начерченной рамкой: «Заурианской империи надлежит немедленно разрушить все храмы, посвященные богу-динозавру».

Урсус и его министры озадаченно переглянулись, а потом дружно закатились хохотом.

— Ха-ха-ха! Такие мелкие козявки, а как громко сказано!

Лассини твердо продолжала:

— Муравьи приостанавливают все работы и поголовно покидают города динозавров. Мы не вернемся до тех пор, пока все храмы не будут разрушены в соответствии с нашим требованием.

— Я, со своей стороны, объявляю вам ультиматум Заурианской империи: Формиканская империя должна до конца недели разрушить все храмы, посвященные богу-муравью. По истечении этого срока имперская армия растопчет и сровняет с землей каждый муравьиный город, в котором останется храм бога-муравья, — провозгласил Урус.

— Это объявление войны? — спокойно спросила Лассини.

— Надеюсь, до этого не дойдет. Ведь для войск динозавров будет позором воевать с такой мелочью.

Муравьиная королева молча повернулась и направилась к выходу. Каре сопровождавших ее солдат расступалось перед нею и вновь смыкалось, пропустив повелительницу.

И тут же динозавры беспокойно встрепенулись. Обитатели карманных муравейников, висевших у них на поясах или лежавших на столах, покидали свои жилища и спешили присоединиться к

строю, покидавшему дворец.

Печатная промышленность у динозавров давно была механизирована, но в быту очень многие из них все еще пользовались услугами муравьев для записи под диктовку. И почти все носили с собой маленькие муравейники-брелоки, как мы носим авторучки. Муравейники эти различались формой и размером и, случалось, представляли собой истинные произведения искусства. Динозавры считали их чуть ли не обязательным личным украшением и вдобавок индикатором богатства и общественного положения. Но муравьи, жившие в этих брелоках, не являлись личной собственностью динозавров. Те нанимали их в Формиканской империи, и сейчас муравьи немедленно откликнулись на призыв своей королевы. Сбегая по ножкам столов и по ногам динозавров, они вливались в уходившую фалангу.

— Вот те на! Как я буду составлять документы и готовить обзоры, если все они уйдут? — воскликнул один из министров-динозавров.

Урус махнул когтистой лапой.

— Они скоро вернутся и вновь примутся за работу, — уверенно сказал он. — Муравьиный мир без нас не выживет. Пф-ф-ф! Мы покажем этой

мелочи, на чьей стороне бог и его силы.

Уже возле самой двери Лассини остановилась, повернулась, что-то сказала по-своему, и муравьи стремительно выстроились в строку текста: «Именно это Формиканская империя непременно покажет *вам*».

Глава 6
Оружие муравьев

Королева собрала в императорском дворце Костяной цитадели высший совет и проинформировала его о том, как прошли и чем закончились переговоры с правителем динозавров.

— Что? Мы будем воевать с динозаврами? Но ведь это же безумие! Они так велики, а мы так малы! — воскликнула министр-муравей.

— Империя прошла долгий путь. Только идиот может считать размер главным показателем силы! — заявила маршал Долира, главнокомандующая армией империи, и повернулась к королеве. — Будьте уверены, ваше величество: у армии хватит сил, чтобы справиться с этими неуклюжими громилами!

— Слова — это всего лишь слова, — сказала министр маршалу. — Я знаю, что вы лично вели армию в невесть сколько сражений и плавали на кораблях динозавров, чтобы воевать на других континентах. Но ведь все это были лишь стычки с нецивилизованными муравьиными племенами. Простите, но я сомневаюсь, что, если придется

сражаться с животными, во много раз превосходящими нас размерами, любая из ваших дивизий сможет одолеть хотя бы ящерицу.

Королева склонила усики к маршалу:

— Да, Долира, мне нужны не пустые обещания, а детально разработанные стратегия и тактика. Так что скажи мне прямо: как, по твоему мнению, следует действовать имперской армии?

— Мы тысячу лет лечили динозавров и теперь до мельчайших подробностей знаем их анатомию. Отряды имперской армии будут проникать в тела динозавров и поражать их жизненно важные органы. В войне такого рода наши малые размеры — большое преимущество.

— И как вы намерены проникать в них? — спросила другая министр. — Когда они будут спать?

Маршал отрицательно помахала усиками:

— Нет, чтобы иметь моральное превосходство, мы не должны первыми начинать военные действия. Атаковать динозавров мы будем прямо на поле боя.

— Легко сказать, а как будет на деле? На поле боя динозавры будут начеку и к тому же бегать и скакать. Смогут ваши солдаты в таких условиях забраться в них? Даже если они будут стоять смирно и позволят зацепиться за ступню, сколько

времени потребуется, чтобы добраться до носа или рта? Пока ваша армия будет идти к цели, они превратят нашу столицу в глубокую яму!

Вместо того чтобы ответить по существу, маршал обвела взглядом всех участниц высшего совета и сказала:

— Дорогие подруги, наша прозорливая королева Лассини давно предвидела разрыв союза муравьев и динозавров. Еще на заре своего царствования она приказала готовить имперскую армию к войне. Мы провели серьезные исследования, разработали новое оружие и тактические методы для борьбы против динозавров. Давайте выйдем наружу, и мы покажем вам два самых многообещающих вида оружия.

Высший совет в полном составе отправился на плац, раскинувшийся позади дворца. Две дюжины солдат вытащили туда странное сооружение: маленькую — для всех, кроме муравьев, — рогатку, прочно прикрепленную к длинному лафету. Солдаты туго растянули эластичную ленту, в середине которой находился объемный карман, и зафиксировали ее крюком на механизме, расположенном на дальнем конце лафета. Затем они забрались в карман и, крепко вцепившись друг в дружку, образовали черное ядро, еще один солдат

нажал рычажок, растянутая лента освободилась и, громко чавкнув, выбросила черное ядро метров на двадцать вперед и вверх. Достигнув верхней точки полета, ядро распалось, и две дюжины муравьев плавно полетели порознь, сверкая на солнце гладкими черными телами.

— Это оружие — Формиканская катапульта, и это ответ на первый вопрос из заданных, — объяснила маршал Долира.

— Пф-ф-ф… По мне, это больше похоже на бесполезную акробатику, — пренебрежительно бросила одна из министров.

— Стратегический принцип имперской армии — наступление, — сказала другая министр. — Прежде вы сами утверждали, что основная, даже единственная оперативная задача — атака, атака, атака. А теперь, похоже, вы сменили девиз на «оборона, оборона, оборона».

— Нет, стратегическая доктрина имперской армии остается наступательной, — ответила маршал.

— Но каким образом? Даже если такие штуки, что вы сейчас показали, будут действовать, мы определенно не сможем потащить их на штурм Валунного города. Им придется стоять здесь и ждать нападения динозавров на нашу столицу.

— Совершенно верно. Сейчас вы увидите оружие, которое мы сможем использовать для штурма городов динозавров. — Маршал взмахнула усиками.

Несколько солдат подтащили и сложили чуть поодаль желтые комочки, похожие на рисовые зерна. Один из солдат развернулся и брызнул каплю муравьиной кислоты на зернышко. Через минуту оно вспыхнуло ярким белым пламенем, которое полыхало секунд десять.

— Это оружие называется зерно-мина. Оно представляет собой зажигательный заряд с часовым устройством, которое активируется муравьиной кислотой. Задержка воспламенения может составлять от нескольких секунд до нескольких часов. Как только муравьиная кислота проест оболочку, мина загорится и температуры огня хватит, чтобы воспламенить любой находящийся вблизи горючий материал.

Чиновники недоверчиво покачивали усиками.

— Это же детские игрушки! — воскликнула одна из министров. — Даже если такая штука вспыхнет прямо на голове императора динозавров, он пострадает не больше чем от случайного ожога сигаретой! А вы утверждаете, что она сможет разрушить Валунный город?!

— Скоро сами увидите, на что способна эта штука! — уверенно заявила маршал.

Глава 7
Первая динозавро-муравьиная война

Ночью прошел сильный ливень, но к утру тучи разошлись, и оно выдалось ясным и солнечным. На небе не осталось ни облачка, воздух был свеж. В свете восходящего солнца все виделось очень четко, как будто природа тщательно подготовила сцену для битвы, которая должна была решить судьбу цивилизации мелового периода.

Битва развернулась на обширной равнине между Валунным городом и Костяной цитаделью. С поля боя обе столицы можно было лишь с трудом разглядеть вдали. Две тысячи воинов-динозавров построились фалангой лицом к Костяной цитадели. Муравьям, оставшимся в столице, они казались невероятно высокой стеной, неожиданно выросшей на горизонте. В отличие от прошлых сражений с себе подобными, динозавры не стали надевать доспехов и даже не взяли оружия. Им объяснили, что нужно будет всего-навсего, сохраняя строй, пройти маршем по Костяной цитадели. Десять миллионов муравьев,

выступивших против динозавров, выстроились в несколько сотен каре, покрывших землю черными коврами.

Тишину нарушил тираннозавр, возглавлявший войско динозавров, генерал-майор Икста. Его голос раскатился над равниной, как близкий гром.

— Жалкие букашки! До срока императорского ультиматума осталось десять минут. Если вы пообещаете немедленно вернуться в Костяную цитадель, разрушить ваши еретические капища, а затем возобновить работу в Валунном городе, я дам вам дополнительное время. Если же нет, имперская армия начнет наступление! Взгляните на стоящих перед вами солдат: их две тысячи, и это всего лишь тысячная часть нашего непобедимого войска, но ее вполне хватит, чтобы уничтожить столицу Формиканской империи! Да наши дети строят из чурбачков игрушечные города куда больше, чем ваша так называемая цитадель! На нее даже воинам идти не обязательно — достаточно позвать малышей, они пописают, и ее смоет начисто! Ха-ха-ха!

Над полем предстоящей битвы вновь воцарилась тишина. Солнце мелового периода поднималось все выше, и десять минут вскоре истекли.

— В атаку! — скомандовал генерал Икста, и

фаланга динозавров двинулась вперед. Дружная поступь двух тысяч динозавров сотрясала землю и волновала воду в лужицах, оставшихся после дождя. Армия муравьев не двигалась с места.

— Королева Лассини и маршал Долира! Не знаю, где вы находитесь, да и знать не хочу, но, если вы не прикажете вашей мелочи убраться с дороги, мы растопчем всех вас в грязь! Ха-ха-ха! — прогремел Икста, обращаясь к неподвижным черным каре муравьев.

В тот же миг Икста увидел, как по рядам муравьев пробежала странная рябь и, присмотревшись, разглядел, что черные одеяла, застилавшие землю, ощетинились бесчисленным множеством непонятных сооружений, словно сквозь них внезапно проросла короткая трава. Это была вовсе не трава, а сто тысяч Формиканских катапульт, но Икста, естественно, не имел никакого понятия о том, что это и для чего. В его мыслях мелькнула тень сомнения, но фаланга динозавров продолжала размеренное движение.

В следующий миг с армией муравьев приключилось еще одно неожиданное изменение: черные полотнища, устилавшие землю, вдруг рассыпались и превратились во множество шариков. Икста поневоле вспомнил о поразительной

четкости движений муравьев из разговорного корпуса и даже подумал, что миллионы муравьев решили сказать что-то своим противникам, но в боевых порядках муравьев не последовало дальнейших изменений.

Фаланга динозавров неуклонно наступала, и вот уже до муравьиного фронта осталось каких-то десять метров. С такого расстояния Икста уже смог вполне ясно разглядеть катапульты. То, что он принял издали за странную траву, оказалось миниатюрными рогатками с туго натянутыми резинками и карманами, которые отряды муравьев чем-то заряжали! Затем раздались чуть слышные нежные звуки вроде стрекотания, с каким капли дождя падают на поверхность воды, и в воздух взлетела сотня тысяч ядер, состоявших из муравьев. Земля перед Икстой вновь обрела свой природный цвет, а крохотные ядрышки взлетали над первыми рядами наступающей фаланги и рассыпались. Оказалось, что каждое состояло из нескольких десятков муравьев, которые теперь падали вниз. Воздух вокруг динозавров оказался так густо насыщен муравьями, что стало невозможно даже дышать без риска вдохнуть несколько штук. Ящеры принялись отмахиваться, хлопать себя по головам и бокам,

и фаланга сразу пришла в расстройство.

Иксте удалось смахнуть часть муравьев, осыпавших его голову и плечи, но многие благополучно скрылись в складках грубой шкуры генерала. Пока когтистые лапищи отряхивали и скребли туловище, несколько муравьев-солдат пересекали его лоб, направляясь к глазам. Для них это было все равно что одолеть пустынное плато, пересеченное холмами и оврагами. К тому же плато непрерывно раскачивалось, так что муравьям приходилось тщательно цепляться за почву, чтобы не упасть. Когда же они добрались до края надбровной дуги, им открылось головокружительное зрелище.

Представьте себе, что вы стоите на вершине горы Тай[3], а она шествует куда-то на паре мощных ног. Что еще кошмарнее, подняв голову, вы увидите вокруг еще добрую тысячу таких же шагающих гор!

А прямо перед собой муравьи-десантники обнаружили правый глаз динозавра. Для них он походил на замерзший круглый пруд, слабо изогнутая поверхность которого не лежала горизонтально, как следовало бы воде, а довольно

[3] Примечания: 3

Тай — самая южная из пяти священных гор Китая, находится в провинции Шаньдун.

резко уходила вниз. Трое десантников осторожно двинулись по гладкой мембране. Третье веко динозавра было настолько скользким, что из-за малейшей неосторожности можно было бы сорваться и упасть. Отступив от края, муравьи принялись терзать влажный лед мощными хелицерами. Из глаза потекли слезы, покатившиеся по замерзшему пруду, словно прибывающая вода, и трех муравьев смыло с века.

Пока Икста протирал глаз, еще трое муравьев шмыгнули ему в ноздри. Преодолевая воющие ураганы, они ловко пробирались через волнующийся лес носовых волосков, умудряясь при этом не вызвать у великана чихания. Из носовой полости они проворно пробрались к тыльной стороне глазного яблока — этот путь был хорошо им знаком по множеству проведенных хирургических операций. Оттуда муравьи направились к мозгу по полупрозрачному зрительному нерву. Время от времени им преграждали дорогу тонкие мембраны, но они попросту прогрызали в них дырки и перебирались на другую сторону. Дыры были настолько малы, что тираннозавр ничего не чувствовал.

Довольно скоро три муравья добрались-таки до мозга, который, словно загадочное уникальное

существо, мирно плавал в море цереброспинальной жидкости. После непродолжительных, но вдумчивых поисков они отыскали толстую артерию — главный путь снабжения мозга кровью. Через просвечивающую стенку они видели, как струился с негромким рокотом темно-красный поток. Как раз в этот момент мозг Иксты работал с повышенным напряжением, обрабатывая информацию с поля боя, поступающую по зрительным и слуховым нервам, и река крови снабжала его необходимой энергией и кислородом.

Три муравья были ассистентами нейрохирурга и невесть сколько раз бывали в подобных местах — они прочищали тромбированные кровеносные сосуды и спасли жизнь множеству динозавров. Но сейчас у них была совершенно противоположная цель. Они со знанием дела принялись грызть мощными мандибулами стенку трубы. Как только три глубоких надреза почти сомкнулись в кольцо, муравьи поспешно удалились тем же путем, по которому пришли. Им совершенно не хотелось видеть результат своей работы: будучи специалистами, они точно знали, что произойдет дальше. Высокое давление заставит капельки крови просачиваться сквозь порезы на стенках артерии. Потом, как стекло, ломающееся

по тонкому надрезу, сделанному алмазом, стенка лопнет, и кровь польется не столько по своей трубе, сколько из нее наружу, быстро окрашивая прозрачную цереброспинальную жидкость в алый цвет. А мозг, лишенный кровоснабжения, побледнеет и конвульсивно задергается.

Между тем Икста боролся с хаосом, воцарившимся в подчиненном ему войске, выкрикивал приказы и пытался восстановить разрушенный строй, но вдруг у него стало темнеть в глазах, и все вокруг закружилось. Муравьи, успевшие добраться до носовой полости, ощутили невесомость, а потом мощное сотрясение. Их мир несколько раз перевернулся и замер на месте — они поняли, что динозавр упал. Потом ураган, струящийся сквозь его ноздри, стих, и отдаленные редкие удары сердца прекратились. Тираннозавр Икста, командующий армией Заурианской империи, погиб на поле боя от кровоизлияния в мозг.

А следом за ним стали падать и другие динозавры. Кто-то был убит точно так же, как их командир, но еще больше погибло от разрыва коронарных артерий или паралича, вызванного повреждением спинного мозга. Муравьи проникали в тела своих врагов через уши, носы и рты. Во время попытки наступления динозавры

потеряли убитыми более трехсот солдат. Поле боя было усыпано массивными трупами и оглашалось стонами умирающих. Уцелевшие динозавры, совершенно деморализованные ужасающим, развитием событий, удирали назад быстрее собственного рыка. Но многие из них несли в своих телах муравьев-солдат, которые продолжали атаку, и поэтому то тут, то там кто-то из беглецов обрушивался наземь.

Одновременно с отражением атаки на Костяную цитадель, Формиканская империя начала другую стратегическую военную операцию. Подготовка к войне против муравьев практически не повлияла на повседневную жизнь столицы. Исход муравьев пока что не повлек за собой сколько-нибудь серьезные последствия: лишение тех услуг, которые издавна предоставляли динозаврам муравьи, воспринималось как всего лишь неудобство. Что касается самой войны, то никто из динозавров не воспринимал ее всерьез. Все были уверены, что для могучей армии Заурианской империи справиться со смешными микроскопическими букашками будет так же легко, как пошевелить когтистым пальцем. Численность отправленного войска — две тысячи динозавров! — воспринималась даже с некото-

рой неловкостью: разве требуется такая мощная сила, чтобы растоптать песочницу, смеха ради именуемую городом и столицей. Впрочем, это решение оправдывали тем, что император, несомненно, решил как следует устрашить непокорных муравьев демонстрацией силы.

В то утро день в столице империи начался как обычно. С автовокзала у восточных ворот города на улицы выехало более тысячи громадных автобусов. Меловая цивилизация той эпохи еще не дошла до переработки нефти и использования полученных фракций — и поезда, и автобусы динозавров мало отличались от локомотивов, приводились в движение огромными тяжеловесными паровыми машинами. В тот день улицы Валунного города были, как обычно, заполнены паром, сквозь который ползли в разные стороны бесчисленные автобусы размером с наши многоэтажные дома.

Этот день отличался от других тем, что во многих автобусах имелись группы необычных безбилетных пассажиров, тихонько прокравшихся туда под покровом ночи, — муравьев-солдат. В автобусе № 1, маршрут которого служил главной городской артерией, находилось больше всего безбилетников — целая дивизия из десяти ты-

сяч муравьев! Они укрывались в самых разных неожиданных местах: под дверными порогами, в ящиках с инструментами, на рессорах и в угольном бункере. Да что там говорить, в такой громадной и сложной повозке спрятать дивизию армии Формиканской империи — как нечего делать.

Автобус № 1 десять минут пыхтел в облаках пара по гулким улицам и в конце концов прибыл на первую остановку. Вместе с пассажирами-динозаврами его покинула рота из двухсот муравьев. Они попросту рассыпались из-под порога на землю. Каждый держал в жвалах по зерно-мине. Покинув автобус, муравьи проворно скрылись в трещине тротуара. Их черные блестящие тела практически не выделялись на фоне мокрого асфальта, и шедшие по улице динозавры, да еще среди постоянно клубящегося пара, просто не могли их заметить. Динозавров было много, тени от их массивных фигур то и дело погружали землю в сумрак. Время от времени кто-нибудь из них наступал и прямо на трещину, по которой шел отряд, но она была достаточно глубока, и все обходилось благополучно. В конце концов муравьи добрались до здания такой высоты, что даже верхняя половина входной двери пряталась

в облаках, роль которых играли клубы вездесущего пара. Отряд просочился через щель под дверью и оказался в доме.

Все постройки динозавров были очень высоки, а уж для муравьев каждый такой дом представлял собой целый мир, и внутри они чувствовали себя практически так же, как под открытым небом. Здание в которое они попали, служило складом, и муравьи ползли по широким ровным проходам между стеллажами со всякой всячиной. Этот мир был сумрачным, свет попадал туда только через маленькое окошко, расположенное под самым потолком. Муравьи скоро отыскали свою цель — штабель деревянных бочек. Динозавры еще не дошли до использования электричества, для освещения использовали масляные и керосиновые лампы. В бочках, возвышавшихся над отрядом муравьев, как раз содержался осветительный керосин. После быстрого поиска диверсанты обнаружили на полу маленькие влажные пятна, образовавшиеся там, где бочки чуть заметно подтекали. Туда-то они и поместили свои зерно-мины — больше сотни. Затем они дружно повернулись к минам задом и по команде лейтенанта брызнули на каждую капелькой муравьиной кислоты, которая сразу же

начала разъедать оболочку, чтобы впоследствии запустить воспламенитель. Задержка была рассчитана на шесть часов — заряды должны были вспыхнуть в два часа пополудни.

Между тем на каждой остановке любого из тысячи автобусов, курсировавших по Валунному городу, тайно высаживался отряд муравьев, сразу же направлявшийся в одну из близлежащих построек. К полудню по всем уголкам города рассредоточилось около миллиона муравьиных диверсантов — сто дивизий армии Формиканской империи, — каждый из которых заложил по мине на доступные горючие поверхности. В правительственных учреждениях, торговых лавках, школах, библиотеках и жилых домах лежали зерно-мины, готовые воспламениться в два часа пополудни.

Правитель Заурианской империи Урус еще изволил почивать, но несколько офицеров, вовремя сориентировавшихся и успевших благополучно сбежать с поля боя, подняли его с постели. Император принимал нескольких правителей из Лавразии, они пировали всю ночь, вино лилось рекой, и лег он только под утро. Услышав о гибели генерала Иксты, а с ним и доброй половины отряда заурианской имперской армии, он в первый

момент решил, что ему рассказывают небылицы, разъярился и уже собрался судить никчемных безумцев военным судом, но тут обнаружилась мелочь, открывшая ему глаза на истинный масштаб угрозы, исходящей от муравьев.

Командир дворцовой стражи, стоявший рядом с высочайшим ложем, вдруг в испуге вскрикнул и взмахнул куском материи.

— Идиот, что ты делаешь с моей наволочкой?! — взревел Урус. Сегодня, похоже, его окружали только безумцы или злоумышленники, и он намеревался покарать их самым жестоким образом.

— В-ваше… ваше величество… Я только что разглядел… Посмотрите сами… — Стражник развернул перед императором злополучную наволочку, и оказалось, что она вся испещрена ровными рядами дырочек. Это было не что иное, как письмо, оставленное муравьями, пробравшимися в императорские покои, пока тот спал. Оно гласило: «Мы можем лишить вас жизни, когда пожелаем!»

Урус некоторое время разглядывал наволочку, и его пробрал мороз. Он огляделся по сторонам, будто ожидал увидеть привидение. Другие динозавры рухнули на колени и принялись

рассматривать пол, но не увидели никаких признаков присутствия муравьев. О том, что они побывали здесь, свидетельствовала только наволочка с устрашающей надписью. Никто не мог предположить, что кроме угрозы муравьи оставили во дворце еще и тысячу своих зерно-мин. Желтые комочки, которые динозавры не могли разглядеть невооруженным глазом, были прицеплены к москитному пологу императорской кровати, ее ножкам, к дивану, ко многим предметам громоздкой деревянной мебели, спрятаны в гороподобных стопках документов… Муравьиная кислота медленно разъедала их оболочки и, как и все остальные мины, одни должны были вспыхнуть в два часа дня.

Военный министр Заурианской империи закончил тщетные поиски на полу, выпрямился во весь рост и обратился к императору:

— Ваше величество, осмелюсь напомнить, что я предостерегал вас. В войнах между разными видами большой размер, естественно, дает преимущество, но и у мелочи есть свои сильные стороны. Нам не следовало недооценивать муравьев.

Урус вздохнул:

— И что мы будем делать дальше?

— Не тревожьтесь, ваше величество. Генеральный штаб был готов к осложнениям. Обещаю вам, что имперская армия еще до исхода дня сровняет Костяную цитадель с землей!

Через три часа после разгрома первого наступления армия Заурианской империи предприняла второй штурм Костяной цитадели. Атакующие силы так же насчитывали две тысячи динозавров, и наступали таким же строем фаланги, но на сей раз на голове у каждого воина был металлический шлем.

Муравьи, оборонявшие свою столицу, прибегли к прежней тактике. Их катапульты извергли навстречу наступающим сотни тысяч муравьев, которые дождем посыпались на головы и плечи динозавров. Однако на сей раз они оказались лишены возможности беспрепятственно проникать в тела гигантов. Металлические шлемы плотно облегали головы бойцов, их забрала состояли из сплошного листа толстого стекла, вентиляционные отверстия были затянуты частой металлической сеткой, и соединения не имели зазоров. Кроме того, они надежно крепились на шеях специальными шнурами. В общем, головы были защищены очень надежно.

Главнокомандующая Долира приземлилась на

шлем одного из врагов и с отвращением посмотрела под ноги. Всего два месяца назад муравьи активно способствовали изготовлению этих шлемов. Они собственными лапами плели металлическую сетку, закрывающую вентиляционные отверстия. Динозавры уверяли, что они предназначены для пасечников и будут защищать их от пчел. А на самом деле, выходит, Заурианская империя давно уже тайно готовилась к войне.

После того как тактика воздушного налета провалилась, вторая линия обороны Формиканской армии попыталась использовать против динозавров луки и стрелы. Полтора миллиона муравьев одновременно спустили тетивы. Навстречу фаланге динозавров, как песок, несомый порывом ветра, полетела туча крохотных стрел, но это оружие не смогло причинить никакого вреда громадным солдатам противника. Стрелы отскакивали от толстой жесткой кожи динозавров и сыпались наземь.

Динозавры шествовали сквозь муравьиное войско, оставляя на земле глубокие следы, в каждом из которых корчились, умирая, тысячи раздавленных муравьев. А те, кому посчастливилось не попасть под смертоносные ступни, могли лишь бессильно провожать взглядами ги-

гантские тела, проносившиеся наверху в сторону Костяной цитадели.

Фаланга беспрепятственно достигла города, и динозавры принялись яростно пинать и топтать все, что там было. Большинство построек Костяной цитадели были динозаврам чуть выше, чем по щиколотку, и те одним пинком рушили целые кварталы. Маршал Долира и несколько солдат все еще метались по шлему тираннозавра, пытаясь найти путь к уязвимым отверстиям тела. Глядя с высоты, они видели только руины там, где только что прошли динозавры. В некоторых домах все еще горели огоньки. Отсюда муравьи видели Костяную цитадель такой, какой она представлялась динозаврам, и воистину почувствовали, сколь мал и слаб их вид.

Тираннозавр решительно шагал к башне Имперского торгового центра. Трехметровый небоскреб был самым высоким зданием всей Формиканской империи, высшим достижением ее архитектуры, но доставал чудовищу лишь до бедра. Тираннозавр присел на корточки. Муравьи, суетившиеся у него на голове, ощутили непродолжительную невесомость, а потом над горизонтом шлема динозавра показалась вершина башни. Гигант некоторое время рассматривал

ее, а потом протянул когтистую лапу, подцепил строение под фундамент и вырвал из земли. Выпрямившись, он принялся крутить ее перед глазами, как забавную игрушку. Муравьи с его головы тоже рассматривали башню. Они видели голубое небо и белые облака, отражающиеся в темно-синей глазури, покрывавшей башню, бесчисленные застекленные окна, сверкающие в солнечных лучах. Все они хорошо помнили, как в первый школьный день поднимались вереницей вслед за учительницей на вершину торгового центра, чтобы с высоты посмотреть на Костяную цитадель...

А тираннозавр крутил башню в лапах до тех пор, пока она не переломилась пополам. Он выругался и лениво, один за другим, отшвырнул обломки в сторону. Они пролетели по высокой дуге и рухнули посреди отдаленного района, разрушив при падении много других домов.

Под ногами двух тысяч динозавров, которые были настолько велики, что не помещались все вместе на территории Костяной цитадели, столица Формиканской империи за несколько минут превратилась в россыпь мелко раздробленного щебня. Над ней поднимались тучи желтой пыли. Солдаты динозавров разразились восторжен-

ными победными криками, которые, впрочем, замерли у них на губах, как только кто-то обернулся и указал в сторону Валунного города.

Над столицей Заурианской империи поднимались густые клубы черного дыма.

Урус в окружении телохранителей со всех ног бежал из дворца, где все сильнее сгущался дым, и лоб в лоб столкнулся с охваченным паникой министром внутренних дел.

— Ваше величество, это ужасно! Весь город охвачен огнем! — взвизгнул министр.

— Ну, и где твои пожарники? Пусть гасят!

— Ваше величество, я же говорю: весь город пылает. Пожарных вызвали, но они прежде всего кинулись тушить дворец.

— Кто устроил пожар? Муравьи?!

— А кто же еще? Нынче утром больше миллиона их пробралось в город.

— Ах проклятые, мерзкие твари! И как же они разжигали огонь?

— Вот этим, ваше величество. — Министр проворно открыл бумажный пакет. Урус довольно долго и пристально всматривался внутрь, но так ничего и не увидел, пока министр не подал ему увеличительное стекло. Сквозь него император рассмотрел несколько зерно-мин.

— Муниципальный патруль сегодня утром отобрал это у нескольких муравьев.

— Что это такое? Муравьиное дерьмо?

— Это нечто вроде миниатюрной зажигательной бомбы! Они активируют ее с помощью муравьиной кислоты, начало действия может быть отсрочено. Муравьи разложили больше миллиона таких штук по городу в разных огнеопасных местах, и не менее одной пятой из них разгорелось. Из этого расчета следует, что в Валунном городе сейчас полыхает двести тысяч очагов горения. Даже если попытаться созвать пожарных со всей империи, погасить такой пожар будет невозможно!

Урус, лишившись дара речи, уставился на стремящиеся к небу густые клубы черного дыма.

— Ваше величество, нам придется покинуть город. У нас просто нет иного выхода, — сказал полушепотом министр внутренних дел.

К ночи Валунный город являл собой огненное море. Пламя разлилось на половину ночного небосвода, породив над сердцем Гондваны обманную зарю. Все дороги, ведущие из города, были забиты спасающимися динозаврами и их громадными повозками, в глазах каждого динозавра отражались огонь и ужас. Император

Урус и несколько его министров долго стояли на невысоком холме и глядели на гибнущий в пламени город.

— Приказываю наземным силам империи немедленно атаковать и стереть с лица земли все муравьиные города на континенте. Немедленно отправить быстроходные суда на другие континенты, передать этот приказ всем имперским наземным воинским силам и обязать безотлагательно начать кампанию. Мы нанесем муравьиному миру удар, от которого он не сможет оправиться!

Так началась и продолжалась война между муравьями и динозаврами. Она в считаные дни охватила всю Гондвану и менее чем за месяц распространилась по всем континентам, сделавшись самой первой в истории мировой войной. Она причиняла жестокие страдания обеим сторонам. Города динозавров один за другим превращались в пепелища, а города муравьев становились гравийными площадками под тяжелыми ногами динозавров.

Муравьи не ограничивались уничтожением поселений врагов, они поджигали своими зерноминами огромные пространства полей, лугов и лесов. Погасить миллионы одновременно заго-

рающихся очагов было невозможно никакими силами. Лесные и степные пожары пылали на всех континентах, их густой дым заволакивал небо, порождая экологическое бедствие. Дым от горящих лесов, посевов и пастбищ накрыл весь мир и резко снизил яркость солнечного света, достигавшего поверхности Земли. Урожайность посевов резко снизилась, и динозавры, которым требовалось очень много пищи, начали голодать.

Муравьи не остановились на пожарах, они атаковали врагов со всех направлений. Их излюбленная тактика ударов изнутри наводила ужас на все общество динозавров. Те стали носить маски и не снимали их даже во сне, поскольку крохотные муравьи могли расхаживать по громадным домам ящеров, как им заблагорассудится.

Но и муравьи получали от динозавров серьезный урон. Почти все их города были уничтожены, пришлось вернуться к подземной жизни. Динозавры частенько находили и уничтожали их крупные поселения, кроме того, они стали широко использовать химическое оружие. Динозавры создали безвредный для себя, но смертоносный для муравьев токсин, который их не только убивал, но и резко суживал доступные

им сферы деятельности. Важным обстоятельством оказалось отсутствие у муравьев средств передвижения на дальние расстояния. Прежде они пользовались для путешествий транспортными средствами динозавров и таким образом поддерживали контакты между всеми частями Формиканской империи; теперь же война лишила их такой возможности. Удаленные области империи остались без связи с метрополией и между собой, и Формиканская империя стала распадаться.

Война влекла за собой и еще более серьезные последствия: поскольку вся Меловая цивилизация зиждилась на союзе динозавров и муравьев, его распад оказал пагубное влияние на гражданское общество обоих миров. Социальный прогресс остановился, начали проявляться признаки упадка. Само существование Меловой цивилизации повисло на волоске.

И муравьи, и динозавры вкладывали в мировой конфликт все свои силы, но ни те ни другие не могли достичь абсолютного перевеса на поле боя. Началась затяжная война на измор. Постепенно главнокомандующие обеих враждующих сторон пришли к адекватной оценке положения: в их противостоянии не будет победителей,

это закончится гибелью всей великой Меловой цивилизации. На пятом году войны противники начали переговоры о мире, центральное место в которых заняла историческая встреча императора Заурианской империи и королевы Формиканской империи.

Она состоялась среди руин Валунного города, на том самом месте, где прежде стоял императорский дворец, где проходили традиционные ежегодные встречи правителей, на последней из которых случился тот самый раздор, повлекший начало войны. После пожара от некогда величественного дворца остались только стены, сквозь многочисленные трещины в которых можно было разглядеть закопченные остовы других разрушенных домов. За минувшие пять лет здесь разрослись сорная трава и ползучие лианы, было похоже, что окружающий лес вознамерился в скором времени поглотить остатки города. Солнце то скрывалось в дыму отдаленного лесного пожара, то выглядывало, играя на развалинах дворца светом и тенями.

— Не сказать, чтобы я хорошо видел, но мне сдается, что вы — не королева Лассини, — сказал Урус, всматриваясь в стоявшую перед ним правительницу муравьев.

— Она умерла. Мы, муравьи, живем не так долго, как вы. Я тоже Лассини — вторая королева, носящая это имя, — ответила королева Формиканской империи. Она привела с собой разговорный корпус из всего лишь десяти тысяч солдат, и Урусу пришлось нагнуться, чтобы прочесть ответ.

— Я думаю, пора положить конец этой войне, — сказал император Урус.

— Полностью согласна с вами, — ответила Лассини II.

— Если войну не закончить, — продолжал Урус, — муравьи вернутся к поеданию тухлого мяса звериных трупов и будут таскать жуков в свои крохотные подземные ямки.

— Если войну не закончить, динозавры снова будут скитаться по лесам, охотиться на своих соплеменников и поедать их сырыми, — ответила Лассини II.

— В таком случае, полагаю, у вашего величества имеется предложение насчет того, как ее завершить, — сказал Урус. — Мне кажется, нам следует начать с непосредственной причины, которая ее вызвала. Многие динозавры и, наверно, муравьи, уже забыли, в чем было дело.

— Насколько помню я, разногласия возникли

по поводу образа бога — муравей он или динозавр…

— Последние годы самые выдающиеся ученые Заурианской империи усиленно изучали этот вопрос и пришли к новому выводу: бог не имеет сходства ни с муравьем, ни с динозавром. Более вероятно, что бог вообще не имеет облика, наподобие порыва ветра, солнечного луча или воздуха, окутывающего мир. Воплощения бога можно увидеть в каждой песчинке и в каждой капле воды.

— Мы, муравьи, не обладаем столь образным мышлением, как вы, динозавры, и в такие философские глубины мы проникаем лишь с большим трудом, но я склонна согласиться с этой гипотезой. Интуиция подсказывает мне, что бог и впрямь не имеет формы и муравьи склонились к недопустимому идолопоклонничеству.

— Точно так же ударилась в недопустимое идолопоклонничество и Заурианская империя. В таком случае, ваше величество, могу ли я сделать вывод, что у муравьев и динозавров — один бог?

— Вполне можете, ваше величество.

Так завершилась Первая динозавро-муравьиная война. В ней не оказалось победителя и побежденного. Уже довольно скоро восстановил-

ся разрушенный войной союз. На руинах старых городов выросли новые, и Меловая цивилизация, долго балансировавшая на краю гибели, возродилась к новой жизни.

Глава 8
Информационная эра

Незаметно прошла еще тысяча лет. Меловая цивилизация миновала Электрическую и Атомную эры. Наступила эра Информации.

Города динозавров стали намного больше, чем были в Эпоху пара, их небоскребы вздымались на десять тысяч метров, а то и выше. С крыш открывались точно такие же виды, как и с высотных летательных аппаратов, облака, казалось, обнимали землю. Когда тучи особенно сгущались, обитателям верхних этажей, где днем всегда светило солнце, приходилось звонить по телефону швейцару и спрашивать, идет ли внизу дождь и нужно ли взять зонтик, чтобы не промокнуть по дороге с работы домой. Естественно, зонтики у них были огромные, вроде наших цирков шапито.

Автомобили динозавров давно уже работали на бензине, но все равно соответствовали размерам наших многоэтажных домов и при движении тяжело сотрясали землю. На смену дирижаблям пришли самолеты размером с наши океанские

лайнеры. Звуки, которые сопровождали их полет, походили на непрерывную близкую грозу; по земле бежали громадные тени, как от туч. Динозавры даже вышли в ближний космос: вокруг земли вращались по геостационарным орбитам их спутники и космические корабли. Как и все прочие транспортные средства динозавров, они были огромными, и с Земли вполне можно было разглядеть их формы невооруженным глазом.

По сравнению с Эпохой пара численность динозавров возросла десятикратно. Поскольку они очень много ели, а все предметы, которые они использовали, были очень велики, то и ресурсы потреблялись в астрономических количествах. Для удовлетворения потребностей динозавров существовали неисчислимые сельскохозяйственные и промышленные предприятия, где работали машины, энергию которым поставляли атомные реакторы. Небо над ними постоянно закрывал густой дым. Один только объем материального производства делал систему обращения энергии, сырья и финансов настолько сложной, что ее невозможно было координировать без компьютеров. Так что все части мира динозавров связывала воедино обширная и очень затейливо устроенная компьютерная сеть. Сами компьютеры тоже

были огромными: каждая клавиша клавиатуры была размером с экран нашего компьютера, а экран — со стену комнаты.

Информационная эра началась и у муравьев. Энергию они получали совсем не из тех источников, что динозавры, — не сжигали нефть и уголь, а преобразовывали энергию ветра и солнца. Над муравьиными городами возвышались ветрогенераторы, схожие размером и формой с вертушками, какими любят играть наши дети, а на крышах глянцево сверкали черные солнечные панели. Еще одним важнейшим технологическим прорывом муравьев стала развитая биоинженерия, позволившая создать искусственные двигательные мышцы. Волокна таких мышц походили на связку проводов; смоченные питательным раствором, они начинали сокращаться и растягиваться с разной частотой, производя энергию. Именно эти искусственные мышцы приводили в движение автомобили и самолеты муравьев.

Были у муравьев и свои компьютеры — круглые гранулы размером с рисовое зернышко; они, в отличие от динозавров, не использовали интегральные схемы. Все вычисления производились путем сложных органо-химических реакций. У

муравьиных компьютеров не было экранов — информация выводилась в форме феромонов. Эта сложная и тонкая система годилась только для самих муравьев, обладавших органами чувств, способными переводить запахи в словесное выражение, математические значения и образы. Эти крохотные химические компьютеры также были связаны в сеть, но не посредством оптических волноводов и электромагнитных волн, а все тех же феромонов, с помощью которых осуществлялся обмен информацией.

Структура муравьиного общества тех времен совершенно не походила на муравьиные колонии, которые мы видим сегодня, а имела большое сходство с человечеством. Производство эмбрионов основывалось на биотехнологии, и поэтому муравьиные королевы играли весьма незначительную роль в размножении вида и не имели того высокого общественного статуса, каким обладают в наши дни.

После завершения Первой динозавро-муравьиной войны между двумя мирами не возникало серьезных столкновений. Напротив, союз укреплялся, что способствовало неуклонному развитию Меловой цивилизации. В Информационную эру динозавры стали, как никогда прежде,

зависеть от способностей муравьев производить тонкую работу. На каждом их промышленном предприятии работали полчища муравьев, которые изготовляли мельчайшие детали, производили тончайшие инструментальные действия, осуществляли ремонт и уход за оборудованием и выполняли множество других действий, недоступных динозаврам. Еще одной важнейшей областью жизни общества динозавров, в котором муравьи играли незаменимую роль, оставалась медицина. Абсолютно все хирургические вмешательства осуществляли муравьи, которые забирались в глубины гигантского организма и проводили там необходимые манипуляции. К тому времени муравьи обзавелись сложными медицинскими техническими устройствами, среди которых были не только лазерные скальпели, но и миниатюрные субмарины, способные передвигаться по кровеносным сосудам динозавров и чистить их. Для межвидового общения муравьям уже не требовались переговорные армейские части. Существовали электронные устройства, переводившие феромонную речь муравьев в голосовую речь динозавров, и постепенно стремительные перестроения муравьиных масс, образовывавших каллиграфические письмена,

отошли в область преданий.

Формиканская империя Гондваны постепенно подчинила своему влиянию и вывела на схожие уровни развития нецивилизованные племена муравьев на всех континентах. Образовалась Формиканская федерация, в которую входили все муравьи Земли.

А вот единая некогда Заурианская империя разделилась на две. Население Лавразии добилось независимости, и там образовалась Лавразийская республика динозавров. Тысячелетняя экспансия Гондванской империи привела в ее состав прото-Индию, прото-Антарктиду и прото-Австралию, тогда как Лавразийская республика распространилась на территории, которым в далеком будущем предстояло стать Азией и Европой. Основную часть населения Гондванской империи составляли *Tyrannosaurus rex*, а Лавразийской — *Tarbosaurus bataar*. В ходе многовековой территориальной экспансии на линиях соприкосновения двух наций тлела почти непрерывная война. На исходе Эры паровых машин многочисленные флоты обеих держав одновременно пересекли пролив Прототетис и напали друг на друга. В многочисленных яростных сражениях на просторных равнинах погибли

миллионы динозавров, их трупы лежали как горные хребты, по земле текли реки крови. Позже, с наступлением Электрической эры, континенты еще не раз сотрясались от жестоких войн, после которых многие города динозавров приходилось строить заново.

Но, когда динозавры овладели атомной энергией, войны прекратились на целых два столетия. Причиной этому стало ядерное сдерживание: обе державы накопили громадные арсеналы термоядерного оружия, которое в случае конфликта гарантированно превратило бы Землю в безжизненную головешку. Лишь благодаря боязни обоюдного уничтожения планета продолжала балансировать на лезвие ножа.

Но время шло, и численность динозавров на планете достигла более чем впечатляющего уровня. Их поселения росли как грибы, сплошь и рядом сливаясь между собой, загрязнение окружающей среды усиливалось с каждым днем, и параллельно нарастала опасность ядерной войны. Между мирами динозавров и муравьев вновь появился раскол, и над Меловой цивилизацией опять сгустились зловещие облака.

Глава 9
Встреча на высшем уровне

С Эры паровых машин ежегодные встречи правителей динозавров и муравьев проходили без осложнений. Более того, они считались наиболее важными дипломатическими событиями Мелового мира. На этих встречах правители обоих народов обсуждали состояние отношений между ними и искали пути решения важнейших проблем.

В этом году встреча должна была состояться в Мировом зале Гондванской империи — самом большом здании Меловой цивилизации. Он был настолько громаден, что внутри сложился собственный микроклимат. Под высоким куполом нередко образовывались облака, из которых мог пойти дождь и даже снег, температура в разных частях настолько различалась, что эта разница порождала порывы, а то и устойчивые ветры. Архитекторы, проектировавшие постройку, не предвидели подобных эффектов. Из-за странного микроклимата огромный зал оказался малопригодным для использования, поскольку внутри

там было почти так же, как снаружи. Не раз прямо посреди него приходилось возводить временные постройки, потому что во время переговоров начинался дождь или снег. В этот раз в Мировом зале стояла ясная и теплая погода, и через сотню с лишним окон купола, каждое из которых сияло, как маленькое солнце, падали вниз яркие столбы света.

Две делегации динозавров — одна во главе с императором Гондваны, а вторая — с президентом Лавразийской республики, расположились вокруг большого круглого стола, находившегося в центре зала. Этот стол соответствовал по площади футбольному полю современных людей, но все равно терялся в необъятных просторах зала. Делегация муравьев, предводительствуемая верховным консулом федерации Качикой, еще не заняла свое место. Самолет муравьев, похожий на изящное белое перо, еще только снижался к столу. Когда он поравнялся с краем, динозавры вдруг стали дуть на него. Самолетик стало болтать в воздухе, а динозавры закатились хохотом. Этой шутке было уже много лет, и она давно стала традиционной. Несколько муравьев даже вывалились наружу. Благодаря своей легкости, они благополучно опустились на стол, и главным

неудобством для них стала необходимость идти пешком к центру.

Остальные муравьи благополучно посадили самолет на хрустальную пластину посреди стола — традиционно отведенное для них место на саммите. Сидевшие вокруг гиганты не видели их с такого расстояния, но специальная телекамера передавала изображение муравьев на большой экран, установленный сбоку от стола, на котором они, в многократно увеличенном виде, не просто равнялись размерами динозаврам, но казались даже массивнее и мощнее. Их отливающие металлическим блеском тела походили на идеальные военные машины.

Генеральный секретарь саммита, стегозавр с высоким костяным гребнем вдоль спины, объявил встречу открытой. С первым же его словом присутствовавшие посерьезнели, а как только он умолк, поднялись со своих мест и отсалютовали знамени Меловой цивилизации, торжественно поднимающемуся на флагштоке чуть поодаль. На знамени было изображено восходящее солнце, перед которым стояли динозавр, в облике которого причудливо сочетались признаки всех существующих рас этого народа, и равная ему ростом фигура муравья, сложенная из множества

мелких представителей вида.

Затем собравшиеся без предисловий перешли к первому вопросу повестки дня: обсуждению основных глобальных кризисных точек. Первым выступала верховный консул Муравьиной федерации Качика. Она энергично шевелила усиками, а электронный переводчик преобразовывал ее феромоны в грубые звуки речи динозавров.

— Наша цивилизация балансирует на краю пропасти! — заявила Качика. — Большая промышленность мира динозавров убивает землю! Экосистемы гибнут, атмосфера насыщена дымом и ядами, площадь лесов и степей стремительно сокращается. Антарктиду открыли последней, зато она первая оказалась совсем опустошенной. Остальные континенты, несомненно, ждет та же участь! А теперь эта хищническая эксплуатация распространилась и на океаны. Если рыболовство и загрязнение будут продолжаться такими же темпами, уже через полвека там не останется жизни. Но все это бледнеет перед угрозой ядерной войны. Да, сейчас у нас мир, но сохранять мир методами ядерного сдерживания все равно что идти по канату над морем адского пламени. Всеобщая ядерная война может разразиться в любой момент, а арсеналов оружия, накопленного

обеими державами динозавров, хватит, чтобы сто раз уничтожить всю жизнь на Земле!

— Мы уже не раз слышали это, — рявкнул, недовольно поморщившись, огромный тарбозавр Додоми, президент Лавразийской республики.

— Причина всего — ваше безудержное потребление природных ресурсов, — продолжила Качика, указав на Додоми. — Того, что вы съедаете за один раз, хватило бы большому муравьиному городу на целый день. Наш мир несправедлив!

— Послушайте, козявка, что ерунду-то пороть? — прогремел гондванский император тираннозавр Дадеус. — Мы такие, какие есть, — большие. Что ж нам теперь — голодать? Мы не можем выжить, не потребляя, а чтобы обеспечить потребление, необходимы промышленность и энергия.

— В таком случае лучше бы вам потреблять чистую возобновляемую энергию.

— Это, увы, невозможно: ветряных вертушек и солнечных панелек, которыми обходитесь вы, муравьи, не хватит даже для моих наручных часов. Общество динозавров энергоемкое, и с этим ничего не поделать. Нам приходится использовать каменный уголь и нефть. И атомную энергию, конечно. Так что загрязнение неизбежно.

— Но вы могли бы сократить энергопотребление, контролируя рост населения. Мировая численность динозавров превышает семь миллиардов. Ей уже некуда расти!

Дадеус резко мотнул головой:

— Размножение — это основной инстинкт живых существ, а рост и территориальная экспансия — движущая сила цивилизации. Многочисленность населения — залог безопасности страны. Впрочем, если Лавразия готова уничтожить часть яиц, то и Гондвана согласится на это — на строго паритетной основе.

— Но, ваше величество, в Гондване живет на четыреста миллионов динозавров больше, чем в Лавразии! — возмутился Додоми.

— Господин президент, так ведь население в Лавразии растет на три процента быстрее, чем в Гондване! — ответил Дадеус.

— Природа не допустит бесконтрольного размножения таких ненасытных чудовищ. Неужели для того, чтобы к вам вернулся здравый смысл, необходима настоящая катастрофа? — Качика требовательно указала одним усиком на Додоми, а другим на Дадеуса.

— Катастрофа, говорите? Род динозавров процветает уже десятки миллионов лет. Мы видели

все возможные катастрофы! — рассмеялся Додоми.

— Совершенно верно! Вот если что-то случится, тогда и будем беспокоиться. У нас, динозавров, главный принцип: не мешать событиям идти своим чередом. Мы принимаем жизнь такой, какая она есть, и ничего не боимся, — поддержал его Дадеус и выразительно махнул лапой.

— Даже всеобщей ядерной войны? Никак не могу представить, какой выход откроется перед вами, когда конец мира все же случится.

— Хм… Тут, козявка, с вами нельзя не согласиться, — нехотя кивнул Дадеус. — Мы и сами от ядерного оружия не в восторге, но Лавразия столько его наделала, что нам просто деваться некуда: приходится делать свое. Если они уничтожат свое оружие, мы поступим так же.

— Ну-ну, — Додоми с ухмылкой ткнул когтем в сторону Дадеуса. — Ваше величество, к сожалению, практика пока не дала оснований для того, чтобы Гондванской империи можно было безоговорочно доверять.

— Так ведь без всяких разговоров ясно, что уничтожение ядерного оружия должна начать Лавразия. Ведь это вы его изобрели.

— Но именно Гондванская империя построила

первые межконтинентальные ракеты…

Качика взмахнула усиками, и слова, загремевшие из динамиков, прервали начавшийся спор:

— Какая разница, кто и что сделал несколько веков назад? Мы должны думать о сегодняшнем дне.

— На сегодняшний день положение таково, что Лавразия напичкана ядерным оружием. Без него она не выдержала бы и одного сильного удара! — заявил Дадеус. — Взять хотя бы битву на равнине Велла в Антарктиде. Первый император Гондваны вывел два с половиной миллиона тираннозавров против пяти миллионов тарбозавров и обратил их в бегство. До сих пор на Южном полюсе возвышается памятник победе Гондваны — величественный курган, сложенный из скелетов лавразийцев!

— У вашего величества хорошая память. В таком случае вы, конечно, помните и Второе уничтожение Валунного города, верно? — не задержался с ответом Додоми. — Когда четыреста тысяч птеродактилей Лавразийских военно-воздушных сил пролетели над столицей Гондваны, снизились и прицельно сбросили свыше миллиона зажигательных бомб. К тому времени, когда лавразийские войска вошли в город, гондванцы

отлично прожарились.

— Да, так оно и было! Вы, лавразийцы, просто трусы, способные только на подлые нападения по воздуху или применение дальнобойного оружия. Но вам никогда не хватает смелости драться лицом к лицу! Тьфу! Жалкие гнусные черви!

— В таком случае, ваше величество, почему бы нам не выяснить сейчас же, кто на самом деле гнусный червь?!

Додоми вскочил на стол и, выставив когти, помчался к Дадеусу. Император Гондваны так же проворно подпрыгнул и кинулся ему навстречу. Остальные динозавры не вмешивались, а лишь громко подбадривали своих вождей. Такие схватки были обычным делом на любых, даже самых высоких переговорах. Муравьи тоже были к этому готовы и, как и в предыдущих случаях, проворно спрятались под хрустальную пластину, чтобы их ненароком не растоптали.

Сквозь толстую пластину из чистейшего хрусталя дерущиеся динозавры казались скачущими горами. Поверхность огромного несокрушимого стола ходила ходуном. Дадеус был массивнее и сильнее, зато Додоми проворнее.

— Прекратите драку! Вы с ума сошли?! — кричали муравьи из своего хрустального укрытия; их

феромонные выкрики, превращенные электроникой в голоса и усиленные динамиками, гулко разносились по залу. Противники, действительно достойные друг друга, прекратили яростную схватку. Тяжело дыша, покрытые глубокими царапинами, они спустились со стола и вернулись на свои места, продолжая прожигать друг друга ненавидящими взглядами.

— Что ж, похоже, можно переходить к следующему пункту повестки дня, — сказал генеральный секретарь.

— Нет! — решительно возразила Качика. — На этой встрече мы не будем обсуждать никакие другие вопросы. Если проблема, от которой зависит само существование нашего мира, остается нерешенной, все остальные вопросы просто лишаются смысла.

— Но, госпожа верховный консул, вот уже десять с лишним лет все саммиты динозавров и муравьев открываются дискуссией о загрязнении окружающей среды и ядерном оружии, которые не дают ровно никакого результата. Это давно уже превратилось в стандартный ритуал, пустую трату времени и терпения участников.

— На сей раз будет по-другому. Умоляю, поверьте мне: на этом собрании мы обязаны решить

самую важную из проблем, с которыми когда-либо сталкивалась земная цивилизация.

— Если вы настаиваете, прошу продолжать.

Качика несколько секунд молчала. Когда в зале воцарилась тишина, она торжественно произнесла:

— Сейчас я зачитаю Декларацию Муравьиной федерации номер 149.

«Во имя продолжения цивилизации на Земле Муравьиная федерация выдвигает к Гондванской империи и Лавразийской республике следующие требования. Первое: полностью прекратить размножение на ближайшие десять лет, чтобы достичь системного сокращения численности динозавров на планете, а по истечении этого срока — поддерживать уровень рождаемости ниже уровня смертности, обеспечивая устойчивое снижение численности динозавров. Этот режим должен сохраняться не менее века. Второе: немедленно закрыть треть предприятий тяжелой промышленности и на протяжении десяти лет, параллельно со снижением численности населения, постепенно ликвидировать еще треть промышленных предприятий. Таким образом удастся снизить загрязнение окружающей среды до уровня, при котором возможно

ее естественное восстановление. Третье: немедленная и полная ликвидация ядерного оружия. Уничтожение должно проводиться под контролем Муравьиной федерации путем отправки всех ядерных боеголовок в космос при помощи межконтинентальных ракет».

Среди сидевших вокруг стола динозавров послышалось несколько сдавленных смешков. Додоми указал пальцем на хрустальную пластину.

— Муравьи уже невесть сколько раз зачитывали эту декларацию. Вам еще не надоело? Качика, вам следовало бы понимать хоть что-то о великой цивилизации динозавров. Не можете же вы всерьез рассчитывать, что мы примем эти абсурдные требования!

Качика утвердительно опустила усики.

— Естественно, мы знаем, что динозавры не примут эти требования.

— Оч-чень хорошо, — сказал генеральный секретарь, громыхая костными пластинами гребня. — Думаю, теперь мы все же перейдем к следующему пункту повестки дня, более реалистичному.

— Нет, прошу вас подождать еще минуту. Я не дочитала декларацию до конца.

«Если же вышеперечисленные требования не будут удовлетворены, Муравьиная федерация примет меры, которые должны будут способствовать сохранению цивилизации на Земле».

Динозавры озадаченно переглянулись.

— «Если мир динозавров не выразит немедленного согласия с требованиями, изложенными в настоящей декларации, все тридцать восемь миллиардов муравьев, работающих в Гондванской империи и Лавразийской республике, начнут забастовку».

Воцарилась продолжительная тишина. Под куполом сформировались тонкие облачка, затянувшие местное небо полупрозрачным узорчатым покрывалом и начавшие причудливую игру света и теней на бескрайнем полу зала.

— Верховный консул Качика, вы, наверно, шутите, да? — прервал молчание Додоми.

— Декларация единогласно принята всеми тысячей ста сорока пятью государствами, входящими в Муравьиную федерацию. Наша решимость непоколебима.

— Консул, я верен, что вы и ваши соплеменники-муравьи понимаете… — Дадеус осекся и потер левый глаз, вероятно, немного пострадавший в

скоротечной схватке с Додоми, — понимаете, что союзу динозавров и муравьев уже три тысячи лет и что на нем держится вся цивилизация Земли. За это время между нашими мирами даже случилась ожесточенная война, но и она не подорвала основ союза.

— Смертельная опасность грозит всей биосфере планеты, и у Муравьиной федерации не остается выбора.

— Не надо затевать ненужных игр. Вспомните об уроках Первой динозавро-муравьиной войны! — сказал Додоми. — Как только муравьи начнут забастовку, все промышленное производство мира динозавров немедленно встанет. Тяжело пострадают и многие другие отрасли, в первую очередь — медицина. За этим последует коллапс всей экономики мира динозавров, но в такой обстановке и миру муравьев не избежать коллапса. А уж как это скажется на всей планете, даже и предсказать невозможно!

— Причиной Первой динозавро-муравьиной войны стали разногласия в области религии. На сей раз муравьи разрывают союз ради спасения цивилизации на Земле. Федерация готова смело встретить любой кризис, который может возникнуть в дальнейшем.

— Мы чересчур разбаловали этих козявок! — рявкнул Дадеус и громко хлопнул лапой по столу.

— Нет, это мы разбаловали динозавров, — возразила Качика. — Если бы муравьи приняли меры раньше, мир динозавров не дорос бы до таких высот заносчивости и безумия.

В зале вновь все стихло, но на сей раз тишина была насыщена устрашающей энергией и как будто могла взорваться в любое мгновение. И снова ее нарушил Додоми. Он обвел взглядом присутствовавших и задумчиво сказал:

— О, мне кажется… Дайте-ка я поговорю с муравьями наедине.

Он снова вскочил на стол, присел на корточки перед хрустальной пластиной, подцепил ее когтем и вынул из отведенной для нее впадины. Затем аккуратно поднял, слез со стола и направился в сторону от оставшихся на своих местах динозавров. Отойдя на изрядное расстояние, он вынул из кармана пиджака портативный прибор-переводчик и заговорил с Качикой напрямую.

— Госпожа верховный консул, декларацию Муравьиной федерации нельзя назвать необоснованной. Кризис земной цивилизации виден невооруженным глазом. Лавразийская респуб-

лика тоже стремится к его разрешению, но мы пока что не смогли выбрать подходящий момент. Впрочем, кое-какие шаги можно предпринять прямо сейчас: пусть муравьи начнут забастовку, но только на территории Гондванской империи. Когда ее экономика обрушится и страна впадет в хаос, мы атакуем ее и полностью сокрушим. В таком состоянии империя утратит большую часть своего военного потенциала, и мы сможем одержать победу, не используя ядерное оружие. Оккупировав Гондвану, мы ликвидируем всю ее тяжелую промышленность, а уж о проблеме перенаселения можно будет надолго забыть: война уничтожит по меньшей мере треть динозавров Гондваны, а уцелевшие будут на сто лет лишены права производить потомство. По-моему, этот план целиком и полностью отвечает требованиям, выдвинутым в вашей декларации.

— Нет, господин президент, — ответила Качика с середины хрустальной пластины. Прочие муравьи, составлявшие представительную делегацию, закивали. — Это не изменит природы мира динозавров, и рано или поздно мы вернемся к нынешнему состоянию. Ваш план — это мировая война, а ведь никто не в состоянии сказать, какие последствия повлечет она за собой. Но

самое главное заключается в том, что Муравьиная федерация всегда оказывала равные услуги всем динозаврам, независимо от их этнической или национальной принадлежности. Во всех концах мира динозавров мы выполняли одни и те же работы за равную оплату и никогда не принимали никакого участия в вашей политике и войнах. Этот принцип, которого мир муравьев придерживается с древнейших времен, служит залогом непоколебимой независимости Муравьиной федерации.

— Господин президент, прошу вас вернуть на место ложу муравьев, чтобы мы смогли продолжить заседание! — крикнул из-за стола генеральный секретарь.

Додоми покачал головой и тяжело вздохнул.

— Глупая мелочь! Отказались от возможности прямо повлиять на ход истории! — С этими словами он направился к столу переговоров.

Как только он вернул пластину на законное место, император Дадеус так же проворно прыгнул на стол и снова выковырял ее.

— Прошу прощения у всех присутствующих, но мне тоже необходимо накоротке перемолвиться словом с козявками.

С этими словами он точно так же, как Додоми,

отошел далеко в сторону, чтобы никто больше их не слышал, и вынул собственный аппарат-переводчик.

— Ну, крошка верховный консул, думаю, мне точно известно, что говорил вам этот тип. Не верьте ему. О коварстве Додоми знает весь мир. Всех этих лавразийцев надо стереть с лица земли. Динозавры Гондваны еще сохранили представление о мирном сосуществовании с природой, кроме того, наш образ жизни направляется установками религии. А вот лавразийские динозавры — неисправимые диноцентристы и целиком, от рогов до кончика хвоста, преданы одной лишь технике. Они куда сильнее нас верят в могущество машин, промышленности и атомного оружия, этих подонков не переделаешь! Так что, букашки, устройте-ка вы забастовку в Лавразии. А еще лучше, сделайте так, чтобы у них там все ломалось и рушилось. Тогда Гондванская империя вторгнется туда и не оставит от этих выродков даже мокрого места! Козявки, вам предоставляется уникальная возможность совершить героическое деяние на благо цивилизации Земли!

Качика дословно повторила Гондванскому императору все, что только что сказала президенту Лавразии. Услышав ответ, Дадеус злобно

отшвырнул пластину. Она с грохотом упала на пол, а через несколько секунд туда относительно плавно опустились и представители муравьиной делегации.

— Да что вы, поганые козявки, себе позволяете?! Как вы смеете смотреть сверху вниз на великую цивилизацию динозавров?! Зарубите себе на носу: Землей правим мы, а не вы! Вы вообще ничто, шевелящаяся пыль!

Качика поднялась во весь рост на полу зала и посмотрела на императора Гондваны. Он был настолько огромен, что даже не помещался целиком в ее поле зрения.

— Ваше величество, в такие моменты судить о могуществе цивилизации по размеру ее отдельных представителей — верх наивности. Полагаю, вы должны быть неплохо знакомы с историей Первой динозавро-муравьиной войны.

Прибор переводчик на сей раз оказался далеко, и Дадеус не услышал слов Качики и продолжал яростно реветь:

— Если у муравьишек хватит наглости начать забастовку, они будут жестоко наказаны! — Он повернулся и зашагал прочь.

Делегации Гондванской империи и Лавразийской республики поднялись из-за стола и

направились к выходу; некоторое время земля тряслась под их тяжелой поступью, подбрасывая разбросанных по залу муравьев вместе с пылью. Гигантские фигуры динозавров быстро скрылись из виду, оставив муравьев наедине с их собственным отражением в полированном камне пола. Эта идеально ровная равнина, озаренная белым светом множества солнц, сиявших в небе-куполе, простиралась в бесконечность — точно так же, как и неведомое будущее, которое пыталась представить себе Качика.

Глава 10
Забастовка

Император Дадеус лежал на диване в просторном голубом зале императорского дворца, находящегося посреди столицы Гондваны, прикрыв лапой левый глаз, и изредка постанывал от боли. Перед ним стояли несколько динозавров: министр внутренних дел Бабат, министр обороны маршал Лолога, министр науки доктор Ниникен и министр здравоохранения доктор Вивек.

— Ваше величество, — заговорил с почтительным поклоном доктор Вивек, — глаз, который вам повредил Додоми, воспалился. Необходима срочная операция, но мы не можем найти ни одного хирурга, который выполнил бы ее. Единственный вариант — пытаться сдержать воспаление антибиотиками. Если воспаление все же будет развиваться, вы можете утратить зрение на этом глазу.

— Не успел я содрать шкуру с этого подлеца Додоми!.. — пробормотал император сквозь стиснутые зубы. — И что, в стране совсем не осталось больниц с муравьями-врачами?

Вивек кивнул:

— Ни одной, ваше величество. Уже набралось много пациентов, так и не получивших запланированного лечения. Народ близок к панике.

— Полагаю, это не единственная причина паники, — буркнул император и повернулся к министру внутренних дел.

Бабат отвесил предписанный этикетом поклон:

— Вы, как всегда, правы, ваше величество. На данный момент две трети наших промышленных предприятий остановились, а несколько городов остались без электроэнергии. В Лавразийской республике положение ничуть не лучше.

— Техника и производственные линии, управляемые динозаврами, тоже остановились?

— Увы, да, ваше величество. Даже в таком производстве, как, например, автомобилестроение, невозможно собрать готовое изделие из одних крупных частей, которые изготавливают динозавры. Необходимы высокоточные мелкие детали, а их нет. Конвейеры встали. На другие отрасли, в частности химическую промышленность и энергетику, забастовка муравьев на первых порах не повлияла, но быстро начались перебои с текущим уходом за оборудованием

и ремонтом, так что предприятия тоже стали останавливаться.

Император вновь вскипел от гнева:

— Мерзавец! Я ведь сразу после саммита приказал тебе срочно обучить всех динозавров-рабочих империи тонким операциям, чтобы они смогли заменить муравьев в этом деле.

— Ваше величество, вы требуете невозможного.

— Для великой Гондванской империи нет ничего невозможного! На протяжении своей долгой истории гондванцы сталкивались с куда более серьезными кризисами! В скольких кровавых битвах мы победили, невзирая на преимущество врагов? Сколько лесных пожаров, грозивших охватить весь континент, потушили? Сколько извержений вулканов, вызванных тектоническими сдвигами, пережили?

— Но, ваше величество, сейчас совсем другое дело.

— Чем же оно другое? Если приложить мозги и напрячься как следует, мы, динозавры, сможем сделать своими пальцами все, что захотим! И наш мир не поддастся на шантаж всякой противной мелочи!

— Позвольте, государь, продемонстрировать

вам пример одной из таких трудностей… — Министр внутренних дел разжал лапу и положил на диван два красных кабеля. — Ваше величество, не сочтите за дерзость, но я осмелюсь попросить вас выполнить одну из самых частых ремонтных работ: соединить эти провода.

Пальцы императора Дадеуса были полуметровой длины, толще чайной чашки и заканчивались мощными острыми когтями. Провода казались ему такими же тонкими, какими мы восприняли бы два волоска. Он старательно прищурился и попытался зажать их когтями. Но, как он ни старался, провода раз за разом выскальзывали из-под полированной роговой поверхности конусообразных когтей, похожих на малокалиберные артиллерийские снаряды. О том, чтобы зачистить и скрутить вместе злосчастные провода не могло быть и речи. Император злобно швырнул провода на пол.

— Ваше величество, даже если бы вам удалось срастить провода, с ремонтом техники вы все равно не справились бы. Наши пальцы просто не поместятся в проемы, рассчитанные под размеры муравьев.

Министр науки Ниникен тяжело вздохнул и произнес скорбным тоном:

— Еще восемьсот лет назад правивший тогда император распознал опасность, грозящую миру динозавров из-за того, что мы слишком полагаемся на муравьев во всех тонких работах. Он приложил массу усилий для поиска новых технологий и создания оборудования, которые освободили бы нас от этой зависимости. Но на протяжении последних двух столетий, в том числе и при вашем царствовании, эти достижения мало-помалу позабылись. Мы, образно выражаясь, нежились на ложе, разостланном для нас муравьями, и забыли о том, что даже в эпоху безмятежного мира необходимо сохранять бдительность.

— Ни на чьем ложе я не нежился! — гневно перебил его император, воздев лапы. — Откровенно говоря, те же страхи, которые испытывал мой предок, постоянно наполняли мой сон кошмарами. — Он ткнул Ниникена в грудь толстым пальцем. — Но ты-то должен знать, что попытки добиться независимости от этих тварей были брошены, потому что не дали никакого результата. Точно так же обстояли дела и в Лавразийской республике!

— Совершенно верно, ваше величество, — кивнул министр внутренних дел и, указав на

валявшиеся на полу провода, сказал Ниникену:
— Доктор, вы не можете не знать, что динозавр без затруднений может срастить провода диаметром десять-пятнадцать сантиметров. Но с такими проводами, толщиной в молодое дерево, мы не смогли бы сделать ни сотовые телефоны, ни компьютеры. Для того чтобы мы могли сами обслуживать и ремонтировать всю технику, добрую половину нужно было бы делать чуть ли не в сто раз больше нынешних размеров. А может быть, и в несколько сотен раз! В таком случае наше потребление ресурсов тоже выросло бы, соответственно, на два порядка. О том, чтобы достичь экономии таким путем, не могло бы даже речи идти.

Министр науки кивнул, подтверждая эти слова.

— И что еще важнее, некоторые изделия просто не могут существовать в другом масштабе — например, оборудование для оптической и электромагнитной связи. Его размеры определяются длиной волн, в том числе световых, и поэтому элементы, предназначенные для их модуляции и обработки, просто не могут быть крупнее. Без мелких и микроскопических компонентов мы не могли бы даже представить себе

компьютеры и их сети. Точно то же самое можно сказать о молекулярной биологии и генной инженерии.

— Наши внутренние органы относительно велики, — подхватил министр здравоохранения, — и поэтому врачи-динозавры способны проводить некоторые хирургические вмешательства. Но главное преимущество муравьиной хирургии состоит в том, что она неинвазивная. Их методы проще и эффективнее. Согласно историческим источникам, бывали случаи осуществления врачами-динозаврами инвазивных хирургических операций, но эти методики давно утрачены. Чтобы восстановить их, необходимо создать целый ряд других технологий, в частности общую анестезию и ушивание ран. Тут ведь еще дело в ожиданиях пациентов и обычаях. Мы несколько тысяч лет пользовались специфическими медицинскими методиками муравьев, и для большинства динозавров неприемлема сама мысль о том, что для того, чтобы вылечить, его разрежут. Так что, по крайней мере в обозримом будущем, наша медицина не обойдется без муравьев.

— Союз динозавров и муравьев — это эволюционное событие с очень далеко идущими

последствиями. Без этого союза на Земле просто не возникла бы цивилизация. Мы не имеем права позволить муравьям его разрушить, — подвел итог министр науки.

— Но какой же у нас имеется выход? — спросил император, растопырив когтистые пальцы.

— Ваше величество, — впервые заговорил министр обороны Лолога. — У Муравьиной федерации, несомненно, много преимуществ, но мы тоже обладаем кое-какими силами. И империя к ним прибегнет.

Император кивнул:

— Отлично. Значит, прикажите Генеральному штабу готовить планы кампании.

— Маршал, — министр внутренних дел придержал Лологу за локоть, когда тот уже собрался уходить. — Жизненно необходимо скоординировать эти планы с Лавразией.

— Да, да, — согласился император. — Мы должны действовать согласованно и в одном стиле, иначе Додоми прикинется добрым динозавром и переманит муравьев на свою сторону.

Глава 11
Вторая динозавро-муравьиная война

Костяная цитадель, обращенная в руины во время Первой динозавро-муравьиной войны и вскоре после нее отстроенная заново, стала крупнейшим городом муравьев на всей Земле, политическим, экономическим и культурным центром Муравьиной федерации на континенте Гондвана. Ее площадь соответствовала двум футбольным полям, и там обитало сто миллионов муравьев. Город заслуженно гордился своими небоскребами, среди которых первенствовала пятиметровая Федеральная торговая башня, самая высокая постройка муравьиного мира. Обычно на извилистых улицах города бурлили сплошные потоки куда-то вечно спешащих муравьев. Поскольку им не требовались лестницы, чтобы перебираться с этажа на этаж — они без малейших затруднений лазили по наружным стенам небоскребов, — эти потоки, случалось, поднимались до самых высоких шпилей. В небе города постоянно сверкали на солнце прозрачные крылышки деловито жужжащих дронов. Но больше

всего впечатляло неисчислимое множество роторов ветряных электротурбин, венчавших все крыши, отчего город походил на роскошный цветник.

Однако сегодня в суетливом городе царило мертвенное спокойствие. Все жители города и муравьи, вернувшиеся из поселений динозавров, срочно эвакуировались. На восток от города текла широкая черная река из многих миллионов беженцев, а на западе, на необъятной для муравьев равнине, вырос металлический горный хребет — десять бульдозеров Гондванской империи, сомкнувших широкие ножи в почти сплошную линию. Империя поставила Муравьиной федерации ультиматум: если забастовщики в течение двадцати четырех часов не вернутся на свои рабочие места, бульдозеры сровняют Костяную цитадель с землей. Солнце уже снижалось к западному горизонту, и длинные тени железных гигантов легли на город.

Следующим утром, как только рассвело, началась Вторая динозавро-муравьиная война. Утренний ветерок развеял ночной туман, и восходящее солнце озарило поле боя, казавшееся муравьям непомерно громадным, а динозаврам — тесным чуть ли не до клаустрофобии. На за-

падной границе Костяной цитадели могучим двадцатиметровым фронтом развернулась муравьиная артиллерия. В солнечных лучах сверкали сотни стволов, каждый размером с нашу хлопушку.

Во втором эшелоне оборонительных позиций стояло больше тысячи пусковых установок с управляемыми ракетами величиной с сигарету. Над городом курсировала флотилия самолетов Муравьиных военно-воздушных сил, подобно вороху листьев, подхваченных ветром.

Вдали динозавры-трактористы запустили моторы бульдозеров, земля и небо содрогнулись от мощного рева. Вибрация раскатилась по поверхности, и Костяная цитадель затряслась, как в землетрясении, в небоскребах задребезжали многочисленные оконные стекла. Позади линии бульдозеров стояли несколько солдат-динозавров. Муравьям они казались гороподобными гигантами. Офицер, по-видимому, командовавший всей операцией, поднял мегафон и прокричал в сторону Костяной цитадели:

— Эй, жалкие козявки! Слушайте, что я вам скажу! Если вы немедленно не вернетесь к работе, я прикажу бульдозерам начать движение! От вашего, с позволения сказать, города ничего не

останется! Хотя можно было бы и без бульдозеров обойтись. Я читал одну книжку про первую войну с вашим отребьем, так вот, там генерал хорошо сказал: «Наши дети строят из чурбачков игрушечные города куда больше, чем ваша так называемая цитадель! На нее даже воинам идти не обязательно — достаточно позвать наших малышей, они пописают, и ее смоет начисто!» Ха-ха-ха!

Со стороны Костяной цитадели не донеслось ни звука. Никто даже не стал напоминать дерзкому офицеру о том, какая судьба постигла генерала, начавшего Первую динозавро-муравьиную войну.

— Вперед! — скомандовал офицер, взмахнув лапой, и бульдозеры тронулись с места, постепенно наращивая скорость. А со стороны Костяной цитадели что-то негромко зашипело, как будто воздух выходил из баллона; этот звук полностью пропал за ревом бульдозеров. Над землей внезапно возникли и стремительно потянулись навстречу наступающим сотни тонких полосок, будто у города вдруг выросли волосы. Это были следы выхлопа двигателей многочисленных ракет муравьев. Словно хрупкая занавеска на миг отделила город от бульдозеров, а потом ракеты

дождем обрушились на технику и следовавших за нею динозавров.

Офицер, только что кричавший в мегафон, ловко поймал одну из ракет лапой, и она взорвалась у него в кулаке, выпустив облачко дыма; динозавр вскрикнул от боли и отшвырнул осколки в сторону. Впрочем, когда он поднес лапу к глазам, чтобы осмотреть рану, оказалось, что у него лишь содран клочок кожи на ладони. Тут же ему в туловище ударились и взорвались с негромкими хлопками еще несколько десятков ракет. Динозавр зашелся хохотом, хлопая себя по бокам.

— О-хо-хо! Ваши ракеты, прямо как комарики! У меня все бока зачесались!

Тут заработала муравьиная артиллерия. Вся линия орудий одновременно дыхнула огнем, как будто кто-то поджег шнур фейерверка на подступах к Костяной цитадели. Снаряды посыпались на динозавров-солдат и на кабины бульдозеров, но и эти разрывы, тоже потонувшие в реве громадных моторов, не нанесли врагам никакого ущерба, если не считать щербинки в стеклах.

Менее чем в двух метрах перед бульдозерами неожиданно поднялся с земли и взмыл в небо, сверкая на солнце трепещущими крылышками, тонкими, как паутинка, огромный рой муравьи-

ных самолетов. Они пролетели над высокими щитами бульдозеров и стали приземляться на их капоты. Обширные желтые равнины, трясущиеся, как в лихорадке и оглушающие тяжелым рокотом спрятанных под ними мощных двигателей, упирались в отвесную прозрачную стену ветрового стекла, которая была столь высока, что муравьи даже не видели ее верха. В этой стене отражались голубое небо и плывущие по нему белые облака, мешавшие разглядеть сидевшего в кабине тракториста-динозавра.

Посреди моторного капота тянулся ряд вентиляционных отверстий. Для муравьев это были все равно что пропасти, в которые они без всякого труда просочились и попали в обширное пространство, пугающее колоссальными трубами и вращающимися колесами. Они словно оказались во вселенной, составленной исключительно из стальных механизмов. Горячий воздух, густо насыщенный испарениями бензина, и невыносимый грохот потрясли муравьев до оцепенения.

Опомнившись, они увидели, что, как говорили командиры, перед ними находится быстро вращающийся монументальный вентилятор, создающий в подкапотном пространстве мощные вихри. Добираться к предписанной цели

им предстояло по трубам, которые были для них все равно что шоссе, проложенное по изрядно пересеченной местности. Эти трубы то и дело изгибались и всячески путались, но муравьи как-никак были прирожденными специалистами по лабиринтам. Отряду, направленному на поиск свечей зажигания, не потребовалось много времени. Издали свечи походили на высокие пагоды. Но солдатам вовсе не нужно было подходить туда вплотную; более того, их предупредили, что электромагнитное поле, образующееся там, вполне может убить муравья. Подключенные к вершинам свечей провода толщиной в длину тела муравья проходили совсем рядом с тем местом, где сейчас находились диверсанты. Те сняли со спин принесенные зерно-мины и разместили их где следовало — по три-четыре мины на каждый провод. Затем они повернули рукоятки взрывателей, установив указанный временной интервал, и поспешили покинуть мотор.

В отличие от миниатюрных зажигательных бомб, использовавшихся в ходе Первой динозавро-муравьиной войны, эти мины были специально предназначены для разрыва электропроводки. Последовала серия взрывов, не уступавших по громкости нашему фейерверку, но не слышных

трактористам за звуком мотора, и четыре провода оказались аккуратно порваны. Болтающиеся концы задевали металлические части, рассыпая снопы ярких искр. Ну а в цилиндрах двигателя перестало воспламеняться топливо, и бульдозеры резко остановились. Несколько муравьев от толчка упали с труб.

Пока одни группы муравьев занимались проводами зажигания, другие отряды подбирались к топливопроводам. Они были гораздо толще проводов; сквозь прозрачные пластиковые стенки было видно, как по трубе течет топливо. Муравьи забрались на трубу и опоясали ее дюжиной хорошо закрепленных мин, включили замедленные взрыватели и поспешно ретировались, выполнив свою задачу.

Бульдозеры динозавров проползли около двухсот метров и вдруг почти одновременно остановились. Еще через две-три минуты из-под капотов шести бульдозеров вдруг ударило пламя, трактористы поспешно выскочили из кабин и бросились наутек. Впрочем, едва они успели немного отбежать, как четыре из горящих машин взорвались. Муравьям, которые наблюдали за происходившим с ближних подступов к Костяной цитадели, густой дым и ревущее пламя закрыли

больше половины неба. Когда же взрывы утихли, трактористы четырех не загоревшихся бульдозеров вернулись к своим машинам. Превозмогая жар, исходящий от продолжавших гореть соседних бульдозеров, они открыли капоты, полезли проверять двигатели и быстро обнаружили неполадки. Один из динозавров по привычке вынул из кармана сигнализатор — испускающее феромоны устройство, с помощью которого динозавры вызывали ремонтные бригады муравьев. Он долго нажимал на кнопку вызова, потом наконец вспомнил, что муравьи больше с ним не работают, выругался и попытался самостоятельно срастить провода. Увы, как и у всех остальных динозавров, его пальцы были слишком велики, и он просто не мог подцепить провод. Одному из его товарищей пришла в голову блестящая мысль вытащить провода палкой, и это даже удалось, но когтистые лапы не справлялись с работой. Как он ни старался, провода снова и снова выскальзывали из когтей. Так что трактористам пришлось ни с чем уйти от своих бульдозеров и беспомощно смотреть издали, как на них перекидывалось пламя от соседних машин.

Муравьи запрыгали от восторга, но маршал Жоли, командовавшая операцией из бронемаши-

ны, спокойно приказала немедленно отступать. Артиллерийские и ракетные части давно уже покинули свои позиции, и когда арьергардные отряды муравьев улетели в самолетах на запад, Костяная цитадель превратилась в город-призрак.

От зрелища горящих бульдозеров динозавры в первый миг устыдились, а потом пришли в бешенство.

— Ах вы, жалкие ползуны! Вы на самом деле рассчитываете победить? Думаете, мы бульдозеры привели сюда для развлечения? Ну, смотрите, как мы разделаемся с вашим игрушечным городком!

Динозавры поспешно отступили, а еще через десять минут над городом появился низко летевший гондванский бомбардировщик. Когда его огромная тень накрыла город, он выбросил на него бомбу размером с резервуар нашего танкера-газовоза. Земля содрогнулась, грохот разнесся далеко по окрестности, и высоко в небо поднялся толстенный столб густой пыли. Когда пыль осела и дым рассеялся, на месте Костяной цитадели оказался глубокий кратер. В него сразу же хлынули подземные воды, и вскоре от крупнейшего из городов муравьиного мира действительно не

осталось следа.

Практически одновременно динозавры уничтожили и Гринстед, главный город муравьев в Лавразии. Прекрасный муравьиный мегаполис сокрушили и превратили в болото мощными струями брандспойтов пожарных машин.

Глава 12
Медицинская делегация

Через день после разрушения Костяной цитадели в Валунный город прибыла группа муравьев-медиков и попросила аудиенции у императора Дадеуса. Ее лично возглавляла верховный консул Муравьиной федерации Качика.

— Демонстрация силы, убедительно осуществленная Гондванской империей, произвела неизгладимое впечатление на Муравьиную федерацию, — смиренно сказала Качика. Дадеус не на шутку развеселился:

— Ну, вот, Качика, нашлась все же капля здравого смысла. Давно бы так! Вы, муравьишки, не в первый раз задираетесь с динозаврами, но теперь, в отличие от прошлых времен, вам нечего нам противопоставить. Поджечь наши города и леса вокруг вы не сможете, потому что пожарная сигнализация сразу сработает и установленные нами повсюду автоматические системы пожаротушения погасят любой огонь крупнее сигаретного окурка. Что касается варварской, немыслимо жестокой тактики забираться дино-

заврам в ноздри и другие отверстия, то мы еще в Первую динозавро-муравьиную войну более-менее научились предотвращать такие нападения.

— Совершенно верно, ваше величество. Мы явились сегодня к вам с просьбой немедленно прекратить все нападения на другие города Муравьиной федерации. Муравьи прекратят забастовку и возобновят все оставленные работы в империи. То же самое Муравьиная федерация сообщила Лавразийской республике. В настоящее время на всех континентах десятки миллиардов муравьев возвращаются в города динозавров.

Дадеус одобрительно кивал как заведенный:

— Вот-вот, так бы с самого начала! Распад союза динозавров и муравьев станет катастрофой для обеих сторон. Но, по крайней мере, этот инцидент заставил вас, муравьев, уяснить, кто в действительности правит на Земле!

Качика покорно опустила усики:

— Должна согласиться, что это действительно был очень впечатляющий урок. И для того, чтобы подчеркнуть истинное почтение Муравьиной федерации к владыкам Земли, я привела с собою наших лучших медиков, которые приведут в порядок поврежденный глаз вашего величества.

Дадеус совсем размяк от удовольствия. Послед-

ние два дня больной глаз не на шутку отравлял ему жизнь, но врачи-динозавры могли только прикладывать мази и повторять, что операция необходима, но она по силам лишь муравьям. Делегация с ходу взялась за дело. Часть муравьев занималась наружной поверхностью глазного яблока императора, а часть пробралась через ноздрю и работала с недоступными извне повреждениями.

— Ваше величество, первый этап операции предусматривает удаление инфицированных и отмерших тканей и ликвидацию заражения, — объясняла Качика. — На втором этапе область ранения будет восстановлена при помощи новейшего терапевтического агента — живой ткани, созданной биоинженерными методами. Таким образом ваш глаз будет излечен с полным сохранением зрения и внешнего вида.

Через два часа операция завершилась, и Качика с медицинской делегацией отбыла.

Почти сразу же в зал вошли министр внутренних дел Бабат и министр здравоохранения Вивек, за которыми несколько динозавров волокли какой-то большой и сложный с виду прибор. Министр здравоохранения пояснил:

— Ваше величество, это трехмерный сканер вы-

сокого разрешения или, как его чаще называют для краткости, томограф.

— И для чего он вам понадобился? — осведомился Дадеус, подозрительно прищурив правый глаз — левый был закрыт повязкой.

— Для безопасности вашего величества необходимо провести тщательное сканирование головы, — решительно заявил министр внутренних дел.

— Так уж и необходимо? — усомнился император.

— Когда имеешь дело с этими пронырливыми мелкими тварями, никакая предосторожность не может быть лишней.

Эти слова убедили Дадеуса. Он встал на маленькую и неудобную для него платформу аппарата, и вокруг его головы медленно пополз тонкий лучик света. Процедура оказалась не столь уж быстрой, и император вышел из терпения.

— Вы совсем параноиками стали! Муравьи не посмеют ничего сделать мне. Если что-то такое выяснится, имперская армия в три дня уничтожит все их города. Муравьи, конечно, не в меру наглые, но они к тому же мыслят рациональнее всех прочих козявок. Их мышление работает как лучший компьютер. Они не станут разжигать

вражду под действием эмоций.

Пока он говорил, обследование завершилось. Никаких ненормальностей в черепе императора обнаружено не было. Почти сразу же ему доложили, что муравьи возвращаются в города динозавров, и положение дел быстро нормализуется.

— Тем не менее, ваше величество, я не уверен, что все разрешилось. Знаю я этих муравьев, — полушепотом сказал министр внутренних дел.

Дадеус улыбнулся:

— Твоя бдительность похвальна. Оставайся начеку, но учти, что мы их начисто переиграли.

— Но теперь все высокопоставленные чиновники, ученые и служащие, занимающие важные посты, будут регулярно проходить томографическое сканирование. Если, конечно, ваше величество соизволит поддержать наше предложение.

— Ладно, ладно, поддерживаю. Но все равно считаю, что вы параноики.

Дадеус не мог знать, что накануне двадцать муравьев тайно пролезли в дворцовый госпиталь. С наступлением ночи они забрались в каждый из шести имевшихся там томографов и уничтожили везде по всего одной микросхеме

— настолько маленькой, что динозавры даже не могли рассмотреть эту детальку. Аппараты после этого работали как ни в чем не бывало, вот только их чувствительность снизилась на двадцать процентов. И поэтому при обследовании императора сканер не заметил одну маленькую штучку, появившуюся в черепе Дадеуса, — очень маленькую, в десять раз меньше рисового зернышка, тщательно закрепленную на стенке мозговой артерии зерно-мину замедленного действия. Тысячу лет тому назад, во время Первой динозавро-муравьиной войны, солдаты-муравьи перегрызли такую же артерию в мозгу генерала Иксты, который тут же скончался от кровоизлияния в мозг на поле битвы перед Костяной цитаделью.

Для этой мины установили замедление в шестьсот шестьдесят часов. В те времена Земля вращалась быстрее, и в сутках было всего двадцать два часа. То есть мина в мозгу императора должна была взорваться через месяц.

Глава 13
Последняя война

— Что ж, придется признать: или мы уничтожим динозавров, или оба вида погибнут вместе, — констатировала верховный консул Качика, выступавшая с трибуны перед сенатом Муравьиной федерации.

— Я согласна с верховным консулом, — махнула с места усиками сенатор Бируби. — При сохранении нынешней тенденции у биосферы Земли только два пути: она погибнет либо от отравления выбросами промышленности динозавров, либо в результате ядерной войны между их великими державами, Гондваной и Лавразией!

Эти слова вызвали в сенате бурную реакцию.

— Хватит тянуть!

— Уничтожить динозавров и спасти цивилизацию!

— Пора принимать решительные меры!

— Тише, тише! Успокойтесь! — Жойя, министр науки Муравьиной федерации, решительно замахала усиками, призывая сенаторов к порядку. — Не забывайте, что симбиотические

взаимоотношения между муравьями и динозаврами существуют уже более двух тысяч лет. Наш союз — основа земной цивилизации. И сможем ли мы, муравьи, самостоятельно продолжать свою цивилизацию, если он перестанет существовать? Вы все хорошо знаете, какие выгоды получают от сотрудничества с нами динозавры — они очевидны и конкретны. Мы же получаем от динозавров — помимо чисто материальных благ — нечто нематериальное, но совершенно бесценное: их идеи и научные знания, жизненно необходимые для нашей цивилизации.

— Доктор, я много думала над этой проблемой, — перебила ее Качика. — Действительно, на первых порах существования союза идеи и знания динозавров были насущно необходимы для муравьиного общества. Они сыграли роль импульса, который привел нашу цивилизацию в движение. Однако мы две тысячи лет учились у динозавров и накапливали знания, так что сейчас муравьи отнюдь не столь просты и машиноподобны, как в далеком прошлом. Теперь мы тоже способны и к научному мышлению, и к техническому конструированию, и к изобретательству. Никто не станет спорить, что во многих областях, в частности микромашиностроении и

создании биокомпьютеров, мы опережаем динозавров. Так что без них наши технологии будут развиваться, как и прежде. Давно пора отвыкнуть воспринимать их как источник идей!

— Нет, нет! — Доктор Жойя взволнованно затрепетала усиками. — Верховный консул Качика, вы перепутали технологию и науку! Да, муравьи стали великолепными инженерами, но мы никогда не станем учеными! Сама физиология наших мозгов лишает нас двух качеств, присущих динозаврам: любопытства и воображения.

Сенатор Бируби раздраженно тряхнула головой:

— Любопытство и воображение? Доктор, не говорите ерунды! Неужели вы всерьез считаете, что этим качествам следует завидовать? Ведь именно они делают динозавров такими невротиками, из-за этих качеств их настроения меняются столь резко и непредсказуемо. Из-за них они тратят уйму времени на пустые мечты.

— Но сенатор, именно эти мечты и непредсказуемость делают возможными вдохновение и творчество. Они порождают теоретические исследования глубочайших законов вселенной, которые обеспечивают базу для технического прогресса. Без абстрактной теории изобретения

и технологические усовершенствования — все равно что пруд без источника, который неизбежно высохнет.

— Все поняли, что вы имеете в виду, — сказала Качика, нетерпеливо перебив доктора Жойю. — Но сейчас не время для нудных академических дискуссий. Доктор, перед муравьями сейчас стоит одна жизненно насущная дилемма: или мы уничтожаем динозавров, или погибаем вместе с ними!

Жойя ничего не сказала.

— Вы, ученые, много говорите, но мало делаете. Только бубните о теории, а как дойдет до дела, толку от вас — чуть! — добила ее Бируби и повернулась к Качике. — Госпожа верховный консул, следует ли из этого вывод, что Генеральный штаб Федерации уже разработал детальный план действий?

Качика кивнула:

— Так оно и есть, и маршал Жоли сейчас представит его нам.

На трибуну поднялась маршал Жоли, несколько дней назад командовавшая войсками муравьев во Второй битве при Костяной цитадели.

— Сейчас я покажу вам нечто новое. Маленькое изобретение, которое мы сделали самостоятель-

но, не полагаясь на наших учителей-динозавров.

По сигналу маршала двое муравьев вынесли две тонкие белые полоски, похожие на обрезки бумаги.

— Это разновидность самого традиционного муравьиного оружия — зерно-мины последней модели. Саперы Федерации разработали эти мины для использования в Последней войне.

Она подала знак усиками, и на сцену вышли еще четверо муравьев, тащивших два обрезка проводов того сорта, который чаще всего использовался в технических устройствах динозавров: красный и зеленый. Закрепив провода на специальной раме, муравьи туго обмотали каждый посередине белыми полосками, как изоляционной лентой. А через несколько секунд произошло нечто невероятное: полоски изменили цвет. Та, что на красном, стала красной, на зеленом — зеленой. Вскоре они стали неотличимы от проводов, к которым их прикрепили.

— Это новейшее оружие Федерации: хамелеонные зерно-мины. Стоит поместить их на место, и динозавры ни за что не смогут их найти!

Минуты через две зерно-мины взорвались с резким хлопком, и провода оказались порваны пополам.

— Когда придет время, Федерация развернет армию в сто миллионов муравьев. Часть этой армии уже вернулась к работе в мире динозавров, другая просачивается туда сейчас. Наша армия установит на провода технических средств динозавров двести миллионов хамелеонных зерно-мин! Мы дали этой кампании кодовое название «Операция «Отключение».

— О, поистине грандиозный план! — восхищенно воскликнула сенатор Бируби, опередив коллег, которые сразу же образовали восторженный хор.

— Параллельно развернется другая, столь же масштабная кампания. Федерация отправила еще одну армию, из двадцати миллионов муравьев, которые проникнут в черепа пяти миллионов динозавров и установят зерно-мины на их мозговых артериях. Это будут не случайные особи, а представители высшей элиты: правители государств, чиновники, ученые, ведущие специалисты техники. С устранением этих динозавров все их общество останется, фигурально выражаясь, без мозгов, поэтому мы назвали эту кампанию «Операция «Обезглавливание».

— Этот план представляется мне гораздо более трудным для осуществления, чем первый, — сказала Бируби. — Насколько я знаю, все заметные

персоны общества динозавров периодически проверяются на медицинском томографе высокого разрешения. Эту практику ввела Гондванская империя, и Лавразийская республика сразу же ее подхватила. И сам император Дадеус подает личный пример в этом деле.

— Первую зерно-мину операции «Обезглавливание» уже заложили, — не скрывая самодовольства, сообщила Качика. — Она находится на мозговой артерии Дадеуса, и поместила ее туда та самая медицинская делегация, которую я привела к нему, чтобы лечить глаз. После этого императора уже несколько раз обследовали томографами, и тем не менее мина благополучно стоит там, куда ее поместили.

— Вы хотите сказать, что мы разработали новую модель зерно-мины, которая не обнаруживается при томографическом исследовании? — удивилась доктор Жойя.

Качика покачала головой:

— Мы пытались, но безуспешно. Высокочувствительное томографическое сканирование — одно из высших совместных достижений муравьев и динозавров последних лет. Этот аппарат позволяет обнаружить и идентифицировать любые, самые мелкие отклонения от нормы в

мозгу динозавра. Конечно, если бы зерно-мина находилась в какой-то другой части его тела, ее было бы не так легко найти. Но чтобы одной миной убить динозавра или, по крайней мере, лишить его сознания и способности соображать, необходимо серьезно повредить мозговую артерию. Динозавры отлично это знают, и поэтому озаботились прежде всего обследованием мозга.

Жойя на некоторое время лишилась дара речи и лишь растерянно шевелила усиками.

— Прошу прощения, верховный консул, — сказала она после продолжительной паузы, но я не представляю себе, как можно не заметить такую зерно-мину. Я ведь лично возглавляла работы муравьев по проекту и знаю, насколько это мощное средство.

Теперь самодовольством преисполнилась маршал Жоли.

— Мой дорогой доктор, вы всегда все усложняете. Мы просто отправили подразделение электронщиков в императорский госпиталь и немного испортили все шесть томографов. Отключение одной микросхемы снизило чувствительность прибора на двадцать процентов, что полностью исключает обнаружение нашей мины.

— А что потом? Неужели вы действительно планируете заминировать мозги пяти миллионов динозавров? Это не… — Жойя осеклась на полуслове. — Но ведь испортить все томографы мира динозавров просто невозможно!

— Ничуть! По сравнению с операциями «Отключение» и «Обезглавливание» это очень просто. Не забывайте, что на сегодня в мире динозавров имеется лишь четыреста тысяч таких приборов. И чтобы разобраться со всеми потребуется не более пяти миллионов муравьев.

— Совершенно безумный план… — растерянно пробормотала феромонами главный ученый.

— Очень важная часть этой стратегии в том, что все взрывы произойдут одновременно! — продолжала Качика, принявшая последние слова ученой за одобрение. — Двести миллионов мин в технических устройствах и пять миллионов — в мозгах самых ценных динозавров взорвутся с разницей во времени не более секунды! Следовательно, ни одна часть мира динозавров не получит помощи от другой. Прежде всего полностью выйдет из строя информационная система. Почти сразу же начнут останавливаться их основные промышленные предприятия и транспорт. Поскольку диверсии равномерно накроют весь

мир динозавров, они никоим образом не смогут в приемлемые сроки вернуть к действию ни одну из этих систем. А устранение пяти миллионов персон, занимающих среди них верховное положение, ввергнет общество в настоящий шок. Оно начнет стремительно тонуть, как корабль, у которого среди океана вдруг отвалилось днище! Всем известно, что города динозавров потребляют неимоверное количество ресурсов. Проведенное нами компьютерное моделирование развития событий показывает, что после обрушения информационной, промышленной и транспортной систем две трети динозавров, живущих в городах, менее чем за месяц умрут от голода и жажды. Уцелевшие разбредутся по сельской местности. Треть из них не более чем через год погибнет под ударами наших вооруженных сил, а также от голода и болезней. Оставшиеся быстро деградируют до состояния примитивного общества доиндустриальной эпохи и больше не будут представлять опасность для мира муравьев. Так мы станем истинными властителями Земли.

— Госпожа верховный консул, а не могли бы вы сказать нам, когда наступит этот великий момент? — спросила сенатор Бируби, чуть ли не подпрыгивая от возбуждения.

— Все зерно-мины были настроены так, чтобы взорваться в полночь, через месяц от сегодняшнего дня.

Муравьи зашлись восторженными криками. Жойя отчаянно размахивала усиками, пытаясь призвать собравшихся к порядку, но тщетно. Лишь отчаянным усилием ей удалось наконец обратить на себя внимание.

— Перестаньте! Вы что, все с ума сошли? — выкрикнула феромонами Жойя. — Мир динозавров необозримо велик и чрезвычайно сложен. Внезапное крушение этой системы повлечет за собой непредсказуемые последствия!

— Доктор, какие последствия вы можете нам назвать помимо краха мира динозавров и полной победы Муравьиной федерации? — спросила Качика.

— Я же говорю: последствия будут непредсказуемыми!

— Ну, вот, яйцеголовая Жойя в своем репертуаре! — сердито бросила Бируби. — Она пугает, а нам не страшно. Надоели уже эти ваши штуки!

Остальные сенаторы, раздраженные неуместным, на их взгляд, скептицизмом руководительницы муравьиной науки, тоже недовольно заворчали.

Жоли подошла к Жойе и похлопала ее передней ногой. Маршал никогда не была склонна к проявлению эмоций и сейчас не присоединилась к общему восторгу.

— Доктор, — сказала она, — я понимаю ваши тревоги. Больше того, я даже частично разделяю их. Но мне приходится быть реалисткой, и я считаю, что у Муравьиной федерации нет иного выхода. Вы, ученые, не можете предложить ничего лучшего. Что касается ужасных последствий, о которых вы предостерегаете, то я считаю наиболее вероятным из них утрату контроля над ядерными арсеналами динозавров. Это оружие способно полностью истребить жизнь на Земле. Но не стоит слишком волноваться на этот счет. Да, действительно, ядерные арсеналы обеих держав полностью контролируются динозаврами, и муравьев допускают лишь к работам по обслуживанию техники, да и то под строгим надзором. Но для нашего спецназа попасть внутрь систем управления этим оружием — детская игра! В ядерных системах мы установим вдвое больше зерно-мин, чем во всякой другой электронике. Когда подойдет назначенное время, системы атомного оружия не сработают, как и все остальное. Ни одна из боеголовок не взорвется.

Жойя вздохнула:

— Маршал, все гораздо сложнее. Главный вопрос в том, понимаем ли мы на самом деле мир динозавров.

На сей раз эти слова расслышали все и на мгновение стихли.

— Доктор, — сказала Качика, смерив министра взглядом, — во всех закоулках мира динозавров вот уже три тысячи лет живут муравьи! Откровенно говоря, ваши слова кажутся мне по меньшей мере странными.

Жойя скорбно пошевелила усиками.

— Все же нельзя забывать о том, что муравьи и динозавры это два очень сильно различающихся между собой вида и обитаем мы в несопоставимых, в общем-то, мирах. Интуиция подсказывает мне, что в мире динозавров имеются великие тайны, о которых мы не знаем ровным счетом ничего.

— Говорите конкретно! А если вы намерены и дальше ходить вокруг да около, нам лучше перейти к другим темам, — вспылила Бируби.

— Конкретно? Хорошо. Я прошу экстренно создать систему сбора разведывательных данных, — ответила Жойя. — Одновременно с установкой зерно-мин в мозгах динозавров за-

креплять в ушной улитке микрофон-передатчик. Я возглавлю группу, которая будет собирать и анализировать полученную информацию, чтобы как можно скорее выяснить то, что оставалось для нас неизвестным.

— Подготовка к операции «Обезглавливание» завершится уже через полмесяца, — сказала Жоли. — Ваша группа просто захлебнется в информации, приходящей с пяти миллионов подслушивающих устройств. Даже если вы будете, что называется, в лепешку расшибаться, все равно мины взорвутся раньше, чем вы успеете проанализировать хотя бы малую часть информации.

Жойя опустила усики:

— Потому-то, маршал, я прошу сделать для мин замедление на два месяца, чтобы мы смогли проанализировать как можно больше. Я уверена, что нам удастся узнать нечто важное.

— Хватит! — повысила голос Качика. — Операция откладываться не будет. За месяц мы успеем поставить зерно-мины всюду где надо, и этот срок не будет растянут ни на секунду. Задержки только усугубят положение, поэтому мы должны действовать как можно быстрее. Кроме того, я не верю, что мы можем хоть чего-то не знать о мире

динозавров!

Глава 14
Зерно-мины

Император Гондваны Дадеус в сопровождении министров внутренних дел и государственной безопасности направлялся в Башню связи Валунного города, являвшейся сердцем информационной сети державы. Здесь сосредоточивалась и обрабатывалась вся информация, которой столица обменивалась с империей. На материке было свыше сотни таких центров — узлов информационной сети.

Дадеус и министры вошли в просторный зал управления Башни связи, где сияло множество компьютерных экранов. Динозавры, работавшие за ними, тут же почтительно встали, увидев императора.

— Кто руководит сменой? — спросил министр внутренних дел. Двое динозавров вышли вперед и представились; один был дежурным инженером, а второй — начальником охраны.

— Что скажете о работающих здесь муравьях? — спросил министр.

— Они все взяли выходной сегодня, — ответил

инженер. Министр внутренних дел кивнул.

— Вы должны были получить циркуляр Министерства государственной безопасности о проведении тщательной проверки всех компьютеров и сетевого оборудования для предотвращения возможных диверсий со стороны муравьев. Такие проверки проводятся по всей империи, во всех учреждениях и на всех предприятиях. И они будут гораздо тщательнее и глубже, чем все, что делалось раньше. Его императорское величество соизволил прибыть, чтобы лично проверить вашу работу.

— Мы начали проверку в ту же минуту, как получили циркуляр. На сегодня основное оборудование проверено дважды, охранные меры усилены. Могу заверить ваше величество, что центр в безопасности, — заявил дежурный инженер.

— Покажи нам самую важную часть центра, — сказал Дадеус.

— В таком случае прошу ваше величество в серверную.

Инженер вопросительно взглянул на министра внутренних дел, дождался кивка и повел императора с его высокопоставленными сопровождающими в святую святых сетевого центра

— серверный зал. По сторонам прохода тянулись стройные ряды закрытых шкафов. В белых корпусах негромко, как живые существа, гудели массивные компьютеры, стремительно обрабатывая неимоверные массивы информации, поступающей со всего мира.

— Что вы предприняли для обеспечения безопасности этих устройств? — спросил министр внутренних дел.

— Муравьям, работающим в центре связи, категорически запрещено бывать в этом зале без специального разрешения. Все ремонтные работы проводятся под непрерывным наблюдением динозавров, — ответил начальник охраны и извлек из-за дверцы серверного шкафа увеличительное стекло. — Извольте видеть, ваше величество: с их помощью мы наблюдаем за работой муравьев. Все время, пока они находятся внутри сервера, динозавры с них глаз не сводят. — Он обвел зал широким жестом лапы, указывая, что такие стекла висят на двери каждого шкафа.

— Очень хорошо, — кивнул министр внутренних дел. — Ну а каким образом вы предотвращаете проникновение посторонних муравьев?

— Прежде всего мы герметично закрываем серверный зал, чтобы исключить их доступ.

— Пф-ф-ф! Герметично закрываете, говорите? Это же смешно! — вдруг взорвался почти все время молчавший министр государственной безопасности. — Видел я самое герметичное помещение всего нашего мира — сейф Имперского банка Гондваны, где хранится муравьиная валюта. Можете себе представить, как тщательно и плотно закрывается этот сейф? Оттуда натуральным образом можно выкачать воздух до состояния вакуума и снаружи никак не пробраться через бронированные гермодвери. Банкиры рассчитывали, что детекторы поступления газа защитят хранилище от дерзкой банды грабителей-муравьев, обчищавшей крупные банки. Предполагалось, что как только те проделают отверстие в стене, газ пойдет в помещение и датчик поднимет тревогу. Но хранилище вычистили, а сигнал тревоги так и не поступил. Даже внимательно изучив место преступления, мы так и не узнали, каким образом муравьи пробрались внутрь. Я подозреваю, что они смонтировали на внешней стороне стены миниатюрную вакуумную камеру и сделали проход оттуда, а вычистив хранилище, заделали дыру, и воздух туда не пошел. Хитрости муравьев для нас просто непостижимы. К тому же крохотный размер дает им

целый ряд преимуществ. Увы, никакие замки не обезопасят от них крупные здания в наших городах.

— А хотя бы сами серверы можно герметично закрыть, чтобы муравьи-диверсанты не смогли туда проникнуть? — спросил Дадеус.

— Тоже практически невозможно, ваше величество, — ответил министр госбезопасности. — Во-первых, без некоторых отверстий они просто не будут работать: необходима подача воздуха для охлаждения, где-то должны проходить провода, и без дисководов, как ни крути, не обойтись. Кроме того, даже полная герметизация не гарантирует защиту от муравьев. Как вы знаете, они несравненные бурильщики. Это инстинкт, сохранившийся с тех пор, когда они обитали в подземных гнездах. У них есть крохотные, но очень эффективные инструменты, позволяющие делать отверстия в любых материалах. Так что единственная надежная защита — это двойная, тройная, в общем, непрерывная проверка. Нельзя ни на минуту терять бдительность! — Последнюю фразу министр адресовал инженеру и начальнику охраны.

— Так точно, господин министр! — дружно рявкнули сотрудники информационного центра.

Министр остановился перед одним из серверов и неожиданно приказал:

— Проверьте эту машину!

Начальник охраны вынул переговорное устройство, сказал несколько слов, и в зал поспешно вошли пятеро динозавров-инженеров с мощными фонарями, увеличительными стеклами и множеством разнообразных инструментов. Открыв дверцу, они приступили к тщательному осмотру компьютера изнутри. Работа оказалась непростой — детали и провода были собраны в тугие узлы, — но динозавры скрупулезно осматривали через лупы каждый сантиметр, как будто читали длинный рассказ, записанный на множестве свитков, или разбирались в затейливом лабиринте.

Через некоторое время — Дадеус и министры уже начали проявлять первые признаки нетерпения — один из инженеров воскликнул:

— О, я что-то нашел! Это же зерно-мина! — Он протянул увеличительное стекло императору. — Ваше величество, вот она, на зеленом проводе.

Император посмотрел сквозь лупу и одобрительно кивнул. Другой динозавр достал миниатюрный пылесос, похожий на авторучку, поднес кончик к проводу, нажал на кнопку, и желтая

крошка исчезла в резервуаре.

— Отлично! — Министр госбезопасности похлопал по плечу инженера, обнаружившего закладку, и повернулся к Дадеусу: — Ваше величество, эту имитацию зерно-мины установили здесь по моему приказу, чтобы проверить эффективность мер контроля безопасности, принятых в информационном центре.

На императора все это не произвело особого впечатления.

— Хм-м, я все же не уверен. Ты сам сказал, что муравьи очень мелкие и хитрые и, если всерьез решат устроить каверзу, им трудно помешать. Я, как и прежде, считаю, что на них действует только угроза адекватного воздаяния. А еще лучше — воздаяния сторицей. Мы как следует напугали Муравьиную федерацию, разрушив два ее крупнейших города, и напомнили, что их мир для нас все равно что детская песочница. Мы, динозавры, способны за какие-то один-два дня, не прилагая особых усилий, уничтожить все муравьиные города на Земле. При таких обстоятельствах они просто не осмелятся устраивать какие-то диверсии против нашего мира. Они чрезвычайно рациональны и действуют, руководствуясь бесстрастными, механистическими

соображениями. Присущий им образ мышления просто не позволит предпринять что-нибудь излишне рискованное.

— Ваше величество безусловно правы, но, знаете ли, мне минувшей ночью приснился кошмар, в котором присутствовал другой возможный вариант.

— Тебе последнее время то и дело снятся кошмары.

— Дело в том, что интуиция говорит, прямотаки кричит: нам грозит огромная опасность. Ваше величество, стратегия устрашения, которой придерживается империя, основана на предположении, что, если муравьи решатся уничтожить часть мира динозавров, мы нанесем сокрушительный ответный удар по муравьиному миру. Но что, если муравьи смогут одновременно поразить весь наш мир? Если у них получится такое, мы просто не сможем никак им ответить и, следовательно, уже не сможем еще раз напугать их.

Дадеус ненадолго задумался и мотнул головой.

— Вариант, который ты описываешь, крайне маловероятен даже теоретически. Такого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Ваше величество, это оборотная сторона механистического устройства мышления муравьев:

если хоть малейшая теоретическая возможность успеха существует, они пойдут на это действие. Со своей упрощенной способностью оценки мира они не увидят тут ничего безумного.

— Я все же думаю, что такое крайне маловероятно. К тому же империя принимает чрезвычайно строгие меры безопасности. Если муравьи затеют крупномасштабную операцию, мы незамедлительно узнаем об этом. Тревожиться сейчас надо не из-за муравьев, а из-за лавразийцев. Вот от них исходит реальная опасность, которая с каждым днем все усиливается!

Дадеуса слушали не только динозавры. В серверной присутствовали еще и двадцать муравьев-солдат, надежно спрятавшихся за материнской платой этого самого сервера. Пять часов назад они проникли в Коммуникационную башню по наружной стороне водопроводной трубы, а потом через мелкие щели в полах пробрались в серверную и через вентиляционные отверстия — внутрь корпуса сервера. Министр госбезопасности был прав: муравьи могли без малейшего труда проникать в колоссальные, по их меркам, здания и технические средства.

Услышав приближение группы динозавров, муравьи поспешно спрятались за материнскую

плату, которая превышала размером футбольный стадион Костяной цитадели. Почти сразу же дверь серверного шкафа открылась. Через щель в материнской плате они увидели увеличительное стекло, закрывшее все небо, а за ним гигантский глаз инженера, искаженный увеличением. Муравьи перепугались, но динозавр не заметил их. Больше того, обнаружив ложную зерно-мину, установленную одним из его соплеменников, он не заметил настоящей мины — полоски, которой муравьи обмотали провод совсем рядом с ней, она только-только успела слиться цветом с проводом и стала совершенно невидимой. А еще — доброй дюжины таких же зарядов, обмотанных вокруг проводов разного цвета и толщины.

На плате муравьи разметили также несколько мин-накладок. Они меняли цвет еще лучше, чем полоски, — разные их участки окрашивались по-разному и точно соответствовали тем частям печатной платы, поверх которых их наклеивали, так что обнаружить их было даже труднее, чем полоски на проводах. Эти мины отличались от прочих принципом действия: они не взрывались, а выпускали точно в назначенное время несколько капель крепкой кислоты, которая растворяла проводники, напечатанные на плате.

Естественно, муравьи слышали все разговоры от первого до последнего слова. Когда дверь шкафа закрылась, в сервере сразу же воцарилась ночь. Лишь индикатор электропитания одиноко сиял, как изумрудная луна. Ровное жужжание вентилятора, создававшего легкий ветерок, и мерное пощелкивание жесткого диска усугубляли обманчивое впечатление того мира, где муравьи сейчас находились.

— Знаете, а этот министр у динозавров — толковый, — сказал феромонами один из солдат. — Если наша Федерация поступит так, как он говорит, мы действительно сможем разрушить мир динозавров.

— Может быть, мы сейчас как раз этим и занимаемся, откуда ты знаешь? — ответил другой.

Солдаты не знали, хоть и догадывались, что их взвод — не единственный сейчас в Коммуникационной башне. В каждом сервере, в каждом электрощитке этажом ниже находилось по отряду муравьев, занимавшихся примерно тем же, чем и они. Мысль о том, что сотни миллионов муравьев на всех континентах одновременно занимаются одним и тем же делом, мало кому могла прийти в голову.

В ту ночь министра внутренних дел Бабата

мучил кошмар. Он видел во сне, что темная масса муравьев ползет через ноздри в глубь его тела и выходит изо рта длинной узкой лентой. Каждый выходивший муравей держал что-то в жвалах, и это было кусочками его внутренностей. Покинув пасть, они бросали эти кусочки и снова лезли в нос, образовав замкнутое кольцо. Бабата чувствовал, как внутри у него разрастается пустота…

Кошмар министра имел определенную связь с действительностью. В то самое время пара муравьев действительно пробиралась по его ноздре. Муравьи-солдаты забрались в его кровать еще днем, надежно спрятались под подушкой и дождались времени, подходящего для их плана. Сейчас, пролетая в воздухе приличные отрезки пути, всякий раз, когда динозавр вдыхал, они преодолевали его носовую полость, откуда перебрались в череп и с ловкостью профессионалов вышли к мозгу.

Один из муравьев, освещавший путь крохотным налобным фонариком, быстро нашел главную мозговую артерию. Второй прикрепил к ее прозрачной стенке желтую зерно-мину. Затем они покинули мозг и по другим извилистым путям, пролегавшим внутри черепа, добрались до уха. Сквозь полупрозрачную мембрану бара-

банной перепонки просачивался тусклый свет, а слабые наружные звуки, усиленные улиткой, превращались здесь в гулкий рокот. Двое муравьев начали устанавливать за барабанной перепонкой подслушивающее устройство.

А министра внутренних дел Гондванской империи динозавров продолжал терзать кошмар. Ему снилось, что муравьи вынули из него все внутренности и теперь заселяются в его утробу, намереваясь устроить там свой город… Он проснулся в холодном поту.

Двое муравьев торопливо возились в его внутреннем ухе, и вдруг мир зашатался, сила тяжести резко усилилась.

Они сразу поняли, что динозавр проснулся и сел в постели. А затем полутемное помещение заполнилось ревом, оглушившим муравьев чуть ли не до потери сознания. Это был голос динозавра, дошедший сюда в основном как вибрация черепных костей.

— Стража! Стража!

Очень скоро ему ответил другой голос, донесшийся на сей раз снаружи. Барабанная перепонка вибрировала с такой силой, что, казалось, вот-вот лопнет.

— Господин министр, что случилось?

— Срочно томограф сюда! Мне необходимо обследование!

Муравьи тревожно переглянулись.

— Что делать будем? — спросил один. — Продырявим перепонку и уйдем через слуховой канал?

— Не выйдет. Они нас обнаружат. Давай-ка спрячемся в легких. Обычно они ограничиваются осмотром головы.

Оставив подслушивающее устройство, которое они все же успели установить, муравьи устремились в темноту. Достигнув носовой полости, они резко свернули и вскоре достигли дыхательного хода. Дождавшись, пока динозавр вдохнет, они подпрыгнули и полетели с ураганом по трахее прямо в легкие. В темноте отчетливо слышалось непрерывное журчание, какое бывает в лесу во время ливня, это происходил воздухообмен в альвеолярных мешочках. Снаружи доносился негромкий гул работающего томографа. Через несколько минут послышался новый голос. Звуки доходили до легкого сильно приглушенными, но муравьи тем не менее разобрали каждое слово.

— Господин министр, сканирование завершено. Никаких аномалий не обнаружено.

Муравьи, цеплявшиеся за стенку легкого, ощутили, как давление резко поднялось и тут же

начало снижаться: это динозавр вздохнул с облегчением.

— Господин министр, вы уже третий раз за ночь требуете провести сканирование, и каждый раз ничего не обнаруживается. Мне кажется, вы чрезмерно волнуетесь.

— Чрезмерно?! Да что вы, дураки, понимаете! Целый день все талдычат об угрозе со стороны Лавразии, лихорадочно готовятся к ядерной войне! Похоже, только я один во всей империи еще способен трезво мыслить и понимаю, откуда исходит настоящая опасность!

— Но… ни одно из обследований, предпринятых за последние дни, не выявило никаких аномалий.

— А я думаю, исправны ли ваши аппараты?

— Господин министр, они определенно в полном порядке. Мы использовали все томографы императорского госпиталя. А вечером, согласно вашему указанию, привезли аппарат из крупной городской больницы. Результаты полностью совпадают.

Министр внутренних дел ничего не ответил, снова лег в постель и вскоре погрузился в тревожный сон. Муравьи благополучно выбрались из его легких и, оставшись незамеченными, сбежали по

ножке кровати, пересекли обширное пространство пола до стены и покинули спальню.

Тем временем на всех континентах двадцать миллионов муравьев под покровом ночи забирались в черепа пяти миллионов динозавров и размещали смертоносные зерно-мины на мозговых артериях. Одновременно они установили подслушивающие устройства на барабанных перепонках миллиона динозавров, включая императора Дадеуса и президента Додоми. Через ретрансляторы, которыми была усеяна вся планета, в суперкомпьютер Главного командования Муравьиной федерации стекались мощные потоки информации, где ее старательно анализировал новый отдел, спешно организованный министром науки Жойей. Муравьям открывалась масса неведомых прежде тайн мира динозавров.

Глава 15
«Яркая Луна» и «Император моря»

Возглавлявшая Главное командование Муравьиной федерации верховный консул Качика и ее заместительница маршал Жоли держали под неусыпным контролем всю подготовку к уничтожению мира динозавров. Два больших экрана непрерывно демонстрировали ход развития операций «Отключение» и «Обезглавливание». В нижней строке экрана «Отключение» безостановочно сменялись цифры, отражающие количество установленных в запланированные места разнообразных мин, а выше располагалась карта мира. Континенты были плотно испещрены светящимися точками, кружками и стрелками, указывающими расположение мин и другие подробности операций. А на экране операции «Обезглавливание» цифровая строка указывала количество мин, заложенных в мозгах динозавров.

Как только число менялось, рядом высвечивались имя и должность очередного динозавра, получившего смертоносную мину.

— Похоже, что все идет строго по плану, — сказала маршал, обращаясь к Качике. И тут в помещение вошла министр науки Федерации доктор Жойя.

— Ах, доктор Жойя, уже неделю вас не видела, — с холодком сказала Качика. — Вы все так же погружены в анализ результатов подслушивания? Судя по мрачному виду, вы пришли, чтобы открыть нам какую-то потрясающую тайну.

Жойя утвердительно качнула усиками:

— Совершенно верно. Мне необходимо безотлагательно побеседовать с вами обеими.

— Мы очень заняты, так что прошу быть краткой.

— Я хотела бы, чтоб вы послушали запись вчерашних переговоров Дадеуса и Додоми на Гондвано-Лавразийском саммите.

— Какие еще тайны могут открыться на этом саммите? — недовольно бросила Качика. — И без того всем известно, что переговоры о взаимном ядерном разоружении в очередной раз провалились. Война между Гондваной и Лавразией неизбежна, а это лишний раз подтверждает правильность нашей стратегии. Мы обязаны уничтожить динозавров, прежде чем они развяжут ядерную войну, чтобы спасти Землю и все

живое на ней.

— Это совершенно верный вывод из пресс-релиза. Но я хочу, чтобы вы послушали, что правители говорили наедине друг с другом. В этом разговоре открылось нечто такое, чего мы прежде не знали о динозаврах.

Зазвучала запись.

ДОДОМИ: Ваше величество, вы знаете, почему муравьи так быстро капитулировали и даже не высказали никаких претензий? Не может быть никаких сомнений в том, что таким образом они хотели всего лишь выиграть время. Муравьиная федерация готовит против мира динозавров какой-то очень серьезный удар.

ДАДЕУС: Господин президент, вы что, действительно считаете, что я настолько туп, что не замечаю очевидного? Но на фоне принятого Лавразией решения связать «Яркую Луну» с таймером потери команды угроза со стороны муравьев… Да что там говорить, даже опасность применения вами ядерного оружия кажется чем-то маловажным.

ДОДОМИ: Вынужден согласиться, что «Яркая Луна» и «Император моря» гораздо опаснее для цивилизации на Земле, чем все муравьиные происки и даже ядерная война. Так что давайте

на этом и сосредоточимся, согласны? И не надо указывать пальцем на нас: мы ведь оба знаем, что отсчет «Императора моря» пошел раньше.

— Стоп, стоп, стоп! — Качика недовольно взмахнула усиками. — Доктор, я не понимаю, о чем они говорят.

Жойя приостановила воспроизведение.

— В этом диалоге две важнейшие единицы неизвестной нам информации: «Яркая Луна» и «Император моря», а также таймер потери команды.

— В разговорах лидеров держав динозавров то и дело встречаются непонятные кодовые названия. Что вас на этот раз так встревожило?

— Из этого разговора следует однозначный вывод: эти штуки представляют особую опасность и угрожают существованию всего мира.

— Если рассуждать логически, такого просто не может быть. Доктор, все, что может представлять реальную опасность для целого мира, необходимо очень долго готовить, монтировать и настраивать. Взять хоты бы межконтинентальные ракеты — чтобы истребить цивилизацию, их потребуется более десяти тысяч. Вы в состоянии представить себе такие пусковые мощности?! Тем более что столь крупная и сложная систе-

ма не может удовлетворительно работать без нашего участия в строительстве и техническом обслуживании. Проще говоря, если бы что-то подобное появилось, Муравьиная федерация гарантированно знала бы об этом. Кстати, обе державы динозавров не в состоянии без нас, самостоятельно, поддерживать в работоспособном состоянии свое ядерное оружие, так что нам о них известно все, что следует знать.

— Тут я с вами полностью согласна, консул. Никакое крупное сооружение скрыть от нас невозможно, а вот нечто более скромного размера — вполне получится. Если они смогут работать с таким устройством без помощи муравьев — например, с одиночной межконтинентальной ракетой и ее пусковой установкой, — она долго будет оставаться годной к применению, а мы не будем ничего знать о ней. Возможно, «Яркая Луна» и «Император моря» — оружие как раз такого рода.

— В таком случае нам и подавно не следует волноваться. Подобные мелкие отдельные установки вряд ли способны представлять угрозу для планеты. Как я уже сказала, чтобы уничтожить Землю, нужны многие тысячи единиц термоядерного оружия.

Жойя помолчала несколько секунд, а потом наклонилась к Качике так, что их усики скрестились, а глаза чуть ли не соприкоснулись.

— В том-то и суть вопроса, консул. Действительно ли атомные бомбы — самое мощное оружие, существующее на Земле?

— Доктор, да ведь это же всем известно!

Жойя отодвинулась и печально повесила усики.

— Совершенно верно: это всем известно, и в этом как раз и состоит фатальный недостаток нашего, муравьиного, мышления. Мы довольствуемся тем, что всем известно, тогда как динозавры постоянно глядят в новые, неисследованные области. Динозавры в своих астрономических обсерваториях обнаружили далекие звездные объекты, излучающие больше энергии, чем целые галактики, и назвали их квазарами. Рядом с ними энергия термоядерного синтеза казалась безобиднее светлячка, летающего в лесу. Они также установили, что материя, проваливающаяся в межзвездную черную дыру, излучает чрезвычайно сильную радиацию, также на много порядков превышающую ту, что образуется при слиянии ядер.

— Но объекты, о которых вы говорите, находят-

ся за тысячи световых лет от нас. Они просто не имеют отношения к реальной жизни.

— В таком случае позвольте напомнить кое о чем, имеющем к реальной жизни самое прямое отношение: вы помните, как три года назад в ночном небе появилось новое солнце?

Конечно же, Качика и Жоли помнили об этом. Этот беспрецедентный случай произвел на всех глубокое впечатление. Действительно, холодной зимней ночью над Южным полушарием неожиданно вспыхнуло новое солнце. В тот же миг на ночной стороне Земли стало светло как днем. Свет был так ярок, что те, кто решался посмотреть на новое светило, временно лишались зрения. Оно начало меркнуть уже секунд через двадцать, но за это время его свет и тепло превратили холодную зимнюю ночь в знойный летний день. Воды от стремительно растаявшего снега затопили множество городов. Случившееся потрясло муравьиный мир. Но когда муравьи обратились к динозаврам, пытаясь выяснить, что случилось, их ученые так и не дали никакого ответа, и нелюбопытные от природы муравьи вскоре перестали думать об этом казусе.

— Единственное вменяемое объяснение мне тогда удалось получить в одной из наших обсер-

ваторий. Астрономы сказали, что новое солнце вспыхнуло примерно на расстоянии одной астрономической единицы от Земли, то есть на примерно таком же удалении, какое отделяет нас от Солнца, но с другой стороны. Из оценки расстояния и силы потока излучения, попавшего на Землю, можно было сделать вывод и о силе свечения нового солнца. Если бы такая большая энергия была результатом ядерной реакции, космический объект должен был оказаться довольно большим. Но астрономические наблюдения никакого столь крупного объекта не выявили. Короче говоря, не исключено, что в Солнечной системе происходят высокоэнергетические процессы, которые гораздо сильнее термоядерного синтеза.

Качику эти слова не убедили.

— Доктор, и это тоже не имеет никакой связи с реальностью. Даже если такие процессы существуют, я ни за что не поверю, что динозавры смогли доставить их источники на Землю. Это совершенно невозможно. Вы не хуже меня знаете, какое большое расстояние — астрономическая единица. Космическая техника динозавров функционирует в основном на околоземной орбите. Вряд ли им под силу путешествия в столь даль-

ний космос.

— Я тоже долго так думала, но… — Жойя не стала заканчивать фразу. — Давайте еще немного послушаем запись. — Она вновь включила воспроизведение.

ДАДЕУС: Мы ведем очень опасную игру, просто недопустимо опасную. Лавразия должна немедленно вывести «Яркую Луну» из режима «таймер потери команды» или по меньшей мере перевести ее под управление стандартного таймера. Как только вы это сделаете, Гондвана поступит аналогичным образом.

ДОДОМИ: Пусть Гондвана сначала остановит таймер «Императора моря»! Лавразия сразу же последует вашему примеру.

ДАДЕУС: Это же Лавразия первой активировала таймер «Яркой Луны»!

ДОДОМИ: Но, ваше величество, если бы три года назад, четвертого декабря, гондванский космический корабль не устроил эффектное представление в космосе, ни «Яркая Луна», ни «Император моря» вообще не возникли бы! Та штука летела бы себе своей дорогой и спокойно пролетела бы мимо Земли.

ДАДЕУС: Это был научный эксперимент…

ДОДОМИ: Ну, хватит! Сколько можно повторять

эту бессмысленную ложь?! Именно Гондванская империя толкнула всю цивилизацию Земли на край пропасти. Вы просто преступники, и не вам выдвигать какие-то претензии в адрес Лавразии!

ДАДЕУС: Из этого следует, что Лавразийская республика не намерена первой идти на уступку?

ДОДОМИ: А как насчет Гондванской империи?

ДАДЕУС: Отлично! Значит, никому из нас вовсе дела нет до предстоящей гибели Земли?

ДОДОМИ: Если вам нет дела, то и мне тоже.

ДАДЕУС: Ха-ха-ха! Ну что ж, ну что ж… Нам, динозаврам, редко когда и до чего есть дело.

Жойя вновь остановила воспроизведение и повернулась к Качике и Жоли.

— Думаю, вы обратили внимание на дату, упомянутую в разговоре.

— Четвертого декабря, три года назад, — ответила Жоли. — Как раз тот день, когда вспыхнуло новое солнце.

— Совершенно верно. Весь разговор вращается вокруг этой оси. Не знаю, как вы, а у меня все щетинки встали дыбом.

— Было бы неплохо, министр, если бы вы более внятно объяснили ваши опасения, — с прежним холодком сказала Качика.

Жойя вздохнула:

— Если бы это было так просто… Чтобы раскрыть этот секрет, лучше всего было бы подключиться к военным компьютерным сетям динозавров, но, увы, наши компьютеры структурно несовместимы с ними. Поэтому, хотя мы легко можем физически проникать в корпуса любых их компьютеров, добраться до данных, используя наше программное обеспечение, не получится. В ином случае зачем было бы идти на столь сложные меры, как установка подслушивающих устройств в головах динозавров? Как бы там ни было, я не верю, что нам удастся раскрыть эту тайну за время, имеющееся в нашем распоряжении.

— Хорошо, доктор, я предоставлю вам дополнительные штаты для обработки информации. Однако заранее, предупреждаю: ничего из того, что вам удастся выяснить, никак не повлияет на планы тотальной войны, которую мы ведем против динозавров. В данный момент мои щетинки могут встать дыбом лишь по одной причине: от мысли, что истребить динозавров не удастся. Я считаю, что вы пребываете в заблуждении, которое может пойти во вред великому делу федерации.

Жойя молча повернулась и покинула зал. На

следующий день она не вышла на работу.

Глава 16
Измена

Двое солдат-муравьев уходили из дворца императора Гондваны через щель под входными дверями. Эта пара была последней из трех тысяч муравьев, которые занимались установкой мин в компьютерных системах дворца и в черепах динозавров, занимавших руководящие посты. Затем им предстояло преодолеть несколько высоченных ступеней парадной лестницы. На первом же обрыве они заметили еще одного муравья, который карабкался им навстречу.

— Вот те на! Это же доктор Жойя! — удивленно сказал один из солдат другому.

— Министр науки федерации? Совершенно верно! Это она.

— Доктор Жойя! — Солдаты приветствовали выдающуюся ученую энергичным выбросом феромонов.

Посмотрев на них снизу вверх, Жойя, похоже, растерялась и чуть не метнулась в сторону, но тут же овладела собой.

— Доктор, что вы здесь делаете?

— Мне необходимо… э-э… проверить установку зерно-мин во дворце.

— Все закончено. Саперы уже ушли. — Солдат немного помолчал. — Столь высокопоставленным чиновникам незачем самолично лезть в такие дела. Это очень опасно!

— Мне… мне все же необходимо взглянуть своими глазами. Как вы понимаете, это вопрос высочайшей важности, — с этими словами она быстро поползла наверх и вскоре скрылась из виду.

— Тебе не кажется, что с ней что-то не так? — задумчиво произнес первый солдат, глядя ей вслед.

— Знаешь, кажется. Где твоя рация? Давай-ка быстренько сообщим об этом командиру.

Император Дадеус проводил совещание с главными силовыми министрами, и вдруг в кабинет вошел секретарь.

— Ваше величество, министр науки Муравьиной федерации просит срочной аудиенции.

— Пусть подождет. Я приму ее, когда мы закончим наши дела, — ответил Дадеус и лапой указал секретарю на дверь.

Тот вышел, но почти сразу же вернулся.

— Она говорит, что дело чрезвычайно важное

и настаивает на немедленной встрече. И просит, чтобы в ней, если можно, участвовали министры внутренних дел и госбезопасности, а также начальник Генерального штаба имперской армии.

— Вот нахалка! Манеры этих букашек просто никуда не годятся! Пусть ждет или проваливает.

— Но она… — Секретарь взглянул на министров и почтительно склонился к монаршьему уху: — Она утверждает, что изменила своему государству.

Министр внутренних дел счел нужным вмешаться:

— Жойя — одна из важнейших фигур в их правящих кругах. Причем резко выделяется своим образом мыслей. Если она говорит правду, то действительно лучше выслушать ее незамедлительно.

— Ну ладно, тащи ее сюда, — приказал Дадеус и указал на свой широкий стол, за которым сидели участники совещания.

— Я пришла к вам, чтобы спасти Землю, — сказала Жойя и, выпрямившись во весь рост, обвела взглядом громады динозавров, возвышавшиеся вокруг. Прибор без задержки перевел ее феромонную речь на язык динозавров и воспроизвел через спрятанные где-то динамики.

Дадеус скептически ухмыльнулся:

— Хм, какие громкие слова! Земле, на мой взгляд, ничего не грозит.

— Вскоре вы измените свое мнение, ваше величество. Но прежде я попрошу вас ответить на один вопрос: что такое «Яркая Луна» и «Император моря»?

Динозавры сразу насторожились и переглянулись. Последовала продолжительная пауза, и в конце концов Дадеус спросил:

— А почему вы решили, что мы скажем это вам?

— Ваше величество, если это то, о чем я думаю, то я раскрою вам секрет наивысшей важности, напрямую связанный с выживанием мира динозавров. Это будет вполне эквивалентный обмен.

— А если это окажется не то? — угрюмо спросил Дадеус.

— Тогда я не раскрою вам секрет. Хотите — убейте меня или держите взаперти, чтобы сохранить свою тайну. В любом случае вы ничего не потеряете.

Дадеус молчал еще несколько секунд, а потом кивнул коллеге Жойи, министру науки империи, сидевшему за столом слева от него.

— Расскажи ей.

* * *

В Ставке Главного командования Муравьиной федерации маршал Жоли положила телефонную трубку и с мрачным видом повернулась к верховному консулу Качике.

— Жойя обнаружилась. Двое солдат из двести четырнадцатой дивизии встретили ее, возвращаясь с минирования. Она входила во дворец императора Гондваны. Похоже, мы не зря подозревали ее. Она предала нас.

— Ах, гнусная изменница! Представляю, что она рассказала динозаврам. Но мы ведь можем сами это услышать — ведь подслушивающие устройства внедрили всем динозаврам, обитающим во дворце, да?

— Жойя испортила ретранслятор, обслуживающий дворец. Туда уже отправили ремонтную бригаду, но пока еще они доберутся…

— В любом случае я уверена, что она пошла туда, чтобы выдать военные планы федерации.

— Наверняка. А это значит, что вся наша операция оказалась под угрозой!

— Насколько выполнены планы постановки мин?

— Операция «Разъединение» — на девяносто

два процента. «Обезглавливание» — на девяносто процентов.

— Возможно ли взорвать мины раньше запланированного времени?

— Конечно. Все зерно-мины могут взорваться или по установленному таймеру, или по сигналу. Сеть ретрансляторов по всему миру динозавров уже смонтирована, так что мы можем в считаные секунды взорвать все заложенные мины. Верховный консул, нельзя терять ни минуты! Отдавайте приказ!

Качика повернулась к огромному экрану, на котором демонстрировалась карта мира, некоторое время смотрела на континенты, переливавшиеся разноцветными огнями, а потом сказала:

— Что ж, пора открыть новую страницу истории Земли. Взрывайте!

* * *

— В чем же дело, доктор? Вы откроете нам обещанный секрет? — спросил Дадеус.

Жойя вздрогнула, как будто ее отвлекли от глубоких раздумий.

— Это… это ужасно! Какие же вы все чудовища! Впрочем, мы, муравьи, ничуть не лучше… Немедленно звоните верховному консулу Муравьиной

федерации!

— Вы так и не ответили…

— Ваше величество, мы еще успеем раскрыть тайны! Они уже знают, что я здесь, и могут в любую секунду перейти к действию. Судьба мира динозавров висит на волоске — а с нею и судьба всей планеты! Прошу, поверьте мне. Звоните!

— Ладно, — император динозавров снял трубку с телефонного аппарата, стоявшего перед ним на столе. Жойя с замирающим сердцем смотрела, как он по одной нажимал огромные кнопки могучим когтистым пальцем. Затем из трубки, зажатой в лапе, послышались длинные гудки, а потом они смолкли — это значило, что Качика взяла свою трубку, размером с четверть рисового зернышка.

— Слушаю. Кто это говорит? — прозвучал голос высшей чиновницы Муравьиной федерации.

— Верховный консул Качика? Это император Дадеус. Только что…

И тут Жойя услышала щелчок, который, как ни странно, донесся не из одного места, а со всех сторон, как будто на всех стенах были развешаны часы и их стрелки передвинулись одновременно. Она знала — это могло быть только одновременным взрывом всех зерно-мин, установленных в

черепах динозавров. Все гиганты, находившиеся в комнате, оцепенели. Затем Дадеус выронил из лапы телефонную трубку, и она с грохотом рухнула на стол, чуть не придавив Жойю. Гигантская столешница закачалась. Живые горы, окружавшие его, вдруг исчезли, и горизонт сделался обескураживающе пустым. Жойя подползла к телефонной трубке. Оттуда все еще раздавался голос Качики:

— Алло, это Качика. В чем дело? Алло!

Ее голос заставлял колебаться огромную мембрану, и из-за звуковых волн Жойя чувствовала себя так, будто в ее тело вонзаются бесчисленные иглы.

— Верховный консул, это я, Жойя! — крикнула она. Но зерно-мины уже вывели из строя практически всю дворцовую электронику, связанный с ней аппарат-переводчик уже не работал, и ее феромоны больше не преобразовывались в звук. Жойя умолкла. Она опоздала.

Вскоре в зале погасли все лампы. Снаружи смеркалось, и императорский кабинет погрузился в полумрак. Жойя направилась к краю стола, чтобы выбраться к ближайшему окну, но, пока она ползла, доносившийся оттуда гул уличного движения стал быстро стихать и сменился устра-

шающей тишиной, как будто динозавры вдруг замерли перед гибелью своего мира.

К тому времени когда Жойя переползла со столешницы на ножку стола, в кабинет стали долетать звуки начавшейся паники. Сначала послышался громкий топот и крики. Жойя почти наверняка знала, что это происходит снаружи — никто из динозавров, обитавших во дворце, не должен был уцелеть: всем им муравьи-диверсанты установили в мозгах зерно-мины. Затем раздались звуки полицейской сирены, возникшие где-то неподалеку, но постепенно они удалялись. Находясь уже на полпути к окну, Жойя всем телом ощутила первые отдаленные раскаты взрывов.

Преодолев большое расстояние, она наконец-то выбралась на окно. Перед нею расстилался Валунный город, погруженный в тревожную мглу. Жойя видела тонкие столбы дыма, поднимавшиеся к темному небу. Постепенно таких столбов становилось все больше, в их основании начинало пробиваться мерцающее пламя. Городской горизонт то проявлялся, то вновь сливался с темнотой. Все время зажигались новые огни, их тускло-алый свет вливался в окно и заставлял тени плясать на потолке высоко над Жойей.

Глава 17
Крайнее средство сдерживания

— Мы это совершили! — восторженно выкрикнула маршал Жоли, глядя на покрасневшую разом карту мира. — Мир динозавров рухнул! Их информационные системы полностью выведены из строя. Все города полностью лишены энергоснабжения, все дороги заблокированы транспортом, обездвиженным из-за сработавших зерно-мин. Повсюду начались пожары, огонь быстро распространяется. Операция «Обезглавливание» нейтрализовала свыше четырех миллионов лидеров мира динозавров, в том числе руководство Гондванской империи и Лавразийской республики. Обе великие державы динозавров потрясены до основания и стремительно сваливаются в хаос.

— Это только начало! — подхватила Качика. — Во всех городах динозавров уже не хватает воды; прожорливое население скоро изведет все запасы продовольствия. Вот это и станет переломным моментом. Динозавры массово устремятся прочь из городов, но без автомобилей, да еще и при

заблокированных дорогах, они не смогут вовремя и тем более планомерно эвакуироваться. Безудержные аппетиты скоро приведут их к голоду, а потом они начнут умирать, так и не найдя пищи. Вообще-то, высокотехнологичное общество динозавров перестанет существовать еще до того, как они покинут свои города. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, мир динозавров регрессирует до примитивного сельскохозяйственного состояния.

— В каком состоянии находятся их системы атомного оружия? — спросил кто-то из муравьев.

— Насколько нам известно, все атомное оружие динозавров и средства его доставки, включая межконтинентальные ракеты и стратегические бомбардировщики, благодаря нашим зерноминам превратились в кучи металла. Так что никаких атомных взрывов и радиоактивного загрязнения быть не может, — ответила Жоли.

— Замечательно! Вот уж поистине молниеносная война. И теперь нам остается только ждать, пока мир динозавров разрушит сам себя! — радостно сказала Качика.

Тут кто-то из секретарей доложил, что доктор Жойя вернулась и требует срочной встречи с Качикой и Жоли. Когда совершенно измученная

руководительница муравьиной науки вошла в командный пункт, Качика сразу гневно напустилась на нее:

— Доктор, вы предали великое дело Муравьиной федерации в самый критический момент. Вас ждет строгое следствие, суд и, несомненно, суровый приговор!

— Вот когда услышите то, что знаю я, сами будете решать, кому из нас идти под суд! — с необычной для нее резкостью ответила Жойя.

— Зачем вам понадобилась встреча с императором Гондваны? — спросила Жоли.

— Чтобы узнать, что такое эти «Яркая Луна» и «Император моря».

Слова министра науки сразу заметно охладили вскипевшие страсти. Качика, Жоли и остальные присутствовавшие уставились на Жойю. Та, прежде чем начать, обвела всех взглядом и спросила:

— Кто-нибудь имеет представление о том, что такое антиматерия?

Сначала все промолчали, и Качика, выждав немного, ответила:

— Мне известно очень мало. Вроде бы это выдуманное динозаврами-физиками гипотетическое вещество, у которого все элементарные частицы

имеют электрический заряд, противоположный тому, что в реально существующей материи нашего мира. То есть электрон антиматерии заряжен положительно, а протон — отрицательно. Своего рода квантовое зеркало материи нашего мира.

— Это не гипотеза. Динозавры многолетними космологическими наблюдениями точно установили, что антиматерия существует, — сказала Жойя. — И все же я уверена, что кто-нибудь знает что-то еще.

— Вы правы, — ответила Жоли. — Я слышала, что, если антиматерия вступает в контакт с материей нашего мира, вся масса обоих веществ превращается в энергию.

— Этот процесс называется аннигиляцией, — сказала Жойя, кивнув усиками. — Когда взрывается атомная боеголовка, которую мы считаем самым разрушительным оружием, в энергию превращается только один процент ее массы, а вот при соединении материи и антиматерии — все сто процентов! Так что уже нельзя сомневаться в том, что существует оружие посильнее ядерного — и намного. В случае аннигиляции мощность взрыва на единицу массы на два, если не на три порядка больше, чем у ядерной бомбы!

— Но какое отношение все это имеет к «Яркой Луне», «Императору моря» и к нам?

— Подождите, я еще не закончила. Вы помните, как три года назад над южным полушарием вспыхнуло новое солнце? Астрономы динозавров установили, что вспышку произвело маленькое небесное тело, вошедшее в Солнечную систему по кометной траектории. Сам объект — всего лишь летящая в космосе скала не более тридцати километров диаметром. Но необыкновенно яркая вспышка, возникшая на его пути, пробудила у динозавров сильное любопытство. Они запустили туда космические зонды, и оказалось, что это тело состоит из антиматерии! Проходя сквозь пояс астероидов, оно столкнулось с метеороидом. Произошла аннигиляция эквивалентных количеств вещества и антивещества, при которой выделилось невероятное количество энергии и произошла та самая вспышка. И гондванцы, и лавразийцы пришли к одному и тому же выводу о причинах и ходе события: аннигиляция проделала большую впадину антикометы и выбросила в космос множество обломков антивещества. Динозаврьи астрономы выследили несколько этих кусков, это оказалось совсем не трудно. В поясе астероидов почти непрерывно происходили

случаи аннигиляции солнечного ветра и частиц антивещества, создавая сияние, которое делалось тем ярче, чем ближе к солнцу подходила комета. Событие совпало с разгаром гонки вооружения между Гондваной и Лавразией, и обе великие державы динозавров осенила безумная идея: собрать куски антивещества, доставить на Землю и создать из него сверхоружие, куда более мощное, чем атомное, для устрашения противника…

— Погодите, — сказала Качика, перебивая Жойю. — Тут что-то не сходится. Если антиматерия и материя при контакте аннигилируют, то как же можно их собрать, доставить на Землю и хранить?

— Астрономы динозавров установили, что прилетевшее из межзвездного пространства тело в значительной степени состоит из антижелеза, — ответила Жойя. — Такими же были и выбитые первым взрывом осколки. Антижелезо, как и обычное, подвластно действию магнитного поля, а это и есть возможное решение проблемы хранения. Динозавры смогли сделать вакуумную камеру, в которой под действием сильного магнитного поля антивещество преспокойно находилось в центре емкости, не касаясь ее стен — таким образом его можно собирать, перево-

зить и хранить. Конечно, на первых порах идея оставалась чисто теоретической, ведь собирать в такой контейнер антивещество, а потом тащить его на Землю — безумная и чрезвычайно опасная затея. Но у динозавров безумие заложено в самой натуре, отсюда и их стремление к глобальной гегемонии, превозмогающее все прочие соображения… В общем, они очень скоро перевели эту теорию в практику.

Первый шаг навстречу всеобщей гибели сделала Гондванская империя, сконструировав и построив сферическую магнитную термокамеру. Эта сфера разделялась на половины, связанные механическими манипуляторами с космическим кораблем. Корабль очень медленно двигался. Половины с величайшей осторожностью сближались, замыкая внутри осколок антивещества. Затем включался электрический ток, передающийся по сверхпроводникам и образующий сильное магнитное поле, которое удерживало добычу в центре камеры. А потом космический корабль вернулся на Землю.

Если бы Лавразийская республика знала о плане гондванцев заблаговременно, она, несомненно, вывела бы в космос военные корабли, чтобы перехватить транспорт с антивеществом

по пути. Но до них информация дошла слишком поздно. Гондванский корабль со смертоносным грузом уже вошел в земную атмосферу. Здесь даже успешная атака завершилась бы немедленной аннигиляцией антивещества в воздухе. Масса антивещества составляла сорок пять тонн, следовательно, при аннигиляции девяносто тонн превратились бы в чистую энергию, что полностью погубило бы жизнь на Земле. Естественно, лавразийцы не захотели гибнуть сами ради того, чтобы истребить гондванцев; им оставалось беспомощно следить, как тот опустился в океан.

Дальше безумие развивалось по восходящей. Как только корабль приводнился, капсулу с антивеществом подняли на грузовое судно под названием «Император моря». Это же название динозавры присвоили и добытому куску антивещества, находившемуся в трюме. Судно не вернулось в Гондвану, а нахально отправилось в Лавразию и пришвартовалось в крупнейшем порту республики! Лавразийцы не осмелились предпринять ничего против этого носителя разрушения; они, напротив, спешили убраться с ero пути. «Император моря» вошел в практически опустевшую гавань, бросил там якорь, и команда вернулась в Гондвану на вертолете, оставив пу-

стое судно посреди порта, практически в городе. Динозавры Лавразии относились к «Императору моря» с благоговейным ужасом, словно к злому божеству, и не смели никаким образом нарушить его покой, так как знали, что Гондванская империя может в любую секунду отключить электромагниты, которые держат кусок антижелеза на весу, оно упадет, соприкоснется со стенкой — и произойдет жуткая аннигиляция. Если это случится, погибнет весь мир, но первой, безусловно, в огне новоявленного наземного солнца обратится в пепел Лавразия. Это был поистине чернейший день в истории республики. Зато Гондванская империя, крепко взявшая под уздцы всю жизнь на Земле, совершенно обнаглела, стала выдвигать все новые и новые территориальные требования к Лавразии и потребовала, чтобы она уничтожила свой ядерный арсенал.

Но империя недолго наслаждалась своим преимуществом. Ровно через месяц после того, как завершилась гондванская операция «Император моря», Лавразия дала строго симметричный ответ. Используя точно такую же технологию, она добыла в космосе еще один кусок антиматерии, доставила ее на Землю и дала империи попробовать, каково на вкус ее лекарство. Свою капсулу

они погрузили на судно «Яркая Луна» и отправили в крупнейший порт Гондваны. Таким образом, равновесие в мире динозавров восстановилось. Оно держалось только на обоюдоострых крайних средствах сдерживания, толкнувших Землю на край гибели.

Чтобы не допустить всемирной паники, обе стороны держали и «Императора моря», и «Яркую Луну» в строжайшем секрете. Тех, кто знал об этих планах досконально, можно перечислить по пальцам. Империя и республика не жалели денег на поддержание оборудования в безотказном состоянии, все системы состоят из легко заменяемых частей. Поскольку системы существуют в единственном экземпляре и сконструированы специальным образом, динозавры могли обслуживать их без нашей помощи. В результате до нынешнего дня Муравьиная федерация ничего не знала обо всей этой истории.

Все слушали Жойю, затаив дыхание, и настроение постепенно менялось от опьянения победой до ужаса неизбежной гибели.

— Это даже не безумие — это полный распад нравственности! — воскликнула Качика. — Стратегия крайних средств сдерживания, предусматривающая уничтожение всего мира, теряет

всякий политический и военный смысл. Это просто извращение!

— Доктор, вот и результат тех самых любознательности, воображения и творческого начала, которые так восхищали вас в динозаврах, — ехидно заметила маршал Жоли.

— Давайте не будем отвлекаться. Миру грозит страшная опасность, — сказала Жойя.

— По крайней мере, мы знаем, что эта опасность все еще остается теоретической, — сказала Качика. — Два куска антиматерии благополучно висят в своих магнитных колыбельках внутри контейнеров.

Жоли согласно качнула усиками:

— Очень верно подмечено. Команда на подрыв антиматерии может быть отдана только динозаврами наивысшего ранга, а все они гарантированно устранены. Следовательно, ее никто и никогда не отдаст. Покуда мир динозавров пребывает в хаосе и панике, никаких проблем быть не может. Порядок проведения подобных операций аналогичен запуску ракет с ядерными боеголовками. Приказ на пуск и подрыв боевой части должен пройти целую серию сложных взаимосвязанных процедур и технических средств контроля с многочисленными ключами. Ма-

лейшее отклонение от процедуры остановит систему.

Качика вновь повернулась к Жойе:

— Как долго может поддерживаться магнитное поле в контейнерах с антивеществом?

— Очень долго, — ответила Жойя. — Магнитное поле продуцируется циркулирующими токами в сверхпроводниках, крайне слабо подверженных коррозии. Кроме того, и «Император моря», и «Яркая Луна» снабжены атомными батареями, рассчитанными на очень продолжительный срок действия, так что системы могут восполнять израсходованную энергию без внешних источников. Как мне сказали динозавры, сдерживающие магнитные поля просуществуют не менее двадцати лет.

— В таком случае наш порядок действий совершенно ясен, — твердо сказала Качика. — Мы должны незамедлительно отыскать «Яркую Луну» и «Императора моря» и окружить контейнеры барьерами, не пропускающими электромагнитное излучение, чтобы исключить опасность того, что какой-нибудь радиосигнал все же приведет к подрыву хотя бы одного из них.

— А потом нужно подумать о том, как отправить эти шары обратно в космос. Да, это будет

трудно, но время пока что терпит. Имея в своем распоряжении космические корабли и ракеты-носители, оставшиеся после динозавров, мы справимся с этой задачей, — подхватила Жоли. Остальные муравьи явно ощутили прилив надежды и тут же принялись обсуждать гипотетические подробности предстоящей работы.

— Если мы выберем план, предложенный консулом, Земля точно обречена! — неожиданно для всех сказала Жойя.

Муравьи умолкли и недоумевающе уставились на Жойю.

— Я имею в виду таймер потери команды, который несколько раз упоминался в разговоре Додоми и Дадеуса, — пояснила Жойя. — На первых порах обе державы динозавров контролировали «Императора моря» и «Яркую Луну» именно так, как только что сказала маршал: с пультами управления на собственной территории наготове, чтобы при нападении на страну по сигналу взорвать заряд антивещества, заложенный во вражеском порту. Однако довольно быстро они сообразили, что у этого метода есть серьезный недостаток. Представим себе такую гипотетическую ситуацию: Лавразия внезапно наносит конвенциональный ядерный удар

по Гондване — при новом положении вещей атомное оружие, безусловно, следует отнести к числу конвенциональных вооружений. Ракеты стремительно доставляют боеголовки в самые разные уголки Гондваны, и самый сильный удар, конечно же, приходится на командные пункты. Не успев ответить, империя стремительно погружается в хаос — то самое состояние, в каком она пребывает сейчас. При таком развитии событий «Императора моря» просто не удается взорвать. Если к тому же Лавразия сумеет оградить его от радиоизлучения — например, создать сильные помехи и таким образом воспрепятствовать прохождению сигнала на подрыв, — агрессия будет иметь все шансы на успех.

Чтобы избежать непоправимого ущерба в случае внезапной массированной атаки врага, обе державы динозавров практически одновременно перевели «Императора моря» и «Яркую Луну» в иной режим — так называемый таймер потери команды. И теперь для того, чтобы запустить аннигиляцию антиматерии, ни тем ни другим не нужно передавать специальный сигнал на подрыв. Ровно наоборот: передаваемый сигнал запрещает подрыв. На обоих контейнерах идет обратный счет отключения магнитного поля, и

в рабочем режиме их держат только сигналы, поступающие по радио с определенной периодичностью и переводящие этот счет на исходное значение. Эти сигналы посылали лично лавразийский президент и гондванский император. То есть если правитель одной из сторон погибнет в результате упреждающего удара и сигнал не поступит вовремя, то электропитание контейнера отключится — и произойдет аннигиляция. При таком режиме упреждающий удар со стороны любого из противников будет форменным самоубийством, поскольку единственным условием выживания твоей страны станет благополучие врагов. Но этот же режим повысил опасность, угрожающую Земле. Таймер потери команды — это самый безумный или, как метко сказала консул, самый извращенный элемент стратегии обоюдного сдерживания.

На командном пункте снова воцарилась мертвая тишина, которую нарушила Качика. Частое колебание уровня феромонов ее беззвучной речи выдавало сильное волнение.

— То есть если говорить прямо, то и «Император моря», и «Яркая Луна» в данный момент ждут сигнала на продолжение безопасного хранения антивещества?

Жойя согласно кивнула усиками.

— Обе установки ждут сигналов, которые к ним вряд ли поступят.

— Вы имеете в виду, что передающие станции Гондваны и Лавразии уничтожены нашими зерно-минами? — спросила Жоли.

— Да, именно об этом я и говорю. Дадеус сказал мне, где находятся и гондванский, и лавразийский пульты. Вернувшись, я прежде всего отыскала их позиции на карте операции «Разъединение». Не имея представления о том, для чего предназначены эти аппараты, мы поставили туда не так уж много мин — тридцать пять в гондванскую и тридцать шесть в лавразийскую с расчетом на в общей сложности шестьдесят один проводник. Вроде бы и немного, но хватило, чтобы полностью вывести из строя передатчики обеих станций.

— Сколько времени продолжается отсчет на подрыв?

— Шестьдесят шесть часов, то есть меньше трех суток. Оба таймера обратного отсчета запущены почти одновременно, а сигнал, после которого цикл отсчета повторяется, обычно посылают примерно через двадцать два часа после его начала. Текущий отсчет начат двадцать часов назад, у

нас остается еще почти двое суток.

— Но почему отсчет такой продолжительный? — спросила Качика. — Естественнее было бы — один или два часа. Если бы одна из сторон нанесла уничтожающий удар сразу после начала отсчета, у нее была бы уйма времени для того, чтобы погрузить антивещество на ракету и выбросить его в космос.

— Гермосфера с антивеществом накрепко вмонтирована в судно, — ответила Жойя. — Любая попытка разделить их приведет все к тому же отключению магнитного поля и немедленной аннигиляции. Возможно, продолжительные усилия, скрупулезная работа и позволят снять емкость с судна, погрузить на ракету и выкинуть в космос, но двух-трех дней для этого явно не хватит. Дадеус старательно и многословно объяснил мне, почему отсчет столь длительный. Если же в двух словах, то динозавры при всей своей опрометчивости все же сообразили, что от их действий напрямую зависит само существование Земли, и постарались соблюсти хотя бы минимальную осторожность. Если сигнал обновления по каким-то причинам не удастся подать в положенное время, относительно долгий отсчет позволит разобраться с ситуацией.

Вообще-то, непредвиденные обстоятельства динозавры прежде всего связывали с возможными диверсиями с нашей, муравьев, стороны — и их страхи полностью оправдались.

— Знай мы точное содержание прерывающего сигнала, можно было бы сделать собственный передатчик и продолжать цикл прерывания отсчетов «Императора моря» и «Яркой Луны».

— Но мы этого не знаем и не можем узнать! Динозавры сказали мне только, что сигнал представляет собой длительный сложный код, который к тому же каждый раз меняется. А алгоритмы формирования кода хранятся в компьютерах передающих станций. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из выживших динозавров знал, как все это работает.

— Значит, сигналы можно отправить только с передающих станций?

— Насколько я понимаю, да.

— Что ж, в таком случае мы всего лишь должны незамедлительно отремонтировать эту аппаратуру.

Глава 18
Битва за передающую станцию

Гондванская станция, предназначенная для передачи прерывающего сигнала на хранилище антивещества, располагалась на неброском, запущенном с виду клочке земли в предместье Валунного города и представляла собой маленький по меркам динозавров домик с целой рощей антенн на крыше. Непосвященный решил бы, что тут, вероятнее всего, какой-то объект метеорологической службы.

Охранялось здание слабо — всего одним взводом динозавров — прежде всего для того, чтобы соплеменники не заходили туда, где им совершенно нечего делать. О лавразийских шпионах и диверсантах-муравьях здесь вряд ли думали. Лавразийцы свою станцию охраняли гораздо серьезнее. Более того, Лавразия уже предъявила Гондване кучу нот с требованием ужесточить режим охраны этого важнейшего объекта. Помимо охранников было пятеро динозавров дежурной технической смены: инженер, трое операторов и монтер. Никто из них, как и охранники, не

имел ни малейшего понятия о назначении аппаратуры.

В зале управления находился большой экран, на котором отражались цифры шестидесятишестичасового отсчета. Впрочем, они никогда еще не переходили ниже сорока четырех часов. Каждый раз при приближении к этой черте на другом, в остальное время пустом, экране появлялось лицо императора Дадеуса, который неизменно повторял одну и ту же короткую фразу: «Приказываю передать сигнал».

Дежурный оператор вскакивал, вытягивался во весь рост и отвечал: «Слушаюсь, ваше величество!» — после чего немедленно передвигал мышкой курсор на экране и щелкал по изображенной кнопке с надписью «Передача». И сразу же на главном экране появлялись надписи:

«ПРЕРЫВАЮЩИЙ СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН. ПРЕРЫВАНИЕ ОТСЧЕТА ПОДТВЕРЖДЕНО. ОТСЧЕТ ВОЗОБНОВЛЕН СНАЧАЛА».

В окне экрана вновь возникало число «66:00:00», от которого начинали отниматься секунды, минуты и часы. Император наблюдал за началом этого процесса со своего персонального экрана. Увидев появление начальной надписи, он взды-

хал, не скрывая облегчения, и исчезал на сутки.

На протяжении двух лет этот цикл повторялся с точностью хорошо отлаженного часового механизма. Где бы император ни находился — хоть у себя во дворце, хоть в поездке по стране, хоть даже в Лавразии с государственным визитом, — он ежедневно, с отклонением не больше нескольких минут, связывался с передающей станцией. А дежурному персоналу оставалось только чесать в затылках: если императору нужно, чтобы сигнал передавали каждый день, ему достаточно было бы приказать. Вовсе незачем самолично появляться на экране — операторам было строго-настрого приказано ни в коем случае не передавать этот загадочный сигнал без прямого приказа императора. Да и операторы здесь, в общем-то, не были нужны: с этой задачей наилучшим образом справлялся бы и автоматический таймер. Для технического персонала этот шестидесятишестичасовой отсчет представлял полнейшую загадку.

Они знали только одно: ежедневно передаваемый сигнал чрезвычайно важен. Об этом говорили и напряженный взгляд императора, и то, что он продолжал следить через камеру за вторым экраном и обрывал связь, только убе-

дившись, что отсчет возобновлен. Но никто из этих рядовых динозавров не мог даже подумать о том, что каждый раз этот сигнал на один день оттягивает гибель Земли.

Сегодня их размеренное существование нарушилось из-за того, что передатчик сигнала вышел из строя. Этого просто не могло случиться: на станции использовалось самое лучшее оборудование, к тому же все системы были продублированы. Так что поломка, выведшая из строя всю эту систему повышенной надежности, не могла быть случайной.

Дежурный инженер и помощники-техники тут же кинулись искать корень проблемы и обнаружили, что оборвано несколько проводов — тонких, соединить которые могут только муравьи. Инженер стал звонить начальству, чтобы оно немедленно прислало муравьиную ремонтную бригаду, но телефонная линия наглухо отключилась. А техники тем временем находили все новые и новые обрывы проводников. Между тем время, когда император неизменно отдавал приказ об отправке сигнала, быстро приближалось. Динозавры пытались соединить оборванные провода, но не могли удержать их своими громадными когтями. Техническая бригада была

близка к отчаянию. Впрочем, они не сомневались, что испорченная связь скоро восстановится и император, как обычно, появится на своем экране, когда отсчет на другом табло окажется около сорокачетырехчасовой отметки — ведь на протяжении двух последних лет этот ритуал был столь же нерушимым, как восход солнца. Но в этот день солнце взошло, а император не появился. Впервые цифры на табло перешли значение «44:00:00» и стали уменьшаться дальше.

Немного позже динозаврам пришло в головы, что на помощь муравьев рассчитывать не стоит, так как только они могли испортить аппаратуру. Около станции начали появляться первые динозавры, в панике бегущие из Валунного города. Именно от них охранники станции узнали о происходящей катастрофе. Муравьи своими зерно-минами вывели из строя всю технику Гондванской империи, практически парализовав мир динозавров.

Но персонал передающей станции составляли чрезвычайно добросовестные и ответственные динозавры. Они изо всех сил старались починить провода. Задача была непосильной: большая часть проводов была расположена так, что динозавры просто не могли до них дотянуться, а

доступные раз за разом злостно выскальзывали из неуклюжих когтистых пальцев и не желали скручиваться.

— Проклятые муравьи! — прорычал один из техников, потирая усталые глаза.

И тут глаза инженера сами собой широко распахнулись от изумления. Он увидел прямо перед собой кучку муравьев. Немного, вряд ли больше сотни, они быстро направлялись к нему по белой поверхности операторского пульта. Предводительница на ходу кричала динозаврам:

— Эй, мы пришли помочь вам починить аппаратуру! Сейчас мы соединим провода! Мы…

Динозавры даже не подумали включить переводчики феромонной речи в звуки своего языка и попросту не могли понять, что говорила начальница муравьев. Хотя, даже если бы и поняли, то не поверили бы. В этот момент ими уже полностью владела всепобеждающая злость. Инженер-динозавр взревел и принялся хлопать лапищами по пульту, бормоча при этом сквозь зубы:

— Я вам покажу, как зерно-мины закладывать! Я вам покажу, как нашу аппаратуру ломать! — И уже через несколько секунд белая поверхность оказалась заляпана множеством неопрятных бурых пятнышек — следами раздавленных му-

равьев.

— Верховный консул! — сообщал по рации единственный уцелевший из этой партии муравей, — докладываю, что динозавры сигнальной станции напали на нашу бригаду. Нас размазали по пульту!

Качика пряталась за невысокой травинкой метрах в пятидесяти от здания. Рядом с нею находился почти весь штаб главного командования Муравьиной федерации.

— Пошлите большой отряд!

— Смотрите! Муравьи! — заорал динозавр-часовой, стоявший перед входной дверью станции. На крик выскочили еще несколько солдат и лейтенант, командовавший караулом. Они увидели, что по ступенькам, покрывая их, как черное шелковое покрывало, медленно приближалась масса муравьев — тысячи четыре, если не пять, на первый взгляд. Несколько муравьев бежали впереди общего потока и потрясали усиками, как будто пытались что-то сказать охранникам.

— Метлу! — приказал лейтенант. Один из солдат моментально притащил большую метлу, лейтенант схватил ее и самолично махнул несколько раз по ступеням. Муравьи полетели по воздуху, как пыль.

— Консул, мы должны найти способ связаться с персоналом этой станции и объяснить динозаврам наши намерения, — сказала Жойя.

— Но каким образом? Они не слышат нас и даже не включают свои аппараты-переводчики.

— Может быть, попробовать позвонить по телефону? — предложил кто-то из муравьев.

— Мы уже пробовали, но у них обрушилась вся система связи. Мы не можем войти туда из своей телефонной сети, а значит, и связаться с ними!

— Вы все должны хорошо знать о древнем искусстве муравьев, — вмешалась маршал Жоли. — В стародавние времена, еще до Эпохи паровых машин, наши предки общались с динозаврами, выстраивая крупные отряды в буквы их алфавита, в целые слова и фразы.

Качика вздохнула.

— Что вспоминать былое? Это искусство давно утеряно.

— Нет. Гвардейская часть, которая в данный момент нас сопровождает, хорошо натренирована изображать буквы и слова. Когда я организовала эту подготовку, хотела, чтобы солдаты прониклись духом славной истории и памятью предков муравьиного мира. Я рассчитывала порадовать вас редким зрелищем на традиционном военном

параде этого года, но, похоже, от этой тренировки будет и практическая польза.

— Сколько войск рядом с нами сейчас?

— Две пехотные дивизии. Около ста пятидесяти тысяч муравьев.

— И сколько букв они могут изобразить?

— Это зависит от размера шрифта. Таких, чтобы динозавры смогли прочитать с высоты своего роста и на некотором отдалении, — не более дюжины.

— Хорошо. — Качика задумалась на мгновение. — Пишите: «Мы пришли, чтобы починить ваш передатчик и спасти мир».

— Это ничего не объясняет, — пробормотала Жойя.

— А что мы еще можем? И без того фраза слишком длинная. Но попробовать мы обязаны. Это лучше, чем ничего!

* * *

— Муравьи возвращаются! Ух, как их много на этот раз! С крыльца передающей станции охранники смотрели на приближающееся к зданию огромное каре муравьев. Построение имело в размерах примерно три на четыре метра и колебалось в соответствии с неровностями почвы,

словно черный флаг под ветром.

— Они что, напасть собираются?

— Непохоже. Очень уж строй странный.

Когда правильный прямоугольник из муравьев еще немного приблизился, один из солдат, отличавшийся особенно острым зрением, воскликнул:

— Ой, что это? Это же буквы!

Другой динозавр прочитал вслух, запинаясь:

— Мы пришли, чтобы починить ваш передатчик и спасти мир.

— Я слышал, что в древние времена муравьи общались с нашими предками именно таким образом, а теперь вижу собственными глазами! — удивился кто-то из охранников.

— Чушь! — рявкнул лейтенант, взмахнув лапой. — Они не обманут нас этими штучками! Ну-ка, живо, тащите ведра с кипятком из титана!

— Лейтенант, а не стоит ли сначала попытаться поговорить с ними? — вкрадчивым тоном осведомился сержант. — Вдруг они и впрямь хотят отремонтировать приборы? А то ведь наши технари уже по потолку бегают от отчаяния.

Тут динозавры-охранники загомонили наперебой:

— Что-то странное. Как передатчик может спа-

сти мир?

— Чей мир? Наш или их?

— Наверно, сигналы, которые мы передавали, очень важные.

— Еще бы не важные, если сам император каждый день приказывает его передавать!

— Дурачье! — загремел лейтенант. — Вы и теперь собираетесь им верить? Только наша доверчивость позволила им уничтожить империю! Они самые зловредные, самые вероломные твари, какие только есть на Земле. Но больше они нас не одурачат! Живо, ведра с кипятком сюда!

Динозаврам потребовалось немного времени, чтобы принести пять больших ведер, в которых вода только что не бурлила. Выстроившись в шеренгу, они направились к каре муравьев и по команде выплеснули на них кипяток. Поднялось густое облако пара. Ровные черные строчки сразу смыло, почти половина муравьев сварилась заживо.

— Да, на переговоры динозавры не идут, — сказала Качика, глядя на поднимавшийся поодаль пар. — Что ж, остается одно: захватить станцию силой. Тогда мы сможем починить оборудование и самостоятельно отправить прерывающий сигнал.

— Муравьи силой захватят охраняемый объект динозавров?! — Жоли посмотрела на Качику так, будто перед нею оказался кто-то совершенно незнакомый. — Такого безумия военная тактика не предусматривала.

— Но другого выхода у нас нет. Тем более что мир и без того совершенно безумен. Дом относительно маленький и находится на отшибе, значит, подкрепление к охране придет не так уж скоро. Если мы соберем все доступные силы, то, возможно, нам удастся захватить все, что там есть!

* * *

— Ой, что там, вдали? Не иначе, муравьиные машинки!

Услышав возглас часового, лейтенант взялся за бинокль. В некотором отдалении он увидел длинную колонну черных движущихся предметов и, присмотревшись, убедился в том, что часовой не ошибся.

Средства передвижения у муравьев были по большей части очень малы, но для военного применения создали огромные машины повышенной проходимости. Некоторые из них достигали величины наших детских педальных

машинок, то есть для муравьев они были поистине гигантскими, как для людей — морские суда на десять тысяч тонн и больше. У муравьиных вездеходов не было колес, они шагали на шести механических ногах, имитируя движения муравьев, что позволяло им без труда и довольно быстро двигаться даже по сильно пересеченной местности. Каждая такая машина могла перевозить несколько сотен тысяч муравьев.

— Огонь по машинам! — приказал лейтенант. Солдаты-динозавры стали расстреливать колонну из ручного пулемета. Пули выбивали из земли фонтанчики пыли. У головного шагохода оторвало одну из передних ног, и он повалился на бок, продолжая дергаться и размахивать остальными пятью. Из проема в борту посыпались черные шары размером с мячи, которыми люди играют в футбол. Но состояли эти шары из муравьев! Ударившись о землю, шары очень быстро исчезали, как кусок сахара растворяется в воде. Охранники подбили еще два шагохода, но пули, пробившие борта, почти не причинили вреда муравьям, которые такими же черными шарами выкатились из обездвиженных машин.

— Была бы у нас пушка! — вздохнул один из охранников.

— Да и ручные гранаты сгодились бы, — подхватил другой.

— Лучше всего — огнемет!

— Хватит болтать! Пересчитайте их машины! — Лейтенант опустил бинокль и напряженно уставился вперед.

— О, бог динозавров, их тут две, если не три сотни!

— Поспорить готов, что они собрали сюда эти машинки со всей Гондваны.

— А это значит, что муравьев здесь не меньше сотни миллионов! — подытожил лейтенант. — Сомнений быть не может: муравьи штурмуют сигнальную станцию.

— Лейтенант, давайте сбегаем туда и растопчем этих железных пауков!

— Не поможет. От пулемета и ружей тоже толку нет, сами видите.

— У нас есть бензин для резервного электрогенератора. Может, пожечь их?

Лейтенант покачал головой:

— Бензина на всех не хватит. К тому же наша задача не муравьев истреблять, а защищать станцию. Так что…

— Верховный консул, маршал! Докладываю: наша авиаразведка заметила, что динозавры

роют вокруг станции две кольцевые траншеи. Во внешнюю они подводят воду из ближнего ручья. Еще они прикатили несколько больших бочек бензина и льют его во внутреннюю траншею, хотя даже еще не замкнули их.

— Начинайте немедленную атаку!

Плотная черная масса муравьев со всей доступной им скоростью двигалась вперед, как тень от неспешно проплывающего облака. Это зрелище нагнало страху даже на громадных динозавров. Достигнув первой траншеи, авангард, почти не снижая скорости, спустился и полез прямо в воду.

Следующие поползли по телам товарищей и продвинулись немного дальше. Вскоре по поверхности воды пролегла широкая черная лента, неуклонно удлинявшаяся к внутреннему берегу. Солдаты-динозавры поспешно надевали на головы шлемы, надежно препятствующие проникать в их тела через уши. Они пытались забросать муравьев землей из внутренней траншеи, которую поспешно завершали, швыряли лопату за лопатой в неотвратимо надвигавшуюся лавину, лили на нее кипяток ведрами, но их усилия были тщетными. Вскоре вся поверхность воды покрылась черной пленкой, муравьи выбирались на берег и

черным потопом растекались дальше по земле. Динозаврам ничего не оставалось, кроме как отступить за вторую траншею и поджечь бензин. Вокруг передающей станции «Императора моря» возникло огненное кольцо.

Достигнув этой преграды, муравьи полезли поверх друг дружки, образуя живую насыпь. Динозавры стреляли в нее, но пули пролетали беззвучно, как будто вязли в растущей черной горе. Камни, которые они кидали от отчаяния, тоже не причиняли ей видимого вреда — они пробивали заметные глазу дыры, которые тут же затягивались как ни в чем не бывало. Насыпь становилась все выше, вот она уже превысила два метра и начала медленно клониться вперед. По передней стенке живого вала побежали язычки пламени, она почернела, воздух наполнился едким дымом. Обугленные тельца муравьев сыпались вниз, в бушевавший в траншее огонь, отчего он окрашивался в странный зеленый цвет. Но погибших товарищей тут же сменяли новые и новые толпы муравьев, и насыпь оставалась непоколебимой. А потом с ее вершины покатились черные шары. Некоторые из них гибли в огне, но большая часть перелетала через траншею. За время полета через огненный ад внешние слои шаров чернели

и обугливались, но муравьи, даже погибнув, цепко держались друг за дружку, защищая своих товарищей, находившихся внутри. Буквально за несколько секунд внутри огненного кольца оказалось свыше тысячи шаров. Они сразу же раскрывались, и мириады муравьев потоком устремлялись к ступеням крыльца передающей станции.

И тут нервы динозавров-охранников не выдержали. Как ни старался лейтенант остановить подчиненных, они ринулись во входную дверь и дальше — в задние помещения здания, где пока что не было муравьев. А те вливались в первый этаж и поспешно поднимались по лестнице на второй, где находился зал управления. Другие карабкались по наружным стенам и забирались в окна, окрасив черным всю нижнюю половину дома.

В зале оставалось шестеро динозавров — лейтенант, командовавший разбежавшимся караулом, дежурный инженер, техник и три оператора. Они, цепенея от ужаса, смотрели на муравьев, ползущих через дверь, окна и любые щели. Им казалось, будто дом тонет в море муравьев, и это море безудержно вливается со всех сторон. Посмотрев в окна, они убедились, что такое

представление очень близко к истине. Вокруг, насколько хватал глаз, земля была черна от муравьев, и дом станции был уединенным островом в этом море. Муравьям потребовалось совсем немного времени, чтобы заполнить почти весь пол зала, оставив лишь круг около операторского пульта, где и помещались шестеро динозавров. Лишь тогда дежурный инженер дрожащей лапой включил переводчик и сразу же услышал голос:

— Я верховный консул Муравьиной федерации. Сейчас просто нет времени для того, чтобы подробно объяснить вам, что происходит. Скажу только одно: если ваша станция не передаст регулярный сигнал в течение десяти минут, Земля погибнет.

Инженер обвел очумелым взглядом окружающую его черную массу муравьев, потом сверился с индикатором направления и в конце концов увидел троих муравьев посреди операторского пульта. Говорил кто-то из них. Динозавр помотал головой.

— Передатчик испорчен.

— Наши специалисты уже соединили все проводники и восстановили аппаратуру. Прошу вас немедленно начать передачу!

Инженер снова помотал головой:

— У нас нет электропитания.

— У вас нет резервного генератора?

— Есть, но мы включили его, как только отключилась электросеть, и бензин в баке кончился. А весь запасной мы вылили в траншею и сожгли.

— Неужели весь?

Лейтенант вздохнул:

— До капельки. Мы же думали только о том, как бы не пустить вас сюда. И даже выкачали все, что оставалось в баке генератора.

— Тогда идите и зачерпните, что осталось в траншее.

Лейтенант посмотрел в окно. Пламя над траншеей практически погасло. Не говоря ни слова, он открыл стенной шкаф и вынул оттуда маленькое металлическое ведерко. Муравьи расступились, освобождая ему дорогу к двери. На пороге динозавр обернулся:

— Что, мир правда погибнет через десять минут?

— Да, если не будет отправлен сигнал! — четко и внятно прозвучал через динамик переводчика голос Качики.

Лейтенант быстро сбежал по ступенькам. Вскоре он вернулся и поставил ведро на пол. Качика, Жоли и Жойя подползли к краю пульта и посмот-

рели сверху вниз. Бензина в ведре не было, только немного резко пахнущей нефтью грязи, смешанной с обожженными трупиками муравьев.

— Весь бензин в траншее сгорел.

Качика посмотрела в окно. Лейтенант сказал правду — пламя там совсем погасло. Она повернулась к Жоли.

— Сколько еще времени осталось до конца отсчета?

Жоли, не отрывавшая взгляда от табло, ответила сразу:

— Пять минут и тридцать секунд, консул.

— Мне только что доложили по телефону. Наши силы в Лавразии разбиты. Охрана динозавров отстояла контрольный пункт и уничтожила все войска, которые наступали на него. Отправить прерывающий сигнал на «Яркую Луну» невозможно. Она взорвется через пять минут.

— Как и «Император моря», — ровным тоном отозвалась Жоли. — Все пропало.

Динозавры не понимали, о чем говорили предводительницы муравьев, хотя прибор исправно переводил все их слова.

— Бензин можно раздобыть где-нибудь поблизости, — предложил инженер. — До деревни пять километров. На шоссе сплошная пробка, но мы

и пешком минут за двадцать обернемся, если поспешим.

Качика чуть заметно пошевелила усиками:

— Спешить уже некуда. Так что просто идите все. Идите, куда хотите.

Все шестеро динозавров цепочкой направились к выходу. Инженер, шедший последним, задержался и задал тот же вопрос, что и лейтенант, почти слово в слово:

— Что, мир правда погибнет через пять минут?

Будь у инженера увеличительное стекло и знай он мимику муравьев, он мог бы сказать, что верховный консул Муравьиной федерации ухмыльнулась.

— Все на свете так или иначе обречено на гибель.

— Ух ты! Впервые слышу от муравья глубокую философскую максиму! — ответил инженер и сбежал по лестнице.

Качика быстро подошла к краю операторского пульта и с его высоты обратилась к темной массе солдат-муравьев, покрывавшей пол:

— Немедленно передайте мой приказ по армии: все подразделения, находящиеся в районе станции, должны срочно укрыться в подвале. Войска более дальнего базирования должны ис-

пользовать любые щели и другие укрытия, куда можно спрятаться. Правительство Муравьиной федерации издает последнее постановление: наступил конец света! Спасайся кто может!

— Консул, маршал, нужно скорее спуститься в подвал, — сказала Жойя.

— Нет. Вы, доктор, как можно скорее бегите в укрытие. Мы виновны в самой ужасной ошибке, какую только знала цивилизация. Мы не имеем права жить, — ровным тоном ответила Качика.

— Да, доктор, — подхватила Жоли. — Все складывается против вас, но я все же надеюсь, что вам удастся сохранить от цивилизации хоть что-то.

Жойя прикоснулась усиками к усикам Качики и Жоли — в мире муравьев это был знак наивысшего почета. Затем она повернулась, быстро спустилась по ножке стола и влилась в поток муравьев, вытекающий из зала.

Войска вскоре удалились, и в зале воцарилась полная тишина. Качика направилась к окну, возле которого находился пульт. Жоли последовала за ней. Когда муравьи взобрались на подоконник, им предстало незабываемое зрелище. Ночь уже близилась к концу; высоко в небе висел полумесяц. И вдруг, в единый миг, его форма изменилась. Затененная область просветлела, слилась ярко-

стью с полумесяцем, а потом весь диск вспыхнул, как дуга электросварки. Подлунный мир, в том числе масса муравьев, все еще остававшихся на поверхности земли, высветился до малейших подробностей.

— Что это? Неужели Солнце вдруг сделалось ярче? — недоуменно спросила Жоли.

— Нет, маршал, это всего лишь рождение нового солнца. Луна отразила его свет. А солнце появилось в Лавразии и сейчас, пока мы говорим, сжигает континент.

— Значит, сейчас вспыхнет и солнце Гондваны.

— Вот и оно.

На западе вспыхнул яркий свет, тут же заливший все перед собой. Перед тем как испариться в неимоверном зное, двое муравьев успели увидеть, как на западном горизонте стремительно взошло новое солнце, занявшее собой полнеба. Земля сразу вспыхнула. Поскольку побережье, где произошел взрыв, отделяли от столицы несколько тысяч километров, ударная волна дошла сюда лишь через несколько минут, но к тому времени весь город пылал.

Так прошел последний день мелового периода.

Эпилог
Затянувшаяся ночь

Наступившая зима продолжалась три тысячи лет.

В один прекрасный день, выдавшийся в центральной Гондване теплее, чем обычно, полуденной порой, двое муравьев выбрались на поверхность из своего глубокого подземного гнезда. В зените тусклого, затянутого дымкой солнца расплывчатым пятном висело негреющее солнце, землю покрывал толстый слой снега и льда, сквозь который тут и там торчали резко выделяющиеся на белом фоне черные скалы. Белыми были и далекие горы, ограничивающие горизонт.

Один из муравьев повернулся и окинул взглядом колоссальный скелет. Похожие лежали повсюду, но их трудно было разглядеть издали, так как белые кости сливались со снегом. А с того места, где находились муравьи, кости были очень хорошо видны на фоне неба.

— Говорят, этих зверей называли динозаврами, — сказал первый муравей.

Второй тоже повернулся и посмотрел на скелет.

— Ты слышал легенду об Эпохе чудес, которую рассказывали минувшей ночью?

— Да. В ней говорится, что много тысяч лет назад у муравьев был Золотой век.

— Да, и что муравьи тогда жили в больших городах на поверхности, а не в подземных гнездах, и царицы не только яйца откладывали, но еще чем-то занимались. Похоже, и впрямь была чудесная эпоха!

— В легендах говорится, что все чудеса муравьи и динозавры создавали вместе. Дескать, у динозавров были неловкие лапы, и муравьи делали для них всю тонкую работу. А муравьям не хватало воображения, и все технологии выдумывали динозавры.

— И вместе они создали множество огромных машин и большие города… Эти народы были богоравными!

— А ты понял хоть что-нибудь насчет конца света?

— Плохо, очень уж все это сложно было. Вроде бы сначала динозавры стали воевать между собой, а потом и муравьи против динозавров… — Муравей помолчал, собираясь с мыслями. — А

потом на Земле появились сразу два новых солнца.

Первый муравей поежился на холодном ветру.

— Бр-р-р… Сейчас новое солнце было бы очень кстати.

— Ты не понял! Новые солнца оказались ужасными. Они сожгли все, что было на поверхности!

— Тогда почему сейчас так холодно?

— Это тоже трудно понять, но мне представляется так: некоторое время после того, как эти два солнца вспыхнули и погасли, на Земле и впрямь было очень жарко. Говорят, что поблизости от тех мест, где они находились, почва расплавилась до большой глубины. А вода из океанов испарилась. Пар летал, летал над землей, потом сконцентрировался и пролился дождем, и на всей планете произошли потопы. Ну а пыль, поднятая взрывом, повисла в атмосфере, закрыла путь солнечным лучам, и на земле стало гораздо холоднее, чем до вспышки двух страшных солнц, — как сейчас. Динозавры были очень большими, не вынесли голода, жажды и холода, и все померли, а часть муравьев спаслась, зарывшись в землю.

— Неужели мы, муравьи, не можем повторить Эпоху чудес?

— Сказитель ночью объяснял, что не получит-

ся. У нас мозги слишком маленькие, и мы можем думать, только собравшись в группу. Так что, до этих чудесных технологий мы не додумаемся, а все, что было, забылось начисто.

— Да… Я слышал от другого сказителя, что еще не так давно некоторые муравьи умели читать. Теперь уже не умеет никто. Поэтому мы даже не можем узнать из старинных книг, что и как было.

— Мы деградируем. Если ничего не изменится, скоро мы превратимся в простых козявок, озабоченных только постройкой гнезд и добычей пищи.

— И что в этом плохого? В такие тяжелые времена мудрость — это печаль, а неразумие — благо.

— Верно…

Наступила продолжительная пауза.

— Интересно, наступит ли снова время, когда в мире опять будет тепло и какие-нибудь другие животные создадут новую Эпоху чудес?

— Вполне возможно. Я думаю, что такие животные должны обладать сразу и большим мозгом, и ловкими руками.

— Согласен. Еще оно должно быть не таким большим, как динозавры. Очень уж много они ели, а таким прожорливым животным трудно

жить.

— Но нельзя, чтобы они были такими же маленькими, как мы, иначе им тоже не хватит размеров мозга для полноценного мышления.

— Неужели когда-нибудь может появиться такое замечательное существо?

— Я думаю, что обязательно появится. Ведь все когда-нибудь происходит, а Земля пребывает вовеки. Всему свое время.

Песня кита

Рассказы

Песня кита

[illegible], 1999 г.

Дядя Уорнер стоял на носу своей яхты и созерцал спокойную гладь Атлантического океана. Он редко углублялся в размышления и предпочитал руководствоваться инстинктами, а не следовать продуманным схемам.

Но теперь игра сделалась сложнее.

СМИ представляли дядю Уорнера настоящим демоном, но, глядя на него, в это трудно было поверить. Он походил, скорее, на Санта-Клауса. Те, кто умудрялся не заметить его острый взгляд, обращали внимание прежде всего на дерзкую, но в то же время милую улыбку, не сходящую с лица. Он никогда не держал при себе оружия, если не считать изящного ножа, который носил в нагрудном кармане. Им он чистил фрукты и убивал людей.

И то, и другое — с неизменной улыбкой.

Помимо восьмидесяти человек команды, помощников и двух смуглых южноамериканских девушек на трехтысячетонной суперъяхте дяди Уорнера имелся груз — двадцать пять тонн

чистого героина — вся продукция его перерабатывающей фабрики, спрятанной далеко в джунглях Южной Америки, за два года. Пару месяцев назад Национальная армия Колумбии окружила эту фабрику и попыталась захватить товар. В бою погибли его младший брат и более тридцати работников.

Дяде Уорнеру было очень важно продать эту партию, потому что он нуждался в деньгах на строительство нового завода — на этот раз где-нибудь в Боливии или даже в Золотом треугольнике Юго-Восточной Азии. Он должен был обеспечить дальнейшее выживание наркоимперии, над созданием которой так старательно трудился. Уже целый месяц он скитался по морям, но так и не доставил на берега США ни грамма товара. О том, чтобы протащить груз через таможни, не могло быть и речи. С тех пор как там начали использовать нейтринные детекторы, прятать наркотики стало невозможно. Год назад попробовали перевозить героин в пустотелых стальных прутках, но и это вскрылось.

Затем дядя Уорнер придумал гениальный план: около 50 кг товара загружали на легкий самолет, обычно дешевую «Цессну», и прилетали на территорию США через Майами. Достигнув берега,

пилот пристегивал к себе контейнер с товаром и выпрыгивал с парашютом. Самолет при этом погибал, но 50 килограммов героина все равно приносили изрядную прибыль. Какое-то время этот метод успешно использовался, но затем американцы оборудовали спутники и наземные радары системы воздушного наблюдения способностью обнаруживать и даже отслеживать пилотов, прыгающих с парашютом. С тех пор от храбрости гонцов дяди Уорнера уже не было толку — спрыгнув, они обнаруживали, что на земле их уже поджидает полиция.

Затем дядя Уорнер попытался использовать для доставки товара на берег маленькие лодки, но результаты оказались еще плачевнее: все быстроходные катера береговой охраны также оснастили нейтринными детекторами. Стоило лодке дяди Уорнера оказаться на расстоянии трех километров от патруля, сканирование мгновенно выявляло наркотики на борту. Дядя Уорнер даже думал о том, чтобы воспользоваться подводными мини-лодками, но американцы уже давно усовершенствовали свою сеть подводного наблюдения, созданную еще во время холодной войны.

Подводные лодки обнаруживали на большом расстоянии от берега.

Дядя Уорнер исчерпал свою фантазию. Он возненавидел ученых — ведь все его неприятности происходили из-за их выдумок. С другой стороны, ученые, наверно, могли бы помочь ему справиться с трудностями. Это направление он поручил сыну, учившемуся в США. О деньгах можно было не беспокоиться.

В то утро Уорнер-младший перебрался на борт яхты с другого судна и сказал отцу, что нашел человека, который им нужен.

— Он гений. Я познакомился с ним в Калифорнийском технологическом институте.

Уорнер-старший презрительно сморщил нос.

— Хм. Ты впустую проболтался в этом самом институте три года, а гениальности в тебе что-то не заметно. Вряд ли таланты там на самом деле стадами бегают?

— Отец, он *действительно* гений.

Уорнер-старший повернулся и сел в кресло перед установленным посреди носовой палубы столиком, достал свой знаменитый нож и начал чистить ананас. Молоденькие креолки встали за его спиной и принялись в четыре руки разминать мясистые плечи. Человек, которого привел Уорнер-младший, стоял чуть поодаль и смотрел на океан. Теперь он подошел. Он был

немыслимо тощ, его шея походила на гвоздь, и даже не верилось, что она может держать на весу непропорционально огромную голову. Весь его облик выглядел гротескным.

— Дейв Хопкинс, — представил его Уорнер-младший. — Доктор философии по морской биологии.

— Ты, значит, вызвался помочь нам? — осведомился Уорнер-старший со своей санта-клаусовской улыбкой.

— Да, я могу помочь вам доставлять грузы на берег, — тусклым голосом ответил Хопкинс.

— И что же ты для этого используешь?

— Китов.

Уорнер-младший подал знак, и несколько его людей притащили на бак странную штуку — подводный аппарат, сделанный из какого-то прозрачного пластика с обтекаемой кабиной высотой в метр и длиной в два, примерно как салон микролитражного автомобиля. Там помещались два кресла, перед которыми находилась простая приборная панель с небольшим экраном, а сзади пустое место, определенно предназначенное для груза.

— Капсула может взять двоих человек и около тонны груза, — сказал Хопкинс.

— И как ты в ней преодолеешь под водой пятьсот километров до побережья Майами?

— В пасти кита.

Уорнер-старший расхохотался; сначала резко, почти визгливо, а потом все басовитей. Таким смехом он выражал все: веселье, страх, сомнение, отчаяние, боязнь, горе… и каждый раз только сам знал, почему смеется.

— Какой умный мальчик! И сколько же я должен заплатить рыбе, чтобы она притащила нас в нужное место?

— Киты — не рыбы. Это морские млекопитающие с дыхательными отверстиями. Деньги можете платить мне. Я уже установил в мозг кита микрокомпьютерное биоорганическое устройство, которое может принимать входящие сигналы и преобразовывать их в его мозговые волны. С помощью этого прибора можно управлять поведением кита.

Хопкинс достал из кармана коробочку, похожую на пульт дистанционного управления телевизора.

Уорнер-старший еще сильнее зашелся в хохоте.

— Ха-ха-ха… Этот мальчишка, наверно, посмотрел фильм про Пиноккио, ха-ха… А-ха-ха… — Он

даже захрипел, сложился вдвое и уронил ананас на палубу. — Ха-ха… кукла, ах, Пиноккио… и старик, которых проглотила рыба… ха-ха…

— Отец, послушай, план действительно многообещающий! — попытался урезонить его Уорнер-младший.

— А-ха-ха… Пиноккио и старик долго сидели в рыбьем брюхе. Может быть, и сейчас там сидят! Ха-ха-ха… и жгут свечи… Ха-ха-ха…

Вдруг Уорнер-старший перестал смеяться; его дикий хохот внезапно прекратился, как будто погас свет — хотя улыбка Санты осталась. Он, не оборачиваясь, спросил одну из стоявших позади девушек:

— Что происходит с Пиноккио, когда он врет?

— У него нос вытягивается, — ответила девушка.

Уорнер-старший встал и, держа в одной руке нож, которым он чистил ананас, другой взял Хопкинса за подбородок и приподнял его голову так, чтобы все окружающие видели его нос. Девушки во все глаза смотрели на происходившее.

— Ну что, вытянулся у него нос? — все с той же улыбкой спросил он.

— Да, да, дядя Уорнер, — подобострастным хором, сладкими, как сахар, голосами ответили они.

Можно было подумать, что им больше всего на свете нравится смотреть, как их патрон своими руками убивает людей.

— Что ж, вылечим его, — сказал Уорнер-старший. Сын дернулся было остановить его, но не успел. Молниеносное движение, и нож Уорнера-старшего отсек Хопкинсу кончик носа. Из раны хлынула кровь, но Хопкинс остался, как и прежде, невозмутимым. Даже после того, как Уорнер-старший отпустил его подбородок, Хопкинс так и продолжал стоять с неподвижно опущенными руками, словно не замечая, что кровь течет из раны, будто нос вовсе не был частью его лица.

— Суньте этого гения в его банку и бросьте в океан. — Уорнер-старший махнул рукой. Девушки послушно втолкнули Хопкинса в прозрачный подводный аппарат. Затем Уорнер-старший поднял с палубы пульт и передал его Хопкинсу через люк с таким умильным видом, как будто и впрямь был Санта-Клаусом и вручал подарок ребенку.

— Держи. Зови свою драгоценную рыбу. Ха-ха-ха…

Он продолжал заливаться хохотом, но, когда прозрачная капсула с громким плеском упала в воду, улыбка исчезла, и лицо его приобрело не

свойственную ему строгость.

— Немного раньше или позже, но тут он и утонет, — сказал он сыну.

Капсула беспомощно болталась на волнах спокойного океана и казалась хрупкой, как упавший на воду мыльный пузырь.

Вдруг обе девушки разом вскрикнули. В паре сотен метров от яхты вода вдруг вздулась горбом, и этот горб с поразительной скоростью устремился к судну. В стороны разошлись косые волны, а между ними вырос черный холм.

— Синий кит, сорок восемь метров длиной. Хопкинс назвал его Посейдоном в честь древнегреческого бога морей, — сказал Уорнер-младший в ухо отцу.

В дюжине метров от прозрачной капсулы холм вновь ушел под воду, зато немного дальше черным парусом взвился колоссальный хвост. Кит замедлил движение, поднял огромную голову рядом с капсулой и, разинув гигантскую пасть, втянул в себя капсулу, как рыбка в аквариуме — хлебную крошку. После этого кит повернулся к суперъяхте. Живая гора торжественно приближалась, вздымая волны, разбивавшиеся о борт яхты, и издавая рокочущий клич. Даже такой казалось бы бесчувственный человек, как Уорнер-старший

не мог не испытать момента благоговения перед таким зрелищем. Ему явился бог, воплощение мощи океана, олицетворение силы природы.

Кит обошел яхту кругом, затем развернулся и как будто атаковал судно — его массивная голова прорвала поверхность воды совсем рядом с бортом. Люди, находившиеся на палубе, ясно видели ракушки, прилипшие к грубой, бугристой коже кита. Лишь в этот момент они по-настоящему осознали, насколько он огромен.

Кит разинул пасть и выплюнул крошечный подводный аппарат. Капсула описала дугу над бортом и грохнулась на палубу. Открылся люк, и оттуда появился Хопкинс. На его рубашке расплылось огромное пятно крови, натекшей из отрезанного носа, в остальном же он был невредим.

— Быстро доктора сюда! Вы что, не видите: Пиноккио ранен, — взревел Уорнер-старший, как будто был совершенно непричастен к этому ранению.

— Меня зовут Дейв Хопкинс, — строго поправил его ученый.

— А я зову тебя Пиноккио, — возразил Уорнер, снова расплываясь в улыбке Санта-Клауса.

Через несколько часов спустя Уорнер и Хоп-

кинс забрались в капсулу. За спинками сиденья находилась тонна героина, упакованного в водонепроницаемые пакеты. Уорнер решил пойти сам. Он нуждался в риске, чтобы взбадривать застоявшуюся в венах кровь, а сейчас ему предстояло, без сомнения, самое вдохновляющее путешествие из всех, которые доводилось совершать. Моряки спустили капсулу с палубы на воду на тросах, и судно отошло.

Освещенная заходящим солнцем капсула покачивалась на поверхности воды, два пассажира подскакивали на сиденьях. Хопкинс нажал кнопку на пульте дистанционного управления и вызвал кита. Почти сразу же откуда-то, явно с приличного расстояния, донесся низкий, приглушенный звук. Он становился все громче и громче, и вскоре на поверхности показалась раззявленная пасть синего кита. Она быстро надвинулась, и подводный аппарат засосало в черную бездну. Свет отступил, сузился до тонкой щели, и полностью погас. Титанические челюсти, громко чавкнув, сомкнулись. Воцарилась темнота. Затем люди ощутили невесомость, будто спускались в скоростном лифте. Кит нырнул, уходя в более глубокие воды, где он был менее заметен.

— Как умно ты придумал, Пиноккио! Ха-

ха-ха… — Уорнер в темноте снова разразился хриплым смехом, то ли выражая, то ли маскируя ужас.

— Давайте зажжем свечи, сэр, — предложил Хопкинс счастливым, непринужденным голосом. Здесь были его владения. Когда Уорнер понял это, ему стало еще страшнее. Но тут зажегся потолочный светильник, залив каюту тусклым ультрамариновым светом.

За прозрачной оболочкой капсулы Уорнер прежде всего увидел снаружи частокол из белых пластин, каждая высотой с человека, широченных там, где они прикреплялись к потолку, и сужающихся чуть ли не до волосяной толщины снизу. Он сразу сообразил, что это китовый ус. А лежала капсула на какой-то мягкой, чуть колеблющейся подстилке. Сверху нависал сводчатый потолок, по длине которого проходила мощная балка. И подстилка, и потолочная балка тянулись к огромной черной дыре, очертания которой непрерывно, хотя и не очень заметно, менялись. Снова раздался маниакальный смех Уорнера. Это была глотка кита. Сейчас он и Хопкинс, окутанные влажной дымкой, в которой рассеивался голубой свет, казалось, находились в мифическом гроте.

Хопкинс взял пульт дистанционного управления и начал «рулить» китом. На дисплее, отображавшем морскую карту Багамских островов и акватории, прилегающей к Майами, пролегла линия — маршрут к месту назначения.

— Путешествие началось. Посейдон плавает быстро. Будем на месте примерно через пять часов, — сказал Хопкинс.

— Мы не задохнемся? — спросил Уорнер, изо всех сил стараясь скрыть тревогу.

— Конечно нет. Я же говорил вам, что у китов есть дыхательные отверстия. Они дышат кислородом, как и мы. Вокруг нас более чем достаточно воздуха. Он проходит через фильтры и после этого вполне пригоден для дыхания.

— Пиноккио, да ты настоящий дьявол! Как ты до всего этого додумался? Для начала расскажи, как тебе удалось всобачить провода и компьютеры в мозги этого громилы?

— В одиночку с такой работой не справиться. Для начала животное необходимо усыпить, а снотворного ему потребовалось полтонны. Посейдон принадлежал Военно-морскому флоту США; я курировал многомиллиардный военный исследовательский проект, в котором этот кит как раз и появился. Во время холодной войны его

использовали для переброски шпионов и групп спецназа к берегам стран Варшавского договора. Я курировал и другие проекты по вживлению устройств в мозг дельфинов и акул — например, чтобы их можно было начинять взрывчаткой и использовать в качестве торпед. Я очень много сделал для своей страны, но, как только начались сокращения бюджета, меня вышвырнули вон. Покидая исследовательскую лабораторию, я прихватил Посейдона с собой. За последние несколько лет мы вместе переплыли семь морей…

— А скажи-ка, Пиноккио, нет ли у тебя каких-нибудь… хм-м… этических сомнений по поводу использования твоего кита для такого рода деятельности? Конечно, уверен, тебе кажется смешным, что я взялся рассуждать об этике, но у меня на заводе нет-нет да попадались химики и инженеры, у которых возникали подобные опасения.

— У меня ничего подобного нет, сэр. То, что человечество вовлекает невинных тварей в свои мерзкие войны, само по себе величайший грех. Я посвятил себя своей стране и ее вооруженным силам; моя квалификация позволяла достичь целей, которые я перед собой ставил. Но поскольку

общество не дает мне того, чего я хочу, приходится брать самому.

— Ха-ха-ха… Да уж, лучше брать самому, чем ждать, пока дадут! Ха-ха-ха… — Уорнер снова расхохотался, но вдруг резко смолк. — Эй, что это за звук?

— Это Посейдон выбрасывает фонтан. Он дышит. Капсула оборудована высокочувствительным сонаром, усиливающим наружные звуки. Вот, слушайте.

Сквозь плеск волн пробилось какое-то жужжание. Звук быстро усиливался, потом начал затихать и вскоре совсем пропал.

— Танкер на десять тысяч тонн.

Вдруг тьму перед ними прорезала щель. Она стремительно расширилась, и в китовую пасть полилась вода, захлестнувшая капсулу. Хопкинс нажал кнопку. Вместо карты на экране появилась паутина зубчатых линий — мозговые волны Посейдона.

— О, Посейдону подвернулся косяк рыбы. Ему пора перекусить.

Кит широко разинул пасть, и глазам пассажиров предстала непроглядная тьма океанской бездны. Рыбы, ослепительно сверкая чешуйчатыми боками, устремились на свет и, постукивая по

прозрачной оболочке капсулы, плыли в глотку Посейдона. Они считали, что попали в коралловую пещеру, и совершенно не догадывались, какая участь их ждет.

Сквозь плеск донесся рокот. Частая решетка китового уса прикоснулась к нижней челюсти, но сквозь нее можно было разглядеть, что губы Посейдона все еще приоткрыты. Мощный поток отбросил рыб назад, прижал к частоколу уса. Кит под огромным давлением выбрасывал морскую воду из пасти и оставлял внутри только еду. Уорнер изумленно смотрел, как вода мчалась мимо капсулы. Вскоре ее в пасти не осталось, и только рыбы бешено бились перед непроницаемым для них забором. Мягкая подстилка под капсулой вдруг начала волнообразно изгибаться, и рыба поползла по ней назад. Уорнер не сразу сообразил, что происходит, а когда до него дошло, он похолодел от ужаса.

— Не волнуйтесь. Посейдон нас не проглотит, — сказал Хопкинс, понимая причину испуга Уорнера. — Он точно так же отделит капсулу от пищи, как мы отделяем шелуху, когда едим семечки подсолнечника. Капсула, конечно, мешает ему есть, но он давно привык. Иногда, если попадается большой косяк рыбы, он может на

время выплюнуть ее перед едой, а потом снова подобрать.

Уорнер облегченно вздохнул. Ему хотелось рассмеяться, но у него не хватило сил, и он лишь смотрел, не скрывая изумления, как рыба, словно по конвейеру, текла мимо абсолютно неподвижного подводного аппарата в черную бездну позади них. Как только две или три тонны рыбы исчезли в глотке синего кита, раздался грохот, похожий на оползень.

От потрясения Уорнер надолго лишился дара речи. Но Хопкинс вскоре вернул его к действительности.

— А вот это вы когда-нибудь слышали? — Он прибавил громкости на динамике сонара.

Уорнер услышал басовитые раскаты и растерянно посмотрел на Хопкинса.

— Посейдон поет. Это песня кита.

Постепенно Уорнер уловил в прерывистых завываниях ритм и даже мелодию.

— Что он делает? Подманивает самку?

— Пожалуй, что нет. Морские биологи давно ломают головы, но до сих пор так и не разобрались, зачем и с какой целью кит поет и что эта песня значит.

— Может быть, она не значит вовсе ничего?

— Совсем наоборот. У нее есть значение, но людям пока не под силу его постичь. Исследователи считают, что это нечто вроде музыкального языка, который может передавать и выражать куда больше информации, чем любой человеческий.

Песня кита — это пение души океана. В ней древняя молния поражает первобытное море, в океанском хаосе вспыхивает искра жизни. В песне кита жизнь открывает любопытные и полные благоговения глаза, впервые ступая на чешуйчатых ногах из моря на континенты, все еще изобилующие вулканами, нахлынувший холод безвозвратно губит империю динозавров… Незаметно пролетает время, и все перемены, которые знал мир, проходят в мгновение ока. Мудрость подобна травинкам, прорастающим с наступлением тепла на голой, ободранной прошедшим ледником земле. В песне кита цивилизации, подобно призракам, возникают на каждом континенте, а Атлантида рушится в море в результате грандиозного катаклизма… Морские войны, одна за другой, окрашивают океан в красный цвет крови, бесчисленные империи возвышаются и рушатся, и каждая — как струйка дыма, проплывающая перед глазами…

Колоссальный синий кит погрузился в неиз-

меримые глубины памяти, чтобы спеть песню жизни, и совершенно не замечал крохотное, незаметное зло, прячущееся в его пасти.

В полночь Посейдон оказался у побережья Майами и остановился в паре сотен метров от берега, чтобы не сесть на мель. Все прошло на удивление гладко. Ярко светила луна; Уорнер и Хопкинс отчетливо видели пальмовые рощи и восемь человек в гидрокостюмах, поджидающих их на берегу. Встречавшие быстро перевезли на берег тонну товара и не только с готовностью заплатили запрошенную Уорнером очень высокую цену, но даже пообещали в будущем покупать весь товар, который он сможет поставить. Они были поражены тем, что маленькое прозрачное подводное судно смогло преодолеть строго охраняемую линию морской обороны. Поначалу они даже не могли поверить, что Уорнер и Хопкинс живые люди, и были склонны считать их призраками — Хопкинс заранее приказал Посейдону отплыть за пределы видимости.

Через полтора часа, дав американцам время отъехать подальше, Хопкинс снова вызвал Посейдона. Погрузив на место товара два «дипломата», набитых долларами, они с Уорнером направились в обратный путь.

— Пиноккио, это великолепно! — восторгался Уорнер. — Весь сегодняшний заработок — твой, а то, что заработаем потом, будем делить. Пиноккио, ты теперь богатый! Ха-ха-ха… У нас запас в двадцать с чем-то тонн, значит, нужно сделать двадцать с чем-то ходок.

— Может быть, столько рейсов и не понадобится. Если немного переделать аппарат, можно будет возить по две, а то и по три тонны.

— Ха-ха-ха… Пиноккио, это блеск!

На обратном пути, проходившем все так же под водой, Уорнер спокойно заснул. Через некоторое время Хопкинс разбудил его. Взглянул на маленький экран с картой и обозначенным на ней маршрутом он понял, что они уже проделали две трети пути. Вроде бы все было в порядке.

— Слушайте.

Он услышал доносившийся с поверхности шум судового двигателя. В нынешнем путешествии эти звуки слышались постоянно. Он взглянул на Хопкинса, не понимая, в чем дело, но, послушав еще немного, понял, что этот шум звучал не так, как все, что он слышал раньше. Его громкость оставалась неизменной.

Судно следовало за китом, держась на неизменном расстоянии.

— И давно он идет за нами? — спросил Уорнер.

— Около получаса. Я несколько раз менял направление.

— Да что же это такое? Ведь патруль береговой охраны не может обнаружить кита!

— А если и обнаружит, то что? Кит не перевозит никаких наркотиков.

— К тому же, если бы они хотели перехватить нас, это легче было бы сделать в Майами. Зачем ждать столько времени? — Уорнер озадаченно уставился на карту. Они уже миновали Флоридский пролив и направлялись в сторону Кубы.

— Посейдону пора вздохнуть. Делать нечего, придется всплыть хотя бы на несколько секунд. — Хопкинс взял пульт. Уорнер кивнул, Хопкинс нажал на кнопку. Кит устремился вверх так быстро, что пассажиров придавило перегрузкой, и, разогнав волны, вырвался на поверхность.

Из сонара донесся резкий приглушенный звук. Капсулу тряхнуло. Звук повторился, кит дернулся сильнее, и капсула в его пасти перекатилась на бок, несколько раз ударилась о решетку из усов, подлетела вверх и так шлепнулась на язык, что в конструкции что-то треснуло, и Уорнер с Хопкинсом чуть не лишились сознания.

— Корабль стреляет в нас! — изумленно вос-

кликнул Хопкинс. Он делал все возможное, чтобы успокоить кита с помощью пульта ДУ, подавал нейтральные команды, но тот игнорировал все сигналы и продолжал бессмысленно метаться по поверхности океана.

Все громадное тело кита била дрожь — дрожь от нестерпимой боли.

— Нужно выбираться наружу, пока не поздно! — крикнул Уорнер.

Хопкинс отдал команду выплюнуть капсулу. На этот раз кит подчинился. Подводный аппарат стремительно вылетел из пасти и шлепнулся в воду. Над Атлантикой уже поднялось солнце, и оба зажмурились от яркого света. Но почти сразу они почувствовали, что ноги у них в воде. От ударов, которые капсула получила, болтаясь в китовой пасти, корпус треснул, и внутрь хлынула морская вода. Аппарат был искорежен; даже собрав все свои силы, они не смогли открыть люк, чтобы выбраться. Тогда они попробовали затыкать дыры всем, что нашлось в капсуле, далее пачками банкнот из «дипломатов», но тщетно — вода продолжала прибывать, и ее уже набралось по грудь.

Но пока аппарат еще держался на поверхности, Хопкинс все же увидел напавшее на них судно.

Оно оказалось довольно большим, и на носу у него стояла какая-то странная пушка. На его глазах из ствола полыхнуло огнем, оттуда вылетел гарпун и воткнулся в спину кита, продолжавшего рваться вперед.

Посейдон из последних сил рассекал волны; за ним тянулся широкий красный след.

Разбитый подводный аппарат тонул в бескрайних волнах алой крови кита.

— Но кто же все-таки убил нас? — спросил Уорнер, которому вода уже дошла до подбородка.

— Китобои, — ответил Хопкинс.

Уорнер расхохотался в последний раз.

— Мерзавцы! — кипятился Хопкинс, перемежая свою речь куда более грубыми ругательствами. — Уже пять лет, как международным договором охота на китов полностью запрещена!

Уорнер заходился в хохоте.

— Ха-ха-ха… вот бессовестные… ха-ха-ха… общество не дает им того, что они хотят… ха-ха-ха… им приходится брать самим…

Когда капсула уже заполнилась водой, в последние секунды сознания и жизни, Хопкинс и Уорнер услышали, что Посейдон снова запел торжественную песню. Последняя песня завершающейся жизни понеслась через кровавую

Атлантику, все шире и дальше, чтобы остаться эхом вечности.

Конец микрокосмоса

[illegible], 1987 г.

Сегодня вечером человечество намерено попытаться расщепить кварк.

Знаменательное событие произойдет в восточном ядерном центре Лоб-Нор. Сам центр выглядит просто элегантным белым зданием, одиноко стоящим в пустыне, однако в тоннеле глубоко под песком похоронен огромный ускоритель окружностью в 150 км. Неподалеку находится специально построенная атомная электростанция мощностью 1000 мегаватт, которая снабжает его энергией. Но для сегодняшнего эксперимента даже этого будет мало, и к ускорителю временно подключат северо-западную сеть.

Сегодня ускоритель разгонит частицы до 10^{20}гигаэлектронвольт. Энергия такого порядка высвободилась в ходе Большого взрыва, когда образовалась материя, — сегодня она позволит расколоть мельчайшую из всех известных человечеству частиц и получить ответы на глубочайшие загадки физического мира.

В пункте управления ядерным центром нахо-

дятся лишь несколько человек, среди них двое самых авторитетных на всей Земле физиков-теоретиков, исповедующих совершенно несхожие взгляды на устройство глубинных основ материи. Американец Херман Джонс уверен, что кварк, наименьшая из возможных частиц, не делится ни при каких условиях. Китаец Дин И, напротив, считает, что предела для деления материи не существует. Рядом с ними — главный инженер, отвечающий за работу оборудования, и несколько журналистов. Остальной персонал разбросан по множеству служебных помещений глубоко под землей, а присутствующие в главном пункте управления могут лишь следить за данными, которые будут поступать в ходе эксперимента. Ко всеобщему удивлению, здесь находится и старый пастух-казах по имени Дилшат из деревни, расположенной посреди кольца ускорителя. Вчера физики попробовали мясо барашка, которого он зажарил целиком, и настояли на том, чтобы старика пригласили почетным гостем. Они аргументировали это тем, что момент истины физиков будет моментом истины для всего человечества, а значит, при этом должен присутствовать и кто-нибудь, ничего не смыслящий в физике.

Ускоритель начинает работу. На большом экране монитора кривая мощности, как проснувшийся земляной червь, неуклонно лезет вверх к красной линии, обозначающей расчетный уровень энергии, необходимый для расщепления кварка.

— Почему нет прямой трансляции? — возмущается Дин И и указывает в угол комнаты: телевизор показывает переполненный стадион, по полю которого мечутся футболисты. Ученый одет в синий рабочий костюм; в таком виде он и уехал из Пекина. На первый взгляд он вовсе не отличается от какого-нибудь пожилого рабочего.

— Доктор Дин, мы, к сожалению, не центр мира. Если нам после окончания эксперимента уделят тридцать секунд эфирного времени в новостях, будет уже хорошо, — отвечает главный инженер.

— Невежество. Невообразимое невежество, — ворчит Дин И, возмущенно мотая головой.

— Но увы, такова правда жизни, — сказал Джонс. Он, с неопрятными длинными волосами и фляжкой с чем-то крепким, которую носит в кармане и время от времени достает, чтобы отхлебнуть, еще менее похож на всемирное светило науки. — К несчастью, я не отношусь к числу невежественных, и мне куда труднее жить, чем

им. — Он демонстрирует лист бумаги. — Господа, вот моя предсмертная записка к будущему самоубийству.

Остальные растерянно поворачиваются к нему.

— Когда этот эксперимент закончится, в мире физики больше не останется тайн, через час мы дойдем до конца поля науки! Я приехал сюда, чтобы приветствовать это достижение. Ах, физика, ты безжалостная госпожа! Но если твоя жизнь закончится, то зачем мне продолжать свою?

— То же самое говорили в эпоху Ньютона, Эйнштейна, Макса Борна и Стивена Хокинга, — возражает Дин И. — Но поле физики, как вы выразились, не закончилось тогда и не закончится сегодня. Вскоре вы сами это увидите: расколов кварк, мы спустимся еще на одну ступеньку бесконечной лестницы. И я буду сегодня праздновать рождение нового мира!

— Доктор Дин, вы лишь следуете взглядам Мао Цзэдуна. Он еще в 1950-х годах утверждал, что материя бесконечно делима, — саркастически бросает Джонс.

— Вы оба слишком далеко зашли в своих умственных построениях, — говорит главный инженер, прерывая начинающуюся перепал-

ку. — Вывод о том, что Земля круглая, можно сделать исходя из различий в проекциях солнца в колодцах Египта и Греции, можно даже рассчитать диаметр Земли, но люди осознали шарообразность Земли только после путешествия Магеллана. До него все вы, физики, сидели на дне колодца. А сегодня нам предстоит совершить настоящее путешествие вокруг Земли по микрокосмосу!

График энергетического потенциала продолжает ползти к красной линии. Внешний мир, кажется, улавливает невиданную энергетическую бурю, бушующую в недрах пустыни: под вой волков где-то вдалеке из тамарисковой рощи взлетает испуганная стая птиц и проносится по ночному небу. Наконец линия энергетического потенциала пересекает красную черту. Частицы в ускорителе приобрели энергию, необходимую для расщепления кварка; такого еще не случалось в истории человечества. Компьютер разгоняет заряженные частицы по 150-километровому кольцу ускорителя до почти световой скорости и отправляет по выходному контуру к мишени, которая при бомбардировке такой колоссальной энергией взрывается бурей атомного излучения. За этой бурей бдительно наблюдают бесчислен-

ные датчики; они способны с первого взгляда различить в ливне несколько капель дождя, хоть немного отличающихся по цвету от других. А суперкомпьютер по сочетаниям цветов определяет, попала ли частица в кварк и даже был ли этот кварк расщеплен.

Заряженные частицы продолжают вырабатываться и бомбардировать мишень. Вероятность столкновения ускоренной частицы с кварком ничтожна — никто из кучки взволнованных людей не знает, как долго придется ждать.

— Ах, друзья издалека, — говорит старый Дилшат, нарушая молчание. — Я видел самое начало этой стройки, дюжину лет назад. Тогда на площадке трудились более десяти тысяч человек, возвышались горы стали и бетона и лежали сотни колец высотой в несколько этажей. Мне сказали, что это электромагниты. Но я до сих пор не понимаю: ведь за те же деньги, с теми же материалами, с той же рабочей силой можно было бы орошать пустыню и выращивать здесь виноград и хамийские дыни. Однако вы делаете нечто такое, чего никто не понимает.

— Шейх Дилшат, мы разгадываем одну из тайн физического мира. Это важнее всего на свете! — ответил Дин И.

— Я мало образован, но знаю, что вы все получили самое лучшее образование из возможных и пытаетесь отыскать мельчайшую песчинку из всех, какие только есть на свете.

Все собравшиеся пришли в восторг от того, насколько четко старый казахский пастух изложил суть физики элементарных частиц.

— Превосходно! — восклицает Джонс, как только умолкает переводчик. — Он верит, — он указывает на Дин И, — что песчинку можно делить на части. А я считаю, что меньше этой песчинки уже ничего не может быть и, как сильно ее ни колоти, она не расколется. Как вы думаете, сэр, кто прав?

Старый Дилшат слушает слова переводчика и качает головой.

— Не знаю. И даже ты не знаешь. Разве способен обычный человек предугадать исход всего этого?

— То есть вы предпочитаете агностицизм, — констатирует Дин И.

Взгляд поблекших от возраста глаз старого пастуха словно обращен в себя.

— Мир поистине непостижим. Еще в молодости я водил отары овец через бескрайнюю пустыню Гоби в поисках свежих пастбищ. Много-много ночей я провел, лежа в пустыне и глядя на небо,

полное звезд. Они так густо рассыпаны по небосводу и сверкают, как драгоценные камни, как жемчуга в черных женских волосах… Когда ночь только начинается, пески Гоби под спиной все еще теплые, и ветер вздыхает голосом пустыни. В такие моменты мир похож на младенца, погруженного в глубокий сон. Тут не нужны уши, достаточно прислушаться сердцем, и сможешь услышать единственный звук, заполняющий пространство между небом и землей. Это звук Аллаха. Только Аллах может знать, каков будет исход всего творения.

В этот момент раздается резкий звонок, извещающий о том, что частица ударила в кварк. Все оборачиваются к экрану, чтобы увидеть письмена Судного дня. Настало время получить ответ на вопрос, поставленный не менее трех тысяч лет тому назад.

Экран заполняют цифры и символы, понятные только посвященным. Оба физика мгновенно понимают: что-то не так — и растерянно качают головами.

Результат не говорит однозначно о том, что кварк раскололся, но и не позволяет считать, что он остался целым. Данные эксперимента непонятны.

Вдруг Дилшат резко вскрикивает. Из всех, кто находится в комнате, только он один смотрит не на экран монитора, а в окно.

— Во имя всего святого, что там происходит? Вы только посмотрите!

— Шейх Дилшат, не отвлекайте нас, пожалуйста! — рявкает главный инженер, но следующие слова старика все же заставляют всех оглянуться.

— Что… что случилось с небом?!

В окно льется неяркий свет. Ночное небо стало белоснежным. Люди покидают главный пункт управления и спешат наружу, где купол небосвода над бескрайней Гоби, некогда темно-синий, засиял мягким белым свечением, словно молочное море, как будто мир заключен в яичную скорлупу. Как только глаза людей привыкают к новому освещению, они обнаруживают в белом небе черные точки, и внимательное изучение этих точек приводит их на грань безумия.

— Во имя Аллаха пречистого и всемилостивого, это же звезды! — выкрикивает Дилшат то, о чем другие все еще боятся сказать: Вселенная вывернулась наизнанку.

Несмотря на глубокое потрясение, кто-то замечает, что телевизор в комнате все еще трансли-

рует футбольный матч. Вернувшись, они видят, что им не мерещится: в тысяче миль оттуда, где они находятся, футбольный стадион тоже залит белым светом. Десятки тысяч зрителей на трибунах задирают головы и с тревогой смотрят вверх.

Главный инженер первым берет себя в руки.

— Когда это случилось? — спрашивает он.

— В тот самый момент, когда зазвенел звонок, — отвечает Дилшат.

Все снова умолкают и оборачиваются к Джонсу и Дин И в надежде, что самые именитые из всех физиков, какие только появлялись со времен Эйнштейна, смогут объяснить кошмар, в котором они оказались.

Но физики уже не смотрят на небо — напротив, повесили головы и погрузились в раздумья. Дин И первым вновь поднимает взгляд к пустой белой Вселенной и медленно, шумно вздыхает.

— А ведь мы должны были это предвидеть…

Джонс тоже поднимает голову и смотрит в глаза Дин И.

— Да, определенно, это проявилась переменная уравнения суперсимметрии!

— О чем вы говорите?! — кричит главный инженер.

— Если пользоваться вашей метафорой, мы за-

вершили кругосветное путешествие, — заявляет, улыбаясь, Дин И.

— Вы хотите сказать, что это произошло из-за эксперимента?!

— Да, конечно, — отвечает Джонс, успевший приложиться к своей фляжке. — Как Магеллан узнал, что Земля круглая?

— К… круглая? — вразнобой повторяют все остальные, не отрывая от физиков ошеломленных взглядов.

— Земля круглая. Если отправиться с любой точки на ее поверхности и неуклонно двигаться по прямой, вы вернетесь туда, откуда начали, — объясняет Джонс. — Теперь мы знаем форму Вселенной. Это все равно что мы бы шли по прямой в микрокосмос и достигли конца, который, как оказалось, выходит в макрокосмос. Ускоритель пронзил мельчайший строительный блок физики, и энергия воздействовала на самый крупный строительный блок, вывернув наизнанку всю Вселенную.

— Так что, доктор Джонс, вам все еще есть ради чего жить. Физика не подошла к концу, — говорит Дин И, — она только началась, подобно тому, как географическая наука возникла только после того, как была определена форма Земли.

Мы оба заблуждались. Если бы меня попросили выбрать краткую формулировку, лучше всего описывающую то, что произошло, я воспользовался бы словами шейха Дилшата. Хоть я не верю в Аллаха, тайны Вселенной намного превосходят возможности нашего постижения.

Припоминаю… Был в прошлом веке такой писатель-фантаст Артур Кларк. Он как-то высказал в одном из рассказов идею о вывернутой Вселенной. Но кому могло прийти в голову, что такое случится на самом деле?

— Что теперь делать? — спрашивает главный инженер.

— Да ничего. Меня вполне устраивает жизнь в вывернутой Вселенной. Не находите, что она так же прекрасна, как и прежняя? — Джонс допивает остатки спиртного из фляжки и, уже немного опьяневший, вскидывает руки, раскрывая объятия новой Вселенной.

— Но погодите… — Главный инженер тычет пальцем в сторону телевизора. Там видно, что возбуждение и паника, охватившие зрителей на стадионе, уже переросли в массовую истерию. Наверняка и во всем мире творится что-то подобное.

— Продолжать бомбардировать мишень, — го-

ворит главному инженеру Дин И, глядя краем глаза на экран компьютера, где видно, что он продолжает анализировать результаты первого цикла эксперимента, временно приостановив поток частиц.

— Вы с ума сошли? Кто знает, что произойдет при следующем столкновении частицы с кварком? Что, если Вселенная схлопнется или, напротив, взорвется?!

— Ничего подобного не случится. Мы только что получили подтверждение теории суперсимметрии и теперь знаем, что произойдет потом, — говорит Джонс.

Ускоритель возобновляет бомбардировку мишени частицами сверхвысокой энергии. Присутствующие ждут, когда в атомной буре вновь появятся несколько разноцветных капель.

Минута… две минуты… десять…

По экрану тянется кривая и бегут строки данных.

Ничего не происходит.

По телевизору видно, что зрители на стадионе утратили рассудок и в свете чисто белого неба колотят и топчут друг друга. Изображение мигает, потом исчезает, и экран заполняется «снегом». Внезапное изменение мироздания оказалось не

по силам разуму; человечество попросту не вынесло потрясения. Весь мир пребывает на пути к неизбежному безумию.

Без всякого предупреждения Вселенная возвращается к изначальному состоянию: над головой снова иссиня-черное небо, испещренное мерцающими звездами.

— Вы свершили то, что было под силу одному Аллаху! — говорит старый Дилшат, стоящий со всеми остальными на барханах Гоби под пьянящим космосом.

— Да, неустанное познание принципов физики дало нам богоравные силы. Такие, о которых никто из нас не мог и мечтать, — отвечает Джонс.

— Тем не менее мы всего лишь люди. Кто знает, что случится в будущем, — говорит Дин И.

Старый Дилшат медленно преклоняет колени перед небесами.

— О, Аллах…

В ночном небе мерцают яркие звезды, и Вселенную заполняет не доступная слуху мелодия.

Нити

XX, 2001 г.

— Эй, вы попали не на свою нить!

Такими были первые слова, которые я услышал, угодив в этот мир. Я заканчивал обычный патрульный полет над Атлантическим океаном на «F-18», уже предвкушал, как совершу посадку на авианосце «Рузвельт», и вдруг оказался неведомо где. Я дал форсаж, но истребитель как повис неподвижно в прозрачном куполе, так и висел там, будто мой самолет удерживало на месте какое-то невидимое силовое поле. А в небе виднелась большая желтая планета, частично прикрытая полосой тени, которую отбрасывало тонкое, как лист бумаги, кольцо. Я не из тех дураков, что не верят своим глазам, если видят что-то странное, и не подумал, будто уснул за штурвалом. Я сразу понял, что это реальность. Разум и хладнокровие всегда были моими сильными качествами, которые и вывели меня на первое место в нашей эскадрилье «F-18».

— Пожалуйста, зайдите в регистратуру и отметьте случайное появление, — продолжал голос

в шлемофоне. — Но, конечно, сначала вы должны выйти из своего самолета.

Я посмотрел вниз. Самолет висел на высоте около пятидесяти метров.

— Не бойтесь, прыгайте. Сила тяжести здесь совсем невелика.

Так оно и оказалось. Я открыл фонарь кабины и поднялся, но обычное движение ног подбросило меня в воздух: я вылетел из кабины, как будто катапультировался, и плавно опустился на поверхность. Там я увидел нескольких человек, лениво расхаживающих по сверкающему стеклу. Самым необычным было то, что в них вообще не было ничего необычного. Судя по внешнему виду и одежде, эти люди определенно не привлекли бы к себе внимания, скажем, в Нью-Йорке — но тут сама нормальность казалась чем угодно, только не собой. А потом я увидел регистратуру, о которой шла речь. Рядом с ней уже находились три человека, не считая работавшего за стойкой. Возможно, они оказались здесь также случайно. Я подошел.

— Ваше имя, пожалуйста, — обратился ко мне тощий, очень темнокожий регистратор, похожий на всех работников гражданских служб на Земле. — Если не понимаете язык, на котором здесь

говорят, возьмите устройство-переводчик. — Он указал рукой на груду странных приборчиков на соседнем столе. — Но, думаю, вы обойдетесь и так, потому что наши нити расположены по соседству.

— Дэвид… Скотт, — медленно ответил я, а потом спросил: — Что это за место?

— Это межнитевая пересадочная станция. Не беспокойтесь, люди сплошь и рядом попадают не на те нити. Какая у вас профессия?

Я ткнул пальцем в желтую планету с кольцом.

— А это что такое?

Регистратор поднял голову и посмотрел мне в лицо с типичным выражением человека, которому давно осточертело то, что приходится видеть ежедневно.

— Земля, конечно.

— Да какая же это Земля? — воскликнул я в изумлении, но тут же подумал и о другой возможности. — А какая дата?

— Вы имеете в виду: сегодня? Двадцатое января две тысячи первого года. Так какая у вас профессия, сэр.

— Точно?

— Что? Ах, вы о дате… Конечно точно. Ведь сегодня инаугурация нового президента Соеди-

ненных Штатов.

Услышав знакомые слова, я чуть успокоился. Эти ребята и впрямь с Земли.

— Как, как можно было выбрать президентом этого болвана Гора? — требовательно спросил один из трех, находившихся рядом со мною по эту сторону стойки, одетый в просторную коричневую ветровку.

— Вы ошибаетесь, президентом выбрали Буша, — сказал я ему.

Но он настаивал, что выбрали Гора. Мы заспорили.

— Слушайте, какая разница? — вмешался в наш спор еще один мужчина, одетый в традиционный китайский китель со стоячим воротником.

— Их нити очень близки, — объяснил ему регистратор и снова обратился ко мне: — Сэр, и все же, какая у вас профессия?

— Кому какое дело до моей профессии? Я хочу понять, где нахожусь! Это совершенно точно не Земля — Земля не может быть желтой!

— Он дело говорит! Земля совсем другого цвета. Вы нас, наверно, за идиотов держите! — рявкнул мужчина в ветровке.

Регистратор только устало покачал головой.

— Это я слышу чуть ли не от всех, кто приходит

сюда через «червоточины» пространства-времени.

Я тут же ощутил нечто вроде родственного чувства к парню в ветровке и спросил его:

— Так вы тоже попали не в ту нить? — Впрочем, я сам толком не понимал, о чем веду речь.

Он кивнул:

— Как и эти двое.

— Летели на самолете?

— Нет, ответил он, покачав головой. — Каким-то образом оказался здесь во время утренней пробежки. А эти угодили сюда каждый по-своему, но по сути — одинаково. Куда-то направлялись, вдруг все вокруг изменилось, и мы здесь.

Я кивнул, пытаясь сообразить, что к чему.

— Значит, вы поняли, что я имел в виду, когда сказал, что эта планета не может быть Землей.

Все трое одновременно закивали. Я строго взглянул на регистратора.

— Не пытайтесь делать из нас дураков — Земля не может быть такого цвета! — повторил парень в ветровке.

Я снова кивнул.

— Любой идиот знает, что Земля из космоса видится густо багровой!

Тут я совсем обалдел. А человек в китайском

кителе спросил желчным тоном:

— Вы, наверно, дальтонизмом страдаете, да?

— А может быть, он идиот, — подхватил я, кивнув.

А «китайский китель» продолжал:

— Всем известно, что цвет земли определяется совокупностью качеств атмосферы и океана. И под их воздействием цвет может быть только… — Я продолжал согласно кивать. «Китайский китель» кивнул мне в ответ. — Серым.

— Да вы все с ума посходили! — впервые раскрыла рот единственная женщина, присутствовавшая в нашем обществе, особа в меру пышного, очень соблазнительного сложения. Судя по манере держаться, она сознавала это. Не будь я так растерян из-за всего, что стряслось, подумал бы о том, как подкатить к ней. — Все знают, что Земля розовая! И небо розовое, и океан. Неужели даже песню не слышали: «Я такая милая, я такая сладкая: глазки — голубые облака, и лицо — розовое небо…»

— Ваша профессия, сэр? — в очередной раз спросил регистратор из-за стойки.

Тут я не выдержал и, обернувшись к нему, заорал:

— Слушай, парень, да плевать на мою чертову

профессию! Ты лучше скажи, куда я попал. Это не Земля! Даже если допустить, что Земля может быть желтой, то что за кольцо вокруг нее?

И мы, все четверо попавших не на свою нить, снова заговорили о том, что нас волновало. Мы сошлись на том, что у Земли нет ни одного кольца, а кольца есть только у Сатурна и Нептуна.

— Зато у Земли три луны, — сказала привлекательная дамочка.

— Откуда? У Земли одна луна! — гаркнул я на нее.

— Какими скучными были бы свидания, — возразила она. — А так идешь под ручку по пляжу, а в небе висят три луны, а рядом, навевая романтическое настроение, плывут все шесть теней…

— По-моему, это нисколько не романтическое, а просто кошмарное зрелище, — возразил «китайский китель». — И оно невозможно, поскольку у Земли вообще нет лун.

— В таком случае, — ответила женщина, — ваши свидания жутко скучные.

— Помилуйте, что вы такое говорите?! Разве может быть скучно влюбленным, когда они сидят на берегу и смотрят, как из-за горизонта встает Юпитер?

Я в полной растерянности уставился на него.

— Постойте, постойте… Так прямо и встает и влюбленные любуются?..

— Вы что, слепой? — ехидно вопросил он.

— Я пилот, и зрение у меня лучше, чем у любого из вас.

— Тогда вы просто не могли не увидеть звезду! Что вы на меня уставились? Подозреваю, вы не знаете, что энергетический уровень Юпитера был настолько велик, что восемьдесят или девяносто миллионов лет назад его гравитация вызвала ядерную реакцию и он стал звездой. Видимо, вы не знаете и того, что именно по этой причине вымерли динозавры? Вы вообще учились хоть где-нибудь? Но даже если вам не пришлось ходить в школу, вы не могли не видеть серебристый утренний свет восходящего Юпитера? Неужели вы не видели даже великолепные световые сумеречные феерии, которые случаются, когда Юпитер и Солнце заходят одновременно? Боже мой, да вы безнадежны!

Мне показалось, что я попал в дурдом. Чтобы отвлечься от этой безумной беседы, я снова повернулся к регистратору.

— Вы только что спрашивали о моей профессии. Так вот, я пилот военно-воздушных сил США.

— О, — воскликнула женщина, — америка-

нец?!

Я кивнул.

— В таком случае вы, наверно, гладиатор! Я с первого взгляда заметила, что вы парень непростой! Меня зовут Вауани, я индианка. Давайте дружить!

— Гладиаторы? Но какое отношения они имеют к Соединенным Штатам Америки? — спросил я, совсем опешив.

— Я слышала, что ваш конгресс собирается запретить гладиаторов и колизеи, но ведь закон еще не принят, так ведь? А Буш-младший кровь любит не меньше, чем его папаша, и когда придет к власти, то, наверно, прикроет эту затею. Думаете, я ничего не знаю? Я даже была на гладиаторских играх во время Олимпиады в Атланте, но, такая жалость, на билет у меня не хватило. Я кое-как устроилась сзади и посмотрела одну схватку. Ничего интересного: парни сцепились между собой, и оба потеряли ножи. Крови я вообще не видела.

— Вы уверены, что рассказываете не о Древнем Риме?

— Древний Рим? Ха! Тогда жили одни слабаки, а настоящих мужчин вовсе не было. Тогда самым страшным наказанием для преступни-

ков было смотреть, как режут курицу. И они, поголовно, в обморок падали. — Она прижалась ко мне теплым боком. — Вы не можете не быть гладиатором.

Я не знал, что сказать на это и какую рожу скорчить, и поэтому повернулся к регистратору.

— Что еще?

Тот повернулся ко мне и кивнул.

— Отлично. Вам, всем десяти, нужно держаться вместе. Так может получиться быстрее.

Я, Вауани, «коричневая ветровка» и «китайский китель», как по команде, оглянулись.

— Но ведь нас только пятеро.

— Как — пятеро? — Регистратор, кажется, растерялся. — Вас четверо, и я — вот и десять.

— Вот ведь идиоты собрались, — возмутился «китайский китель». — Вам, может быть, и ни к чему, но я вас просвещу: десять идет после *дада*!

Настала моя очередь разбираться в числах.

— Что такое *дада*?

— Сколько у вас пальцев на руках и ногах? Двадцать! Отрежьте один, и останется *дада* цифр.

Я опять закивал:

— Значит, *дада* это девятнадцать, и у вас двадцатеричная система счисления. — А у него, — я показал на регистратора, — пятеричная.

— Вы наверняка гладиатор… — мурлыкнула Вауани и провела пальцем по моей щеке. Приятное ощущение.

«Китайский китель» смерил регистратора снисходительным взглядом.

— Совершенно дурацкая система счисления — иметь две руки и две ноги и использовать для счета лишь четверть своих пальцев.

— Сами вы дурак, — вызверился в ответ регистратор. — На пальцах одной руки считать куда быстрее и проще. А разуваться и перебирать потные пальцы на ногах вовсе ни к чему.

— Скажите, у вас есть специальные системы для машинных вычислений? — спросил я. — Проще говоря, для компьютеров — если вы, ребята, ими пользуетесь.

Тут страсти снова улеглись — выяснилось, что для этого все пользуются двоичными системами.

— Какая еще, кроме двоичной? — заявил «коричневая ветровка». — Иначе до вычислительной техники просто не додумались бы! Потому что есть только два состояния: горошина или попадает в прорезь бамбуковой планки, или же этого не происходит.

Я опять растерялся:

— Горошина? Прорезь?

— Похоже, вы и впрямь нигде не учились! Ведь всем известно, что компьютер изобрел Вэнь-ван из династии Чжоу.

— Вэнь-ван? Император — мистик и некромант?

— Но-но, потише! Нельзя так непочтительно отзываться о создателе кибернетики.

— Компьютер… Вы, наверно, имеете в виду китайский абак?

— Не знаю, что имеете в виду вы, а я — вычислительное устройство. Если вы не знаете, немного расскажу. Они размером с футбольное поле, их делают из сосновых досок и бамбуковых планок, а в качестве счетных единиц используются маленькие желтые горошины. Чтобы привести устройство в движение, нужна сотня быков! Зато какие маленькие и изящные процессоры — размером всего с небольшой дом. Бамбуковые интегральные схемы изготавливают самые лучшие мастера!

— Но как вы их программируете?

— Постарайтесь хотя бы правильно произносить слова! Вы хотите узнать, как перфорируют бамбуковые планки? Археологам удалось откопать бронзовое сверло императора Вэня, оно хранится в пекинском Национальном дворцо-

вом музее. Версия 3.2 императорской системы И-Цзин содержит более миллиона строк кода, размещенных на тысяче с лишним километрах перфорированных бамбуковых планок…

— Вы наверняка гладиатор, — промурлыкала Вауани и на мгновение прижалась ко мне.

— Может быть, все же закончим регистрацию? — нетерпеливо спросил человек за стойкой. — А потом я попытаюсь еще раз объяснить все это.

Я поднял голову, посмотрел на желтую Землю, опоясанную кольцом, и сказал:

— Похоже, я понимаю. Образование у меня неплохое, и о квантовой механике я кое-что знаю.

— Я тоже, — сказал тип в китайском кителе. — Судя по всему, квантовая теория множественной вселенной верна.

«Коричневая ветровка», похоже, самый образованный из всех нас, медленно кивнул.

— Когда квантовая система делает выбор, вселенная разделяется на две или больше, чтобы охватить все возможности для этого выбора. В итоге получается великое множество параллельных вселенных. Это результат квантовых мультисостояний во вселенском масштабе.

— Мы называем каждую параллельную вселенную нитью, — сообщил регистратор. — Множественная вселенная — это пучок нитей, и вы все собрались с соседних. Поэтому ваши миры более-менее схожи.

— Мы хотя бы понимаем друг друга без переводчиков. — Я едва успел закрыть рот, как Вауани опровергла мои слова. По крайней мере, частично.

— Какие странности вы тут рассказываете! — Она была, определенно, не очень образованной, но зато самой симпатичной. Я думаю, что это слово должно было иметь какой-то смысл в ее мире. Она в очередной раз подошла ко мне и прижалась теплым боком. — Вы действительно гладиатор.

— Ваш мир соединяет нити? — спросил я регистратора.

Тот кивнул:

— Да. Они появляются во время перемещений со скоростью, превышающей световую. «Червоточины» очень малы и быстро исчезают, но возникают снова и снова. Особенно если сверхсветовые перемещения осуществляются в ваших нитях. В таком случае количество «червоточин» быстро нарастает, и все больше людей ошибаются дверью.

— И что же нам теперь делать?

— Никто из вас не имеет права и возможности остаться в нашей нити. Как только мы закончим регистрацию, вам придется вернуться туда, откуда вы вышли.

— Я хочу, чтобы гладиатор вернулся со мной на мою нить, — сказала Вауани.

— Если он того захочет, мы, безусловно, ему поможем. Главное, чтобы он не остался на нашей нити, — регистратор указал на желтую Землю.

— Я хочу вернуться на свою родную нить, — сказал я.

— Какого цвета ваша Земля?

— Голубая, со множеством белых облаков.

— Какой ужас! Пошли со мною на розовую Землю, — проворковала Вауани и для убедительности поманила меня рукой.

— Ну, может, это и круто, но я хочу вернуться на свою родную нить, — холодно ответил я.

Мы поспешно завершили регистрацию.

— Можно я возьму что-нибудь на память? — спросила Вауани.

— Возьмите межнитевую линзу. По одной каждому. — Регистратор показал на стеклянный столик рядом с собой, где лежало несколько таких же стеклянных шаров. — Если вы сейчас соеди-

ните их контакты, то, вернувшись на свою нить, сможете видеть изображения со связанной нити.

— Если мой мир связан с миром гладиатора, значит, я смогу видеть его нить даже из дома?! — в счастливом изумлении воскликнула Вауани.

— Не только эту, но и другие связанные нити.

Я плохо понял, что говорил регистратор, но все же взял шарик и прикоснулся встроенной в него пластинкой к такой же пластинке на шарике Вауани. Что-то пискнуло, сообщая, что связь установлена. Потом я подпрыгнул, забрался в «F-18» и несколько минут искал, куда пристроить шар. Едва я успел это сделать, как межнитевая пересадочная станция и желтая Земля исчезли. Я снова оказался над Атлантикой, видел голубое небо и то самое море, к которому привык. После посадки на «Рузвельт» диспетчер сообщил, что я нисколько не задержался: радиоконтакт не прерывался ни на мгновение.

Но у меня сохранился шар, неопровержимо доказывающий, что я действительно побывал на другой нити. Не без труда, но я смог незаметно утащить его с самолета. А в тот же вечер, когда «Рузвельт» пришел в Бостон, я принес его в свою комнату в офицерской казарме. Достав его из сумки, я сразу увидел в нем четкое изображе-

ние. Вауани беззаботно шла куда-то у подножия сверкающей, словно хрусталь, горы, над которой развернулось розовое небо с голубыми облаками. Когда я повернул шар в руках, он показал мне другую картинку. То же розовое небо с голубыми облаками, но рядом с Вауани был кто-то еще. Мужчина в летной форме американских ВВС.

Я.

На самом деле все объяснялось очень просто: когда я отказался принять предложение Вауани, вселенная разделилась на две, и сейчас я видел нить иной вероятности.

Межнитевую линзу я хранил всю жизнь. Я наблюдал, как на розовой Земле развивалась любовь Вауани и моего двойника, как они жили отшельниками на хрустальной горе, как они старились, как у них родился целый выводок розовых детей.

Но и на той нити, куда Вауани вернулась одна, она не забыла меня. Через тридцать лет после того, как мы побывали в перепутанных нитях, я увидел в шаре, как она прогуливалась по пляжу с каким-то стариком, держа его под руку. Три луны отбрасывали на песок шесть теней. И в этот самый миг Вауани посмотрела на меня из своего шара. Ее глаза больше не казались голубыми

облаками, а лицо вряд ли можно было сравнить с розовым небом. Но ее улыбка была такой же обольстительной, как и прежде. Я отчетливо услышал, как она сказала: «Вы действительно гладиатор!»

Посыльный

[illegible], 2000 г.

Первое издание в журнале «Короли НФ», 11/2001

Старик лишь вчера заметил слушателя, стоявшего внизу. В последние дни у него было очень плохое настроение, и он почти не выглядывал в окно — только когда играл на скрипке. Он пытался отгородиться от остального мира с помощью штор и музыки, но это было невозможно.

Много лет назад, по другую сторону Атлантики, укачивая в узкой мансардной комнате лежавшего в коляске младенца или просматривая неинтересные заявки в шумном патентном бюро, он постоянно пребывал мыслями в прекрасном мире. Там он мчался со скоростью света; теперь же он пребывал в неподвижности в тихом, уединенном маленьком городке под названием Принстон. Умение отрешиться от внешнего мира, присущее ему в молодые годы, покинуло его. Мир постоянно смущал и тревожил его. Особое беспокойство вызывали у него два вопроса; один из них — квантовая теория, созданная Максом Планком,

ставшая навязчивой идеей для многих молодых физиков, и прежде всего принцип неопределенности, входивший в эту теорию. «Бог не играет в кости», — часто говорил он себе в эти дни. Вторую половину жизни он посвятил созданию Единой теории поля, но не добился никаких успехов. Ему удалось лишь чисто математическое построение, совершенно не связанное с физикой. А еще его очень беспокоила атомная бомба. Прошло много времени после Хиросимы и Нагасаки, давно закончилась война, но его боль, ноющая, как старый ушиб, теперь разыгралась с неистовой силой. Такая маленькая, простая формула, он же соотнес массу с энергией, только и всего. По правде говоря, до того, как построили и запустили реактор Ферми, старик думал, что превращение массы в энергию на атомном уровне возможно лишь в самой необузданной людской фантазии. В последнее время Хелен Дукас прилагала все свои силы, пытаясь утешить его. Но она не понимала, что его волновали не собственные достоинство, ошибки, честь или позор — его тревоги касались более важных вещей. Недавно во сне он услышал страшный грохот, похожий на потоп или извержение вулкана. Другой ночью его разбудил шум, но выяснилось, что это всего лишь похрапывает

маленький щенок, спящий в патио. Больше шум не нарушал его сны. Ему снились пустынные земли, заходящее солнце, отражающееся в тающем снегу. Он пытался бежать из пустоши, но она была настолько велика, что казалась безграничной. Позже он увидел океан, над ним опять — заходящее солнце, заливающее море кроваво-красным светом, и понял: весь мир это пустошь, покрытая тающим снегом. И снова он проснулся в испуге. На сей раз в его сознании, как темный риф во время отлива, проявился вопрос:

А есть ли вообще у человечества будущее?

Этот вопрос жег его, как бушующее пламя, причиняя почти невыносимую боль.

Человек, стоявший внизу, был молод. На нем была стильная нейлоновая куртка. Старик понял, что тот слушает его скрипку. Еще три дня подряд, как только старик начинал вечером музицировать, этот человек приходил и молча стоял в угасающем сиянии принстонского заката. Около девяти часов вечера старик откладывал скрипку, и слушатель медленно уходил. Может быть, он был студентом Принстонского университета или просто кем-то из слушателей лекций старика. Старик давным-давно устал от бесчисленных поклонников, подхалимов всех мастей, от королей

до домохозяек. Но этот незнакомец на тротуаре, этот друг, заинтересовавшийся его музыкальным талантом, дал ему своеобразное утешение. На четвертый день старик только начал играть, как пошел дождь. Он выглянул в окно и увидел, что молодой человек стоит под единственным имеющимся поблизости укрытием: китайским зонтичным деревом. Дождь усилился, и его струи свободно пробивали редкую осеннюю листву. Старик опустил скрипку, чтобы дать возможность слушателю уйти. Но молодой человек, похоже, понимал, что концерту еще не время заканчиваться, и стоял, не двигаясь, на прежнем месте; его промокшая куртка блестела в свете уличного фонаря. Старик отложил свою скрипку, нетвердой походкой спустился по лестнице, вышел на улицу, заполненную дождем и туманом, и, наконец, предстал перед молодым незнакомцем.

— Если вы… э-ээ… хотите послушать, то почему бы вам не зайти в дом?

Не дожидаясь ответа, старик повернулся и вошел в дом. Посетитель остался стоять на том же месте, уставившись застывшим взглядом куда-то вдаль, как будто произошедшее было сном. Наверху возобновилась музыка, и слушатель, словно в трансе, вошел в парадную дверь. Он

поднялся наверх, словно влекомый духом музыки. Дверь в комнату старика была приоткрыта. Посетитель вошел внутрь. Старик стоял лицом к окну и играл, глядя на дождь. Он не повернул головы, но почувствовал, что молодой человек находится в комнате. Он чувствовал себя немного виноватым перед своей аудиторией, этим человеком, которого так увлек голос его скрипки, — играл он не очень хорошо. Например, в выбранном на сегодня любимом рондо Моцарта он часто фальшивил. Случалось и забывать ноты — тогда он восполнял пробел, руководствуясь воображением. Играл он на все той же дешевой скрипке, которая была его верным другом, но обладала отнюдь не идеальным голосом. Тем не менее молодой слушатель был спокоен и казался довольным. Они вдвоем погрузились в несовершенное, но все же впечатляющее звучание инструмента.

Шла ничем не примечательная ночь середины XX века. Железный занавес разделял Восток и Запад. Будущее человечества, недавно попавшее под ядерную тень, походило на тусклый, туманный, дождливый осенний вечер. В эту ночь из маленького домика в Принстоне, штат Нью-Джерси, звучало под дождем рондо Моцарта.

Время, казалось, текло быстрее, чем обычно. Скоро пробило девять часов. Старик перестал играть, поднял голову и увидел, как его гость поклонился и повернулся, чтобы уйти.

— Э-э… придете слушать завтра? — спросил старик.

Молодой человек стоял у двери, спиной к нему, и ответил, не поворачиваясь:

— К сожалению, нет. Завтра, профессор, у вас будет посетитель. — Он открыл дверь, добавил, как будто вспомнив: — Хотя, возможно. Ваш гость уйдет в десять минут девятого. Вы будете играть, если придется начать немного позже?

Старик рассеянно кивнул, плохо понимая подтекст этих слов.

— Ну, отлично. В таком случае я приду. Спасибо.

Дождь продолжал лить весь следующий день, и вечером действительно пришел гость — израильский посол. Старик всей душой любил эту отдаленную, новорожденную страну — там были его соплеменники — и пожертвовал на ее становление все деньги, полученные от продажи своих рукописей. Но на этот раз посол пришел по совсем другому делу. Старик не знал, смеяться ему или плакать. Ему предложили стать президентом

Израиля! Он решительно отказался. Проводив посла на дождливую улицу, он извлек из кармана часы как раз перед тем, как тот сел в машину, и в свете уличного фонаря разглядел, что стрелки показывают десять минут девятого. В памяти всплыла реплика вчерашнего любителя музыки.

— Э-э… скажите, ваш визит… кто-нибудь знал, что вы собираетесь ко мне?

— Не беспокойтесь, профессор, это строжайший секрет. Никто не мог знать.

Но тот молодой человек откуда-то знал об этом, и ведь он знал кое-что еще… И старик задал очень странный вопрос:

— Но вы собирались уйти именно в это время, в десять минут девятого?

— Простите… Откровенно говоря, нет. Я надеялся на продолжительную беседу с вами, но раз вы отрицательно ответили на самое главное предложение, решил не обременять вас лишними разговорами. Мы понимаем вас, профессор.

Старик вернулся наверх, все еще ощущая растерянность, но забыл о ней, как только достал скрипку. И едва зазвучала музыка, как явился тот же молодой человек.

На сей раз концерт продолжался до десяти вечера, и, завершив его, старик повторил вчерашнее

приглашение:

— Вы придете завтра слушать музыку? — И добавил, немного помолчав: — Мне было бы приятно.

— Ну, завтра я смогу снова слушать вас на улице.

— Мне кажется, завтра тоже будет дождь. Все небо в тучах.

— Вы правы, дождь будет, но к тому времени, когда вы захотите играть, он прекратится. А послезавтра я позволю себе снова зайти в ваш дом — дождь не закончится до одиннадцати утра следующего дня.

Старик засмеялся и подумал, что его молодой гость весьма забавен, но, глядя ему вслед, вдруг почувствовал, что это было сказано совсем не в шутку.

Ощущение оказалось верным. В следующие несколько дней погода точно соответствовала предсказанию незнакомца. Вечером дождя действительно не было, и он слушал музыку, стоя на тротуаре. На следующий день в это время лил дождь, и он поднялся в комнату к старику. А ровно в одиннадцать утра следующего дня дождь в Принстоне прекратился.

Вечером первого сухого дня после продолжи-

тельной непогоды молодой человек не остался слушать на улице, а вновь поднялся в комнату. У него была с собою небольшая скрипка. Не говоря ни слова, он обеими руками преподнес ее старику.

— Нет, пожалуйста не надо. Мне не нужна другая скрипка, — отмахнулся старик. Ему часто предлагали в подарок другие скрипки, в том числе знаменитые и ценные, итальянские, принадлежавшие известным музыкантам, но он всегда вежливо отказывался, понимая, что не с его мастерством играть на таких великолепных инструментах.

— Это лишь на время; потом вы вернете ее мне. К сожалению, профессор, я не могу оставить вам этот инструмент.

Старик взял скрипку. На первый взгляд она казалась самой обычной. Вот только, как ни странно, у нее как будто не было струн; однако потом он все-таки рассмотрел их — они оказались тонкими, как паутинки. Старик не решался прикоснуться к ним, опасаясь порвать. Он поднял глаза на посетителя, тот улыбнулся, кивнул, и старик легонько нажал пальцем на струны. Они не порвались, более того, при прикосновении они ощущались невероятно прочными. Он взял

смычок и бесцельно провел им по одной струне — и звук, который она издала, показался ему похожим на вскрик самой природы.

Это был голос Солнца, и ничто иное не могло так звучать.

Старик заиграл свое любимое рондо и сразу же слился в единое целое с безграничным космосом. Он видел световые волны, медленно распространяющиеся в пространстве, подобно туману, гонимому утренним бризом; волнообразные гравитационные волны обширной пространственно-временной мембраны и бесчисленные звезды, плавающие на ней подобно сверкающим каплям росы; через мембрану проносился мощный поток энергии, вызывающий сказочные вторичные радуги.

Когда старик очнулся от погружения в музыку, молодого гостя уже не было в доме.

Старик просто влюбился в эту скрипку. Он играл на ней ежедневно до глубокой ночи. Дукас и врач порознь и вместе уговаривали его поберечь здоровье, но оба знали, что всякий раз, когда начинает звучать музыка, кровь старика наполняется неведомой ему прежде жизненной силой.

Непонятный гость должен был вернуться.

Через десять дней он уже меньше играл на

загадочной скрипке и порой даже возвращался к старому другу, скрипке, на которой играл много лет. Он начал опасаться, что если слишком нагружать тонкие струны-паутинки, они могут стираться или даже лопнуть. Но он не мог устоять перед звуками, которые исходили из этого инструмента: старик был словно околдован. Он все чаще думал о том, что рано или поздно молодой гость вернется и придется расстаться со скрипкой, и поэтому снова стал играть на ней ночи напролет, как вначале. Каждый раз, под утро, неохотно прекращая играть, он внимательно осматривал струны. С возрастом его зрение ослабло, и Дукас по его просьбе принесла увеличительное стекло, но даже с его помощью старик не видел на струнах никаких признаков износа. Их глянцевая, сверкающая поверхность была полупрозрачной, как у драгоценного камня, а в темноте струны даже чуть заметно светились голубым.

Прошло еще десять дней.

У старика уже вошло в привычку осматривать скрипку перед тем, как лечь спать. Этой ночью ему показалось, что струны выглядят как-то не так. Он взял лупу, внимательно всмотрелся в них, и понял, что его подозрения подтвердились.

Вообще-то, подозрения зародились у него уже несколько дней назад, но лишь сегодня изменения зашли настолько далеко, что их удалось заметить.

Струны разбухли от частого использования.

На следующий вечер он только-только поднял смычок, как в комнату неожиданно вошел молодой гость.

— Вы пришли за скрипкой, да? — с тревогой в голосе спросил старик.

Гость кивнул.

— Э-э… может быть, вы все-таки оставите ее мне?

— Полностью исключено. Прошу простить меня, профессор, но это невозможно. Мне нельзя ничего оставлять.

Старик на мгновение задумался над сказанным и начал понимать. Взяв скрипку двумя руками, он протянул ее гостю.

— Она не из этого времени, да?

Молодой человек покачал головой и шагнул к окну, за которым через небо протянулся сверкающий бесчисленными звездами Млечный Путь. Он черным силуэтом вырисовывался на этом величественном фоне.

Старик понимал все больше и больше. Он

припомнил загадочный талант гостя к предсказаниям. Все оказалось очень просто: гость не предсказывал. Он вспоминал.

— Я посыльный. Мы, в нашем времени, неожиданно увидели, что вы очень сильно встревожены, и меня прислали к вам.

— И вы принесли мне эту скрипку, — без удивления сказал старик. На протяжении всей жизни он воспринимал космос как одно большое чудо. Именно благодаря этому он превзошел других и первым заглянул в глубочайшую тайну Вселенной.

— Нет, скрипка — лишь доказательство того, что я из будущего.

— Доказательство?

— В вашу нынешнюю эпоху человечество научилось превращать массу в энергию. У вас уже есть атомная бомба и скоро появится термоядерная бомба. Мы, в нашу эпоху, умеем превращать энергию в массу. Вы же заметили, — он указал на скрипку, — что струны стали толще. Нарастание массы происходит за счет звуковой энергии, которая вырабатывалась, когда вы играли.

Старик удивленно покачал головой.

— Я знаю, мои слова идут вразрез с вашими теоретическими положениями. Во-первых, ваша

теория запрещает мне обратное перемещение во времени. Во-вторых, согласно вашей формуле, приращение массы струн, которое вы наблюдали, должно потребовать колоссального расхода энергии.

Старик некоторое время молчал, потом снисходительно улыбнулся.

— Теория дает ответы лишь на малую часть имеющихся вопросов, да и те можно толковать по-разному. А уж белых и серых пятен осталось… — Он вздохнул. — И древо моей жизни пожухло. Ладно, малыш… Что вы принесли мне сегодня?

— Две новости.

— И что же говорит первая?

— У человечества есть будущее.

Старик опустился в кресло. На лице его было написано облегчение. Он сейчас походил на всех тех стариков, которым наконец-то удается осуществить главное и давно лелеемое желание всей жизни. Ему стало по-настоящему хорошо. Он почувствовал, что теперь действительно можно отдохнуть.

— Полагаю, дитя мое, что, поскольку вы здесь и говорите это, мне надлежало это узнать.

— После атомной бомбардировки Японии ядер-

ное оружие больше не применялось в военных целях. К концу 1990-х годов большинство стран подпишет международное соглашение о запрете испытаний и распространения ядерного оружия. Еще через пять лет будет уничтожена последняя боеголовка. А мне предстоит родиться еще через двести лет.

Молодой человек взял скрипку, за которой пришел.

— Мне пора идти. Чтобы слушать вашу музыку, я отложил много других путешествий. А мне нужно посетить три эпохи и повидаться с пятью людьми, среди которых создатель Единой теории поля. Увы, он жил через сто с лишним лет после вас.

Он не упомянул лишь о том, что визиты великим людям наносит почти непосредственно перед их смертью, чтобы тем самым, насколько можно, уменьшить неизбежное воздействие на будущее.

— А какую же вторую новость вы припасли для меня?

Молодой человек уже взялся за ручку и открыл дверь.

На эти слова он обернулся с виноватой улыбкой.

— Профессор, Бог все же играет в кости.

Старик смотрел в окно, как гость вышел из его дома. В поздний час на улице больше никого не было. Молодой человек начал раздеваться; вероятно, он не хотел брать с собой одежду этой эпохи. Под снятым обнаружился облегающий костюм, флуоресцирующий в тусклом свете, — вероятно, одежда его эпохи. Старик ожидал, что последует яркая белая вспышка, но он ошибся. Посыльный, как назвал себя гость, быстро поднялся в воздух под довольно острым углом и через несколько секунд исчез среди ярких звезд ночного неба. Его скорость была постоянной, безо всякого ускорения. Очевидно, он вовсе не поднимался. Земля вращалась, а он оставался статичным, сохраняя покой в этом пространстве-времени. Старик предполагал, что посыльный мог использовать в качестве отправной точки свои абсолютные пространственно-временные координаты; можно сказать, что он стоит на берегу длинной реки, наблюдая за стремительно текущим временем, и, если захочет, отправляется куда ему заблагорассудится, хоть вверх, хоть вниз по течению.

Альберт Эйнштейн еще немного постоял в полной тишине, потом медленно обернулся и снова взял свою старую скрипку.

Судьба

[redacted], 11 мая 2011 г., перевал Нянцзы.

Мы обнаружили астероид на расстоянии в 1 800 000 километров от Земли.

Неправильный овоид диаметром около десяти километров медленно вращался, отчего многочисленные грани его поверхности то и дело вспыхивали, как подмигивающие глаза. Наш бортовой компьютер рассчитал, что его орбита упрется в Землю через восемнадцать суток. Космической скале предстояло рухнуть около Мексиканского залива.

Наблюдательная сеть Земли должна была заметить астероид еще год назад, но в новостях о нем не сказали ни слова. Мы связались с Землей, но после ожидаемой пятисекундной задержки в наших наушниках по-прежнему было тихо. Мы попытались еще несколько раз, но так и не получили ответа. Можно было подумать, что человечество пребывает в коллективном шоке, а ведь мы обменялись парой слов с Землей всего десять минут назад. Радиомолчание поразило нас больше, чем обнаружение астероида.

Двадцать дней назад мы с Эммой взяли напрокат этот кораблик, чтобы провести медовый месяц в космическом круизе. Кораблик был старый, с традиционной двигательной установкой. В эпоху прыжковых полетов в пространстве-времени наш медлительный, как улитка, катер старого образца навевал романтичные и сентиментальные чувства. Мы обогнули по орбитам спутник Земли Спейс-Сити, затем Луну, а после этого пролетели более миллиона километров по более отдаленной части Солнечной системы. Путешествие шло гладко, идиллически, как в старой пасторальной песенке, но накануне нашего возвращения события приняли неожиданный оборот.

Астероид находился всего в пятидесяти километрах от носа нашего корабля и виднелся на темном фоне космоса отчетливо и реально, как музейный экспонат на черной шелковой подушке. Я был уверен, что это не ночной кошмар.

— Нужно что-то делать, — сказал я.

Как обычно, я призвал к действию, а Эмма тут же взялась разрабатывать детали.

— Нужно выстрелить в него двигателем и сбить с курса.

Компьютерная симуляция подтвердила, что это

осуществимо, но проделать операцию следовало в течение 24 минут. А когда планетоид минует этот участок своей траектории, предпринимать что-то будет поздно.

Времени для сомнений и колебаний не осталось. Мы отошли от астероида на безопасное расстояние в 100 километров и отдали приказ компьютеру. От хвостовой части корпуса отделился двигатель. Мы наблюдали в иллюминатор, как цилиндр извергнул голубое пламя и направился к скале. Почти сразу пламя превратилось в маленькую сияющую звездочку. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как она соприкоснулась с массивным валуном, парящим в космосе. Сначала коротко вспыхнуло, а в следующий миг из астероида вырвался огромный огненный шар, который быстро расширялся, как будто внезапно вспыхнуло новое солнце, и пламя рвануло к нам. И когда казалось, что ад поглотит наш корабль, расширение замедлилось, пламя стало уменьшаться, а затем погасло. Перед нами вновь был астероид, и на его поверхности мы отчетливо видели след от взрыва двигателя — кратер диаметром не менее трех тысяч метров. Из астероида вылетали бесчисленные светящиеся точки — куски раскаленного вещества, выброшенного

взрывом; один из них пронесся совсем рядом с кораблем. Компьютер определял новую траекторию астероида, и мы нервно ждали.

— Изменение траектории небесного тела осуществлено успешно. Оно не столкнется с Землей, а станет ее спутником на орбите с удалением 58 037 километров, — сообщил компьютер.

Мы с Эммой обнялись, донельзя счастливые тем, что наши действия увенчались успехом.

— Как ты думаешь, прокатчики взыщут с нас стоимость погубленного двигателя? — полушутя спросила Эмма.

— Неужели они осмелятся предъявлять претензии спасителям человечества? Кроме того, этот планетоид теперь является нашей полной собственностью. Добыча полезных ископаемых принесет нам миллиарды!

Счастливые и донельзя гордые тем, что спасли мир от гибели, мы запустили оставшийся двигатель и направились домой. По пути мы снова и снова вызывали Землю и все так же не получали ответов на наши сигналы. Естественно, мы снова встревожились и чем дальше, тем сильнее волновались, безуспешно пытаясь представить, что же там могло случиться.

Один двигатель не мог обеспечить хорошую

скорость. Астероид быстро улетел от нас в сторону Земли и пропал из виду. Эмма, следившая за его движением по экрану, вдруг закричала:

— Земля! Боже мой! Посмотри на Землю!

Я посмотрел в иллюминатор, но с такого расстояния Земля представлялась лишь блестящим голубым шаром не больше бильярдного. Эмма ткнула пальцем в увеличенное изображение на экране. Я вгляделся в него и опешил: с континентами что-то было не так. Они изменились, их очертания совершенно не походили на те, что я знал с детства.

Мы обратились за помощью к компьютеру, и тот объяснил:

— Вы видите форму и распределение континентов конца мелового периода, в частности суперконтинент Гондвану.

— Что? Меловой период? А как… сколько лет назад он был?!

— Около 65 миллионов лет назад. Но ваш вопрос поставлен некорректно. Многие признаки указывают на то, что меловой период не «был», а есть сейчас.

Компьютер не ошибся. Мы поняли, почему на Земле стоит радиомолчание — человечества еще не существует.

В современную нам эпоху люди путешествуют между звезд, поскольку овладели технологией пространственно-временных скачков. Но с каждым таким прыжком образуется «червоточина», которая затем дрейфует в околоземном пространстве. И если корабль межпланетного назначения случайно наткнется на одну из них, его может в мгновение ока забросить на десятки тысяч световых лет от дома, а может перенести далеко вперед или назад во времени. Усовершенствование межзвездных кораблей позволило уйти от части опасностей, связанных с «червоточинами», и теперь они изменяли местоположение корабля только во времени; перемещения в пространстве не переходило. Вернуться через такую «червоточину» в нужное время было значительно легче. Если случайно угодил в такую, нужно всего лишь точно проследить свой маршрут и вернуться в обратную сторону точно в то мгновение, когда тебя унесло.

Вот и мы прошли сквозь такую временную дыру, сами того не заметив.

Такое случалось не раз, и корабли, перемещенные во времени, всегда благополучно возвращались. Среди них был корабль для добычи полезных ископаемых, оказавшийся в

кембрийском периоде. Его космонавты увидели светящуюся темно-красным блеском Землю, еще не имеющую океанов, зато изобилующую реками и озерами раскаленной магмы.

А корабли, прыгнувшие вперед, никогда не возвращались, что породило в обществе оптимизм по части будущего.

Правительства государств Земли уделяли очень много внимания случайным прыжкам в прошлое. Для таких случаев был разработан строгий регламент — попавшие в «червоточину» должны были немедленно вернуться. Если же вернуться не удавалось из-за дрейфа дыры — вероятность этого была очень низка, но все же существовала, — следовало отлететь подальше от Земли и самоуничтожиться, чтобы исключить изменение земной истории.

— Боже! — воскликнула Эмма. — Что мы наделали!

У меня тоже стало погано на душе. Из спасителей мы превратились даже не в преступников, а в дьяволов.

— Не волнуйся, милая, — с деланой бодростью заявил я, — не каждое мелкое вмешательство влечет за собой «эффект бабочки».

— Мелкое вмешательство? Вряд ли наш посту-

пок можно так назвать. — Она что-то вспомнила и обратилась к компьютеру: — Это действительно меловой период?

Компьютер ответил утвердительно. Мы оба понимали, что это значит. Мы отвели от Земли тот самый астероид, который погубил динозавров.

Мы долго молчали, а потом Эмма сказала:

— Давай возвращаться.

Мы быстро развернули корабль и направились обратным курсом по прежней траектории.

— И куда мы возвращаемся? — спросил я. — Прямиком под суд?

— Это был бы идеальный вариант. Если человечество все еще существует, пусть даже вместе с судьями, то и казнь будет не так уж страшна.

Я улыбнулся и покачал головой:

— Эмма, ты напрасно так тревожишься. Сама подумай — почему люди так преуспели по сравнению с другим видами? Почему не муравьи? Или дельфины, или другие животные? У них есть общественное устройство, есть разум… но по уровню цивилизаций они нам и в подметки не годятся. А ведь возможности для эволюции были справедливо и беспристрастно выданы всем видам.

— И почему же?

— Потому что человечество — это квинтэссенция всего живого, его пламенный дух. Космос выбрал нас. Посмотри, как далеко продвинулась наша цивилизация! Я уверен, что все обойдется, и у меня есть все основания для этой уверенности! Возможно, мир, в который мы вернемся, будет немного отличаться от того, который мы покинули, но человеческая цивилизация будет существовать!

Эмма тоже позволила себе слабо улыбнуться.

— Я и забыла, что ты веришь в теорию избранности человечества, — и добавила, перекрестившись: — Могу лишь надеяться на то, что ты прав.

* * *

Когда проходишь через «червоточину», кажется, будто космос исчезает и вновь появляется. Происходит это очень быстро — пространство моргнуло, и все. Поэтому неудивительно, что мы не заметили первого прохождения. Как только мы выскочили в свое время, радиомолчание сменилось бурей электромагнитных сигналов, но первая радость почти сразу же сменилась разочарованием. Сигналы передавали только какое-то странное чириканье и уханье. Ни мы сами, ни компьютер не могли истолковать значе-

ние этих звуков. Мы буквально криком кричали, вызывая Землю, но не получали ответа. Конечно же, мы рассмотрели планету на экране, увидели привычные очертания континентов и с облегчением перевели дух. Если мы и породили «эффект бабочки», то, по крайней мере, не перемешали землю и небо.

Наш крохотный кораблик тащился на оставшемся двигателе. Когда через двое суток мы вышли на околоземную орбиту, у нас едва-едва хватало горючего для приземления. Мы плюхнулись в Тихий океан недалеко от Австралии, и корабль почти сразу же начал тонуть. Нам пришлось перебраться на спасательный плотик, и нас понесло течением. Солнце еще не взошло. Я смотрел по сторонам, и океан вроде бы был все тем же океаном, а небо — тем же небом. Казалось, что мир совершенно не изменился.

Всего через полчаса мы заметили невдалеке большое судно, зажгли сигнальный фальшфейер. Корабль изменил курс и направился к нам.

— Человечество! — взвизгнула Эмма, заливаясь слезами восторга. — Оно и вправду еще существует!

— А ведь я так и говорил, скажешь, нет? Человечество — это душа всего живого. Мы предназна-

чены для безграничного развития цивилизации.

— Но этот мир не тот, из которого мы улетали, — снова испугалась она. — Посмотри на этот корабль. Такое впечатление, что люди еще не вступили в технологическую эпоху.

Корабль казался архаичным и совсем не походил на суда нашего, современного, мира. Но это не означало, что этот мир был технологически отсталым. Я заметил, что на корабле не было парусов, и задумался о том, какая сила могла приводить его в движение.

Судно вскоре подошло к нам и остановилось. С высокого борта опустили веревочную лестницу. Мы с Эммой забрались наверх. Команда состояла из темнокожих людей — я не понял, к какой расе они относились, — одетых в грубые зеленовато-серые одежды. Я заговорил с ними, но никто не ответил, лишь один из них жестом предложил нам следовать за ним.

По длинной, узкой, несколько раз изгибающейся лестнице мы поднялись на вершину расположенной посреди судна башенки, откуда отлично была видна вся палуба, от носа до кормы. Там провожатый подвел нас к крепко сложенному седобородому мужчине и что-то нам сказал. Я не понял ни слова, в отличие от висевшего у меня

на груди компьютера, который сообщил мне:

— Язык похож на древнюю латынь, с некоторыми отличиями. Фразу можно перевести как: «Это наш капитан».

Потом с нами заговорил уже сам капитан, а компьютер переводил.

— Что это вас на плоту в середину моря занесло? Ишь, смельчаки! Не боялись, что вас сожрут?

— Сожрут? — повторил я. Компьютер переводил то, что я говорил шепотом, и усиливал звук. — Кто?

Капитан показал на океан. Уже рассвело, и золотой солнечный свет пронизал легкую дымку тумана, висевшую над морем. Безмятежная до сей минуты вода вдруг заволновалась, и на поверхности появилось ужасающее чудовище. Потом второе, и не успел я, что называется, глазом моргнуть, как вокруг судна плескалась уже целая стая. Тут-то мы с Эммой наконец поняли, какое следствие повлек за собой опрометчивый поступок, который мы совершили 65 миллионов лет назад.

Динозавры не вымерли.

Один из них направился к судну и остановился почти вплотную. Его громадное тело возвышалось над бортом, как ужасающий горный пик,

накрывая нас тенью. Я видел черные перекрещивающиеся и извивающиеся, словно виноградные лозы, кровеносные сосуды под серой, на вид нежной, как шелк, кожей, и усики-антенны, торчащие над высоко поднятой головой. Потом мощная шея динозавра склонилась вперед, огромная голова повисла над нами; с головы и шеи на палубу лилась вода. Неимоверно большие глаза пристально уставились на нас. Под этим мрачным холодным взглядом у нас кровь застыла в жилах. Эмма, дрожа всем телом, прижалась ко мне.

— Не бойтесь, — сказал капитан. — Они никого не трогают. Это же зоопарк.

И впрямь, динозавр некоторое время рассматривал нас, а потом повернулся и поплыл прочь, подняв такую волну, что судно закачалось. Мы увидели на полпути до горизонта еще одно судно, такое же как наше. К нему плыли два динозавра.

— Вы приручили динозавров? — восхитилась Эмма. — Поразительно!

Я тоже слегка обалдел:

— Мы думали, что динозавры будут представлять угрозу для эволюции человечества. А теперь видим, что благодаря им человеческая цивилизация только укрепилась.

Эмма кивнула:

— Совершенно верно. Как рабочий скот они, конечно, намного сильнее, чем быки или лошади. Думаю, они без особых усилий могут передвинуть даже не слишком большую гору! Дорогой, ты был прав! Человечество — это душа всего живого. И с сегодняшнего утра я тоже верная последовательница теории избранности человечества!

Компьютер переводил наши слова, а капитан смотрел на нас с явно озадаченным видом.

— Это зоопарк, — сказал он. — Здесь они не делают людям ничего плохого.

В этот момент я сделал еще одно удивительное открытие: разглядел на горизонте ряд каких-то колонн, даже с такого расстояния поражающих своими размерами. Примерно посередине высоты этих сооружений проплывала облачная гряда, а вершины торчали высоко над ней. Я подумал, что примерно так же должны муравьи взирать на сосновый бор, и спросил капитана, что это такое.

— Здания, — неопределенно ответил капитан. — Прибрежный квартал небоскребов.

— Боже! — воскликнула Эмма. — И какой же они высоты?

— Примерно в десять тысяч раз выше вашего роста.

— Дома под двадцать тысяч метров высотой! — поразился я. — Там должно быть несколько тысяч этажей.

— Несколько сотен, — поправил меня капитан, покачав головой.

— Этажи по сотне метров! — воскликнула Эмма. — Грандиозные дворцы!

— Грандиозная цивилизация, — сказал я. — Грандиозная человеческая цивилизация!

— Эти здания построены для туристов, — сказал капитан.

— Туристов? — повторил я. — Ах да, вы уже сказали, что это зоопарк, но… туристы? Вы все определенно не туристы.

— Еще рано, — сказала Эмма. — Может быть, зоопарк еще закрыт?

Капитан опять изумленно уставился на нас, а потом повернулся к плавающим поодаль динозаврам. Это сбило нас с толку и заставило вновь вернуться к тем подспудным сомнениям, на которые уже навело на нас неторопливое, словно заторможенное, и бесхитростное поведение людей, с которыми мы только что встретились.

Тут со стороны плотной группы динозавров донеслись хоровые завывания. Эти звуки были нам знакомы: мы слышали их по радио, когда

возвращались из космоса на Землю. Я задержал взгляд на двадцатикилометровых зданиях, торчавших на горизонте, и откровение поразило мой разум, как удар грома. Стоявшая рядом со мною Эмма испуганно вскрикнула и упала на палубу как подкошенная.

Несомненно, она подумала о том же, о чем и я.

Мироздание вовсе не отдает предпочтение людскому роду. В прежней временной линии люди создали на Земле великолепную цивилизацию, но это было разовым и случайным явлением. Мы же, люди, в своем высокомерии приняли случайность за необходимость. Ну а природа вновь подбросила монетку, и эволюции выпал другой путь, на котором последние стали первыми.

Мы действительно находились в зоопарке, но туристами здесь были не люди, а динозавры.

У меня подогнулись ноги, и я сел на палубу рядом с Эммой. Мир потемнел, перед глазами легла непроглядная бездна. Мы услышали, как компьютер переводит слова капитана:

— У вас обоих вид такой… экзотичный, что ли. Я думаю, вам стоит остаться с нами. Вас утвердят декоративными людьми.

— Декоративными людьми?.. — тупо повторил я. В поле моего зрения вновь сфокусировался мир

с его предметами и колоссальным городом на горизонте.

— Нет, — пробормотала Эмма, — я хочу на берег…

— С ума сошла? — осведомился капитан. — На берегу живут только пищевые люди.

— Пи… пищевые люди?..

— Пища для них. В этот город ежедневно доставляют несколько тысяч пищевых людей! Декоративные люди, которых не едят, содержатся только в зоопарке. Все только и мечтают о таком счастье.

Мир внезапно превратился в зловещий мрачный мясной склад. Мы пребывали в полном отчаянии, нами овладела безысходность. Я был готов отказаться от надежды на выживание, уже начал прикидывать, как покончить с жизнью, но тут Эмма указала на небо и закричала:

— Смотри!

Нам предстало сияющее небесное тело. Еще мгновение назад оно пряталось в сиянии утреннего солнца, но теперь мы отчетливо видели его. Оно мчалось по орбите так быстро, что его движение было хорошо заметно даже без ориентиров. Присмотревшись получше, я увидел, что это не просто светящаяся точка света, а массивный

предмет.

— Звезда-Демон, — пояснил капитан. — Туристы говорят, что их ученые изучают ее. Якобы она когда-то должна была удариться в Землю, но их Спаситель страшным взрывом оттолкнул ее с курса. Туристы считают, что, попади она в землю, все бы вымерли. И от этого спасительного взрыва на поверхности Звезды-Демона будто бы остался кратер. Вон, посмотрите… — Капитан ткнул рукой в сторону далекого города. — Самая высокая башня — это собор. Там туристы поклоняются Спасителю.

— Вы знаете, откуда мы? — спросил я, не удержавшись.

Капитан покачал головой. Это было ему не интересно.

Похоже, любопытство присуще только высшим видам. А эти люди, видимо, были лишены его, наподобие муравьев или, скажем, пчел.

— Эволюцией управляет бессердечный рок, — сказал я Эмме, самому себе и, может быть, даже остальным находящимся здесь людям, которые просто не в состоянии были меня понять. — Черствый и бесчувственный. Безразличный. Человечеству когда-то довелось полной мерой зачерпнуть удачи. Нам повезло, но мы даже не

подозревали об этом. А теперь… что ж, мы пока не муравьи и не пчелы. У нас остаются возможности, и мы должны воспользоваться ими, а не безропотно покоряться судьбе.

— Ты прав, — поддержала меня Эмма. — Однажды мы, пусть даже не желая того, уже изменили историю. Почему бы не изменить ее еще раз?

Я посмотрел на упирающийся в небо собор, потом на группу плещущихся в воде динозавров и спросил капитана:

— Эти… туристы… Они действительно поклоняются своему Спасителю, да?

Капитан кивнул:

— Они совершенно точно считают Спасителя высшим существом.

Мы с Эммой были подключены к компьютеру через модули, имплантированные в сетчатку, и сейчас запросили состояние файлов полета корабля со всеми деталями изменения курса полета, состоявшегося 65 миллионов лет назад, числовыми параметрами и изображениями. Все было записано.

— Вы можете разговаривать на их языке? — обратилась Эмма к капитану. Тот кивнул.

— Отлично, — сказал я. — В таком случае скажите им, что мы и есть те самые Спасители, которые

спасли Землю от Звезды-Демона. И скажите, что у нас имеются неопровержимые доказательства.

Капитан и его матросы воззрились на нас совершенно ошалелыми глазами.

— Побыстрее, если вас не затруднит! Когда-нибудь я расскажу вам другую историю человечества, но сейчас передайте, пожалуйста, туристам наше сообщение. Не откладывайте!

Капитан сложил ладони рупором, повернулся в сторону динозавров и взвыл. По сравнению с их ревом его голос звучал слабо и тонко. Даже в голове не укладывалось, что он говорил на том же языке, что и гиганты.

Но толпа динозавров тут же прекратила игры. Сначала они разом повернули головы в нашу сторону, а потом все, как один, поплыли к судну.

Бабочка

[redacted], 11 июля 1999 г.

Изучать хаос начали в 1960-х годах, когда ученые осознали, что довольно простые математические уравнения позволяют моделировать системы, столь же неупорядоченные, как бурный водопад. Незаметные различия в исходных данных способны обернуться огромными расхождениями в результатах — подобный феномен называют «сильной зависимостью от начальных условий». Применительно к погоде это выливается в «эффект бабочки»: сегодняшнее трепетание крыльев мотылька в Пекине через месяц может вызвать ураган в Нью-Йорке… Сильную зависимость от начальных условий нельзя назвать абсолютно новым понятием. Она давно отражена в фольклоре:

Не было гвоздя — подкова пропала,
Не было подковы — лошадь захромала,
Лошадь захромала — командир убит,
Конница разбита, армия бежит,
Враг вступает в город, пленных не ща-

дя,

Оттого что в кузнице не было гвоздя[4].

Джеймс Глик Хаос: Создание новой науки[5]

23 марта, Белград

Четырехлетнюю Катю, спавшую в палате на пятом этаже детской больницы, разбудил грохот бомбежки. Она выглянула в окно, но в темноте ничего не было видно. Куда громче и страшнее, чем глухие взрывы, звучали торопливые шаги в коридоре, которые, как ей показалось, сотрясали все здание.

Елена, мать Кати, подхватила дочку на руки и выбежала из палаты. Они влились в толпу, спешившую к лестнице в подвал. Александр, отец Кати, и его русский друг, которого все называли по фамилии — Резник, вышли из соседней двери, но поспешно направились вверх по лестнице, навстречу потоку пациентов и медиков. Елена не заметила их. Весь последний год она была занята

---

[4] Примечания: 4
Перевод С.Я. Маршака.

[5] Примечания: 5
Перевод Е. Барашкова, М. Нахмансон.

исключительно заботами о Кате. Девочка тяжело страдала от уремии, и Елена отдала ей почку для пересадки. Сегодня Катю должны были выписать из больницы, и радость за дочку отодвинула у матери на второй план даже страх от начала войны.

У Александра мысли были обращены в совсем другую сторону. С этой минуты ему предстояло посвятить всего себя войне. Он стоял рядом с Резником на крыше больницы и рассматривал разгоравшиеся тут и там пожары. Небо над их головами было усеяно бриллиантовыми трассами зенитных снарядов.

— Вспомнил анекдот, — сказал Александр. — В одной семье была красивая, но очень упрямая дочь. Вдруг рядом с их домом построили военные казармы. Солдаты они и есть солдаты, что с них взять, и они постоянно заигрывали с девушкой, а отец, естественно, с ума сходил от беспокойства. Вдруг кто-то сказал ему, что его дочь беременна! Услышав новость, он с облегчением вздохнул и сказал: «Слава богу, наконец-то случилось».

— Анекдот совсем не в русском духе, — сказал Резник.

— Я долго его не понимал, но теперь до меня дошло. Когда что-то, чего давно боишься, слу-

чается, то и впрямь испытываешь нечто вроде облегчения.

— Александр, ты не Бог.

— Ну, об этом мне напомнили и паразиты из Министерства обороны, — сухо ответил тот.

— То есть ты все-таки ходил в правительство? И там не поверили, что ты можешь находить атмосферные метеочувствительные точки?

— А ты сам поверил?

— Сначала нет, но как только понял, как работает твоя математическая модель, поверил.

— Там никто не стал проверять модель. Они просто не поверили *мне*.

— Но ты же не выступаешь против партии.

— Я вообще не выступаю! И не касаюсь политики. Возможно, дело в том, что я говорил во время гражданской войны.

Пока они разговаривали, взрывы прекратились, зато разгорелись отдаленные пожары, их тускло-красные отблески подсвечивали два самых высоких здания города, возвышавшиеся на противоположных берегах Савы. Башня Ушче в Новом Белграде, где располагалась штаб-квартира Социалистической партии Сербии, отчетливо выделялась на фоне пламени, а напротив, через реку, чернела громада отеля «Палас», контуры

которой трудно было разглядеть в темноте, и поэтому она казалась странным отражением первого здания.

— Рассуждая теоретически, твоя модель может работать, но ты, возможно, упустил из виду одну немаловажную деталь, — задумчиво произнес Резник. — Чтобы рассчитать одну метеочувствительную точку и механизм ее активации, даже самым мощным компьютерам Югославии потребуется самое меньшее месяц.

— Я учел. И именно поэтому обратился к тебе. Я хотел бы воспользоваться твоим компьютером в Дубне.

— А почему ты решил, что я пойду тебе навстречу?

— Я лишь надеюсь на это. Но ведь твой дед был военным советником у Тито и получил ранение в битве на Сутьеске…

— Весомый аргумент. Ну а где я возьму исходные данные о состоянии атмосферы по всему шарику?

— Они имеются в открытом доступе. Хотя бы из сети Всемирной метеорологической организации. Они получают данные в режиме реального времени со всех спутников, а также чуть ли не со всех действующих метеопунктов на суше и на

море. Однако это огромный объем данных, и по телефонной линии он не пройдет. Понадобится выделенный кабель со скоростью передачи не менее миллиона бит в секунду.

— Такой у меня есть.

Александр вручил Резнику небольшой портфель с номерным замком.

— Тут все, что может понадобиться, но самое важное — компакт-диск. Я записал там все программы для моделирования атмосферы, около шестисот мегабайт — почти весь объем диска. Это некомпилированный исходный код на языке Си, так что твоя машина-монстр должна без осложнений его прочесть и запустить, — объяснил он. — Там также лежит спутниковый телефон, подключенный к модифицированному GPS-приемнику. С их помощью можно увидеть мое точное местоположение в любом уголке Земли.

Резник взял портфель:

— Прямо сейчас я уеду в Румынию, а оттуда прямиком в Москву на самолете. Если не случится каких-нибудь непредвиденных задержек, то завтра же я позвоню тебе по твоему спутниковому телефону, и обсудим подробности работы с твоей мифической метеочувствительной точкой. Но сомневаюсь, что эффект удастся усилить, как

ты предполагаешь. Управление стихиями лучше оставить Богу.

* * *

Резник ушел. Александр забрал жену и дочь, и они поехали домой. У впадения Савы в Дунай он остановил машину, все трое вышли и долго молча смотрели,<на черную гладкую воду. Затянувшееся молчание прервал Александр:

— Я когда-то предупреждал, что, если начнется война, мне придется уйти из дома.

— Папа, ты боишься бомб? — спросила Катя. — Возьми меня с собой. Я их тоже боюсь. Они такие шумные!

— Нет, милая, я буду искать способ сделать так, чтобы бомбы вовсе не падали на нашу землю. Папе придется поехать очень далеко, в такие места, куда нельзя взять Катю. Честно говоря, папа и сам не знает, куда поедет.

— А как ты помешаешь бомбам падать? Найдешь сильную армию, чтобы она нас защищала?

— Армия не понадобится, Катюша. Папе нужно всего лишь в нужное время попасть в нужное место, которое находится где-то на Земле, и сделать там простое дело, например вылить ведро горячей воды или закурить сигару. Всю Югосла-

вию накроет тучами и туманом, и люди, которые бросают бомбы, не смогут найти цель!

— Зачем ты рассказываешь ей это? — вмешалась Елена.

— Почему бы и нет? Все равно в это никто не верит, в том числе и ты.

— В прошлом году ты отправился в Австралию и включил на берегу промышленный вентилятор, уверяя, что таким образом вызовешь дождь в засушливой Эфиопии…

— Причиной неудачи стали не ошибки в моей теории или математической модели. У меня, к сожалению, не было достаточно быстрого компьютера, поэтому, пока я рассчитывал место нужной точки, она уже сместилась под влиянием атмосферных флуктуаций!

— Александр, ты живешь в мире грез! Но я не собираюсь изгонять тебя оттуда. Я ведь вышла за тебя прежде всего потому, что ты увлек меня этими самыми мечтами… — В ее голосе прозвучала затаенная грусть. Она родилась и выросла в боснийской мусульманской семье. Когда она пять лет назад бежала из осажденного Сараева и вышла замуж за своего однокурсника по институту, серба, отец и брат, фанатичные националисты, готовы были расстрелять ее из автоматов.

Александр отвез жену с дочерью домой и, не задерживаясь, отправился на машине к румынской границе. Поездка выдалась нелегкой. На шоссе оказалось множество заграждений с блокпостами, движение то и дело прерывалось военными колоннами и одиночными грузовиками, так что границу он пересек только на следующий день около полудня. Зато дальше его ничего не задерживало, и уже к закату он прибыл в бухарестский международный аэропорт Отопень.

25 марта, Дубна

В ста тридцати километрах к северу от Москвы, среди лугов, находится небольшой, густо засаженный соснами городок, который, как ни странно, не затронул упадок столицы. Течение времени здесь остановилось, о чем свидетельствуют часто попадающиеся бюсты Ленина. Шоссе, ведущее в город, проходит через туннель под каналом Москва-Волга, въезд в который все еще украшен лозунгом советских времен «Слава труду!», написанным огромными буквами. Здесь живет шестьдесят тысяч человек, и почти все они ученые. Город называется Дубна и является исследовательским центром по атомным технологиям и ядерному оружию еще со времен

Советского Союза.

В центре города стоит недавно построенное здание, разительно контрастирующее своим элегантным, даже авангардным внешним видом с окружающей архитектурой в советском стиле. На втором этаже здания расположен изолированный компьютерный зал, оснащенный, как ни странно, суперкомпьютером «Крей» американского производства. Машина не самой новой модели, но не так давно она входила в список оборудования, строго запрещенного к экспорту в Восточный блок стран не существующего ныне СЭВа. Четыре года назад Россия, Соединенные Штаты, Великобритания, Германия и Франция совместно создали исследовательский центр высоких технологий. Западные страны надеялись, что щедрое финансирование и хорошие условия для исследований помогут отвлечь российских ученых от работы в странах, не одобряемых Западом. В первую очередь это касалось физиков-ядерщиков, которые в нынешних условиях вряд ли могли где-то еще рассчитывать на заработок больше жалкой сотни долларов США в месяц. Ну а Россия делилась бы с Западом плодами от проводимых здесь работ. В Дубне находился филиал более крупного центра, но Россия не имела

своих суперкомпьютеров, что сильно затрудняло исследования. Чтобы исправить положение, американцы доставили туда «Крей». За работой огромного компьютера следили американские инженеры; они же должны были контролировать любое программное обеспечение, которое туда запускали.

Если бы компьютер мог чувствовать, он, несомненно, томился бы от скуки. Поселившись здесь три года назад, он по большей части простаивал, лишь периодически устраивая самодиагностику. Горстка аспирантов с нескольких кафедр электроники Московского государственного университета время от времени вводила через терминал этажом ниже вычислительные программы, но эти программы он мог бы легко обрабатывать во сне — если бы когда-нибудь спал.

Поздно вечером 25 марта суперкомпьютер «Крей» получил с сетевого терминала программу, написанную на языке Си, а потом команду провести компиляцию. Программа оказалась огромной, самой большой из всех, с которыми компьютеру случалось работать за последние годы, но размер не произвел на него впечатления. Раньше он видел программы, содержащие более десяти миллионов строк кода, правда, во время

выполнения обнаруживалось, что большая часть кода представляет собой механизированные циклы и преобразования пикселей, предназначенные для создания маловразумительных моделей трехмерной анимации. Компьютер запустил компилятор и рассеянно начал переводить код Си, строку за строкой, в единицы и нули своего родного языка, отправляя невообразимо длинную строку чисел во внешнее хранилище. Закончив компиляцию, он сразу же получил команду на выполнение. Компьютер немедленно засосал массу единиц и нулей, которые выплюнул всего несколько мгновений назад, обратно в оперативную память и, ухватив тонкую нить из запутанного клубка кода, начал выполнять программу.

И тут суперкомпьютер «Крей» непроизвольно резко вздохнул и содрогнулся. В одно мгновение программа породила более миллиона матриц высокого порядка, три миллиона обыкновенных дифференциальных уравнений и восемь миллионов уравнений в частных производных. Маленькие математические монстры широко разинули свои жадные пасти и ждали исходных данных. Вскоре по отдельному каналу со скоростью 10 Мбит/с потекли данные. Компьютер с

трудом различал элементы этого потока — группа за группой параметров давления, температуры и влажности. Исходные данные, подобно раскаленной лаве, хлынули в море матриц и уравнений, чтобы довести все до кипения. Каждый из тысячи с лишним процессоров суперкомпьютера вышел на максимальную производительность. Вздымая чудовищные мутные волны данных, по огромному электронному миру его памяти пронесся тайфун логических операций.

Шторм продолжался сорок минут, которые компьютеру показались столетиями. Наконец, доведя свою мощь до предела, он все же обуздал бушующий в нем мир. Тайфун слабел, волны постепенно уменьшались, а потом буря полностью прекратилась, и необъятное море начало кристаллизоваться и съеживаться. В конце концов оно сконденсировалось в крошечное ядро данных, которое непрерывно мерцало в безграничной пустоте оперативной памяти компьютера. Затем семечко лопнуло, отослав несколько строк данных на экран терминала, находившегося на первом этаже.

Резник, сидевший перед экраном, взял спутниковый телефон.

— Первая чувствительная точка обнаружена.

Она дрейфует в области с координатами от двадцати двух до двадцати пяти градусов северной широты и от тринадцати до пятнадцати градусов западной долготы. Активирующее воздействие: резко охладить чувствительную точку. Где это? Минуточку… О! Александр, тебе нужно мчаться в Африку!

27 марта, Мавритания

Пока вертолет низко летел над выжженной солнцем пустыней, Александру казалось, что он вот-вот задохнется в этой изнуряющей жаре. Чернокожий пилот, однако, ее как будто не замечал и непринужденно болтал всю дорогу. Необычный белый пассажир сразу возбудил в нем любопытство. Сойдя с авиалайнера в международном аэропорту Нуакшота, тот прежде всего нанял легкий вертолет. Затем купил в ресторане рядом с терминалом переносную холодильную камеру и положил туда большой кусок льда. Вместе с камерой он загрузил в вертолет еще и тяжелую кувалду. Точно указать пункт назначения пассажир не смог, и просто велел вести вертолет в пустыню по тому направлению, которое указывал. Во время полета он все время прижимал к уху большой телефон странного вида, подклю-

ченный к чему-то вроде игровой приставки. Пилот видел подобное устройство, когда работал с геологами, занимавшимися поиском меди, и знал, что это GPS-приемник.

— Скажите, друг, вы приехали из Каира? — спросил пилот на чересчур правильном, будто из учебника, французском языке. Ему приходилось все время кричать, чтобы его было слышно сквозь грохот мотора.

— Я прилетел в Каир с Балкан и там пересел на другой самолет, — ответил Александр, не слушая толком, что ему говорят.

— Прошу прощения! С Балкан? Там сейчас идет война, не так ли?

— Можно сказать и так.

Резник, голос которого доносился по телефону с расстояния в шесть тысяч километров, сказал, что нужная точка четко видна. До нее пять километров, положение стабилизировалось, и она медленно дрейфует.

— Американцы бросают туда много бомб и даже «Томагавки», не так ли? — Пилот издал звук, довольно похожий на вой пролетающей над головой ракеты и воскликнул: «Ба-бах!». — Скажите, друг, вам известно, сколько стоит «Томагавк»?

— Думаю, что около полумиллиона долларов

США.

«Александр, внимание! Осталось всего три тысячи пятьсот метров».

— Ого! Белые люди очень экстравагантно себя ведут. На эти деньги можно было бы распахать плантацию или устроить водохранилище. Можно было бы накормить много людей, не так ли?

«Александр, три тысячи метров!»

— Зачем Америка воюет? — продолжал пилот. — Вы не знаете? Я слышал, что Милошевич убил четыре тысячи человек в каком-то месте под названием Косово…

«Александр, две тысячи метров. Опять переместилась налево!»

— Возьмите левее! — рявкнул Александр.

— Что? Левее? Ладно. Так?

Александр повторил вопрос по телефону.

«Слишком сильно влево».

— Слишком сильно влево.

— Сказали бы точно, куда нужно, — проворчал пилот. — Так нормально?

— Резник, так нормально? — негромко спросил Александр в трубку.

«Прямо, не отклоняясь. Полтора километра».

— Отлично, так и держите. Спасибо, дружище.

— Да не за что. Вы хорошо платите. Итак, я го-

ворил о том, что он убил четыре тысячи человек. Но если помните, два года назад в Африке тоже убивали людей…

«Тысяча метров».

— …в Руанде.

«Пятьсот метров!»

— … убили пятьсот тысяч человек…

«Сто метров!»

— … и никому дела не было…

«Александр, ты точно над метеочувствительной точкой!»

— Садимся здесь! — перебил пилота Александр.

— …вы, думаю, уже забыли об этом… что? Садимся? Здесь? Понял. Надеюсь, посадочные лыжи не увязнут в песке… Ладно, прибыли. Подождите немного, не выходите сразу, чтобы глаза песком не засыпало.

С помощью пилота Александр вынул из кабины холодильную камеру, вытряхнул оттуда куб льда, который уже начал подтаивать, и бросил его на песок. Вокруг, над пустыней, стояло переливающееся знойное марево.

— Постарайтесь не обжечься, — усмехнулся пилот, когда Александр воздел кувалду над куском льда.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны», — беззвучно прошептал он, застыв на мгновение с полузакрытыми глазами, и обрушил тяжелый молот на лед. Кусок разлетелся на сверкающие осколки, которые, едва соприкоснувшись с раскаленным песком, таяли, как невесомые грезы. Прохладный бодрящий ветерок чуть повеял и рассеялся в знойном воздухе.

— Помилуйте, друг мой, что вы делаете? — спросил пилот, ошалело наблюдавший за его действиями.

— Можно сказать, ритуал. Тотемический обряд, вроде ваших танцев с огнем, — сказал Александр и со смехом отер пот со лба.

— Ритуал и какое-то тайное заклинание — вы о чем-то молили своего бога?

— О дожде и тумане, дожде и тумане, которые прикрыли бы мою далекую родину.

29 марта, Белград

В эту ночь Кате спалось лучше, чем когда-либо за последние недели, несмотря даже на то, что накануне новая почка начала отторгаться и поднялась температура. Мать попросила соседку, работавшую медсестрой, сделать инъекцию им-

мунодепрессанта, привезенного из больницы, и Кате стало немного лучше. Но, что гораздо важнее, в ту ночь почти не было бомбежки, лишь несколько отдельных взрывов где-то вдалеке, так что жильцам их многоквартирного дома не пришлось в полночь бежать в подвал и дожидаться там рассвета. На следующий день Катя узнала, почему так получилось.

Утром Катя проснулась поздно, уже в девятом, часу, но на улице все еще было темно. Выйдя на балкон, она увидела, что все небо затянуто тяжелыми темными тучами. А внизу между деревьями разливался туман.

— Боже мой! — вырвалось у Елены, когда она тоже увидела это зрелище.

— Мама, это папа сделал?

— Наверно, нет. Но если тучи продержатся еще несколько недель… то, возможно, окажется, что это и впрямь его работа.

— А где папа сейчас?

— Не знаю. Он у нас бабочка, — порхает по миру то туда, то сюда.

— Таких некрасивых бабочек не бывает! — заявила Катя. — И вообще, я не люблю, когда тучи.

29 марта, директива по объединенным военно-воздушным силам № 1362

Отправлено из: Оперативный штаб ЭЙРКОМ[6]

Полный текст разослан: АФСАУТ, СЕТАФ[7] и главнокомандующему 6-м флотом США

Разведывательное донесение M441 из источников БАМ и NM[8] оказалось ошибочным (см. Базу данных полевых условий «ASD119», метеорологический раздел) и было исправлено в разведывательном донесении M483.

Боевые директивы № 1351, № 1353 и № 1357 настоящим изменяются следующим образом.

Следующий раздел доведен до всех передовых операционных баз в Италии (Комизо, Авиано, Казерма-Эдерле, Ла-Маддалена, Сигонелла, Бриндизи) и Греции (Суда-Бей, Ираклион, Афины, Неа-Макри).

---

[6] Примечания: 6

Объединенное авиационное командование воздушно-космических сил НАТО (Allied Air Command — AIRCOM).

[7] Примечания: 7

Объединенные вооруженные силы НАТО на Южно-Европейском театре военных действий (Allied Forces, Southern Europe); Южно-Европейская тактическая группа сухопутных войск США.

[8] Примечания: 8

EAM — метеорологическая служба Европейского командования ВВС США; NM — Национальная метеорологическая служба США.

Также передан: Средиземноморская авианосная ударная группа.

Отменить все удары B-3[9]*, назначенные боевыми директивами № 1351 и № 1357 по группам целей GH56, IIT773, NT4412, BBH091145, LO88, 1123RRT и 691HJ (перечислены под 'TAG471' в базе данных целей).*

Продолжать удары B-3, назначенные боевой директивой № 1353 по группам целей PA851 и SSF67 (см. упомянутый список).

Удары A-2[10]*, назначенные боевыми директивами № 1351, № 1353 и № 1357, остаются в силе.*

Следующий раздел доведен: База ВВС Авиано.

Увеличить количество наблюдательных полетов на малой высоте для оценки AF 3 последствий продолжающихся ударов B-3.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Количество копий: 0

29 марта, Дубна

— Александр, Александр! Слушай, сформирова-

---

[9] Примечания: 9

Имеются в виду ракеты с лазерным наведением и ракеты с теленаведением.

[10] Примечания: 10

Подразумеваются крылатые ракеты «Томагавк».

лась вторая метеочувствительная точка между двадцатью девятью градусами и тридцатью градусами северной широты и ста тридцати тремя и ста тридцати четырьмя градусами западной долготы. Движется быстро, но стабилизируется. Механизм активации: сильно взболтать воду. Да, знаешь, это в открытом море.

31 марта, неподалеку от западного берега острова Рюкю

Сколько хватало глаз, поверхность Восточно-Китайского моря была гладкой, как голубой шелк. Лишь мчавшееся полным ходом маленькое рыбацкое суденышко оставляло на ней длинную пенящуюся борозду.

На кормовой палубе рыбак-окинавец, с выдубленной почти дочерна от постоянного пребывания на солнце кожей деловито заворачивал пачки тротила в водонепроницаемую бумагу. Его столь же просоленный напарник как раз начал присоединять электрический капсюль-детонатор, вложенный в связку взрывчатки, к длинному проводу, подключенному к детонатору. Александр стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Рыбаки болтали во время работы. Из уважения к Александру они говорили по-ан-

глийски, хоть с сильным акцентом, но свободно. Как и во всем остальном мире, темой их дискуссии были войны.

— Я думаю, для нас это хорошая новость, — сказал один из японцев. — Прецедент. Если в будущем возникнет проблема с Северной Кореей или Тайванем, наши «Сейберхоки» и американский авианосец как подойдут и как зададут им. Красота!

— Сраные американкашки, терпеть их не могу! Как бы мне хотелось выкинуть их всех с Окинавы вместе с их воющими самолетами!

— Головой бы подумал, дурак! Если тут не будет военной базы, кто будет покупать нашу рыбу? И, самое главное, ты же японец! Должен понимать, что лучше для Японии.

— Ну, как бы это проще объяснить… Ивата-кун, мы с тобой разные. Ты с семьей приехал сюда десять лет назад, а мой род живет на Окинаве уже невесть сколько поколений. Когда-то здесь было независимое царство, так что и ты, и американцы здесь чужие.

— Хироси-кун, ты бы сам себя послушал. Губернатор Ота — поганая сволочь, и ты не первый человек, которому он вдувает в уши всякие гадости… О, мистер, готово.

Александр взял плотно упакованную взрывчатку, прошел на самую корму, приложил спутниковый телефон к уху и ждал.

— Мистер, если вы хотите добыть рыбу этой штукой, то лучше бы нам перейти в другое место!

— Я не хочу добывать рыбу, мне нужно только взволновать воду, — ответил Александр.

— Деньги ваши, так что делайте как хотите, конечно. Последнее время на Окинаву приезжает все больше и больше чудаков вроде вас.

«Александр, Александр! Ты на метеочувствительной точке! Создавай возмущение!

Александр опустил сверток в море.

— Осторожнее! Смотрите, чтобы провод не намотался на винт! — крикнул один из рыбаков, глядя на провод, который быстро разматывался и уходил через транец. Александр положил палец на кнопку детонатора.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны…»

Из-под поверхности донесся глухой прерывистый рев, и в тридцати метрах от кормы поднялся, сверкая на солнце белыми брызгами, огромный столб воды. Он тут же рухнул обратно в море, поверхность некоторое время кипела и пенилась,

но вскоре все успокоилось.

— Я же говорил, что вы тут ничего не поймаете, — пробормотал один из рыбаков, окинув привычным взором безмятежную гладь.

1 апреля, Белград

— Мама, тучи не уходят уже три дня! Их, конечно, папа сделал! — воскликнула Катя, глядя в окно.

Двое предыдущих суток небо было затянуто плотной, но светлой облачностью, а сегодня тучи потемнели, обрели стальной цвет и низко нависли над городом. Из них падал моросящий дождь, непрерывно поливавший стоявшие на страже над Савой белую башню и черный дворец.

Елена покачала головой.

— Я думаю, это Бог о нас заботится.

1 апреля, воздушное пространство над Югославией. Эскадрилья «F-117»

ПЕРЕДОВОЙ ПУНКТ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: «Черный красавчик», «Черный красавчик», вы летите над целью.

«F-117»: «Циклоп», «Циклоп», видимость цели нулевая. Я над облаками, высота четыре тысячи

пятьсот.

ППБУ: Я лечу под облаками, высота тысяча восемьсот. Только что опробовал лазерный целеуказатель. Точно зафиксировать цель для атаки не удается. Слишком густой туман.

«F-117»: «Циклоп», попробуйте телевизионное наведение.

ППБУ: Пробую телевизионное наведение… «Черный красавчик», точно зафиксировать цель для атаки не удается. Чтобы атаковать, вам придется выйти ниже облачного слоя. Облака начинаются в двух тысячах метров над целью.

«F-117»: Готов приступить к атаке. «Циклоп», фиксируйте результат удара.

ППБУ: «Черный красавчик», снижение запрещаю! Под облаками активно работает зенитная артиллерия, наблюдаю излучение радара «Тамара»[11] с земли!

«F-117»: «Циклоп», я снижаюсь. Мы не можем снова вернуться ни с чем!

ППБУ: «Черный красавчик», приказываю набрать высоту! Забыли боевой устав? Майор Грант,

---

[11] Примечания: 11

Радар «Тамара» — радиолокационная система чехословацкого производства эпохи Варшавского договора, использующая уникальный метод пассивной локации. Станции «Тамара» были способны обнаруживать истребители-стелс «F-117» и «B-2», и поэтому пилоты авиации НАТО панически боялись оказаться в зонах их действия.

вы хотите под трибунал?

* * *

Грант снова взял штурвал на себя и отклонил вправо. Угловатое тело «F-117» начало лениво приподнимать нос, а потом вошел в крутой восходящий вираж и, пронизывая толщу облаков, устремился в сторону Италии. Грант пробурчал себе под нос, взглянув на панель управления крылатыми ракетами Мк.12 с лазерным наведением:

«Черт возьми, получается, что я зря подписал своим именем эти милые бомбочки, перед тем как вылететь из Италии...»

1 апреля, директива по объединенным военно-воздушным силам № 1694

Отправлено из: Оперативный штаб ЭЙРКОМ Полный текст разослан: АФСАУТ, СЕТАФ и главнокомандующему 6-м флотом США

Разведывательные донесения M769 и M770 из источников БАМ и NM снова оказалось ошибочным (см. Базу данных полевых условий «ASD119», метеорологический раздел). Рейтинг надежности разведданных вышеупомянутых источников был снижен с T1 до T3.

В боевые директивы от № 1691 до № 1690 настоящим вносятся поправки в соответствии с оценкой воздушного ущерба после удара ND224 и данными наземной разведки от S24.

Следующий раздел доведен до всех передовых операционных баз в Италии (Комизо, Авиано, Казерма-Эдерле, Ла-Маддалена, Сигонелла, Бриндизи) и Греции (Суда-Бей, Ираклион, Афины, Неа-Макри).

Также передан: Средиземноморская авианосная ударная группа.

Отменить все удары B-3, назначенные боевой директивой № 1681 и всеми последующими директивами по группам целей ТАб7 — TA71, 110LK, TU81, GH1632, SPT4418, MH703 и BR45 — BR67 (перечислены под 'TAG471' в базе данных целей).

СТРОГО СЕКРЕТНО

Количество копий: 0

2 апреля, Дубна

— Александр, третья метеочувствительная точка. Регион в пределах координат семьдесят шесть — семьдесят семь градусов южной широты и девяносто два — девяносто три градуса восточной долготы. Механизм активации — резкое повышение температуры в чувствительной точке.

Тебе, дружище, придется отправиться в Антарктиду. Сначала в чилийский городок Пуэрто-Наталес. Не пытайся нанять там судно, все равно не успеешь. Там живет один мой друг, аргентинец, участвовавший в последнем исследовании озонового слоя Антарктики, человек очень ловкий. У него есть собственный самолет, и он сможет доставить тебя прямо на Землю Мэри Бэрд, к метеочувствительной точке. Может быть, у него там даже есть что-то вроде базы. Возможно, добраться до точки тебе удастся не сразу, и за это время эффект от предыдущего воздействия может угаснуть. Тогда небо над страной расчистится на два-три дня. Но не переживай — антарктическая точка очень стабильная. Она дрейфует в небольших пределах и благодаря морозу может существовать очень долго. А что самое главное, ее можно использовать неоднократно! Так что ты можешь остаться там — условия, естественно, будут далеки от курортных — и обеспечить полмесяца туч и тумана на Балканах!

4 апреля, Белград

— Мама, солнышко! — взвизгнула Катя, глядя с балкона в голубое небо.

Елена не смогла сдержать вздох.

— Александр, ты все-таки не настоящий мессия.

И тут же раскатисто загремело, где-то неподалеку посыпалось битое стекло. И снова грохот, и с потолка полетела побелка.

— Катюша, надо быстрее идти в подвал!

— Нет! — заплакала девочка. — Я люблю солнышко!

6 апреля, Антарктида, Земля Мэри Бэрд

— До чего же чистый и тихий мир! Я остался бы здесь навсегда! — воскликнул Александр.

Они летели на высоте двух тысяч метров; подернутое дымкой солнце, стоявшее низко над горизонтом, окрашивало бескрайнюю ледяную равнину под ними в чарующе нежный, голубоватый цвет.

Пилот, подтянутый крепкий аргентинец по имени Альфонсо, скосил на него взгляд и сказал:

— Скоро этой чистоте придет конец. Туризм в Антарктике стремительно развивается. На первых порах он ограничивался Южными Шетландскими островами, но теперь двинулся на материк. Морские круизы и обзорные полеты стали уже массовым явлением. Моя туристическая компания процветает, и мне никогда не придется

разводить скот или ловить рыбу, как это делали наши родители.

— Но ведь туризмом дело не ограничивается — разве ваше правительство не объявило, что собирается разрешить иммиграцию на антарктический материк?

— А почему бы и нет? В конце концов, Аргентина намного ближе к Антарктиде, чем любая другая страна! Рано или поздно мир пустит кровь этой земле и изувечит ее так же, как и Балканы.

В следующее мгновение в трубке спутникового телефона прозвучал голос Резника.

«Александр, у нас небольшая проблема. Американцы закрыли доступ в компьютерный зал «Крея».

— Думаешь, они обнаружили нашу работу?

«Нет, до этого не дошло. Я сказал им, что мы заняты моделированием атмосферных процессов, что, в общем-то, чистая правда. Сам понимаешь, отношения с Западом у нас нынче натянутые, и это не могло не сказаться на вычислительном центре. Но ты будь наготове — я скоро все улажу».

Самолет пробежал по снежному полю и остановился неподалеку от небольшого домика, сложенного из теплоизоляционных плит и

стоящего на четырех высоких столбах, чтобы постройку не заметало снегом.

— Это построила английская экспедиция, а я обновил и ремонтирую понемногу время от времени, — сказал Альфонсо. — Продуктов и горючего тут хватит самое меньшее на месяц.

7 апреля, Белград

У Кати опять началось отторжение пересаженной почки. Снова поднялась температура, девочка то и дело хныкала во сне. Лекарство, которое дали им в больнице при выписке, закончилось, и нужно было ехать через весь город за следующей порцией.

День снова оказался солнечным.

— Мама, расскажи мне сказку перед тем, как уйдешь. — Катя встала в кровати и взяла мать за руку.

— Деточка, мама уже рассказала тебе все сказки, которые знала. Я расскажу тебе еще одну. Но Катюша уже большая девочка, так что я расскажу ее тебе и сразу уйду.

Нет, Катюша, это было не давным-давно, а всего лишь за три года до того, как ты родилась. Страна, в которой мы жили, была гораздо больше, чем сейчас. Она тянулась вдоль всего восточного

побережья Адриатического моря. В той стране сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы и боснийцы были одной большой семьей. Они жили в мире и относились друг другу как братья и сестры…

— Даже албанцы в Косове?

— Да, даже албанцы. А управлял страной сильный и мудрый человек по имени Тито. Мы были сильными и гордыми, и культура наша была богатой и разнообразной. Нас уважал весь мир…

Елена посмотрела отсутствующим взглядом на квадрат голубого неба за окном; в уголках ее глаз выступили слезы.

— А что случилось потом? — спросила Катя.

Елена поднялась:

— Деточка, пока меня не будет, оставайся дома и отдыхай. Если начнут падать бомбы, иди к дяде Летничу, в соседнюю квартиру. Не забудь тепло одеться перед тем, как идти в подвал, а то от холода и сырости еще сильнее разболеешься. — Она взяла сумку и направилась к двери.

— А что случилось со страной? — спросила Катя, глядя ей в спину.

В машине не было бензина, и Елене пришлось взять такси, ловить которое пришлось дольше, чем обычно. Поездка прошла относительно спо-

койно. На улицах было очень мало машин и пешеходов, зато хорошо просматривались столбы дыма. Добравшись до места, она узнала, что из-за бомбежки больница лишилась электроснабжения. Медсестры стояли около кувезов, в которых лежали новорожденные пациенты, и вручную подавали туда кислород из баллонов. Лекарства были на исходе, но несколько доз необходимого Кате иммунодепрессанта все же нашли.

Получив лекарство, Елена сразу же помчалась домой. На сей раз она прождала такси еще дольше, чем утром, не поймала и поехала на почти пустом автобусе. Увидев из окна Дунай, Елена вздохнула с облегчением: почти половина пути позади. Над городом раскинулось бескрайнее чистое небо, и город лежал под ним, как мишень, нарисованная на поверхности Земли.

— Нет, Александр, ты не мессия, — чуть слышно пробормотала Елена.

Автобус въехал на пустой мост через Дунай и быстро достиг середины. Прохладный речной ветерок продувал салон насквозь, и Елена не чувствовала запаха порохового дыма. Если бы не дым, поднимавшийся тут и там поодаль, город казался бы в ярком солнечном свете совсем спокойным, даже безмятежнее, чем раньше.

Тогда-то Елена и увидела ее.

Увидела вдали, низко над землей. В первый миг показалось, что это черная крошка, глянцево вспыхивающая на фоне голубого неба; когда она приблизилась, Елена рассмотрела продолговатую форму. Она приближалась неотвратимо. Елена раньше и подумать не могла, что она летит так медленно, а она будто искала что-то. Она снизилась над рекой, сделав в воздухе изящную дугу. Елене пришлось приподняться, чтобы смотреть, как она мчалась над речной гладью. Она уже настолько приблизилась, что Елена отчетливо разглядела ее гладкие, безобидные с виду очертания. Она не походила на хищную акулу, как уверяли газеты, скорее, она смахивала на бесхитростного безобидного дельфина, выпрыгнувшего из дунайских волн.

Ракета «Томагавк» ударила в мост, и он обрушился в Дунай. Через несколько дней перевернутый автобус вытащили из воды. Там обнаружилось несколько искалеченных трупов пассажиров. Одна молодая женщина и в смерти крепко прижимала к груди сумочку, в которой лежали две коробки с ампулами. Видно было, что она старалась сберечь свою ношу — половина ампул уцелела. На коробках шариковой ручкой

были написаны врачебные предписания. Начальник спасателей, расчищавших реку, сказал, что это наверняка какое-то редкое лекарство.

7 апреля, Земля Мэри Бэрд, Антарктида

— Я научу тебя танцевать танго! — воскликнул Альфонсо, и они с Александром закружились по снегу. Александр будто попал на другую планету. На снежной равнине, пребывавшей в сумеречном свете, который в это время года окутывал снежную равнину, он забыл о течении времени, забыл даже о войне.

— Ты танцуешь вполне прилично, но это не настоящее аргентинское танго.

— Мне никак не удается правильно поворачивать голову.

— Это потому, что ты не понимаешь значения движений. Когда танец только появился, аргентинские пастухи просто танцевали и головами не крутили. А потом уже вокруг танцующих стали собираться зрители, такие же пастухи. Парни, конечно, завидовали тем, у кого в паре оказывались красивые девушки, и попросту кидали в них камни. Вот с тех самых пор у танцоров просто не было выхода, кроме как все время быть настороже и крутить головой во все стороны.

Александр рассмеялся было, но смех непроизвольно сменился вздохом.

— Да, в нашем мире иначе нельзя.

10 апреля, Дубна

— Александр, дело хуже, чем я думал. Западные страны прервали всякое научное сотрудничество с нами, американцы собираются демонтировать и вывезти «Крей». Я пытаюсь получить доступ к другому компьютеру. В Дубне есть центр имитации ядерных взрывных процессов. Это военная организация, и у нее есть свой суперкомпьютер. Он нашего производства и не такой быстродействующий, как «Крей», но твою задачу потянет. Только для этого мне придется довести идею до начальства, а ему — обратиться к своему начальству. Подожди еще пару дней! Пусть мы не в состоянии сейчас вести расчеты, но я уверен, что метеочувствительный пункт все еще в Антарктиде!

13 апреля, Белград

В полутемном подвале, почти непрерывно сотрясавшемся от гремевших наверху разрывов, Катя с трудом хватала ртом воздух.

Соседи сделали все возможное, чтобы спасти девочку. Два дня назад дядя Летнич отправил сына искать для нее лекарство, тот обежал все крупные больницы в городе — безуспешно. Запасы препарата иссякли и, поскольку его поставляли из Западной Европы, нельзя было даже надеяться, что оно появится в обозримом будущем.

И от Катиной матери не было ни слуху ни духу.

В минуты просветления Катя плакала и звала маму, но в бредовых видениях ей являлся отец. Он превращался в громадную бабочку с крыльями в два футбольных поля размером. Бабочка непрерывно размахивала крыльями, разгоняла тучи и туман, и над Белградом и Дунаем светило яркое солнце.

— Люблю солнышко… — бормотала Катя.

17 апреля, Дубна

— Александр, ничего не вышло. Я не смог получить доступ к суперкомпьютеру. Да, я поднимал этот вопрос на самом высоком уровне по своим каналам в Академии наук, но… Нет, нет и нет. Мне не говорили, что не верят, и не говорили, что верят. Впрочем, это уже неважно. Меня уволили. Вышвырнули академика, как паршивую

собаку… Почему, спрашиваешь? Потому что я по собственной инициативе занялся этим делом. Да, власти разрешили добровольцам отправиться в Югославию, а то, чем занимался я, — совсем другое… Я тоже не знаю. Это политики, и мы никогда не сможем понять, как работают их мозги, точно так же, как они никогда не поймут нас… Не будь наивным. Поверь, это абсолютно невозможно. Во всем мире найдется лишь несколько компьютеров, которые смогут в приемлемые сроки выполнить такие сложные вычисления…

Ты вернешься домой? Нет, нет, не надо. Как же… просто слов не нахожу. Прости, мой друг, но Кати три дня назад не стало. Развилось отторжение и… и все. Елена восемь дней назад отправилась за лекарством для нее и так и не вернулась. Никто ничего не знает до сих пор… Я не знаю. Я с большим трудом дозвонился тебе домой. Соседи услышали звонок и рассказали мне. Александр, послушай, мой друг, приезжай в Москву! Жить будешь у меня. По крайней мере, твоя программа в целости и сохранности, а ведь она может изменить мир!

— Алло! Алло! Александр!

14 апреля, Земля Мэри Бэрд, Антарктида

— Альфонсо, возвращайся в Аргентину. Я хочу побыть здесь один.

Они стояли перед хижиной. Александр печально улыбнулся.

— Спасибо тебе за все, что ты сделал. Совершенно искренне: большое спасибо.

— Резник говорил, что ты из Греции, но я вижу, что это не так, — сказал Альфонсо, пристально глядя на Александра. — Ты из Югославии. Не знаю, зачем ты сюда приехал, но наверняка это как-то связано с войной.

— Было связано, но теперь это уже совсем не важно.

— Я понял это по твоему лицу, когда ты слушал новости. Такое выражение лиц я много раз видел много лет назад, на Мальвинских островах. Тогда я был солдатом и дрался героически. Не хвастаюсь, я был смельчаком; все мы, аргентинцы, были смельчаками. Отваги и старания у нас было хоть отбавляй, а вот с suerte[12] оказалось куда хуже… В подробностях помню, как мы сдавались. На островах в тот день была очень пасмурно

---

[12] Примечания: 12
Удача (*исп.*).

— тучи, дождь, холод… Хорошо хоть, англичане не стали нас унижать до конца и оставили оружие. — Альфонсо встряхнул головой. — Ладно, друг. Я вернусь через несколько дней. Не отходи далеко от хижины — в это время года здесь часто бывают метели.

Александр провожал взглядом самолет Альфонсо, пока тот не исчез в белом антарктическом небе, а потом повернулся и вошел в хижину. Через несколько минут он вышел оттуда с ведром.

Обратно в хижину он так и не вернулся.

С ведром в руке Александр зашагал, не зная куда, по бескрайней снежной равнине. Он сам не знал, сколько времени минуло до того, как он остановился.

«Механизм активации — резкое повышение температуры в чувствительной точке».

Он снял с ведра крышку и непослушным замерзшим пальцем крутанул колесико зажигалки.

«Взмахну крылышком бабочки ради моей исстрадавшейся страны».

Он поджег налитый в ведро бензин, сел на снег и уставился на взметнувшееся пламя. Это был самый обычный огонь. Он не смог бы оказать влияния на метеочувствительную точку и не принес бы на его родину тучи и туман.

Не было гвоздя — подкова пропала,
Не было подковы — лошадь захромала,
Лошадь захромала — командир убит,
Конница разбита, армия бежит,
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя.

10 июля, штаб АФСАУТ, Италия

Когда все завершилось, возобновили традиционные субботние танцы, и мужчины наконец-то смогли снять осточертевшую полевую форму, которую носили на протяжении трех долгих месяцев, чтобы нарядиться в наглаженные, хрустящие парадные мундиры. В ренессансном зале, под мягким светом огромной хрустальной люстры, мерцали золотые звезды генералов и серебряные звезды старших офицеров. Среди этих звезд пестрели, как цветы на клумбе, дамы из итальянского высшего общества, которые не только радовали глаз очаровательной внешностью, но были весьма начитанны и могли бойко поддержать любой разговор. Их присутствие усиливало действие искрящегося вина, лившегося рекой, и создавало поистине опьяняющее

настроение. Все поздравляли себя с тем, что судьба даровала возможность участвовать в такой славной и романтической экспедиции.

Генерала Уэсли Кларка, появившегося в сопровождении своего штаба, зал встретил аплодисментами, которые были больше, чем признанием его достойной службы во время войны. Генерал Кларк был высок ростом, строен, в своей утонченности походил на ученого, внешне представлял собой чуть ли не полную противоположность генералу Шварцкопфу, командовавшему Объединенными силами во время Войны в Заливе, и пользовался огромной популярностью у дам.

После двух вальсов зазвучала кадриль. Этот танец был популярен в Пентагоне, но из местных дам почти никто не знал па, и младшие офицеры с большим энтузиазмом начали обучать партнерш. Генерал Кларк решил подышать свежим воздухом. Он вышел через боковую дверь и направился к пруду, окруженному шпалерами виноградных лоз. Следом за генералом из зала выскользнула еще одна фигура и последовала за ним на почтительном расстоянии. Генерал шел по тропинке через безлюдный сад к кромке воды и, казалось, был совершенно очарован прекрасным вечерним пейзажем.

Вдруг он сказал:

— Слушаю вас, полковник Уайт.

Уайт никак не ожидал, что генерал обладает столь развитым шестым чувством. Он поспешно шагнул вперед, отдал честь и попытался сострить:

— Вы все еще узнаете меня, сэр.

Генерал Кларк так и стоял к нему спиной.

— Полковник, работа оперативного отдела и ваша конкретно произвела на меня хорошее впечатление. Вы все заслуживаете благодарности.

— Генерал, прошу извинить, что обращаюсь к вам в личное время, не по уставу, но мне очень важно обсудить с вами один вопрос. Он… довольно *личный*. Боюсь, если сейчас упущу возможность, другой уже не будет.

— Прошу вас, говорите.

— На протяжении нескольких первых дней кампании часть метеорологических данных из зоны боевой работы была… не очень надежна.

— Лучше сказать, просто — явно ошибочна, — поправил генерал. — Нам пришлось четыре дня сидеть сложа руки из-за дождей и туманов. Имея точный прогноз, мы отложили бы нанесение первого удара.

Солнце зашло совсем недавно, и горы вдалеке

вырисовывались черными силуэтами на фоне затянувшихся сумерек. Озеро было зеркально спокойным, над водой плыла песня гондольера… Момент был неподходящим для дискуссий подобного рода, но полковник знал, что это и впрямь единственная возможность для него, и продолжал.

— Но некоторые заинтересованные не упустили этого факта из виду. Сенатский комитет по вооруженным силам хочет выяснить, как Метеорологическое агентство ВВС расходовало свой бюджет в два миллиарда долларов за последние три года. Уже сформирован подкомитет по расследованию, предстоят слушания. Похоже, из этого хотят устроить большое шоу.

— Полковник, мне не хотелось бы, чтобы из мухи делали слона, но когда что-то идет не так, кому-то приходится нести ответственность.

Уайт чувствовал, что обливается потом.

— Сэр, это несправедливо. Всем известно, что метеорологическое прогнозирование основывается на вероятностной статистике. Атмосфера — сложная хаотическая система, и предсказать ее поведение практически невозможно…

— Полковник, если я правильно помню, вы отвечаете за распознавание целей и не имеете

никакого отношения к метеорологии.

— Да, сэр, вы совершенно правы, но… за метеорологическое обеспечение зоны боевой работы на Балканах отвечала полковник Кэтрин Дейви из метеорологической службы Европейского командования ВВС… — Он замялся и все же добавил: — Вы видели ее, сэр, она часто заходила в оперативный отдел.

— Да, помню, она защищала диссертацию в Массачусетском университете. — Кларк вдруг резко повернулся к собеседнику. — Очень рослая, оливковая кожа, стройные ноги — классический тип средиземноморской красавицы.

— Так точно, сэр, я… — заблеял было Уайт, но генерал перебил его.

— Полковник, насколько я помню, вы сказали, что у вас личный вопрос.

Уайт промолчал.

Генерал Кларк сурово посмотрел на него.

— Полковник, я помню не только ваше имя, но также и то, что вы женаты. И знаю, что женаты вы не на полковнике Дейви.

— Так точно, генерал, но… мы же не в Америке.

Генерал Кларк чуть не расхохотался, но сдержал себя.

Ему очень не хотелось портить вульгарными звуками тихую прелесть этого места.

Комментарий автора

События, описанные в этой истории, находятся за гранью возможного не из-за ограниченности человеческих способностей, из-за запрета, установленного фундаментальными закономерностями физики и математики. Однако одна из прелестей научной фантастики заключается в том, что в ней можно изменить законы природы и показать, как Вселенная могла бы функционировать в изменившихся условиях.

Утром

[illegible], 26 сентября 2001 г., перевал Нянцзы.

Учитель сказал: «Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть»[13].

Конфуций. Беседы и суждения. 4.8

Эйнштейновский экватор

— Мне нужно признаться вам кое в чем важном, — сказал Дин И жене и дочери. — Моя голова почти полностью занята физикой. Для вас обеих мне удалось сохранить лишь маленький уголок. Больно говорить такое, но я ничего не могу с этим поделать.

— Ты уже говорил это, — ответила его жена Фан Линь. — Раз двести.

— Ага! — подхватила их десятилетняя дочь Вэньвэнь. — Может, и не двести, но сто раз точно.

— Но вы ни разу не поняли моих слов по-настоящему, ни ты, ни ты, — сказал Дин И, покачав

---

[13] Примечания: 13
Перевод И.И. Семененко.

головой. — Вы совершенно не знаете физику.

— Вот и отлично, — со смехом откликнулась Фан Линь. — Мне достаточно того, что ты не увлечен другой женщиной. А до прочего мне дела нет.

Этот разговор происходил, когда они втроем ехали в маленькой закрытой капсуле, которая со скоростью всего пятьсот километров в час мчалась по стальной трубе диаметром пять метров. Длина трубы составляла почти 30 000 километров, и она опоясывала всю планету по сорок пятой параллели северной широты.

Тележка была самоходной, но сквозь ее прозрачное днище, борта и крышу не было видно ничего похожего на двигатель. А впереди и позади тянулась прямая на вид, словно по струнке вытянутая стальная труба. Тележка летела внутри ее, как пуля в стволе винтовки, хотя у этой винтовки не было ни спускового крючка, ни приклада. Впереди труба остро, как игла, сходилась в какой-то бесконечно далекой неподвижной точке. Если бы не змеившиеся вдоль стенки трубы, скользящие мимо, подобно бурным водным потокам, движение не ощущалось бы вообще. Когда тележка изредка останавливалась, становилось видно, что на стенах через равные промежутки

выпирают какие-то обручи, а между ними расположено бесчисленное множество каких-то устройств. На полной скорости все это сливалось в размытую пелену, в которой было совершенно невозможно рассмотреть какие-либо подробности. Дин И пояснил жене и дочери, что эти обручи составляли электрическую обмотку, которая с применением сверхпроводимости создавала сильнейшее магнитное поле, а непрерывно тянувшаяся за бортом тележки тонкая труба представляла собой канал для разгона частиц.

Они ехали внутри самого большого в истории человечества ускорителя элементарных частиц, который опоясывал планету и поэтому получил название «Эйнштейновский экватор». Физики были уверены, что с его помощью осуществят сокровенную мечту всех великих ученых — создадут великую единую теорию Вселенной.

Капсула предназначалась для того, чтобы перевозить технический персонал, занимающийся обслуживанием и ремонтом оборудования ускорителя, но сегодня Дин И воспользовался ею, чтобы устроить своей семье кругосветное путешествие. Он давно уже обещал жене и дочери, но те совершенно не верили, что обещанное когда-нибудь исполнится. В этом путешествии они на

протяжении шестидесяти часов не видели ничего, кроме прямой стальной трубы. Но Фан Линь и Вэньвэнь и это устроило — они были счастливы, что семья в кои-то веки проведет вместе сравнительно продолжительное время.

К тому же поездка получилась вовсе не скучной. Время от времени Дин И указывал на стенки трубы и говорил Вэньвэнь:

— Сейчас мы проезжаем Монголию — видишь степи с буйной травой? Смотри, стада овец… Сейчас на юге останется Япония — мы проезжаем мимо самой северной ее оконечности. А на севере солнце освещает заснеженные вершины Кунашира; это уже Россия. Теперь мы находимся глубоко на дне Тихого океана. Здесь так темно, что просто ничего нельзя увидеть. Хотя постой, все же есть несколько бликов темно-красного света. Ах да, теперь хорошо видно, что на дне океана находится вулкан. Вытекающая из него магма остывает так быстро, что едва успевает засветиться багровым заревом — и тут же гаснет, словно огоньки перебегают по большому костру на дне океана. Вэньвэнь, вот так рождаются новые континенты! — И так далее.

Позже они миновали Соединенные Штаты, проскользнули через Атлантический океан и

Францию на европейский материк, проехали мимо Италии, оставили на юге Балканы и оказались в России, откуда через Каспийское море попали в Азию, проехали Казахстан и вернулись в Китай. Это был уже заключительный этап путешествия, возвращение к отправной точке Эйнштейновского экватора в пустыне Такла-Макан, во Всемирный центр ядерных исследований, где и находился главный центр управления ускорителем частиц.

Когда Дин И и его семья вышли из здания центра, на улице было темно. Под звездами в тишине раскинулась пустыня, казавшаяся бескрайней. Мир был прост, но в то же время непостижимо сложен.

— Ну, вот, — сказал Дин И жене с дочерью, и в его голосе почему-то звучало волнение. — Мы, три фундаментальные частицы, завершили эксперимент с ускорителем на Эйнштейновском экваторе.

— Папа, а сколько времени требуется настоящим частицам, чтобы так же пролететь по большой трубе, как мы сейчас? — Вэньвэнь повернулась и указала на трубу ускорителя, тянущуюся от центра управления до горизонта на восток и запад.

— Завтра ускоритель впервые заработает с самыми тяжелыми частицами, каждая из которых получит толчок с силой ядерного взрыва, — ответил Дин И. — Они разгонятся почти до скорости света. При такой скорости каждой из запущенных частиц потребуется всего лишь десятая доля секунды, чтобы пройти круг, на который мы потратили более двух суток.

— Только не воображай, что ты выполнил обещание, которое давал нам, — вмешалась его жена Фан Линь. — Это никак нельзя назвать кругосветным путешествием!

— Мама права, — согласилась Вэньвэнь. — Папа, когда у тебя снова появится время, ты должен провезти нас снаружи этой трубы, чтобы мы увидели все, о чем ты рассказывал, когда ехали. Вот это будет настоящее кругосветное путешествие!

— О, в этом нет никакой необходимости, — ответил дочери Дин И, сделал паузу и продолжил с чувством: — Для человека, обладающего воображением, такого путешествия более чем достаточно. Ты ведь на самом деле видела все то, что находилось за стенами трубы — только в воображении! Запомни: истинную красоту видишь не глазами, а только воображением. Это совсем не то, что океаны, или цветы, или леса — у нее нет

цвета и формы. Ты можешь мысленно объять всю Вселенную, забавляться с ней, как с игрушкой. Но только с помощью воображения. И математики. Только так можно увидеть эту красоту.

* * *

Дин И не поехал домой с женой и дочерью. Проводив их, он вернулся в центр управления. Ночью там оставались всего несколько дежурных, и сейчас, когда завершились строительство и двухлетняя отладка аппаратуры, в здании и во всей округе стояла полная тишина.

Дин И поднялся на верхний этаж и вышел на крышу. Оттуда он смотрел на трубу ускорителя, которая как будто отмеряла сегмент земного шара, и ему казалось, что звезды — это глаза и все эти глаза пристально разглядывают проложенную по Земле линию.

Немного постояв там, Дин И спустился в свой кабинет, лег на диван и уснул. То, что он увидел, не могло присниться никому, кроме физика.

Он сидел в тележке в начальной точке Эйнштейновского экватора. Вот она тронулась с места, и Дин И почувствовал неимоверную мощность ускорителя. Он несся вдоль 45-й параллели, оборот за оборотом, как шарик в колесе рулетки.

Когда он разогнался до околосветовой скорости света, масса его тела резко увеличилась, и оно превратилось в твердый кусок металла. Он осознал, что в теле содержится сила, способная создавать миры, и исполнился наслаждением бога-творца. На последнем витке его увлекло на боковую дорогу и унесло в незнакомое место, где была лишь пустота. Он увидел цвет пустоты: ни черный, ни белый, но поистине бесцветный, хотя и не прозрачный. Здесь сами пространство и время ожидали сотворения, осуществить которое предстояло ему.

Дин И увидел перед собой маленькую черную точку. Она стремительно увеличилась, и он смог разглядеть, что это еще одна капсула, а внутри еще один Дин И. Собственной персоной. Капсулы сблизились и столкнулись со скоростью света, затем исчезли, оставив только безразмерную сингулярность посреди пустоты. Это семя всего сущего взорвалось, превратившись в быстро расширяющийся высокоэнергетический огненный шар. Красный свет постепенно угасал, растекался, превращаясь из пылающей точки в бесконечную Вселенную, энергия охлаждалась в небе, как снег. Сначала возникло тонкое облако туманностей, а затем образовались неподвижные

звезды, их скопления, галактики. В этой новой Вселенной Дин И обладал квантованным «я». Он мог за мгновение перепрыгивать с одного конца Вселенной на другой. Вернее даже не перепрыгивать, а скорее существовать во всех точках Вселенной одновременно. Он был подобен безграничному туману, пропитывающему космос. Внутри тела разгоралась серебряная пустыня неподвижных звезд; он был везде, даже когда его не было нигде. Он знал, что все его существование всего лишь иллюзия вероятности, его дух, имеющий бесконечное количество воплощений, появляющийся в бытие и исчезающий из него, просматривающий всю Вселенную в поисках самого себя, конденсирующегося в плотное тело. Видение появилось уже во время его поисков. Оно воплотилось в образе пары глаз, парящих в космосе за серебряной завесой звездных скоплений. Глаза были наделены красотой и длинными ресницами Фан Линь и живым духом Вэньвэнь. Эти глаза вглядывались в бескрайнюю даль, но так и не смогли уловить квантованное «я» Дин И. Волновая функция дрожала, как ветерок над безмятежным озером, но не могла достичь бытия. И как раз в тот момент, когда Дин И готов был распроститься с надеждой, бесконечная россыпь

звезд все же начала сливаться воедино. Закружились и стали разбухать туманности; затем все стихло. Звезды Вселенной образовали единый глаз, глаз шириной в миллиард световых лет, похожий на узор из алмазной пыли, рассыпанной по бархату. Он уставился на Дин И — и в следующий миг волновая функция схлопнулась, как видеозапись фейерверка, прокрученная задом наперед.

Квантованное существование Дин И наконец материализовалось в какой-то крошечной, незначительной точке Вселенной. Он открыл глаза и вернулся к реальности.

Его тряс за плечо главный инженер центра управления, а вокруг стояли еще несколько физиков и инженеров. Все смотрели на него так, будто на диване лежал не Дин И, а какое-то ужасное чудовище.

— Что случилось? Неужели я проспал? — Дин И взглянул в окно и увидел, что, хотя небо и просветлело, солнце еще не взошло.

— Нет, — ответил главный инженер. — Но случилось… нечто непонятное.

Лишь тогда Дин И понял, что причиной всеобщего изумления является не он, а нечто иное. Главный инженер повел его к окну. Но Дин И едва

успел сделать два шага, как кто-то цепко взял его за локоть и остановил. Обернувшись, Дин И увидел, что это Мацуда Сейити, японский физик, недавно награжденный Нобелевской премией.

— Доктор Дин, — сказал Мацуда, — вы сейчас увидите нечто такое, что может чрезмерно сильно повлиять на неподготовленного человека… Я не стал бы придавать слишком большого значения конкретике. Несомненно, в данную минуту мы все видим сон или галлюцинируем. — Мацуда был очень бледен; Дин И ощущал, что пальцы, держащие его за локоть, дрожат.

— Но я сам только что видел сон… — пробормотал Дин И. — Что случилось?

Все так и стояли с растерянными лицами, и никто не ответил на его вопрос. Главный инженер снова подтолкнул Дин И к окну. Он выглянул и действительно усомнился в своем рассудке. Реальность, явившаяся его взгляду, оказалась еще более странной, чем недавнее сновидение.

В предутренних сумерках он увидел там, где еще вчера находилась хорошо знакомая снаружи и изнутри труба ускорителя, разрезавшая пустыню пополам, протянулась лента зеленой травы. Да-да, зеленой травы, от восточного до западного горизонта.

— А теперь посмотрите на пункт управления! — воскликнул главный инженер. Дин И пошел за ним и получил еще одно сильнейшее потрясение: в просторном помещении ничего не было! Все оборудование исчезло без следа. Зато там тоже выросла трава — прямо из антистатического покрытия пола.

Дин И как безумный выбежал из центра управления, обогнул здание, выскочил на полосу травы и уставился на восток, туда, где она исчезала из вида и где вот-вот должно было взойти солнце. В холодном утреннем воздухе пустыни из его рта вырывались облачка пара.

— А что с остальными частями ускорителя? — срывающимся голосом спросил он у главного инженера.

— Они полностью исчезли — все, что было над землей, под землей и на дне океана.

— И превратились в траву?

— Э-э… Насколько я знаю, нет. Трава лишь в той части, где ускоритель проходил по пустыне. В других местах просто ничего не осталось. На земной поверхности и морском дне остались только опорные сооружения, а под землей — пустой туннель.

Дин И наклонился и сорвал травинку. Она по-

казалась бы ничем не примечательной в любом другом месте, но не здесь, поскольку совершенно не походила на суккуленты или тамариски, приспособленные к засушливым условиям пустыни, а, напротив, хрустела от сочности. Ее просто переполняла влага. Такое растение могло расти только на юге, в ровном теплом климате и при большом количестве осадков. Дин И размял травинку пальцами; кожа окрасилась зеленью. Разлился слабый чистый травяной запах. Дин И долго смотрел на руки. Затем наконец сказал:

— Это действительно похоже на сон.

Но ему ответил голос с востока:

— Нет, это действительность!

Вакуумный распад

В конце заросшей зеленой травой дороги из-за горизонта вылезла уже половина солнечного диска, его свет бил прямо в глаза. По траве к людям приближался незнакомец — как будто прямо из солнца. Сначала был виден лишь силуэт, контуры которого размывались ярким светом, из-за чего фигура казалась нереальной. Но когда он подошел ближе, все увидели, что это мужчина, одетый в черные брюки и белую рубашку, но без галстука. Он еще приблизился, и стало видно его лицо

со смешанными азиатскими и европейскими чертами; в этом регионе такие лица встречались не так уж редко, но никто бы не спутал этого человека с местным жителем. Его черты были как будто слишком правильными, лицо казалось не настоящим, а словно нарисованным для иллюстрации типичного человека на каком-нибудь уличном стенде. Когда же он подошел еще ближе, стало ясно, что он вообще не от мира сего. Потому что он не шел. Его ноги висели неподвижно, как две авторучки, а подошвы ботинок проплывали, не касаясь травы. На расстоянии двух или трех метров от группы людей он остановился.

— Приветствую всех. Я принял эту внешнюю форму, чтобы нам было удобнее общаться. Я старался, как мог, изобразить человеческую фигуру, и искренне надеюсь, что результат вас устроит. — Человек говорил по-английски, и его голос, как и лицо, ощущался совершенно стандартным и не имел каких-либо заметных особенностей.

— Кто вы такой? — спросил кто-то.

— Я инспектор по предотвращению опасных ситуаций в этой Вселенной.

Этой Вселенной. Физики сразу выхватили два главных слова из всего, что было сказано.

— Вы имеете какое-то отношение к исчезнове-

нию ускорителя? — спросил главный инженер.

— Да. Минувшей ночью я испарил вашу аппаратуру, поскольку намеченный вами эксперимент необходимо было предотвратить. Для возмещения я посеял эту траву, которая быстро растет в пустыне.

— Но… почему?

— Ваш ускоритель, если вывести его на максимальную мощность, способен разогнать частицы до энергии в десять в двадцатой степени гигаэлектронвольт, что сопоставимо с Большим взрывом. А это могло повлечь за собой гибель всей Вселенной.

— Каким образом?

— Через вакуумный распад.

Услышав ответ, главный инженер повернулся и посмотрел на физиков, стоявших рядом с ним. Они молчали, лишь нахмурили брови, обдумывая сказанное.

— Вам требуется более подробное объяснение? — спросил инспектор по опасностям.

— Не нужно, в этом нет необходимости, — сказал Дин И, слегка покачав головой. Физики ожидали, что инспектор по опасностям обратится к каким-либо концепциям, слишком сложным для понимания людьми, но, к их удивлению,

он сослался на идею, высказанную еще в 1980-х годах. Просто в то время большинство сочли, что это лишь очередная умозрительная гипотеза, не имеющая никакого отношения к реальности. И, как обычно бывает с подобными идеями, ее почти забыли.

Концепция вакуумного распада впервые была обнародована в 1980 году в статье Сидни Коулмана и Фрэнка Де Луччиа в журнале «Theoretical Physics» под названием «Гравитационные эффекты и их связь с вакуумным распадом». Еще раньше Пол Дирак предположил, что в нашей Вселенной то, что принято называть вакуумом, может быть «ложным вакуумом», где в якобы пустом пространстве в невообразимо коротких временных масштабах возникают и исчезают фантомоподобные виртуальные частицы. В каждой из бесчисленных точек быстрее мгновения ока свершаются драмы созидания и разрушения, а значит, то, что мы именуем вакуумом, на самом деле является кипящим морем частиц. Из этого следовало, что вакуум на самом деле имеет некий энергетический уровень. Коулман и Де Луччиа сделали весомый вклад в эту гипотезу, предположив, что определенные высокоэнергетические процессы могут приводить к другому

вакуумному состоянию, находящемуся вне уровня энергии нынешнего универсального вакуума. Таким образом, можно получить «истинный вакуум» нулевого энергетического уровня. Сначала такой вакуум может быть ограничен объемом размером всего в один атом, но стоит ему возникнуть, как вакуум с более высокой энергией, соседствующий с вакуумом более низкого уровня, опустится до его уровня и так далее; в этом процессе объем низкоэнергетического вакуума будет быстро расширяться сферически. Скорость расширения сферы через короткое время достигнет световой, и все протоны и нейтроны в объеме сферы мгновенно распадутся. И вся материя в мире испарится.

— Расширяясь со скоростью света, сфера вакуума с нулевой энергией за 0,03 секунды уничтожит Землю. Через пять часов исчезнет Солнечная система. Еще через четыре года погибнет ближайшая звездная система, а через сто тысяч лет — вся галактика Млечный Путь… Ничто не может остановить расширение сферы, поэтому через некоторое время от Вселенной ничего не останется, — сказал инспектор, и его слова почти точно совпали с мыслями физиков. Неужели он еще и мысли читает? Инспектор по опасностям

распахнул руки, будто для объятия.

— Если рассматривать нашу Вселенную как широкое море, то мы — рыбы в нем. Бескрайнее море, окружающее нас, настолько прозрачно, что мы забываем о его существовании. Но я должен вам сказать: это не морская вода. Это жидкий динамит. Одна-единственная искра может породить ад, который уничтожит все. Моя работа как ответственного за ликвидацию опасностей, которые угрожают Вселенной, заключается в том, чтобы гасить все потенциальные искры.

— Могу поручиться, что это нелегко, — сказал Дин И. — Как-никак, радиус нашей Вселенной — двадцать миллиардов световых лет, а это наверняка большое расстояние даже для такой высокоразвитой цивилизации, как ваша.

Инспектор по опасностям улыбнулся — впервые после своего появления, — и эта улыбка тоже не имела никаких индивидуальных особенностей.

— Это не так сложно, как вы думаете. Вы ведь уже понимаете, что наша нынешняя Вселенная — это всего лишь тлеющие угли Большого взрыва. Звезды и галактики — не более чем рассеянный пепел, в котором все еще сохраняется некоторое количество тепла. Видите ли, у этой

Вселенной низкая базовая энергия, а звездные системы с высокой энергией, которые вы видите сейчас, существовали только в далеком прошлом. В современной естественной Вселенной даже процессы с самой высокой энергией, например выброс больших масс в черные дыры, на много порядков меньше, чем при Большом взрыве. В нынешней Вселенной единственный шанс для энергетического процесса на уровне Большого взрыва исходит от разумных цивилизаций, азартно исследующих высшие тайны мироздания. Концентрируя большое количество энергии, они способны создать такой уровень мощности в микрокосмических точках. Следовательно, нам остается только внимательно наблюдать за всеми цивилизованными мирами во Вселенной.

— И давно ли вы наблюдаете за землянами? — спросил Мацуда. — Наверно, с тех пор как Макс Планк опубликовал свои работы?

Инспектор покачал головой.

— Значит, со времен Ньютона? Тоже нет? Но ведь не с эпохи Аристотеля!

— Вы не угадали, — ответил инспектор. — Вселенская система агентств по предотвращению опасных ситуаций работает по-другому. Повсюду, где появляется жизнь, мы расставляем множество

датчиков. Когда та или иная цивилизация достигает возможности осуществить энергетический процесс, сопоставимый с мощностью Большого взрыва, датчики передают сигнал. Тогда инспектор, в данном случае я, лично отправляется и выясняет, как обстоят дела. Но мы вмешиваемся лишь в тех случаях, когда цивилизация действительно намерена осуществить действия с энергиями масштаба Большого взрыва.

Над головой инспектора появился черный квадрат со стороной порядка двух метров. Не просто черный, а такой глубокой черноты, что казался дырой, уводящей прочь из реальности. Через несколько секунд в черноте проявились немного размытые очертания голубого шара. Инспектор указал рукой на квадрат и пояснил:

— Такое изображение поступает с датчиков, установленных на вашей планете.

— И когда же эти датчики появились здесь? — спросил кто-то.

— Согласно принятой у вас геологической хронологии, в каменноугольном периоде палеозойской эры.

— Палео… что?

— Да ведь это было триста миллионов лет назад! — раздались удивленные голоса.

— Не может быть, чтоб так давно! — с благоговейным недоверием воскликнул главный инженер.

— Давно, говорите? Вообще-то, даже слишком поздно! Знаете, впервые попав на Землю во время вашего каменноугольного периода, мы увидели суперконтинент Гондвану, в первобытных болотах и лесах которого ползали большие и маленькие земноводные. И уже тогда нас, по вашему выражению, от тревоги бросило в холодный пот. Земля, несомненно, обладала большим потенциалом для возникновения технологической цивилизации, и датчики следовало бы установить еще в силурийском или даже в ордовикском периоде.

Изображение планеты увеличилось, заполнив собой весь квадрат; по шару поползли, перемещаясь, континенты. Смотревшим во все глаза учеными показалось, что они сами проводят инспекцию мира, перспективного в плане развития разума.

А инспектор по вселенской безопасности продолжал:

— Сейчас вы увидите материалы, снятые в плейстоценовую эпоху, 370 тысяч лет назад, то есть практически вчера.

Передвижение частей суши по сфере прекратилось, и на середине экрана появилась Африка, находившаяся на ночной стороне планеты и похожая на чернильно-черную заплатку на фоне более светлых океанов. Что-то зацепило внимание датчика, изображение стало увеличиваться, и Африка предстала уже в более детализированном виде, быстро заполняя экран, как будто наблюдатель стремительно приближался к поверхности планеты. Чернота сменилась резкими цветовыми контрастами, где белым выделялись пятна снега, скопившегося с четвертого ледникового периода, а более темные участки оставались расплывчатыми и неясными, и можно было только догадываться, что это — леса или разбросанные по равнинам скалы. Между тем изображение в поле объектива продолжало увеличиваться, пока экран не заполнила заснеженная равнина, полностью окрасив квадрат дисплея в один цвет, серовато-белый с темно-синим отливом, каким бывает снег на земле ночью. Затем стало можно разглядеть на заснеженной равнине черные пятна, быстро превращающиеся в человеческие фигуры. А потом стало видно, что все люди очень сутулые, а плечи у них прикрыты длинными шкурами, развевающимися на ветру.

Изображение снова сместилось, и экран заполнило обращенное к небу лицо человека. При слабом отсвете уже ушедшего за горизонт солнца невозможно было разглядеть черты лица, но все же удалось различить сильно выступающие надбровные дуги, выпирающие скулы и длинные тонкие губы. А объектив продолжал увеличивать изображение, пока не стало казаться, что дальше уже некуда. На экране теперь была лишь пара глубоко посаженных глаз, зрачки которых, сливающиеся с темными радужками, были усыпаны серебристыми светящимися точками. Это были звезды, отражавшиеся в глазах первобытного человека.

Изображение застыло, и прозвучал резкий сигнал тревоги. Инспектор пояснил, что это системное предупреждение.

— О чем же она предупреждала? — спросил, не понимая, главный инженер.

— Порог для предупреждения был достигнут, когда этот абориген посмотрел на звездное небо, ибо таким образом он проявил любопытство по поводу Вселенной. К тому времени в разных точках произошло уже девять таких критически важных событий, это десятое, то есть набралось количество проявлений, после которых

системное предупреждение включается автоматически.

— Но, если я не ошибаюсь, вы только что сказали, что датчик выдает предупреждение, только когда появляется цивилизация, способная генерировать уровни мощности, сопоставимые с теми, что были при сотворении Вселенной.

— То, что вы сейчас видите, как раз и есть именно такая цивилизация.

Все уставились на него в полном недоумении.

Инспектор улыбнулся своей безэмоциональной улыбкой.

— Неужели так трудно понять? Как только жизнь обретает разум, способный осознать существование тайн Вселенной, до попыток разгадать эти тайны остается лишь один шаг. — Видя, что его все же не понимают, он добавил: — Например, жизни на этой планете потребовалось четыреста миллионов лет, чтобы впервые осознать, что тайны Вселенной существуют. С тех пор прошло всего четыреста тысяч лет, а вы уже построили свой Эйнштейновский экватор, и самая ускоренная фаза этого развития заняла менее пятисот лет. Можно сказать, что в ту минуту, когда первобытный человек взглянул на Вселенную, он увидел сокровище. А на протяжении того пе-

риода, который вы отводите для человеческой цивилизации, он всего лишь наклонялся, чтобы поднять находку.

Дин И медленно кивнул, начиная понимать:

— Когда вы так все поворачиваете, получается, что тот парень, что засмотрелся на звезды, был величайшим из людей.

— Именно по этой причине я прибыл в ваш мир и установил наблюдение за развитием вашей цивилизации, — продолжил инспектор, не отвечая на эту реплику. — Так же и вы могли бы смотреть на ребенка, играющего с огнем. Освещенная огнем костра окружающая Вселенная завораживает ребенка. Но ведь ребенок может не уследить за пламенем. Тогда Вселенной грозит опасность сгореть дотла.

Дин И глубоко задумался. А потом поднял глаза и задал вопрос, который станет самым важным в истории науки человечества.

— То есть вы хотите сказать, что мы так и не сможем построить великую единую теорию Вселенной? И никогда не проникнем в высшие тайны природы? — При этих словах все ученые вопросительно уставились на инспектора Вселенской безопасности, словно души, ожидающие окончательного приговора у входа в загробное

царство.

— Жизнь мудрецов полна трагедий, и это только одна из них, — высокопарно ответил тот.

— И как же высокоразвитые цивилизации, такие как ваша, смиряются с этим? — дрожащим голосом спросил Мацуда.

— О, мы, поистине, удачливые дети Вселенной — у нас есть единая теория.

В сердцах успевших отчаяться ученых снова вспыхнули искры надежды.

Дин И вдруг подумал о другой ужасной возможности.

— Вы имеете в виду… что вакуумный распад уже где-то случался?

Инспектор покачал головой:

— Для получения единой теории мы использовали другой метод, о котором сейчас нельзя говорить, хотя со временем я смогу в подробностях объяснить его вам.

— Но можем ли мы повторить ваш путь исследования?

Инспектор снова покачал головой:

— Нет, время этого метода прошло, и повторить его не в состоянии ни одна цивилизация во Вселенной.

— Что ж, в таком случае раскройте нам, людям,

единую теорию Вселенной!

И опять инспектор покачал головой.

— Умоляем! Это очень важно для нас… нет, для нас это самое важное, это все! — Дин И метнулся вперед и хотел обнять инспектора, но его руки прошли сквозь фигуру, не ощутив ровным счетом ничего.

— Директива о защите знаний категорически запрещает это.

— Директива о защите знаний?

— Это наиглавнейшее правило, касающееся взаимоотношений цивилизованных миров во Вселенной: более развитым цивилизациям запрещается передавать знания цивилизации более низкого уровня. Мы называем такое поведение «сливом знаний». Цивилизации более низкого уровня могут получить знания только путем самостоятельных исследований.

— Но это же нерационально! — с раздражением воскликнул Дин И. — Лучше бы вы объяснили единую теорию всем цивилизациям, стремящимся к глубочайшим тайнам Вселенной, чтобы они не пытались добраться до них с помощью экспериментов с высокими энергиями. Ведь тогда Вселенной будет угрожать куда меньше опасностей!

— Ваш подход слишком упрощен. Единая теория описывает только одну, эту Вселенную. Но, создав теорию, вы узнаете, что существует бесчисленное множество других Вселенных, и тогда будете стремиться к трансъединой теории, позволяющей постичь их все. Кроме того, великая единая теория откроет вам знания для создания технологий, с помощью которых можно генерировать процессы с еще более высокой энергией. Обладатели этих технологий обязательно применили бы их, чтобы попытаться проложить туннель через барьеры между различными Вселенными. Но в вакуумных энергиях Вселенных существуют различия, и такие действия тоже привели бы к распаду вакуума, одновременно уничтожив обе вселенные, а может быть, и больше. Слив знаний также оказал бы прямое негативное влияние и вызвал бы катастрофы в низшей цивилизации по причинам, которые вы в настоящее время понять не можете. Следовательно, Директиву о защите знаний нельзя нарушать никогда и ни при каких условиях. То, что в этой директиве называется «знанием», подразумевает не только глубокие тайны Вселенной, но также относится ко всему, что вам в настоящее время неизвестно. Это касается знаний любого уровня.

Допустим, что люди до сих пор не знают трех законов Ньютона или математического анализа — я точно так же не имел бы права открыть вам эти знания.

Ученые замолчали. Им показалось, будто солнце, только-только полностью поднявшееся из-за горизонта, вдруг кануло во тьму. Вселенная в одно мгновение предстала для них грандиозной трагедией, глубину которой они не смогли осознать сразу, но ей предстояло сопровождать их всю оставшуюся жизнь. И эта жизнь не только превратится в пытку, но попросту утратит всякий смысл.

Ошеломленный Мацуда сел на траву и произнес фразу, которая позднее войдет в историю:

— Стоит ли моему сердцу биться и дальше, если Вселенную все равно невозможно познать?

Эти слова точно передали чувства всех находившихся здесь физиков, которые стояли с буквально остекленевшими глазами. Казалось, им хотелось плакать, но никому не удавалось выдавить ни слезинки. Пауза затянулась, но в конце концов молчание прервал Дин И:

— Придумал! Я нашел способ узнать великую единую теорию без нарушения Директивы о защите знаний.

— Давайте послушаем ваше предложение, — сказал, кивнув, инспектор.

— Вы открываете мне главную тайну Вселенной, а потом уничтожаете меня.

— Я дам вам три дня на размышления, — без удивления или малейшего колебания ответил инспектор по предотвращению опасных ситуаций.

— Вы хотите сказать, что согласны?! — радостно воскликнул Дин И.

Инспектор утвердительно кивнул.

Алтарь истины

Как правильно назвать огромное полусферическое тело пятидесяти метров в диаметре, обращенное плоской поверхностью вверх и опирающееся на закругленную часть, издалека похожее на перевернутый вверх ногами бархан? Инспектор по предотвращению опасных ситуаций во Вселенной соорудил эту полусферу, каким-то образом устроив огромный торнадо посреди пустыни. Вихрь поднял высоченный столб песка, который собрался в такую неестественную фигуру. Никто не знал, что сделал пришелец, чтобы придать огромной массе песка такую точную форму и такую прочность, что она не рас-

сыпалась и удерживалась в этом неустойчивом положении, невзирая даже на то, что порывы ветра, проносившиеся над пустыней, ощутимо покачивали ее. Инспектор пояснил, что в его мире, в древности, такое полушарие служило алтарем. Когда-то, почти на заре цивилизации, ученые собирались на таких алтарях, чтобы обсуждать тайны Вселенной. Из-за неустойчивости перевернутой полусферы ученые должны были для каждого точно определять место на алтаре, иначе он наклонялся, и собравшиеся соскальзывали с него. Инспектор не стал углубляться в объяснения насчет значений, скрывающихся за этой формой, но люди предположили, что она могла символизировать неуравновешенное и нестабильное состояние Вселенной.

С одной стороны к верхней грани полусферы подходил длинный пандус, также созданный из песка. В родном мире инспектора в таких постройках не было необходимости, поскольку еще до обретения всемогущества прозрачные представители его расы имели две пары крыльев и могли просто взлетать на алтарь. Так что пандус инспектор построил специально для людей. Около трехсот ученых решили подняться на алтарь истины и отдать жизни в обмен на глубочайшие

тайны Вселенной.

Тремя днями ранее, почти сразу после того, как Дин И высказал свое предложение и инспектор по вселенской безопасности согласился с ним, мир потрясли и привели в отчаяние другие события: в течение всего лишь одного дня с такой же просьбой обратились еще несколько сотен человек. Помимо тех, кто участвовал в первой беседе с инспектором, этого хотели другие ученые со всего мира. Сначала только физики, но позже и те, кто не был непосредственно связан с физикой и космологией, — математики, биологи и светила прочих естественных наук, а также экономисты, историки и другие ученые, занимавшиеся науками, вроде бы не имеющими отношения к природе. Все эти люди, стремившиеся обменять свои жизни на познание истины, занимали самые высшие позиции в своих областях; половина из них были лауреатами Нобелевских премий. Желанием возлечь на алтарь истины воспылали чуть ли не все лучшие научные умы человечества.

Алтарь истины уже находился не в пустыне — трава, которую инспектор вселенской безопасности посеял три дня назад, когда уничтожил ускоритель, быстро разрослась, полоса стала вдвое шире, и один ее неровный край теперь

почти доходил до точки опоры алтаря. На этом газоне собрались более десяти тысяч человек: помимо ученых, намеревавшихся расстаться с жизнью, и неизбежных репортеров из средств массовой информации по всему миру здесь были также семьи и друзья ученых. Два дня и две ночи близкие непрерывно умоляли ученых образумиться. Сейчас все они были измучены, их сердца разрывались от боли, но никто не смирился до последней минуты. Им помогали в этом представители чуть ли не всех правительств мира, в том числе более десяти глав государств, прилагавших все силы, чтобы удержать научную элиту своих стран от необратимого шага.

— Как тебе взбрело в голову притащить сюда ребенка? — испуганно спросил Дин И у Фан Линь. Вэньвэнь сидела рядом с ними на траве и занималась игрушкой, не имея не малейшего представления о том, что должно произойти. Среди множества мрачных, подавленных лиц только она одна радовалась жизни.

— Я хочу, чтобы она видела, как ты умрешь, — холодно сказала Фан Линь, уставившись остановившимся взглядом куда-то вдаль. Ее лицо побледнело и осунулось.

— Ты думаешь, что ее присутствие меня оста-

новит?

— Нисколько не рассчитываю на это. Надеюсь лишь, что таким образом помешаю дочери стать похожей на тебя.

— Можешь казнить меня, но ребенок…

— Никто тебя не казнит, и уж перед нами-то не прикидывайся, будто идешь на смерть не добровольно. Мы знаем, что ради своей главной мечты ты готов на что угодно!

Дин И посмотрел в глаза жены и сказал:

— Линь, если ты сейчас говоришь то, что на самом деле думаешь, значит, ты наконец-то поняла меня по-настоящему.

— Я ничего не понимаю, и в сердце у меня ничего не осталось. Кроме ненависти.

— У тебя есть все основания ненавидеть меня.

— Я ненавижу физику!

— Но если бы не физика, люди все еще оставались бы примитивными безмозглыми животными, скитались бы по лесам и ютились в пещерах.

— Ну, вряд ли их жизнь была менее счастливой, чем моя!

— Но я-то счастлив. И мне хотелось бы, чтоб ты разделила это счастье со мной.

— Пусть его делит с тобой твое дитя, которое сейчас собственными глазами увидит, как отец

по собственной воле навсегда покидает ее. По крайней мере, потом, когда вырастет, будет держаться подальше от твоей физики. Какая же это гнусная отрава!

— Линь, видимо, называя физику «отравой», ты хочешь показать, что глубоко проникла в нее. Послушай, за последние два дня ты действительно кое-что узнала. Но если бы ты приложила эти усилия раньше, у нас сейчас было бы меньше предметов для спора.

Тем временем на алтаре главы государств беседовали с инспектором по предотвращению опасных ситуаций во вселенной, пытаясь уговорить его отказаться выполнить просьбу великих ученых.

— Сэр… вы позволите так обращаться к вам? — начал президент Соединенных Штатов. — Здесь собрались все лучшие ученые нашего мира. Не может быть, чтобы вы действительно желали уничтожить науку на нашей планете.

— Дело обстоит не столь ужасно, как вам кажется, — ответил инспектор. — Очень скоро сформируется новое поколение научной элиты и, согласно основному инстинкту разумной жизни, возьмется за разгадывание тайн Вселенной.

— Но ведь мы тоже разумная жизнь, как и вы.

Как же вы можете убивать своих сотоварищей, ученых? Это очень жестоко!

— Таково их собственное решение. Они вправе распоряжаться своими жизнями. И, конечно, могут, если считают нужным, обменять их на то, что считают более высоким и важным.

— Об этом нам можно и не напоминать! — воскликнул президент России. — Мы, люди, давно привыкли обменивать свои жизни на нечто более высокое. Именно так жертвовали собой более двадцати миллионов жителей наших стран во время войн прошлого века. Но в данном случае лишение жизни этих ученых ничего не даст обществу! Лишь сами эти люди получат вожделенные знания и десять минут жизни, на протяжении которых смогут ими наслаждаться! Они стали рабами своего стремления к абсолютной истине. Вы ведь понимаете, что это так?

— Насколько я понимаю, они — единственные по-настоящему разумные живые существа в этой звездной системе.

Главы стран недоуменно переглянулись и, вновь повернувшись к инспектору вселенской безопасности, попросили пояснить его последнее высказывание.

Тот воздел руки, будто хотел обнять небосвод:

— Ради того, чтобы хотя бы мельком увидеть красоту вселенской гармонии, жизнь — совсем незначительная цена.

— Но ведь, увидев эту красоту, они проживут лишь десять минут!

— Ради наивысшей красоты можно отдать жизнь даже без отсрочки в десять минут.

Главы мировых держав снова переглянулись, криво и горестно усмехаясь.

— С развитием цивилизации таких людей будет постепенно становиться все больше и больше, — продолжал инспектор, указывая на ученых, собравшихся перед алтарем. — В конце концов, когда человечеству не нужно будет решать проблемы существования, когда любовь исчезнет, потому что индивидуализация уступит место единению, когда искусство окончательно угаснет, достигнув последних вершин изысканности и эзотеричности, единственной опорой для цивилизации станет стремление к исключительной красоте Вселенной. Тогда основными ценностями мира станут именно те, к которым эти люди стремятся сейчас.

Государственные деятели умолкли было, пытаясь постичь смысл сказанного вселенским инспектором, и вдруг президент Соединенных

Штатов расхохотался.

— Ха-ха-ха! Сэр, вы нас всех кину… обвели все человечество вокруг пальца!

Теперь растерялся пришелец:

— Я не понимаю…

— Человечество не настолько глупо, как вам кажется, — сказал премьер-министр Японии. — Даже ребенок мог бы указать на логические противоречия в вашей софистике!

Эти слова еще сильнее озадачили инспектора:

— Я не вижу никаких противоречий в том, что только что сказал.

Американский президент наконец-то отсмеялся и вернулся к разговору:

— Через триллион лет нашу Вселенную будет населять бесчисленное множество высокоразвитых цивилизаций. Что ж, если все пойдет так, как вы говорите, и стремление к установлению окончательной истины станет основной ценностью всей Вселенной, то к тому времени все цивилизации Вселенной неизбежно придут к соглашению о том, что необходимо создать трансъединую теорию, которая будет описывать все вселенные. Неужели они так же дружно решат не бояться того, что в ходе этих экспериментов уничтожат все сущее, включая себя? Не могли бы вы рассказать

нам, как это будет?!

Вселенский инспектор долго молчал и разглядывал глав земных государств тяжелым взглядом, от которого по коже бежали мурашки. В конце концов кто-то из них начал что-то понимать.

— Погодите. Вы хотите сказать…

Но инспектор вскинул руку, останавливая его, подошел к краю алтаря истины и произнес громким и почему-то радостным голосом:

— Вы все, конечно, хотите знать, как мы получили великую единую теорию. Что ж, я могу рассказать вам об этом.

Давным-давно, как вы говорите, в незапамятные времена, наша Вселенная была намного меньше, чем сегодня, но намного горячее. Неподвижные звезды еще не появились — было вещество, которое конденсировалось из энергии и собиралось в туманности, пронизанные красным свечением космоса. В это время появилась жизнь, ее разновидность, образовавшаяся из тонких облаков материи, связанных силовыми полями; тела этих существ выглядели как смерчи в космосе. Жизнь в тех туманностях развивалась стремительно, подобно вспышке, и быстро породила развитую цивилизацию, которая распространилась по всей Вселенной. Когда

собственное стремление цивилизации туманностей к высшим истинам Вселенной достигло своего пика, все миры Вселенной согласились провести эксперименты с энергиями уровня Большого взрыва, чтобы исследовать великую единую теорию, невзирая даже на опасность вакуумного распада.

Методы управления материей, которыми пользовались живые туманности, не имели ничего общего с теми, что применяют нынешние формы жизни. Поскольку, материи как таковой остро не хватало, они превращали свои собственные тела во что хотели. После того как было принято окончательное решение, часть обитателей некоторых миров стали быстро превращаться в детали ускорителя. Когда соединились более миллиона таких тел-деталей, получился ускоритель частиц, способный достичь энергетических уровней, сопровождавших сотворение Вселенной. Когда ускоритель заработал, среди темно-красных туманностей вспыхнуло кольцо ослепительного голубого света.

Они полностью осознавали опасность этого эксперимента. Фиксируя его результаты, они передавали данные с помощью гравитационной волны, направленной наружу, — это была

единственная форма, которая могла пронести информацию через событие вакуумного распада.

Ускоритель некоторое время проработал, и вакуумный распад действительно начался. Низкоэнергетическая вакуумная сфера расширялась со скоростью света и в мгновение ока увеличилась с атомарных размеров до астрономических, испарив и полностью уничтожив все внутри. В конце концов скорость расширения вакуумной сферы обогнала расширение самой Вселенной, и по прошествии должного времени та погибла.

На протяжении долгого времени во Вселенной не было вообще ничего. Постепенно испарившаяся материя вновь начала конденсироваться. Снова образовались туманности, но Вселенная оставалась безжизненной. И лишь после того, как появились неподвижные звезды и планеты, во Вселенной наконец снова проросла жизнь. В те ранние времена гравитационная волна, посланная убившей себя цивилизацией туманностей, еще продолжала активно колебаться. После появления твердой материи колебания начали быстро затухать, но незадолго до того, как сигнал полностью заглох, самая ранняя цивилизация, появившаяся во Вселенной, не только перехватила его, но и сумела расшифровать информацию.

На основе этих древних экспериментальных данных новая цивилизация получила великую единую теорию. В частности, стало известно, что самые важные данные для построения модели были получены в последнюю десятитысячную долю секунды до распада вакуума.

Давайте вернемся к Вселенной разумных туманностей. Даже в то время, когда вакуумная сфера расширялась и уничтожала Вселенную, миры за пределами сферы, вернее, за горизонтом событий сферы, не могли ощутить надвигающуюся катастрофу. Таким образом, вплоть до момента образования вакуума эти миры были полностью сосредоточены на получении данных со своего ускорителя. Через одну десятитысячную секунды после того, как набралось достаточно информации для построения великой единой модели, вакуумная сфера все уничтожила. Однако скорость мышления разумных туманностей была настолько высока, что даже одна десятитысячная секунды была для них относительно большим временем. Следовательно, у них была возможность вывести модель великого объединения в последний момент своего существования. Конечно, это могло всего лишь послужить самоутешением: скорее всего, они ни-

чего не выводили. Это означает, что цивилизация туманностей разорвала ткань Вселенной, но сама погибла до того, как увидела ее высшую красоту. Пожалуй, их следует уважать еще больше — ведь нам известно, что они знали о том, насколько эксперимент опасен, еще до его начала, и все же не только пожертвовали собой, но и сохранили полученные данные о величайших тайнах Вселенной для цивилизаций далекого будущего.

Теперь-то вы не можете не понять, что главная цель цивилизации — познание сокровеннейших тайн Вселенной.

После рассказа инспектора вселенской безопасности все надолго умолкли и погрузились в раздумья. Независимо от того, согласились земляне с его заключительной фразой или нет, можно было не сомневаться, что он оказал непреходящее влияние на образ мыслей и культуру человечества.

Молчание нарушил американский президент:

— Вы нарисовали мрачную перспективу для цивилизации! Неужели все надежды и тяжкие труды человечества в неизмеримо отдаленном будущем завершатся тем, что оно, как мотылек, устремится в пламя?

— Мотылек определенно не считает, что там

темно. И уж короткий период света ему гарантирован.

— Человечество категорически не приемлет такой взгляд на жизнь!

— Это вполне объяснимо. В нашей Вселенной, возрожденной после вакуумного распада, цивилизации все еще пребывают на ранних стадиях, и у каждой свои пути, преследующие разные цели. Для большинства миров стремление к окончательной истине не обладает высшим смыслом. Идти на риск уничтожения Вселенной ради своего стремления к познанию было бы несправедливо по отношению к большинству жизней. Даже в моем собственном мире, конечно, не все соплеменники согласны пожертвовать всем. Поэтому мы сами не стали продолжать высокоэнергетические эксперименты с трансъединой моделью и создали систему их предотвращения по всей Вселенной. Но мы верим, что с развитием цивилизации наступит день, когда все миры Вселенной придут к согласию относительно конечной цели своего существования. И уже сейчас в вашей зарождающейся цивилизации имеются люди, согласные с этой точкой зрения.

Впрочем, время идет. Если никто из вас не решил обменять жизнь на истину, то попрошу

вас спуститься вниз и уступить место тем, кто этого желает.

Главы государств спустились по пандусу с алтаря истины и, встретившись с направляющимися им навстречу учеными, предприняли последнюю попытку переубедить их.

— Послушайте, — сказал президент Франции, — как вы смотрите на то, чтобы еще немного отложить необратимые поступки? Пойдемте со мной! Вы ведь испытали еще далеко не все радости жизни! Отдохните. Послушаем, как поют птицы в сумерках. Будем смотреть на серебряную луну и слушать старую знакомую музыку. Будем пить вино и думать о тех, кого любим… Да-да, вы обнаружите, что абсолютная истина не так важна, как вам показалось сгоряча. В жизни больше красоты, чем в гармонии Вселенной!

— Вся жизнь руководствуется разумом, — холодно ответил один из физиков. — Но вам этого не понять.

Президент Франции хотел сказать что-то еще, но его перебил потерявший терпение американский коллега:

— Бросьте! Не мечите бисер перед свиньями! Неужели вы не видите, что перед нами люди без чести и совести? Что это сборище мошенников

и лжецов! Они постоянно орали, что проводят исследования на благо всего человечества, когда на самом деле просто обирали общество, чтобы удовлетворить свою собственную извращенную тягу к какой-то таинственной красоте. Это абсолютно то же самое, что тратить казенные деньги на проституток!

Дин И шагнул вперед, хлопнул президента по плечу и сказал со смехом:

— Что ж, господин президент, как бы там ни было, у науки свой путь. Вы бы лучше порадовались, что теперь хоть кто-то сможет досконально постичь ее фундаментальное назначение и смысл.

Мацуда, стоявший в стороне, добавил:

— Мы давно придерживались именно этой точки зрения и говорили об этом во всеуслышание, просто нам никто никогда не верил.

Обмен

Обмен жизней на познание истины начался.

На алтарь поднялась по длинному пандусу первая группа из восьми математиков. Воздух над песками пустыни был неподвижен, словно сама природа затаила дыхание. Стояла полная тишина. Только что взошедшее солнце отбрасывало на песок длинные тени от людских фигур,

и, кроме этих теней, в застывшем мире не двигалось больше ничего.

Математики всходили на алтарь и исчезали из виду тех, кто стоял внизу, — те же застыли и старались даже не дышать. Потом в могильной тишине прозвучал кристально ясный голос инспектора вселенской безопасности:

— Прошу задать ваш вопрос.

Ему сразу ответил голос одного из математиков:

— Мы хотели бы узнать неограниченные доказательства теорем Ферма и Гольдбаха.

— Хорошо. Но сами доказательства очень длинны, и вы успеете ознакомиться лишь с ключевыми положениями. Остальное можно предоставить в письменном виде.

Способ, каким инспектор передал эти знания ученым, навсегда останется загадкой для человечества. На снимках, сделанных с самолета дальнего наблюдения, можно разглядеть, что все ученые стояли, задрав головы к небу, хотя вроде бы в том направлении, куда они смотрели, ничего не было. Большинство считали, что пришелец непосредственно вводил информацию в их головы при помощи неких телепатических волн. На самом деле все было значительно

проще: инспектор проецировал информацию в пространство. Для стоявших на алтаре истины все небо превращалось в экран, но начертанную на нем информацию не мог разглядеть никто иной, кроме них.

Через час кто-то нарушил молчание.

— Мы закончили.

— У вас десять минут, — последовал спокойный, даже торжественный ответ.

С алтаря истины донеслись неразборчивые отзвуки многолюдной сумбурной беседы. Стоявшие внизу могли разобрать лишь короткие обрывки фраз, было ясно, что люди там, наверху, очень обрадованны и взволнованны. Их голоса звучали так, будто они год, а то и больше, бродили по подземным лабиринтам, совсем отчаялись, и неожиданно вышли в открывающуюся на свет пещеру.

— …Принципиально новый подход…

— …Да как же…

— … Смутно догадывались…

— Боже! На самом деле…

Когда десять минут почти истекли, на алтаре истины прозвучал еще чей-то ясный голос:

— Пожалуйста, примите самую искреннюю благодарность от всех нас.

На алтаре вспыхнул и почти сразу же погас ослепительный свет. Проморгавшись, стоявшие внизу увидели, как с алтаря поднялись и легко поплыли вверх, трепеща и постепенно угасая на лету, восемь шаров ионизированного пламени. Из ярко-желтых они сделались нежно-оранжевыми, потом красными и в конце концов один за другим исчезли в голубом небе. Все это проходило в полной тишине. С самолета наблюдения было видно, что на алтаре остался только инспектор, стоящий в центре.

— Приглашаю следующую группу! — громко Провозгласил он.

Почти десять тысяч человек снова уставились на алтарь, а по пандусу двинулась следующая группа, из одиннадцати человек.

— Прошу задать ваш вопрос.

— Мы палеонтологи. Нас интересует истинная причина вымирания динозавров.

Они, точно так же, как математики, уставились в небо. Но им потребовалось заметно меньше времени. Вскоре кто-то из них сказал инспектору:

— Все ясно! Благодарим вас.

— У вас еще десять минут.

— Ну вот, все кусочки сложились…

— Такое мне в голову не пришло бы даже в

самых необузданных фантазиях.

— …Вы только подумайте!

Затем снова вспыхнул и угас ослепительный свет. Одиннадцать огненных шаров устремились ввысь и быстро растаяли в небе над пустыней.

Ученые, группа за группой, восходили на алтарь истины, меняли свои жизни на сокровенные знания, исчезали в ослепительных вспышках и уплывали к небу огненными шарами.

Все происходило спокойно и строго. Провожавшим удавалось обойтись без душераздирающих сцен и плача по тем, кого они теряли навсегда. А люди, по всему миру наблюдавшие за происходившим по телевидению, с благоговейным ужасом смотрели, как некоторые из их собратьев-людей проходили величайшее в истории человечества духовное крещение.

Никто не замечал времени. Солнце уже спрятало нижний край за западным горизонтом, и сумерки окрасили алтарь трепещущим золотом. В этот час восхождение к алтарю начали физики. Их группа была самой многочисленной, в ней насчитывалось восемьдесят шесть человек. Но как только первые вступили на пандус, тишину, едва ли не впервые за день, нарушил детский голос.

— Папа! — Вэньвэнь, заливаясь слезами, вы-

рвалась из толпы, пробежала по пандусу, и, расталкивая взрослых, повисла на ноге отца. — Папа, я не хочу, чтобы ты превратился в огненный шар, улетел и погас!

Дин И легонько приобнял дочь.

— Вэньвэнь, — сказал он, — постарайся вспомнить и расскажи папе: какой был самый плохой день в твоей жизни?

Девочка размазала слезы по лицу, задумалась на несколько секунд и сказала:

— Я росла здесь, в пустыне, и… и очень-очень хотела побывать в зоопарке. Однажды ты, папа, поехал на юг, в большой город, и взял меня с собой. Там ты привел меня в зоопарк, но, как только мы вошли, твой телефон зазвонил и ты сказал, что у тебя что-то случилось на работе и надо срочно вернуться. Детям без взрослых в зоопарк нельзя, и я тоже ушла. А больше ты меня туда не повел. Пока мы летели обратно, я всю дорогу плакала.

— Знаешь, дитя мое, — ответил Дин И, — ты обязательно побываешь в зоопарке. Мама сможет отвезти тебя. А у папы все не так. Он тоже находится у входа в большой зоопарк, а там внутри есть таинственные вещи, которые папа всегда мечтал увидеть. Но если папа не пойдет

туда сейчас, то другого шанса у него не будет уже никогда.

Вэньвэнь уставилась на отца полными слез глазами, а потом кивнула:

— Если так… то иди… папа.

Фан Линь подошла и взяла дочку из рук Дин И, злобно взглянула на алтарь истины, нависающий над ними и сказала:

— Вэньвэнь, твой папа — худший отец на свете, но он действительно очень хочет в этот зоопарк.

Дин И опустил голову и сказал, глядя в землю:

— Да, Вэньвэнь, папа очень хочет туда.

Фан Линь в последний раз устремила горящий взгляд на Дин И.

— Ты и в самом деле элементарная частица — совершенно холодный. Что ж, иди. Приступай к своему последнему эксперименту. Но запомни, я никогда не позволю твоей дочери стать физиком!

Многочисленная группа собралась было продолжить путь, но другой возглас, на сей раз не детский, а женский, заставил ее снова остановиться.

— Мацуда-сан, если ты уйдешь туда, я умру прямо здесь, перед тобой!

Миниатюрная молодая японка стояла на траве

около входа на пандус и прижимала к виску дуло маленького серебристого пистолета.

Мацуда вышел из толпы коллег и приблизился к женщине.

— Мотоко, — сказал он, глядя ей в глаза, — ты помнишь то холодное утро в Саппоро? Ты сказала, что хочешь проверить, действительно ли я люблю тебя или нет. Ты спросила меня, как я поступлю, если ты попадешь в огонь и твое лицо останется изуродованным. Я ответил, что в любом случае останусь с тобой на всю жизнь. Но тебя мои слова разочаровали и расстроили. Ты сказала, что если бы я на самом деле любил тебя, то должен был пообещать, что ослеплю себя, чтобы навсегда сохранить в сердце прекрасную Мотоко.

Рука, которой женщина держала пистолет, не пошевелилась, но темные глаза наполнились слезами.

А Мацуда Сейити продолжал:

— Так что, милая, ты очень хорошо понимаешь значение красоты для человеческой жизни. А сейчас я получил возможность увидеть наивысшую красоту Вселенной. И не могу упустить ее.

— Если ты сделаешь хоть один шаг, я выстрелю!

— Прощай, Мотоко, — негромко сказал Мацуда Сейити, улыбнулся и, присоединившись к остальным физикам, направился вместе с ними по пандусу. Ни короткий кашель пистолета, ни всплеск крови и мозгового вещества из пробитого пулей насквозь черепа, ни мягкий шлепок, с которым труп упал наземь, не заставили Мацуду оглянуться.

Толпа физиков вышла на круглую поверхность алтаря истины. Стоявший в центре инспектор вселенской безопасности тепло улыбнулся, приветствуя их. Солнце ушло за горизонт, и последний свет сумерек погас. Песок пустыни и пересекавший ее травяной пояс сделались одинаково темно-серыми. Алтарь истины, казалось, нависал над бесконечными черными глубинами космоса, напоминая всем о темной ночи той эпохи, что предшествовала сотворению Вселенной, когда не было еще ни одной звезды. Инспектор взмахнул рукой, и физики увидели, как в далеких черных глубинах появилась золотая звезда. Сначала она была настолько мала, что ее с трудом можно было разглядеть, но постепенно превратилась в яркую точку, а потом и в нечто, имеющее поверхность и форму. Оказалось, что это быстро приближающаяся спиральная галактика. Она

стремительно росла; стали видны бурлящие струи газа и туманности. Когда же расстояние еще сократилось, физики разглядели, что все звезды в этой галактике не что иное, как числа и символы, а волны и материальные объекты сложились в одно идеально выстроенное уравнение.

Перед физиками неторопливо, торжественно разворачивалась вожделенная великая единая теория Вселенной.

Когда с алтаря истины взмыли в черное небо восемьдесят шесть огненных шаров, Фан Линь опустила взгляд к траве под ногами. Но тут же услышала тоненький голосок дочери:

— Мама, а который из них наш папа?

Последним на алтарь истины явился Стивен Хокинг.

Электрическое инвалидное кресло долго, медленно ползло по пандусу и походило на большого тяжелого жука, забирающегося на дерево. В нем неподвижно возлежало парализованное, оплывшее, как воск сгоревшей свечи, кажущееся бескостным тело ученого.

В конце концов кресло выехало на диск алтаря, где все так же стоял в центре инспектор. К тому времени померкли последние отблески заката, индиговое небо заполнилось звездами, а песок

пустыни и разрезавшая его травяная полоса сделались неразличимыми.

— Ваш вопрос, доктор Хокинг, — сказал инспектор точно таким же тоном, каким обращался к большим и малым группам ученых, прошедших перед ним за этот день. Однако, выслушивая механический голос встроенного в кресло динамика, он улыбался Хокингу своей неестественной улыбкой.

— Какая цель у Вселенной?

На небе не появилось никаких сигналов, знаменующих ответ. С лица вселенского инспектора исчезла улыбка, зато какое-то мимолетное выражение — не отчаяние ли? — мелькнуло в глазах.

— Сэр… — вопросительно произнес Хокинг.

Молчание. Небо все так же темно. Лишь случайные клочки облаков, проплывая в вышине, мимолетно затмевали пылающие звездные системы Вселенной.

— Прошу прощения… сэр… — сказал Хокинг.

— Профессор Хокинг, выход у вас за спиной, — сказал инспектор.

— Это ваш ответ?

Инспектор покачал головой.

— Я говорю, что вы можете возвращаться обратно.

— То есть вы не знаете?

На сей раз инспектор утвердительно кивнул.

— Не знаю. — В этот момент он не только больше, чем прежде, походил на человека, но казался личностью, обладающей полной индивидуальностью, поскольку на его лицо легла темная тень печали. Любой, кто увидел бы его тогда, не усомнился бы в том, что он настоящий человек.

И, возможно, даже слишком человечный.

— Откуда мне знать-то?.. — пробормотал инспектор.

Эпилог

Однажды ночью, пятнадцать лет спустя, посреди заросшей пышной травой равнины, которая когда-то была пустыней Такла-Макан, беседовали мать и дочь. Матери было за сорок, но на висках у нее давно появились седые пряди, а в потускневших глазах нельзя было разглядеть почти ничего, кроме тревоги и усталости. В расширившихся в темноте зрачках стройной и хрупкой дочери мерцал отблеск звездного света.

Мать сидела на мягкой сочной траве и тоскливо смотрела на далекий горизонт.

— Вэньвэнь, сначала ты поступила на физический факультет, где учился твой отец, а теперь

собираешься специализироваться по квантовой гравитации. Я же никогда не пыталась препятствовать тебе. Если хочешь, можешь стать теоретиком, можешь полностью посвятить себя этому направлению, но, Вэньвэнь, все же послушай мать. Пожалуйста, дорогая, я ведь не многого прошу. Не переходи черту!

— Мама, ты только представь себе, — ответила Вэньвэнь, не отрывая взгляда от сияющего Млечного Пути, — что двадцать миллиардов лет назад все началось с микроскопической точки! Вселенная перешла черту давным-давно.

Фан Линь вскочила как подброшенная, и схватила дочь за плечи:

— Дитя мое, только не это!

Вэньвэнь ничего не ответила. Она стояла все так же неподвижно и смотрела на звезды.

— Вэньвэнь, ты слышишь свою маму? Что с тобой? — Фан Линь встряхнула дочь, но звезды полностью поглотили внимание Вэньвэнь. Она не ответила на вопрос, а, напротив, спросила сама:

— Мама, какая цель у Вселенной?

— Ах… нет! — У Фан Линь подкосились ноги; она осела на траву и закрыла лицо руками. — Деточка, только не это!

Вэньвэнь наконец оторвала взгляд от россыпи звезд, села рядом с матерью, обняла ее за плечи и спросила тихим, даже робким голосом:

— Мама, а у человечества какая цель?

Этот вопрос остудил пылающее сердце Фан Линь, как будто его осыпало снегом. Она повернулась, взглянула дочери в глаза, а потом задумчиво посмотрела вдаль. Точно так же она смотрела в ту сторону пятнадцать лет назад — туда, где возвышался алтарь истины, а еще за несколько дней до того пустыню и всю планету пересекал Эйнштейновский экватор.

Пробежал легкий порыв ветерка, и мягкое травяное море всколыхнулось, будто людское море, колышущееся под звездной бесконечностью и негромко воспевающее Вселенную.

— Не знаю. Откуда мне знать-то? — пробормотала Фан Линь.

Слава и мечты

[redacted], 7 марта 2003 г., перевал Нянцзы.

Олимпийские игры откладываются

Восточное небо уже окрасилось ярким багрянцем рассвета. Но на земле в Республике Западной Азии все еще лежал мрак, как будто отступающая ночь залила все черной жижей.

Мистер Грант выехал на небольшом грузовике, заполненном мусором, через главные ворота станции гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Все коренные жители Западной Азии, работавшие на базе, уехали, и уже несколько дней он вывозил мусор сам. Но это было в последний раз. Уже завтра оставшейся группе сотрудников ООН также предстояло уехать. По всей вероятности, буквально через несколько дней война должна была снова обрушиться на эту страну.

Грант остановил грузовик около ближайшей помойки, вылез из кабины и вынул из кузова мешок. Когда он потянулся за вторым мешком, его рука на несколько секунд замерла в воздухе. В

этом мертвом месте все же нашлось что-то живое — маленькая черная точка на горизонте перемещалась и подпрыгивала, как будто отказывалась присоединиться к темному фону этой земли. Так мог бы метаться солнечный зайчик, плохо различимый на ярком солнечном фоне.

Внезапный звук заставил Гранта оглядеться по сторонам. Он увидел, что к мешку для мусора, который он только что поставил, приближаются несколько черных теней — будто камни на земле ожили и пришли в движение. Это были завсегдатаи свалки, которых все, да и они сами, для краткости именовали не иначе как падальщиками. Они являлись сюда ежедневно, мужчины и женщины, молодые и старые. Блокада продолжалась уже семнадцать лет, и голод все сильнее и сильнее душил страну.

Грант снова поднял голову. Теперь он уже видел, что точка, которую он приметил, это бегущий человек. На фоне неба, которое все же было немного светлее земли, точка теперь походила на жука, пританцовывающего перед огнем.

В этот момент у падальщиков произошла небольшая заминка. Один из них увидел половину сосиски, молниеносным движением сунул ее в рот, быстро разжевал и проглотил с блажен-

ным видом, а остальные равнодушно, даже без зависти, уставились на него и даже на несколько секунд забыли о своем занятии. Впрочем, они тут же опомнились и вновь углубились в содержимое разодранного мешка. Для их затуманенных голодом мозгов объедки среди прочего мусора сияли ярче восходящего солнца.

Грант снова поднял голову. Бегущий человек еще приблизился, и уже было видно, что это женщина. Очень худая молодая женщина. Гранту пришло в голову третье сравнение: молоденький саженец дерева, покачивающийся на утреннем ветерке. Когда же она приблизилась настолько, что стало слышно ее тяжелое дыхание, он с изумлением понял, что не слышит ее шагов. Ей оставалось пробежать до помойки совсем немного, как вдруг она оступилась и шлепнулась на землю. Оказалось, что это очень молодая девушка, чуть ли не подросток с иссиня-черной кожей, одетая в старый байкерский жилет и затертые беговые шорты. Что-то в ее глазах привлекло внимание Гранта. Они странно выделялись на исхудалом личике, делая девушку похожей на какого-то ночного зверька. В них блестел свет, какого не было в апатичных взглядах прочих падальщиков, как будто они зажглись от предрассветного зарева, и

в этом свете смешивались страсть, страдание и страх. Бытие этой девушки сконцентрировалось в глазах, и поэтому ее маленькое изможденные лицо и тело воспринимались как веточка с увядающим листком, сохранившаяся на сорванном фрукте. Она дышала тяжело, шумно, и звук ее дыхания походил на отдаленные порывы ветра. Бледные губы растрескались. Один из падальщиков обратился к ней на западноазиатском языке, который Грант немного понимал. Эту реплику он понял примерно так:

— Цинни, ты опять опоздала. Никто не станет делиться с тобой жратвой, и не надейся!

Девушка по имени Цинни как будто силой заставила себя опустить взгляд на мусорный мешок; можно было подумать, что ее внимание притягивает что-то очень далекое. Но как только она принялась вместе с остальными разбрасывать мусор в поисках чего-нибудь съедобного, стало видно, насколько она голодна. Почти все успели разобрать, но ей все же повезло — подвернулась открытая банка с остатками рыбных консервов. Девушка схватила вываренные косточки и торопливо разжевала. Проглотив это подобие еды одним глотком, она попыталась выпрямиться и возобновить поиски, но потеряла

сознание. Грант подошел к ней и поднял. Ее тело, покрытое потом, оказалось невероятно легким: можно было подумать, что он держит в руках сверток одежды.

— Это от голода. С ней такое уже бывало, — сказал кто-то на безукоризненном английском языке.

Грант осторожно положил Цинни наземь, открыл кабину, вынул бутылку с молоком, присел на корточки и принялся поить девушку. Она узнала вкус молока, даже несмотря на то, что была без чувств, и принялась жадно глотать.

— Где быть ты дом? — спросил Грант на ломаном западноазиатском языке с жутким акцентом, как только увидел, что она приходит в себя.

— Она немая.

— Она далеко отсюда живет? — обратился Грант к тому из падальщиков, который говорил по-английски, мужчине в очках и с клочковатой бородой.

— Нет, она из лагеря беженцев неподалеку, но каждое утро бегает до реки и обратно.

— До реки! Но ведь это… это же больше десяти километров. Она что, ненормальная?

— Нет, это она тренируется, — увидев недоумение Гранта, падальщик пояснил: — Она спортс-

менка, одна из сильнейших бегуний Республики Западной Азии на марафонскую дистанцию.

— А-а… Но, насколько я помню, в стране уже много лет не проводились спортивные соревнования.

— Как бы там ни было, о ней все говорят так.

Цинни уже очнулась, взяла у Гранта бутылку и выпила молоко до дна. Грант, все так же сидя на корточках, вздохнул и покачал головой.

— Да, да… Куда ни попадешь, всюду найдутся люди, живущие в мире своей мечты.

— Я тоже когда-то был таким, — ответил падальщик.

— Вы прекрасно говорите по-английски.

— Одно время я был профессором английской литературы в Западно-Азиатском государственном университете. Семнадцать лет санкций и блокады отучили нас мечтать. В конце концов все мы, кто-то раньше, кто-то немного позже, становимся такими, — он указал на продолжавших копошиться в мусоре падальщиков. Обморок Цинни не вызвал ни у кого из них никаких эмоций. — Лично я мечтаю только о том, что смогу урвать спиртного, которое вы бросите, уезжая, и напьюсь.

Грант с сочувствием посмотрел на Цинни:

— Она же так погубит себя.

— А что поделать? — пожал плечами профессор английской литературы. — Через два-три дня возобновятся военные действия, вы все уедете, гуманитарная помощь прекратится, дороги перекроют. Мы все умрем — если не под бомбами, так от голода.

— Но я думаю, что война быстро закончится, ведь народ Западной Азии давно устал от нее. В стране и так уже полный беспорядок.

— Совершенно верно. Нам не нужно ничего, кроме еды. И жизни. — Профессор указал на молодого парня с грязными сбившимися в колтуны волосами, который продолжал старательно перебирать мусор. — Он, например, дезертир из армии.

И тут Цинни, все еще безвольно полулежавшая, опираясь на Гранта, подняла тонкую руку и указала на базу ООН — несколько теснящихся друг к другу белых сборных домиков, — неподалеку от которой они находились, а потом сделала несколько выразительных жестов обеими руками.

— Похоже, она хочет, чтобы вы отвели ее к себе, — сказал профессор.

— Она слышит? — спросил Грант. Увидев, что

профессор кивнул, он повернулся к Цинни и, помогая себе жестами одной руки, стал объяснять на ломаном западноазиатском: — Ты нельзя. Ты нельзя туда войти. Я дать тебе еще еды. Завтра. Ты не ходить. Завтра мы уехать.

Цинни стала что-то писать пальцем на песке по-западноазиатски. Профессор прочитал и перевел Гранту:

— Она хочет посмотреть у вас по телевизору церемонию открытия Олимпийских игр. — Он досадливо покачал головой. — Бедное дитя. И ведь ей никак не объяснить, что впустую тратит силы. Она неисправима.

— Олимпийские игры отложили на один день — сказал Грант.

— Из-за войны?

— Как, вы не знали? — Грант удивленно огляделся по сторонам.

— Ну, какое нам дело до Олимпийских игр, — профессор опять пожал плечами.

Тут они оба оглянулись, услышав резкий звук автомобильного мотора. По дороге к ним медленно приближался старомодный автобус, какой вряд ли можно было бы увидеть где-либо еще, кроме Западной Азии. Машина остановилась около помойки, дверь открылась, оттуда выско-

чил мужчина лет пятидесяти с густой проседью в черных волосах и крикнул:

— Цинни здесь? Я ищу Цинни Видья!

Цинни попыталась встать, но ноги у нее подкосились, и она снова опустилась на землю. Незнакомец шагнул вперед и увидел ее.

— Деточка, что с тобой? Ты помнишь меня?

Цинни кивнула.

— Кто вы такой и откуда взялись? — резко спросил профессор.

— Я директор Национального агентства по спорту, моя фамилия Клэр, — ответил тот и поднял Цинни на руки.

— В стране все еще существует спорт? — спросил Грант, не сдержав удивления.

Клэр поставил Цинни на ноги и, бережно поддерживая ее, посмотрел на выглянувшее из-за горизонта солнце и ответил, медленно, отрывисто цедя слова:

— Сэр, в Республике Западной Азии есть все. Или скоро будет! — С этими словами он помог Цинни забраться в автобус.

Глядя на Цинни, которая не по возрасту тяжело, словно глубокая старуха, раскинулась на потертом сиденье, Клэр вспомнил, как впервые увидел эту юную женщину год назад.

В тот знаменательный вечер он как раз выходил из старого трехэтажного дома, который занимало Агентство по спорту. Он безвылазно просидел на месте весь рабочий день и чувствовал себя одуревшим. Когда Клэр устало открыл дверь своей старой «Волги» и начал садиться, кто-то сзади схватил его за руку. Он оглянулся и увидел Цинни. Она была очень взволнована и выразительными жестами показывала, что хочет сесть к нему в машину. Он очень удивился, но девушка смотрела так искренне, что нельзя было ей не поверить. Поэтому он открыл вторую дверь, усадил ее рядом с собой и поехал туда, куда она указывала пальцем.

— Ты… наша, местная? — спросил Клэр. Вопрос был отнюдь не пустой, потому что он, как старый тренер, с первого взгляда узнавал людей, долго и серьезно занимавшихся спортом. Тренировки накладывали на них не только физический, но и духовный отпечаток. Хотя Цинни была одета в мешковатый балахон по старинному обычаю Западной Азии, но Клэр наметанным глазом сразу увидел под ним спортсменку. Вот только ему с трудом верилось, что после десяти с лишним лет нищеты и голода в стране остался кто-нибудь, искренне желающий заниматься спортом.

Цинни кивнула.

Следуя указаниям Цинни, они скоро приехали на столичный стадион. Когда они вышли из машины, Цинни нацарапала на земле фразу: «Посмотрите, пожалуйста, как я бегу марафон». Подойдя к стартовой линии беговой дорожки, Цинни сняла балахон и осталась в беговом топике и шортах, которые будет носить и впредь. Клэр дал отмашку, она сорвалась с места и понеслась по кругу легкими четкими шагами. Очень скоро Клэр увидел, что у девушки редкий талант к стайерскому бегу, но от этого у него лишь болезненно защемило сердце.

Западноазиатская национальная спортивная арена, рассчитанная на восемьдесят тысяч зрителей, лежала в руинах. На покрытой толстым слоем пыли беговой дорожке росли сорняки, а на западном конце овала в крыше трибуны зияла большая брешь, оставшаяся после авиационной бомбежки несколько лет назад. В брешь пробивались лучи заходящего солнца, лежащие кроваво-красными полосами на противоположной трибуне.

Предвоенный период был золотым веком спорта в Западной Азии, но конфликт семнадцатилетней давности и последовавшие за ним блокады и

санкции сделали спорт в этой стране излишней роскошью. Государственные расходы на спорт сократились настолько, что лишь несколько спортсменов могли в пропагандистских целях участвовать в международных соревнованиях. Но в последние годы, когда ситуация в стране ухудшалась день ото дня, правительство отменило даже это скромное финансирование, оставив спортсменов на произвол судьбы. Штат Национального агентства по спорту насчитывал сегодня всего четыре человека, и даже их могли уволить в любой момент.

Вечерняя заря меркла на западе, а с востока уже светила луна. Цинни пробегала круг за кругом, то входя в тени, то появляясь в полосе желтого лунного света, ее легкие шаги отдавались эхом среди огромных руин, напоминавших римский Колизей. Клэр подумал, что эта девушка похожа на сновидение о былых славных днях, заставляющее время течь вспять в залитых лунным светом руинах. В его сердце прорезался легкий след чувства, которое, как он думал, давно покинуло его, потом заполнило до краев, и неожиданно по лицу заструились слезы.

Сто пятьдесят кругов по дорожке стадиона Цинни завершила, когда луна высоко поднялась и ее

свет залил половину арены. Она не стала прохаживаться для «заминки», как принято у бегунов, а просто остановилась в нескольких шагах от финишной черты и смотрела на Клэра. В лунном свете она казалась статуей работы искуснейшего скульптора.

— Два часа шестнадцать минут тридцать секунд. Введем поправку на условия дорожки, прибавим три минуты… Все равно получился национальный рекорд.

Цинни улыбнулась. Большинству марафонцев свойственна скупость мимики, внешне похожая на равнодушие, причиной которой служит привычка постоянно рассчитывать и экономить расход энергии на тренировках и соревнованиях. Но оказалось, что у Цинни трогательная улыбка. И эта улыбка вонзилась ему в сердце, как нож. Он стоял в оцепенении, превратившись в еще одну статую на беговой дорожке, пока его не вернул к реальности звук тяжелого дыхания Цинни. Тогда он снова застегнул ремешок часов на запястье и тихо сказал:

— Дитя, ты родилась в неудачное время.

Цинни кивнула.

Клэр наклонился, поднял с земли балахон, который девушка сбросила перед забегом, и подал

его Цинни.

— Я отвезу тебя домой. Уже поздно, и твои родители будут волноваться.

Цинни сделала жест отрицания, и Клэр понял ее. У нее не было ни родителей, ни дома. Она зажала под мышкой скомканную одежду, повернулась и быстро скрылась в тенях полуразрушенного стадиона.

Автобус полз к окраине города, расслабленное вялое тело Цинни безвольно раскачивалось, когда автобус потряхивало на кочках. От усталости и слабости ее клонило в сон. Но она резко пробудилась, услышав за спиной:

— Салих, но как же ты угодил в тюрьму?

Цинни обернулась, чтобы взглянуть на человека, которого назвали Салихом. Она сразу узнала его, хотя лишь с трудом можно было поверить, что этот жалкий заморыш был когда-то самым прославленным спортсменом Республики Западная Азия, звездой первой величины. Алек Салих был одним из трех спортсменов, завоевавших медали для Западной Азии на международных соревнованиях во время блокады. Четыре года назад он даже стал чемпионом мира по стрельбе из лука среди мужчин, что сделало его национальным героем. Цинни до сих пор отчет-

ливо помнила, как величественно он выглядел, проезжая в автомобиле с откидным верхом по центральному бульвару столицы. Сейчас позади нее сидел изможденный, кожа да кости, мужчина неопределенного возраста с изуродованным шрамами бледным лицом, одетый в грязную тюремную робу. Он заметно дрожал, но, скорее, от нервного напряжения, потому что утро никак нельзя было назвать прохладным.

— Он был телохранителем в частной корпорации, — ответил Клэр за Салиха. — Там хорошо знали, как он умеет стрелять.

— Я не хотел умереть от голода, — пробормотал Салих.

— И все же чуть не умер от голода. Нынче свободные горожане с трудом находят жалкое пропитание, а уж в тюрьме-то каково? Люди мрут как мухи от голода и болезней. Так что ты, похоже, ничего не выиграл.

— Господин директор, если бы вы не забрали меня оттуда, я точно умер бы. Но почему вы вдруг обо мне вспомнили? Куда мы едем?

— Мы едем в аэропорт, а вот зачем, я и сам не знаю. Я получил приказ отыскать и собрать всех наших сильнейших спортсменов последних лет.

Автобус остановился, и вошла целая группа

новых пассажиров. Все они, как и большинство прочих жителей Западной Азии, одеты были в тряпье, но отличались неестественной худобой, которая наряду с желтушным оттенком кожи говорила о том, что они давно и постоянно голодали. Многие вдобавок то и дело кашляли. На всех лицах отчетливо расписалась покорность судьбе. От остальных они отличались очень высоким ростом, из-за которого, впрочем, казались еще немощнее. По салону они все двигались, согнувшись в поясе, как креветки, давно вынутые из воды. Цинни узнала их: это были баскетболисты из сборной страны.

— Привет, парни, — бодро поздоровался Клэр. — Как дела?

— Вы, господин директор, сначала нас накормите, а потом спрашивайте.

— Точно! Большому начальству никогда не приходится голодать так, как нам. Вы ведь даже сейчас питаетесь за счет спорта. А как питаемся мы? Раз в день, и то лишь голод перебить ненадолго.

— Ага! Но и этого скоро не будет. Гуманитарку уже перестали поставлять!

— Не переживайте. Погодите немного — как только возобновится война, на черном рынке

вновь появится человечина…

Баскетболисты наперебой жаловались на судьбу, не обращая внимания, слушают их или нет, а Цинни рассматривала их, но не могла узнать того, которого больше всего хотела увидеть. Вместо нее напрашивающийся вопрос задал Клэр.

— А где Мурад? — спросил он. Да, среди великанов отсутствовал Гэри Мурад, которого называли западноазиатским Майклом Джорданом.

— Он умер. Уже с полгода прошло.

Клэр вроде бы не удивился:

— Вот как… А Инсия?

Это имя Цинни вспомнила, хоть и не без труда, — молодая звезда женской баскетбольной сборной. Жена Мурада.

— Они умерли вместе.

— Боже мой! Как же это случилось?

— Вы бы лучше спросили, как мир стал таким сволочным. Они ведь, как и все мы, ничего не умели, кроме как гонять мячик, и как и все мы, голодали несколько последних лет. А уж ребенок был им совсем ни к чему, но он родился, и все полетело кувырком. А потом их пособие урезали вдвое. Ребенок прожил всего три месяца, затем умер, как сказали врачи, от неправильного питания — на самом деле от голода. Когда умер

ребенок, они всю ночь проплакали, а потом все стихло. Они даже еду приготовили, сели вдвоем и все съели. Впервые за много лет наелись досыта. Вы же знаете, сколько все мы раньше ели! Оказалось, что они съели весь свой месячный паек. А утром к ним заглянул кто-то из соседей и увидел, что они мертвы. Они добавили в пищу какой-то яд и умерли во сне.

После этого рассказа все затихли и молчали до тех пор, пока автобус не остановился в очередной раз. Вошел один человек — роскошная женщина с волосами, выкрашенными в огненно-рыжий цвет, с густыми тенями на веках и ярко-красной помадой на губах.

— Ух ты! — воскликнул кто-то. — Хоть кто-то не голодал!

Женщина была одета броско, но вульгарно; ее наряд не оставлял никакого места воображению. Всем своим обликом она резко отличалась от изможденных и оборванных прочих пассажиров автобуса.

— Эй, похоже, она не только хорошо питается, но и вообще живет неплохо! — раздался чей-то голос.

— Может быть, и нет. Нынче и в столице почти так же голодно, как и по всей стране. Кроме того,

в районе красных фонарей благополучие долгим не бывает.

— Эй, эй, вы это бросьте! — громко возразила дама, улыбнувшись во весь рот. — Я обслуживаю миротворческие силы ООН.

Весь автобус расхохотался, но окрик Клэра тут же перебил смех.

— Райли! — рявкнул он, — держись достойно!

— Ах, дядя Клэр, червям, которые заводятся в трупах, безразлично, достойными были эти люди при жизни или недостойными! — высокопарно ответила дама, и, махнув рукой, опустилась на сиденье рядом с Цинни.

Цинни уставилась на нее округлившимися глазами. Господи, неужели это Райли Уэнделл? Красавица, выигравшая бронзу по гимнастике? Пленительный яркий цветок западноазиатского спорта?

Заключительная часть поездки проходила в молчании. Через двадцать минут автобус прибыл на стоянку перед аэропортом. Там стояли еще два автобуса, также доставившие спортсменов, в недавнем прошлом входивших в сборную страны. Помимо баскетбольной команды приехали футболисты и представители еще одиннадцати видов спорта.

На взлетной полосе стоял «Боинг» — несмотря на то что небо Республики Западной Азии давно объявили закрытым, сюда каким-то образом прилетел и сел большой и роскошный авиалайнер. Клэр повел спортсменов к самолету. Несколько иностранцев в костюмах и кожаных ботинках вышли из двери им навстречу и встали на верхней площадке трапа. Один из них жестом остановил всю толпу перед трапом и заговорил. Спортсмены узнали его с первого взгляда: это был президент Международного олимпийского комитета. Но по-настоящему их потрясли его слова, которые переводил Клэр:

— Друзья мои, по поручению всего международного сообщества я прибыл в Республику Западной Азии, чтобы пригласить вас принять участие в двадцать девятых олимпийских играх!

Пекин

Итак, они в Пекине!

Когда автобус доставил команду в город, Цинни вздохнула. Когда-то этот далекий город не имел для нее, бедной, голодающей девушки из Западной Азии, никакого значения, но после предыдущей Олимпиады, четыре года назад, Цинни стала воспринимать Пекин как землю

обетованную. Она мало что знала о Китае — лишь то, что почерпнула из старого фильма о боевых искусствах, снятого в мрачных черно-белых тонах. В ее воображении Пекин рисовался древним и безмолвным городом. Ей никак не удавалось связать свое представление о нем с грандиозным величием Олимпийских игр. Ей много раз снились игры, снился ей и Пекин, но они никогда не соединялись. В одних сновидениях она, как птица, проносилась над огромными толпами на олимпийских площадках; в других бродила по лабиринту хутунов[14] и вокруг старой городской стены, которая, как она считала, обязательно должна быть в Пекине, искала олимпийский стадион и не могла найти.

Цинни широко раскрытыми глазами смотрела в окна автобуса, отыскивая взглядом хутуны и городские стены, которые выстроила в воображении, но вместо них увидела множество небоскребов — совершенно новых и очень высоких. Лес зданий, сверкающих белизной под солнцем, как игрушки, только что вынутые из коробки, как гигантские растения, выросшие за ночь и нежно льнущие к небесам. Лишь теперь

[14] Примечания: 14

Хутун — тип средневековой китайской городской застройки, микрорайон.

Цинни удалось связать Пекин с Олимпийскими играми.

Волнение от вступления в новый мир было подобно солнцу, пробивающемуся сквозь разрывы в облаках и ласкающему лучами света сердце Цинни. Но свет почти сразу же опять заслонили темные тучи.

Мировые СМИ трубили о каких-то великих ожиданиях и надеждах западноазиатских спортсменов, а те на самом деле вовсе не радовались неожиданно выпавшей возможности участвовать в Олимпийских играх. За десять лет жители многострадальной страны вообще отвыкли надеяться на что бы то ни было; напротив, они были обескуражены. К добру ли, к худу ли обернулись дела, но первым их побуждением было укрыться в раковину и попытаться обезопасить себя. У них не возникло никаких вопросов — даже такого вроде бы напрашивающегося: как их могли ввести в программу Олимпийских игр без прохождения отборочного цикла? Они тихонько, крадучись, поднялись в самолет, разместились по креслам и, затаив дыхание, стали настороженно ждать дальнейшего развития событий.

Цинни вошла в громадный, почти пустой салон и села у окна. Со своего места она видела, как

президент МОК увел Клэра и других чиновников, входивших в делегацию Западной Азии, за перегородку, отделявшую салон первого класса от остальной части самолета. Более часа оттуда не доносилось ни звука. Спортсмены терпеливо ждали. Наконец Клэр вышел и стал молча сверять присутствовавших со списком, который держал в руке. Все глаза были устремлены на его лицо, хранившее нарочитое спокойствие. Видя эту безмятежность, Цинни поняла: что-то не так. Вскоре ее пристальный взгляд уловил еще одну несообразность: завершив проверку, Клэр шагнул к входу в салон первого класса, но замер, простоял несколько секунд с протянутой рукой, глядя куда-то в пространство, как будто внезапно ослеп, и лишь потом взялся за ручку двери. Да, — повторила про себя Цинни, — что-то не так.

Что-то не так по-крупному.

Вскоре после того, как спортсмены расселись по местам, им подали еду, и все наелись досыта, съев по две, а кто и по три порции. Китайские стюардессы и стюарды явно удивлялись тому, как много способны съесть эти пассажиры.

Когда самолет оторвался от земли, Цинни прильнула к иллюминатору, но ее родина почти сразу же скрылась под облаками, которые почти

не расходились на всем протяжении полета. Как будто планете было что прятать.

После приземления в Пекине спортсмены еще два часа ждали в самолете, потом им выдали форменную одежду Западно-Азиатской делегации, они переоделись и спустились по трапу. В здании аэровокзала их ослепили вспышки бесчисленных фотокамер. Зал был полон репортеров, окруживших делегацию, как голодные волки — отару овец. Но вся эта стая держалась метрах в двух от делегации, остававшейся в свободном кругу и как будто окруженной невидимой силовой стеной. Цинни, да и всех прочих западноазиатских спортсменов больше нервировало то, что никто из репортеров не лез к ним с вопросами. Тишину в зале прилета нарушали только щелчки затворов фотокамер и шарканье множества подошв. Когда спортсмены подошли к выходу, раздался характерный грохот, и, оказавшись снаружи, они увидели, что в небо взмыли три вертолета — непонятно, то ли с прессой, то ли военные. Для их группы подали два автобуса, зато сопровождала дюжина полицейских машин и множество полицейских мотоциклистов. Выехав из аэропорта на шоссе, ведущее к городу, Цинни и все остальные увидели еще одну странность,

которая потрясла их еще сильнее: на дороге не было никаких машин, кроме их кортежа.

Все это что-то значило…

В Олимпийскую деревню их привезли, когда уже начало смеркаться. Тут неясные опасения, мучившие западноазиатских спортсменов, превратились в ужас: Олимпийская деревня была совершенно пустынна. Дома, предназначенные для размещения спортивных делегаций, стояли темными; свет горел лишь в том из них, перед которым остановились автобусы. Посреди площади, окруженной домами, стояло кольцо из множества высоких флагштоков, но ни на одном из них не было национальных флагов, они походили на рощу, сбросившую листву на зиму. Вокруг квартала городские огни озаряли половину ночного неба, оттуда слабо доносились звуки уличного движения и других проявлений жизни мегаполиса, и от этого тишина в Олимпийской деревне делалась еще жутче. Цинни бросило в озноб — это место показалось ей похожим на могильный склеп.

В просторном вестибюле Клэр, как глава делегации, кратко проинструктировал спортсменов:

— Располагайтесь в отведенных для вас комнатах. Через час туда подадут обед. Ночью никуда не

выходите. Все вы должны отдохнуть как следует, а завтра в девять утра мы будем представлять Республику Западной Азии на церемонии открытия двадцать девятых Олимпийских игр.

Цинни поднималась в лифте вместе с Клэром и Салихом. Там Салих, понизив голос, спросил у директора:

— Вы так и не хотите сказать нам правду. Нас, что, включили в «Окно к миру»?

— Завтра все будет ясно. А сейчас всем необходимо, по крайней мере, выспаться в человеческих условиях.

«Окно к миру»

Цинни окинула взглядом грандиозную олимпийскую спортивную арену, и на несколько мгновений радостное возбуждение пересилило ее тревогу и страх. Что бы ни случилось в ближайшие несколько дней, она все же вступила на священное поле своей спортивной мечты. Чего еще можно желать в жизни?!

Но страх перед будущим отодвинулся совсем ненадолго. Все, что происходило с ней за последние два дня, сильнее и сильнее смахивало на странное мрачное сновидение. Рано утром делегацию Западной Азии погрузили в автобусы

и повезли из Олимпийской деревни на Олимпийский стадион. По сторонам широкой улицы толпился народ, но Цинни, как ни смотрела, так и не увидела ни у кого флажков или воздушных шариков. Никто не приветствовал спортсменов, никто даже не улыбался. Более того, все эти многотысячные толпы стояли молча и мрачно рассматривали автобусы. У Цинни, как и вчера, начался нервный озноб. Она думала, что все это похоже на похороны.

У входа на Олимпийский стадион, конечно, места было предостаточно. Две плотные шеренги полицейских выстроились и замерли по стойке «смирно», встречая приближающиеся автобусы. Машины остановились у восточных ворот стадиона, спортсмены вышли из автобусов, и Клэр сразу приказал им построиться в четыре шеренги. Цинни, стоявшая в первом ряду фаланги, внимательно прислушивалась, но со стадиона не доносилось ни звука. Во всем гигантском сооружении царила тишина. Клэр извлек из машины широкий флаг Республики Западная Азия, подозвал Салиха и еще двоих самых известных спортсменов взять флаг за углы. Пока он оглядывался, выбирая четвертого, Райли, стоявшая в первом ряду, шагнула вперед и взяла у главы

делегации последний угол. Но Клэр покачал головой, забрал флаг у Райли и передал другой спортсменке — похоже, первой, попавшейся ему на глаза. Райли покраснела от публичного оскорбления, несколько секунд прожигала глазами руководителя, но в конце концов вернулась в строй. Четверо спортсменов развернули флаг, и пекинский ветерок пустил по нему частые волны. Клэр, стоявший рядом с флагом, провозгласил громким, официальным голосом:

— Дети Западной Азии! Подтянитесь! Держитесь бодрее! Сегодня мы представляем свою тяжело страдающую родину на главной спортивной арене двадцать девятых Олимпийских игр!

Следом за флагом спортсмены Республики Западной Азии колонной двинулись вперед и вскоре достигли широких ворот восточного входа на стадион. Потом они прошли по длинному туннелю. Цинни шла в первом ряду и хорошо видела, как приближался дальний портал туннеля. Ее сердце отчаянно колотилось — ей представлялось, что за теми воротами лежат другой мир и другое время, где ждут совсем иные жизнь и судьба.

Цинни старательно настраивалась на что-то неожиданное, и все же, когда перед нею раскрыл-

ся простор огромной арены, она оцепенела. Она застыла бы на месте, если бы ее не подтолкнули шедшие позади. В голове мутилось, и она нашла спасение в том, что продолжала, как и все двое последних суток, уверять себя, что это лишь дурной сон. И то, что она увидела сейчас, лишь укрепило ее в этом убеждении.

Стадион, на который они вышли, был совершенно пуст.

Было ровно девять утра, и солнце уже залило половину стадиона. Гигантская чаша, куда вступили спортсмены, была словно отрезана от мира, и из всех звуков там существовало только гулкое эхо шагов. Как только первое потрясение прошло, Цинни увидела какое-то движение по другую сторону арены. Это была еще одна группа спортсменов, которые, как и представители Западной Азии, вошли на стадион стройной колонной по четыре, перед которой несли государственный флаг; в ярком солнечном свете Цинни хорошо видела на нем звезды и полосы. Пройдя немного, американцы вдруг разразились ликующими криками, они шли твердым шагом, держа равнение в шеренгах, головы колыхались в четком ритме, как у римских легионеров, движущихся к полю боя.

Колонны прошли по сторонам от центральной линии, остановились и повернулись лицами друг к другу. Их разделяло несколько десятков метров. В этом промежутке, в центральном круге стояло небольшое возвышение с эмблемой президента МОК. Спортсмены разом притихли, будто время остановилось.

От боковой трибуны по специально уложенному поверх зеленого поля настилу направился один-единственный человек. Его мерные шаги эхом разносились в пустой чаше стадиона, как отсчет тревожного метронома. Это оказался не президент Международного олимпийского комитета, как можно было ожидать, а Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, пожилой, тощий, будто высушенный, бразилец. Он прошествовал к возвышению, остановился и так же неторопливо обвел взглядом две шеренги спортсменов. Постояв так с полминуты, он наконец заговорил. Благодаря мощной акустической системе, его голос звучал так, будто вещало само небо.

— В двадцать девятых Олимпийских играх будут участвовать только две команды — Соединенных Штатов Америки и Республики Западная Азия. Игры пройдут вместо войны между этими

двумя странами.

В случае победы Америки Западная Азия должна будет выполнить все требования ультиматума, разоружить армию и полностью демилитаризоваться. Республика будет разделена на три самостоятельных страны, а все члены ее нынешнего правительства предстанут перед международным судом за военные преступления.

В случае выигрыша Республики Западной Азии война прекратится. США и все их союзники отступят с позиций, занятых для запланированного наступления на Западную Азию. Организация Объединенных Наций отменит все экономические санкции против республики и вновь примет ее в международное сообщество.

Генеральный секретарь ООН повернулся к сборной Западной Азии.

— Вряд ли можно сомневаться в том, что сборная команда Западной Азии проиграет эти Олимпийские игры. Прошу вас учесть следующее: если начнется война, Республика Западной Азии наверняка потерпит поражение, но в этом случае обе воюющие стороны — и ваша страна в особенности! — будут платить кровью.

Возможно, вы решите, что эти Олимпийские игры затеяны лишь для того, чтобы замаскировать

принуждение Западной Азии к капитуляции. Но это не совсем так. Если ваша команда отстанет от американцев не более чем на одну золотую медаль, то, несмотря на общее поражение Республики Западной Азии, итоговый результат окажется уже другим — страна не будет разделена, сохранит вооруженные силы и нынешнее правительство продолжит свою работу. Западной Азии придется уничтожить свое химическое и биологическое оружие, но с нее будет востребована только треть контрибуций, заявленных в ультиматуме. Конечно, такое очень маловероятно, и все же любая золотая медаль западноазиатских спортсменов даст проигравшей стороне некоторые права и привилегии. Чтобы уговорить правительства обеих воюющих сторон на эти условия, которые скрупулезно зафиксированы в договоре, потребовались продолжительные и напряженные дипломатические усилия.

К тому же нельзя утверждать, что у Западной Азии нет никаких шансов на победу. Например, Алек Салих и Райли Уэнделл несомненные фавориты в стрельбе из лука и гимнастике.

Генеральный секретарь ООН перевел взгляд с команды Западной Азии на летнее небо над Пекином.

— Организация Объединенных Наций впервые осуществляет на практике инициативу «Окно к миру». Это выдающийся эксперимент из числа тех мер, которые в этом тысячелетии помогут человечеству научиться жить без войн!

Названием «Окно к миру» мы обязаны глубокоуважаемому Биллу Гейтсу[15]. Еще в самом начале века мистер Гейтс решил, что научные и производственные достижения «Microsoft» и богатство этой компании должны еще сильнее влиять на обстановку в мире. Исходя из этого, он организовал разработку чрезвычайно объемного и сложного программного обеспечения. В результате был создан виртуальный программный пакет для использования на суперкомпьютере, который позволил бы, опираясь на всеобъемлющую базу данных о военных стратегии, тактике, технологии и конкретном состоянии вооруженных сил, экономики и народонаселения стран мира, осуществлять компьютерную имитацию военных действий, которая заменила бы реальные вооруженные конфликты. Программу назвали «Окно к миру». Как известно, попытка

[15] Примечания: 15

«Windows» — окна — название самой популярной в мире компьютерной программной среды, разработанной фирмой «Microsoft», созданной Биллом Гейтсом.

оказалась неудачной. Во-первых, современные программные технологии все еще не достигают уровня сложности, необходимого для полного моделирования современной войны. Но вторая, более важная причина провала инициативы заключалась в том, что при нынешнем состоянии международных отношений трудно рассчитывать на предоставление достоверных исходных данных для моделирования, а уж на согласие конфликтующих сторон принять результаты расчетов — тем более. И все же, хотя надежды на дальнейшее развитие программы и широкомасштабные инвестиции в нее не оправдались, семена идеи, посеянные мистером Гейтсом, дали всходы и быстро проросли. Он положил начало принципиально новому взгляду на войны: вряд ли человечество сможет отказаться от войн в достаточно обозримом будущем, но, по крайней мере, мы могли бы перевести их в безопасную форму, не нацеленную против жизни. И вот, с одобрения международного сообщества, Организация Объединенных Наций запускает программу «Окно к миру» в новой форме. Для социологии, для международной политики — для всего человечества — это событие такого же масштаба, что и посадка «Аполлона» на Луну. За

последние пять лет ценный вклад в этот план внесли многие ученые в области политологии, социологии, права, этики, естественных наук, военного дела и многих других областей знания из практически всех стран.

Суть программы «Окно к миру» состоит в поисках заменителей войны. Эти заменители обязаны удовлетворять двум условиям: во-первых, они должны с достаточной точностью отражать совокупные сильные стороны страны, во-вторых — имитировать конфликт в соответствии с правилами, согласованными всеми участвующими странами, а также международным сообществом. Разработчики программы подумали об Олимпийских играх. Соревнования по отдельным видам спорта, например футбольные первенства, не имеют тесной связи с политической, экономической и военной мощью страны. Зато комплексные, многоплановые состязания Олимпийских игр могут более точно отражать преимущества и недостатки любого государства. Кроме того, поскольку Олимпийские игры являются одним из старейших соревнований в истории, для них уже существуют правила, согласованные всем человечеством. Олимпийские игры по сей день являются самым масштабным и почитаемым

всеми мероприятием. Это делает их идеальным инструментом для имитации боевых действий.

Ни великие философы Древней Греции, ни барон де Кубертен, возродивший в двадцатом веке Олимпийские игры, в самых смелых мечтах не могли представить себе, что созданные ими спортивные соревнования когда-нибудь обретут столь великое значение для человечества. Да и никто из вас прежде, когда вы были всего лишь спортсменами, наверняка не думал, что на ваши плечи ляжет столь тяжкий груз ответственности. Но ход истории привел вас сюда. И я прошу: не сдавайтесь! События ближайших дней войдут в число важнейших за всю историю человечества, а вы, как первопроходцы программы «Окно к миру», будете навеки вписаны в летопись нашей цивилизации.

Пока выступал Генеральный секретарь ООН, на беговой дорожке появились и направились к стоявшему посреди поля возвышению еще два человека. Президента МОК все спортсмены узнали сразу, а второй, к их удивлению, был одет в отглаженную военную форму, сверкавшую знаками различия. Он нес в руке пылающий факел, освещавший погоны с четырьмя звездами. Поднявшись на платформу, он негромко сказал

в микрофон:

— Я генерал Джордж Уэст из морской пехоты Соединенных Штатов. Я возглавляю Западное военное командование Соединенных Штатов. Через пять минут срок ультиматума истекает. Если бы Организация Объединенных Наций и Международный олимпийский комитет не начали проведение инициативы «Окно к миру», я через пять минут отдал бы приказ о нанесении первой волны воздушных ударов по Республике Западной Азии. Но сегодня обстоятельства изменились, и я вместо начала бомбардировок зажгу олимпийский огонь.

Генерал склонил непокрытую голову перед флагом с пятью кольцами, который за время его короткой речи успели поднять на флагштоке, повернулся и направился к длинной лестнице, ведущей к чаше олимпийского огня. Он шел уверенной походкой солдата, с идеально прямой спиной, держа факел строго вертикально. На верхних ступенях он уже казался стоявшим внизу спортсменам всего лишь черным пятнышком. Добравшись без остановки до верха, генерал Уэст высоко поднял факел, показав его всему миру, а потом четким уверенным движением поднес его к чаше. Олимпийский огонь вспыхнул.

Спортсмены услышали, как пламя взревело, устремляясь к небу. Не было ни фанфар, ни приветственных криков — ведь не было и зрителей, — и в мертвой тишине извечное пламя гудело, как ветер, овевающий небесный свод.

Олимпиада двух стран

После церемонии начались соревнования. В первый день наибольшее внимание привлек мужской баскетбол, где собранная в последнюю минуту команда Республики Западная Азия встретилась с американской «Командой мечты». На состязаниях, в отличие от церемонии открытия, трибуны были полны зрителей. Правда, большинство из них составляли журналисты, и не столько спортивные обозреватели, сколько военные корреспонденты, прибывшие вслед за спортсменами с западноазиатского фронта. В отличие от прошлых Олимпийских игр, здесь никто не аплодировал, не улюлюкал, вообще не шумел. Толпа не безумствовала; люди даже не разговаривали. Игра шла в тишине. Только мяч гулко колотился о настил, да взвизгивали то и дело подошвы кед. К перерыву никто уже не смотрел на табло. Баскетбольные кудесники американской «Команды мечты» легко, как вороны в

полете, перемещались по площадке. Они словно танцевали под изящную музыку, неслышную никому, кроме них самих. Их соперники воспринимались как нечто вроде мусора, разбросанного по площадке. Танцоры из «Команды мечты», казалось, даже не замечали их присутствия, а обтекали их, как вода. В перерыве пожилой тренер западноазиатской команды, размахивая узловатым кулаком отощавшей руки, говорил, преодолевая хриплый кашель:

— Ребятки, держитесь! — убеждал он уже практически сломленных духовно и физически игроков. — Нельзя выглядеть жалкими!

Но, несмотря на призывы тренера, они выглядели именно жалкими. После второй четверти у многих зрителей не хватило духу наблюдать за разгромом, и они стали покидать трибуны. А когда прозвучал сигнал к началу заключительного периода, несравненные чернокожие танцоры из «Команды мечты» покинули площадку, а игроки из Западной Азии застыли на месте, словно морской мусор, оставшийся на песке после отлива. Простояв довольно долго в неподвижности, центровой, казалось, осознал случившееся. Он упал на землю и зарыдал. Другой игрок вбежал в зону штрафного броска, сухими губами сплевывая

стоявшую во рту желчь.

В дальнейших соревнованиях спортсмены Республики Западной Азии, как и предсказал Генеральный секретарь ООН, неизменно проигрывали, но никто не ожидал, что все поражения окажутся настолько разгромными. Хотя объяснение этого было очень простым. Когда началась блокада Западной Азии, спортсмены страны еще довольно долго сохраняли физические кондиции, но, когда положение усугубилось, правительству стало не до них, и поддержка даже коммерческих спортивных клубов, которую нехотя, но оказывали, прекратилась. Клубы закрылись, и спортсмены на три, а кто и на четыре года остались безо всяких тренировок. Хуже того, они не знали ничего, кроме спорта, и не обладали никакими навыками, которые могли бы помочь им выживать в этих условиях, и поэтому вскоре оказались беднейшими из бедных в своей нищей стране. Они голодали, страдали от болезней и не имели даже самых примитивных условий для поддержания спортивной формы.

Так, в атмосфере общей подавленности, прошла половина Олимпиады. К тому времени зрители, невзирая даже на то, что большинство среди них составляли американцы, желали западно-

азиатам хоть какого-то успеха, а проще говоря, надеялись на чудо. Не то чтобы на это не оставалось надежды — еще не выступали Райли и Салих. И весь мир, затаив дыхание, ждал, когда подойдет их очередь.

Увы, когда наконец начались соревнования по гимнастике, Райли разочаровала весь мир. Ее техника по-прежнему оставалась блестящей, но силы и энергии уже не хватало. Она допустила много ошибок, даже дважды упала с бревна, которое всегда было ее самым сильным видом спорта. Она была совершенно не готова по-настоящему конкурировать с гибкими ангелами из сборной США. Сидя в зале, Цинни услышала разговор Райли с тренером перед началом заключительного вида.

— Ты все-таки решила исполнить перелет Камань Линь? — спросил тренер. — Ты ведь и раньше делала его не лучшим образом, да и вообще, брусья — не самая сильная из твоих специальностей.

— На этот раз исполню как следует, — холодно ответила Райли.

— Не валяй дурака! Кроме того, даже если ты выиграешь брусья, это не поможет преодолеть отставание.

— Но хотя бы сокращу отрыв от американок.

— И что с того? Послушай меня, просто сделай ту комбинацию элементов, которую я тебе составил. Просто доведи ее до конца, с выразительным финалом — и хватит. Зачем тебе бессмысленно рисковать здоровьем, а то и жизнью?

Райли опять холодно улыбнулась:

— А что, вы так уж тревожитесь о моей жизни? Лично мне, если откровенно, на нее плевать.

Выступление началось. Цинни обратила внимание на то, как Райли преобразилась, подойдя к разновысоким брусьям. До того ее что-то придерживало, словно невидимая цепь, но сейчас помеха исчезла. Она выступала не ради великой миссии, не ради победы, а для того, чтобы изжить душевную боль. Она летала между брусьями, и ее движения становились все отчаяннее. На тихих до этой минуты трибунах послышались вскрики. Те из зрителей, кто что-то понимал в гимнастике, встали с мест и в испуге смотрели на происходившее. Ангелочки из команды США, как одна, побледнели и явно успокаивали друг дружку: они-то хорошо понимали, что эта женщина из Западной Азии рискует жизнью ради победы. К тому времени, когда программа дошла до перелета, Райли совсем обезумела. Она взлете-

ла вверх, повернулась в воздухе на 180 градусов, потянулась в полете к нижнему брусу — и промахнулась. Ее голова воткнулась в лежащий на полу мат под углом сорок пять градусов. Цинни, сидевшая в первом ряду, явственно услышала, как хрустнули позвонки.

Клэр торопливо подошел к носилкам. В руках он держал флаг Западной Азии — тот самый флаг, который не позволил Райли взять на открытии Олимпиады. Сейчас он вложил уголок ей в руку. Райли вцепилась в него мертвой хваткой, вероятно, не понимая даже, что держит. Ее потускневшие глаза смотрели в небо, бледное лицо искажала гримаса невыносимой боли, изо рта сочилась кровь, падая каплями на пол и на флаг.

— Вот об этом мы не подумали, — сказал президент МОК репортерам. — Когда спортсмены превращаются в воинов, спорт может стать кровавым.

Вообще-то, надежды, которые возлагали на Райли, были порождены лишь отзвуками давней шумихи в СМИ. Ее вряд ли можно было отнести к числу великих спортсменок, и даже в лучшие свои времена она уступала тем американкам, с которыми пыталась соперничать сейчас. Салих — совсем иное дело! Он стал чемпионом мира

заслуженно, и, в отличие от других спортивных специальностей, искусство лучника не так уж сильно зависело от постоянных тренировок. А также он показывал блестящие результаты еще и в траншейной стендовой стрельбе из ружья и даже установил мировой рекорд по дубль-трапу[16] на Олимпийских играх 1996 года в Атланте и завоевал бронзовую медаль спорта на играх 2000 года в Сиднее. Правда, потом он уже не блистал в этом виде спорта, но в стрельбе из лука оставался все так же силен. Конечно, американские лучники всегда входили в число лучших в мире, но главный его соперник, Джеймс Графф, четыре года назад отстал от Салиха на чемпионате мира по стрельбе из лука, получив лишь бронзу. Итак, сегодня Республика Западная Азия всерьез наделась на золото. Это состязание должно было стать кульминацией не только завершающего дня, но и всей Олимпиады.

Салих шел к площадке для стрельбы из лука под овации товарищей по команде, выстроившихся по обеим сторонам его пути. В тот момент он был для них богом. Фотографы и телеоператоры

[16] Примечания: 16

Дубль-трап — одновременная стрельба по парным мишеням (дуплет), вылетающим из траншеи по угонным траекториям, почти параллельным друг другу.

демонстрировали его шествие всему миру.

Любой, кто только что включил бы телевизор впервые за последнюю неделю, неизбежно подумал бы, что Западная Азия уже выиграла Олимпийские игры. Далеко, на другом конце Азиатского континента, тридцать миллионов граждан Республики Западной Азии собрались перед своими телевизорами и радиоприемниками, уверенные, что этот герой наконец-то принесет им хоть какое-то утешение. Сам Салих оставался молчаливым и бесстрастным.

У входа на площадку к Салиху из толпы пробился Клэр.

— Ты, конечно, понимаешь, насколько важно твое выступление, — серьезно и даже торжественно сказал он. — Если тебе удастся выиграть хотя бы одно золото, это пойдет на благо народу Западной Азии.

Салих кивнул и ответил холодным тоном:

— Конечно, понимаю. Поэтому я буду выступать — но при одном условии. Мне нужно пять миллионов долларов США.

Слова Салиха, как ведро холодной воды, погасили энтузиазм окружающих. Все недоуменно уставились на него.

— Салих, ты с ума сошел?! — прошипел Клэр.

— Нет, я в совершенно здравом рассудке. Подумайте сами: в сравнении с пользой, которую я могу принести стране, мое требование весьма скромное. Мне всего лишь нужны деньги, чтобы уехать оттуда в конце концов и спокойно прожить те годы, что мне остались.

— Сначала выиграй золото! А потом страна подумает, как тебя наградить.

— Господин Клэр, неужели вы всерьез считаете, что я могу доверять государству, которое не сегодня завтра исчезнет? Нет уж. Я хочу получить деньги сейчас, а в ином случае отказываюсь выступать. Посудите сами: если я выиграю, то получу всемирную славу, это верно, но ведь если проиграю, тоже стану героем. Как же — сверг тиранию! Этот результат на Западе оценили бы даже дороже.

Салих и Клэр несколько секунд смотрели в глаза друг другу. Чиновник сдался первым.

— Ладно. Подожди немного.

Он протолкался через толпу, отошел немного в сторону, вынул из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Салих, ты предатель родины! — выкрикнул кто-то из команды Западной Азии.

— Мой отец погиб за Западную Азию в войне,

которую мы проиграли семнадцать лет назад. Мне было восемь! Государство от щедрот выделило матери помощь — аж тысячу двести долларов, даже не американских, а западноазиатских, и те сразу сожрала инфляция. Нам с матерью их хватило на две недели! — Салих сорвал с плеч флаг Западной Азии, который кто-то из команды накинул ему на плечи, когда он вышел из раздевалки. — Родина? Что такое родина? Если это кусок хлеба, то какой величины? Если это одежда, то хорошо ли она греет? Если это дом, то способен ли он защитить нас от ветра и дождя? Все, у кого были деньги, давным-давно покинули страну — сбежали от войны! Только такие нищие дураки, как мы, остались и умираем, пока правительство сочиняет свои патриотические сказки.

Тут и Клэр завершил телефонный разговор и, опять протолкнувшись через толпу, вернулся к Салиху.

— Я спросил. Салих, ты выполняешь свой долг гражданина Западной Азии, и правительство не считает возможным платить за это деньги.

— Ну что ж… — пожал плечами Салих и вложил флаг в руки Клэру.

— Я разговаривал с самим президентом. Он сказал, что если страну некому защищать, кро-

ме наемников, то ей и существовать дальше незачем.

Салих молча повернулся и пошел прочь. Взбудораженные репортеры плотным роем кинулись за ним.

Делегация Западной Азии сгрудилась вокруг Клэра, так и стоявшего с флагом в руках. Все молчали, будто исполняли какой-то священный обряд. Через некоторое время с площадки для стрельбы из лука донесся характерный стук. Джеймс Графф стрелял по мишени, одерживая самую легкую победу в истории Олимпийских игр. Эти звуки постепенно заставили спортсменов из Западной Азии вернуться к реальности. И все, словно сговорившись, взглянули на одного человека. И репортеры, только что сопровождавшие Салиха, тоже бегом вернулись назад и сфокусировали объективы фото и телекамер на том же человеке.

Цинни Видья предстояло участвовать в завершающем событии Олимпийских игр — женском марафоне.

Репортеры знали, что Цинни немая, так что никто не лез к ней с вопросами. Они просто переговаривались вполголоса, как будто обсуждали зверька, которого никогда раньше не видели. Ху-

денькая чернокожая девушка из Западной Азии смотрела испуганными распахнутыми глазами на всех этих равнодушных людей и поблескивающие линзы объективов, и дрожа всем телом, как лань, загнанная в тупик сворой гончих. К счастью, Клэр вытащил ее из этой толпы и усадил в машину, направлявшуюся на арену стадиона.

Через несколько минут они оказались в гигантской чаше, где вечером должна была состояться церемония закрытия Олимпийских игр. Сейчас здесь предстояло стартовать, а потом завершиться марафонскому забегу. Как только Цинни и глава делегации вышли из машины, их окружила новая толпа репортеров. Цинни совсем перепугалась и прижалась к Клэру. Тот с немалыми усилиями вывел ее из кольца беснующихся представителей СМИ и привел в раздевалку, надежно защищенную от шума и треволнений, от которых она чуть не падала с ног.

Клэр налил воду в стакан и подал Цинни, которая начала приходить в себя. Вытянув другую руку со сжатым кулаком, он раскрыл ее ладонью вверх. Цинни увидела белую таблетку, несколько секунд смотрела на нее, а потом подняла взгляд на Клэра и отрицательно покачала головой.

— Бери! — непререкаемым тоном велел Клэр

и добавил уже мягче: — Не бойся. Поверь, это пригодится.

Цинни еще постояла в задумчивости, но все же взяла таблетку и сунула в рот. Она оказалась кислой до горечи, и пришлось поскорее запить ее. Через несколько секунд дверь тихонько отворилась. Клэр резко обернулся, чтобы посмотреть, кто осмелился зайти в помещение, куда строго запрещено появляться любым посторонним, и настолько оторопел от изумления, что не сразу поверил собственным глазам.

Это был генерал Уэст, тот самый, который зажег олимпийский огонь на церемонии открытия. Командир полумиллионной армии, готовой нанести удар по Республике Западной Азии. Сейчас он был не в форме, а в черном гражданском костюме и держал в руках картонную коробку.

— Выйдите, пожалуйста, — потребовал Клэр, окинув генерала негодующим взглядом.

— Мне необходимо поговорить с Цинни.

— Она не может говорить и к тому же не понимает английского языка.

— В таком случае вы переведете мои слова. Благодарю, — генерал слегка поклонился Клэру. В его голосе звучала интонация, свойственная большим командирам, которая не позволяет

отказаться от их просьб, больше похожим на приказы, даже людям никоим образом не подчиненным ему.

— Повторяю, выйдите, пожалуйста! — повысил голос Клэр и повернулся к нему лицом, загородив собой Цинни.

Генерал ничего не ответил на это. Он сильной рукой легко отодвинул Клэра, опустился на колено перед Цинни, поставил коробку на пол и снял кроссовку с ее ноги.

— Что вы делаете? — воскликнул Клэр.

Генерал выпрямился и сунул кроссовку ему под нос.

— Тренер, — презрительно выговорил он. — Вы ведь купили это в пекинском спортивном магазине, да? А теперь подумайте, каково будет бежать марафон в новой обуви, да еще и не лучшего качества и не подогнанной по ноге! Она и полдистанции не пробежит, как собьет ноги до кровавых мозолей. — Он снова наклонился, снял с Цинни вторую кроссовку и небрежно швырнул обе в угол. Потом открыл коробку, достал оттуда пару снежно-белых беговых туфель и вручил их Цинни. — Возьми, детка, это лично от меня. Сделаны по твоей мерке в мастерской «Найк». Там делают лучшую в мире беговую обувь.

Тут Клэр вспомнил, как три дня назад два человека, представившись экспертами от фирмы «Найк» заходили к Цинни в ее комнату в Олимпийской деревне и обследовали ее ноги с помощью трехмерного сканера. Он с первого взгляда понял, что это и впрямь беговые туфли наивысшего класса; пара таких, сделанных по индивидуальной мерке, стоила бы в США никак не меньше десяти тысяч долларов.

Генерал снова встал на колени и принялся надевать туфли на ноги Цинни.

— Марафон — увлекательное состязание. Мне тоже нравится. Знаете, когда-то, еще молодым лейтенантом, я победил в легкоатлетическом чемпионате военно-морских сил. Правда, не в марафоне. Я выступал в триатлоне «железный человек» — плавание на две с половиной мили, сто двенадцать миль на велосипеде по шоссе и марафонский забег, — он закончил шнуровать туфли и улыбнулся Цинни, давая понять, что ей следует попробовать новую обувь. Та послушно сделала несколько шагов. Туфли оказались легкими, мягкими и чрезвычайно гибкими. Они сидели на ноге так, словно были частью тела.

Генерал поднялся и повернулся к выходу. Клэр проводил его до двери.

— Спасибо.

Генерал остановился, но не повернулся.

— По правде говоря, я с самого начала думал, что чуда следует ждать от Цинни, а не от Салиха.

— Я вас не понимаю, — ответил Клэр. — Да, Цинни лучшая в Западной Азии. Но в мировом рейтинге она не входит даже в двадцатку. Она не конкурентка для Эммы.

Генерал открыл дверь и, уже выходя, сказал:

— Меня пугает ее взгляд.

Марафон

СМИ уже назвали XXIX Олимпийские игры «безмолвной олимпиадой». Выйдя на арену, где не было ни души во время церемонии открытия, Цинни увидела, что сейчас она полна людей. Все сто тысяч мест были заполнены, но на стадионе стояла гробовая тишина. Нет молчания тяжелее, чем молчание стотысячной толпы. Цинни было очень тяжело в этой обстановке, а после эффектного появления Эммы она совсем упала духом.

Ни у кого в мире не оставалось сомнений в полном разгроме Республики Западной Азии в этом спортивном состязании, имитирующем войну. Выходка Салиха окончательно сломила спортсменов. Команда разделилась на группировки

— точно так же, как вскоре предстояло разделиться стране. Кое-кто из чиновников делегации, у кого имелись деньги и связи, уже скрылись в неизвестных направлениях, спортсмены, которым было совершенно некуда идти, закрылись в отведенных им комнатах Олимпийской деревни, готовые принять любой, даже наихудший оборот событий. Ни у кого из них не хватило решимости пойти смотреть заключительный вид программы или участвовать в церемонии закрытия. Рядом с Цинни к старту шел один только Клэр. Взглядам сотни тысяч пар глаз она предстала крошечной и одинокой, как заброшенный на колоссальную арену сухой листик, который может унести прочь любой порыв ветерка.

Совсем не так обстояло дело с ее соперницей Эммой Фрэнсис, которую восторженными криками провожала на старт вся делегация. Ее тренерская группа состояла из пяти человек, среди которых был всемирно известный специалист по спортивной медицине, а отдельная медицинская группа состояла из шести врачей и экспертов по питанию. Одеждой и обувью звезды занимались три специально назначенных человека. Эмма была почти богиней. Еще в 1980-х годах никто не сомневался в том, что она будет бить рекорды. Из

всех видов спорта женщины способны превзойти мужчин только в стрельбе из лука, шахматах и марафонском беге, результаты которых не зависят напрямую от физической силы. Давние предсказания блистательной будущности для Эммы сбылись три года назад на Чикагском международном марафоне, где она установила новый мировой рекорд. Тогда некоторые из спортивных комментаторов с кислыми минами совершенно серьезно утверждали, что женщины в этом виде спорта имели преимущество перед мужчинами, поскольку во время их забега встречный ветер был слабее, и, дескать, если бы Скотт, чемпион того года среди мужчин, бежал одновременно с женщинами, он наверняка обогнал бы Эмму. Этот миф, сочиненный для утешения мужского самолюбия, был развеян на Олимпийских играх 2004 года в Афинах, где мужчины и женщины соревновались вместе, — Эмма опередила Скотта более чем на пятьсот метров. Кроме того, она впервые в истории пробежала марафон быстрее двух часов[17], что сделало ее звездой века и при-

[17] Примечания: 17

Рассказ был написан до Олимпийских игр 2004 г. в Афинах. В действительности соревнования по марафонскому бегу среди мужчин и женщин, проходившие на той самой трассе, что и в первых Олимпийских играх современности, проводились раздельно. Результаты победителей — 2:10:55 (мужчины) и 2:26:20 (женщины).

несло почетное прозвище Легконогая лань.

Для Цинни эта молодая чернокожая женщина всегда значила едва ли не больше, чем солнце. Из своего жалкого имущества Цинни больше всего дорожила старым потрепанным альбомом, куда вложила более сотни фотографий Эммы, вырезанных из старых газет и журналов. Рядом со своими верхними нарами в лагере беженцев она прилепила к стене большую цветную фотографию Эммы из календаря. Цинни видела этот календарь на прилавке в конце года, но купить, конечно, не смогла — денег не было. К счастью, она заметила, как вожделенный календарь купил какой-то прохожий и пошла за ним. Он оказался хозяином магазина и повесил новый календарь рядом с кассой. Фотография Эммы находилась на странице за март. Цинни, преодолевая нетерпение, ждала три месяца и регулярно бегала в магазин. Если ей случалось улучить минутку, когда никого не было, она приподнимала страницы и любовалась портретом Эммы. В первый день апреля, когда хозяин оторвал и выбросил эту страницу, Цинни наконец-то завладела ею. Это был самый счастливый день ее жизни. Теперь, стоя на стартовой линии, Цинни украдкой разглядывала своего кумира, находившегося всего в

нескольких шагах от нее. В этот момент Цинни не видела ни арену, ни толпу — одну только Эмму. У Цинни появилось ощущение, будто ту окружает некая аура, и внутри ее Эмма дышала другим воздухом, купалась в другом, потустороннем солнечном свете. Ее тела не могла коснуться ни одна пылинка из обыденного мира.

К действительности ее вернул Клэр, легонько прикоснувшийся к плечу.

— Не бойся, — полушепотом сказал он. — Она вовсе не настолько уверена в себе, как кажется. Я внимательно следил за ней, и могу точно сказать: ей страшно.

Цинни посмотрела на него широко раскрывшимися глазами. Клэр понял значение этого взгляда.

— Да, она состязалась с сильнейшими бегунами-мужчинами и побеждала их, но что из того? Тогда для нее главным соперником было время, а сейчас будет такой забег, который она просто не имеет права проиграть. — Он искоса взглянул на Эмму и продолжил, еще сильнее понизив голос: — Она наверняка захочет повести забег. На старте возьмет максимальный темп и попытается оторваться от тебя на первых десяти-двенадцати километрах. А ты просто зацепись и держись за

ней. Пусть она устанет лидировать. Помни: первые двенадцать километров ты просто тянешься за ней. Так ты выиграешь у нее первую тактическую схватку!

Цинни испуганно замотала головой.

— Деточка, поверь, тебе это по силам. Таблетка поддержит тебя. Ее не обнаружит никакой допинг-контроль, но она даст тебе силу ядерного реактора. Неужели ты еще не чувствуешь ее? Ты уже смело можешь считать себя чемпионкой!

Именно в этот момент Цинни почувствовала единственное в своем роде возбуждение, разрядить которое можно было только в беге. Она снова посмотрела на Эмму, которая как раз закончила разминку. Такой интенсивности и профессионализма Цинни никогда еще не видела. Теперь они стояли плечом к плечу у стартовой линии. Эмма с гордо поднятой головой смотрела вперед и ни разу не взглянула на Цинни, будто той вообще не существовало.

Наконец-то громыхнул стартовый пистолет. Цинни и Эмма легкими ровными шагами сорвались с места и побежали по дорожке. При их приближении зрители на трибунах вставали, и девушек сопровождала людская волна, вздымавшаяся до края чаши. Это движение отдавалось

гулом, похожим на отдаленный гром. Других звуков не было: публика смотрела молча.

Раньше Цинни во время бега каждый раз погружалась в состояние некой умиротворенности, как будто бег позволял ей хоть ненадолго покинуть этот холодный, жестокий мир и перейти в собственное время и пространство, туда, где она могла бы быть счастлива. Но сегодня ее сердце было полно тревоги. Она всей душой желала, чтобы все закончилось как можно скорее и она вернулась бы в мир вне спорта. Ведь было же место, куда ей необходимо было попасть, была вещь, в которой она отчаянно нуждалась. Медицинский препарат под названием GMH-6.

Уже спустились сумерки. Она бежала по коридорам больницы, где остро пахло лекарствами, хотя, как она знала, их в больницах почти не осталось. Оставленные почти без присмотра пациенты лежали в коридорах вдоль стен. Она слышала их негромкие стоны, пробегая мимо, и они тут же стихали за спиной. Ее мать лежала в палате в самом конце коридора. Ни в коридоре, ни в палате не горел свет. На фоне грязных простыней кожа матери казалась устрашающе бледной. Эта бледность свидетельствовала о приближении смерти. Белую кожу покрывали

пятна выступающей крови, которую медсестре давно уже было лень вытирать. Вокруг кровати образовалось красное кольцо, вдоль контура тела по простыне расплылся красный ореол. Этой странной болезнью в последнее время заразилось много людей. По некоторым данным, ее причиной был обедненный уран, содержащийся в бомбах. Только что доктор сказал Цинни, что ее мать спасти невозможно. Даже если бы в больнице имелось нужное лекарство, оно продлило бы ее жизнь всего на несколько дней. Цинни яростно жестикулировала перед доктором, спрашивая, где сейчас можно его достать. Доктор, хоть и не без усилий, все же понял ее. Лекарство недавно привезли врачи из агентства ООН по оказанию гуманитарной помощи. Возможно, что-то еще осталось у них на базе на окраине города? Цинни достала из сумки лист бумаги и авторучку и протянула в обеих руках доктору. Ее большие глаза пылали тревогой и страхом за мать. Доктор вздохнул. Лекарство было новым, экспериментальным, только-только разработанным в Западной Европе; у него даже не было утвержденного названия, только код изобретателя, можно сказать, кличка. «Забудь о нем дитя, — почему-то все, хоть вслух, хоть про себя, обращались к

Цинни, как к маленькой, — эти лекарства не для бедняков вроде тебя и твоей матери. И вообще, какая разница, от чего умереть — от голода или от болезни? Ладно-ладно, уже пишу…»

Цинни выбежала из главного входа больницы. До чего же огромные здесь двери! Ах, над ними пылает олимпийский огонь, яркий, как Небесное пламя. Она вспомнила, что три дня назад прошла через эти двери, следуя за национальным флагом. Ну, и где же делегация ее родины? Сейчас ее вел вперед не флаг страны, а Эмма, та самая, что уже много лет служит светочем ее душе. Как и предполагал Клэр, покинув стадион, Эмма сразу же взвинтила темп и понеслась вперед легко, как черное перо, подхваченное неощутимым для Цинни ветром. Казалось, будто ее длинные стройные ноги не отталкиваются от земли, а лишь легонько касаются ее, а бегунья стремительно летит над землей. Цинни пришлось изрядно напрячься, чтобы не отстать от нее. Она должна зацепиться за соперницу и держаться.

Ее ноги — колеса, инструменты, которые спасут жизнь матери. Это что, большой бульвар столицы? И когда же он стал таким широким? По сторонам стоят красивые высокие здания, тянутся зеленые газоны и никаких воронок. На

тротуарах стоят толпы людей, и все они чистые, не искалеченные. С первого взгляда видно, что едят досыта. Она хотела остановить такси, но оказалось, что их нет на улицах. Кто-то говорил, что, когда бывают воздушные налеты, все машины спешат убраться с улиц. Похоже, единственной машиной был судейский автомобиль сопровождения, который ехал перед Эммой, указывая дорогу. Цинни то видела его, то он исчезал из виду. То и дело ей на глаза попадались нависавшие над дорогой телекамеры, нацеленные на нее. Где-то глубоко сидела мысль, что такси ей поймать не удастся, потому что… да, она давно уже пробежала подходящее место. Она уже добежала до миссии ООН, находившейся в маленьком белом домике, и дала врачам лист бумаги с написанным на нем названием препарата. «О, нет, — сказал один из врачей, кое-как объяснявшийся на западноазиатском, — это лекарство не из гуманитарного списка. Его, правда, можно купить, но тебе оно не по карману. И мне тоже». Так что, Эмма, ради чего ты бежишь? Если бы мне удалось достать то лекарство, мать… нужно просто бежать. Мы должны быстрее вернуться к матери. Чтобы она смогла еще раз увидеть меня, чтобы я смогла еще раз увидеть ее. Как только

Цинни подумала об этом, в сердце у нее снова пламенем вспыхнула тревога, она, сама того не заметив, прибавила шагу, подтянулась к Эмме и почти поравнялась с ней. «Нет, пусть она бежит первой и устает!» — вспомнила Цинни слова Клэра, притормозила и отстала на несколько шагов. Эмма почувствовала ее маневр и сразу же начала ускоряться. За спиной уже пять километров, но она так и не получила приличного отрыва от этой никчемной, жалкой девчонки из Западной Азии. Эмма почувствовала досаду. Легконогая лань была наделена яростью, без которой не бывает больших спортсменов, и сейчас эта ярость черным пламенем полыхала перед Цинни. Но и та прибавила скорость, сохраняя прежнее расстояние от Эммы. Ей необходимо было держаться, и хорошо бы, чтоб Эмма держала темп немного повыше. Она соскучилась по матери… Эй, что-то не так. Не туда! Эмма, куда ты бежишь?! Куда нас занесет этой дорогой, Эмма? Что это за здоровенная игла протыкает небо там, вдали? Телевизионная вышка? Телевизионную вышку в столице Западной Азии уже давным-давно сровняли с землей бомбами с самолетов, это она точно знала. Но это неважно, а важно держаться за Эммой, светочем ее души. Ведь она знает, что матери уже нет на

этом свете.

Грязная от пыли, прилипшей к потному телу, Цинни толкнула дверь палаты и увидела безжизненное тело своей матери, с головой накрытое простыней. Двое мужчин как раз хотели поднять его и унести, но Цинни встала перед ними, страшная, как дикий зверь, и преградила путь. Им пришлось уступить. Тот же врач, что написал ей название лекарства, сказал: «Ладно, девочка. Так и быть, посиди этот вечер здесь, с матерью. Все, что положено, сделаем завтра, а потом тебе придется уйти. Я знаю, тебе некуда, но это больница, дитя мое. Сейчас всем очень тяжело». Потом Цинни тихо сидела рядом с телом матери и глядела на капли крови, проступившие сквозь застиранную, когда-то белую материю. Через некоторое время в окно проник бледный, лишенный блеска свет луны, в котором пятна крови сделались черными. Чуть позже лунный свет переместился на стену. Кто-то вошел и включил свет, но Цинни не видела, кто это был. Она лишь почувствовала, что этот кто-то подошел и взял ее за руку. Твердые пальцы сжали ее запястье и на мгновение застыли неподвижно. Она услышала мужской голос:

— …Пятьдесят два удара в минуту, — незнако-

мец осторожно опустил ее руку и продолжил: — Незадолго до того, как начало темнеть, я был на крыше и увидел, как ты бежишь сюда. Мне сказали, что ты была на базе гуманитарной помощи. Автомобилей сегодня в городе не было, значит, ты бежала всю дорогу, да? И назад тоже добиралась бегом. В целом примерно двадцать километров. На все про все у тебя ушло приблизительно час десять минут, включая то время, которое ты провела в агентстве. А сейчас твой пульс всего пятьдесят два удара в минуту. Цинни, я давно заметил тебя, но сегодня ты снова продемонстрировала свой талант. Неужели ты не помнишь меня? Я Стурм Ока, тренер по легкой атлетике. Я несколько раз вел уроки физкультуры у тебя в классе. В этой четверти ты не ходила в школу. Наверно, из-за болезни матери, да? Чуть ли не в ту же минуту, когда скончалась твоя мать, у меня родился внук. Здесь, в этой же больнице. Да, Цинни, такова жизнь. Кто-то уходит, и кто-то приходит; вечное движение. Ты хочешь стать такой же, как твоя мать, — всю свою жизнь маяться в бедности лишь для того, чтобы покинуть землю в страданиях?

Последние слова поразила Цинни, и она наконец очнулась от своего транса и посмотрела на

Оку. Она сразу узнала этого опрятного, худощавого мужчину средних лет и медленно покачала головой.

— Очень хорошо, дитя мое. Твоя жизнь может сложиться иначе. Не исключено, что тебе доведется стоять на верхней ступеньке пьедестала почета Олимпийских игр, и весь мир будет восхищаться тобой. И в твою честь поднимут флаг нашей многострадальной родины. — Лицо Цинни оставалось бесстрастным, но она слушала внимательно. — Главное — готова ли ты переносить страдания и хватит ли у тебя упорства? — Цинни кивнула. — Я знаю, что ты терпишь страдания чуть ли не всю жизнь, но я говорю о страданиях иного рода. Дитя мое, тех страданий, которые я имею в виду, нормальные люди не могут вынести. Ты уверена, что тебе это по силам? — Цинни встала и кивнула еще увереннее. — Хорошо. Цинни, пошли со мной.

Эмма бежала с неизменной скоростью, ее движения были точными и размеренными, как программа в бесконечном цикле или действия машины, работающей на высоких оборотах. Цинни хотела бы тоже превратиться в машину, но у нее не получалось. Она стала думать о том, куда ей надо добежать, но не могла сообразить, и

ей стало страшно. А потом она наконец поняла. Она бежит следом за Легконогой ланью. Она сознавала, что таинственный наркотик действует, она чувствовала, как он разжигает огонь в крови, придавая ей безграничную энергию. Дорога повернула на 90 градусов, и она побежала по самой широкой дороге в мире — бульвару Чанъань. Вообще-то, ей следовало быть еще шире, потому что с двух сторон тянулась бесконечная, бескрайняя пустыня. Цинни много лет ежедневно совершала тренировочные пробежки не короче двадцати километров, и ей больше всего нравились дороги за городом. В слабом прозрачном свете рассвета бескрайние пустыни казались ей гладкими и нежными, темно-сине-зеленая дорога полосой туши уходила к горизонту. Мир казался чрезвычайно простым. В нем была только она. Казалось, что солнце, поднимающееся над дальним концом дороги, предназначалось только для нее. Тренировки были тяжелыми, но в те дни Цинни все еще жила счастливой жизнью. Любому, кто оказывался рядом, обязательно хотелось посмотреть на нее еще раз. И они, к своему удивлению, обнаруживали, что лицо этой немой девушки на самом деле выглядит вполне упитанным и румяным. По сравнению с другими девушками она,

конечно, не была красавицей, но чем-то задевала людские сердца. Сама Цинни удивлялась тому, что в их голодающей стране кто-то может есть досыта. Ока поселил Цинни в одном из пустующих учительских общежитий. Он лично следил за тем, чтобы она хорошо питалась, и каждый день передавал ей еду. Она получала вдоволь не только хлеб, картофель и другие основные продукты питания, что само по себе выходило за пределы ее мечтаний, но и такие питательные продукты, как сыр, говядину, баранину и яйца — их можно было купить только на черном рынке. Продавались они буквально на вес золота. Цинни не могла понять, откуда Оки берет столько денег. Его месячной зарплаты тренера вряд ли хватало, чтобы самому сытно питаться хотя бы неделю. Цинни много раз спрашивала его, но он всегда прикидывался, будто не понимает.

На другом конце континента находится Республика Западной Азии, которой со дня на день предстоит распасться на несколько частей. Правительство парализовано, поговаривают, что те чиновники, которых могут объявить военными преступниками, уже начинают разбегаться из страны. Ну а простые жители молча ждут, что же будет дальше. Те немногие, кто все еще

продолжал смотреть Олимпийские игры, заинтересовались женским марафонским забегом, стали рассказывать о нем, и постепенно народ начал возвращаться к телевизорам, у кого они были, или радиоприемникам.

Дорога была очень широкой — Цинни трудно было поверить, что такие бывают. Она, вообще-то, знала, что бежит по самой большой в мире площади. Слева возвышалась мощная стена в уникальном восточном стиле, за которой, как Цинни тоже знала, находится императорский дворец. По правую руку раскинулся сквер, посреди которого развевался национальный флаг, древний и юный, как и эта огромная страна. Цинни с малых лет думала, что здесь правят короли или императоры, но ей объяснили, что это республика, как и у них. И, больше того, народ здесь страдал сильнее и дольше, чем ее соплеменники. Цинни только-только успела подумать об этом, как на глаза попалась ярко-красная таблица. Показалась, мелькнула и осталась позади. На ней было написано «21 километр». Половина марафонской дистанции пройдена. Цинни все так же держалась в нескольких шагах за Эммой. И вдруг Эмма оглянулась; Цинни отметила про себя, что та впервые за весь забег прямо посмотрела на

соперницу. Она поймала ее взгляд — в нем не было ни высокомерия, ни презрения — только изумление. Еще Цинни успела заметить страх. И воскликнула про себя: «Эмма, светоч моей души, чего ты боишься? Я должна следовать за тобой!» Цинни должна убежать, хоть даже и не знает куда. Она должна сбежать от родственников господина Оки. От тех, которые явились вместе с ним в ее жилище. Жена мистера Оки с младенцем на руках. И трое братьев этого младенца. И еще несколько родственников, которых она не знала. Они указывали на нее пальцами и гневно допытывались у Оки, где он взял эту никчемную девчонку и зачем. Ока сказал, что это будущая звезда марафона. А они разъярились еще пуще и называли Оку мерзавцем и всякими другими нехорошими словами. Кому нужен этот марафон, когда люди ежедневно умирают от голода?! Да, всем давно известно, что у него в голове не все дома и он живет в мечтах, но как же он мог продать старинный Коран с золотыми буквицами? Это же была бесценная семейная реликвия! Вся семья давно голодает, но никому не пришло в голову продать это сокровище, и вдруг ты, ни у кого не спросясь, продал его и на эти деньги устроил царскую жизнь нищей немой побируш-

ке. А молока для родного внука не купил! Ты что, не слышал ни разу, как он плачет ночами? А немного позже кто-то пустил сплетню, что Ока был любовником Вьенны, матери Цинни, что Цинни родилась от этой связи и даже документы об этом есть. Сначала все сочли, что это глупость, потому что как раз за несколько лет до рождения Цинни и после того Вьенна жила в городе далеко на севере, и об этом-то документы сохранились. А Ока в это время служил в морской пехоте, участвовал в первой западноазиатской войне и даже был ранен. Но клевета не стихала, а, напротив, ширилась, и вскоре заговорили, что, дескать, Ока и не воевал вовсе, а все его документы о службе в армии и ранении поддельные и что на самом деле в годы первой войны он отсиживался на севере, с Вьенной.

К тридцатому километру Цинни держалась все на таком же расстоянии за Эммой. Состязание непрерывно транслировали по телевидению, и оно заинтересовало весь мир. В небе висели два вертолета с телекамерами. В Республике Западной Азии люди сгрудились перед телевизорами и вокруг радиоприемников и, затаив дыхание, следили за заключительным этапом олимпийской программы.

Как раз в этот момент, от нехватки кислорода, весь мир перед глазами Цинни съежился в туманный комок. Сердце у нее в груди билось с силой бомбовых ударов, разрыв за разрывом. От каждого вдоха грудную клетку пронзало болью. Вместо асфальта лежала пухлая неровная вата, на которую невозможно было твердо поставить ногу. Она поняла, что действие таблетки закончилось. В гуще черного тумана вырисовывалось множество золотых звездочек, сложившихся в образ. В образ олимпийского огня. «Мой огонь догорает, — думала Цинни. — Гаснет. Генерал Уэст зажег его, улыбнувшись по-отечески. Цинни, если ты не хочешь, чтобы он погас, ты сама должна загореться. Ты можешь загореться? Зажгите меня!» — крикнула Цинни. Генерал наклонился, вытянул перед собой руку с факелом. Цинни почувствовала, что вспыхнула — взревел огонь, повеяло раскаленным воздухом…

В тот вечер Цинни собрала свои скудные пожитки и пришла в комнату Оки в учительском общежитии. Из дома его выставили уже несколько дней назад. Цинни жестами объяснила, что уходит. Учитель, молила она, вернитесь домой. Купите внуку молока.

Ока покачал головой, которая за последние дни

стала совсем белой.

— Цинни, ты же знаешь, что это наше с тобой общее дело. Ну зачем тебе уходить? Может быть, ты решила, что у меня не было причин помогать тебе? Могла так решить? Могла. Ну так я тебе признаюсь: это не сплетни, а чистая правда. Я твой отец. И всего лишь хочу оправдаться за свое преступление. Искупить грех.

Цинни и до того не то чтобы совсем не верила слухам, но все же старалась воспринимать их скептически. Нет, она не кинулась со слезами в объятия вновь обретенному отцу. Слишком многим она была обязана матери и собственным усилиям. Так что слова тренера она восприняла с внешним спокойствием. И все равно это был счастливейший миг ее жизни. Она наконец-то обрела отца.

И тут Цинни услышала негромкий женский плач. Это плакала на бегу Эмма. По щекам ее текли слезы, она хныкала и бормотала что-то. Цинни очень плохо знала английский язык — она окончила всего шесть классов школы, да и те с перерывами, но все же разобрала те несколько слов, которые твердила себе под нос Эмма: «Боже… что мне делать?.. Скажи… Что делать?..» В первое мгновение Цинни чуть ли не пожалела

Эмму. Светоч моей души, беги дальше! Что я без тебя? Я не знаю предназначения. Ну а Эмма получила ответ из наушника, вложенного в правое ухо. Она обращалась не к Богу, а к своему тренеру по крохотной рации. «Не бойся. Мы видим, что Цинни выбивается из сил. Она уже на пределе, а у тебя хороший запас. Успокойся. Знаешь, Эмма, сбавь немного, пропусти ее вперед».

Когда Эмма замедлила бег, Цинни в первые секунды обрадовалась и, едва почувствовав, что соперница следует за ней по пятам, осознала: настал момент истины. У Цинни имелось три варианта дальнейших действий. Первый — тоже сбавить темп, дать Эмме поравняться с собой и продолжать бежать нога в ногу. Это пойдет на пользу Эмме, даст ей физический и психологический отдых. Второй — лидировать в прежнем темпе. Это тоже даст Эмме возможность восстановиться психологически, в чем она нуждается сейчас больше всего. В общем, первый и второй варианты позволят Эмме восстановить несравненный боевой дух, который сделал ее звездой первой величины в марафоне, а финишный спурт Цинни наверняка проиграет. Так что надежду на победу оставляет только третий вариант: прибавить скорость и оставить противницу позади.

Цинни настолько устала, что ей было страшно даже подумать о том, чтобы прибавить ходу, и все же она выбрала именно этот вариант. Она начала ускоряться. Даже для самых опытных бегунов на длинные дистанции продолжительное лидерство является тяжелым психологическим грузом. Именно поэтому в марафонских забегах, как правило, участники разбиваются на несколько групп, поддерживающих постоянную скорость. Если кто-то из такой группы предпринимает ускорение, но не может достаточно далеко выйти вперед, он оказывается всего лишь в роли ведущего и задает темп для кого-то из преследователей, который впоследствии вырвет победу. А ведь у Цинни вовсе не было соревновательного опыта — разворачивающаяся перед ней дорога не заканчивалась финишем, и соперником Цинни был лишь теплый летний ветер. Она была подобна пловцу, следующему в океане за лодочкой. Вдруг эта лодочка исчезает, и она остается одна среди бескрайних волн. Ей было необходимо немедленно найти какое-то предназначение или цель, куда можно было бы устремить душу. И она нашла ее. Она хотела добраться к отцу.

Ока отправил Цинни к безработному тренеру по кроссовому бегу, чтобы она хоть немного

потренировалась под непосредственным руководством. Через пять дней Цинни узнала, что ее отец умер. Она опрометью кинулась обратно, однако успела лишь получить урну с прахом Стурма Оки. Цинни видела в последнее время, что он слабел с каждым днем, но не могла предположить, что он сдавал кровь за деньги, чтобы оплатить ее тренировки. А вскоре после того, как Цинни по его настоянию пошла заниматься с другим тренером, он прямо на уроке в школе упал и больше не поднялся. Так же как и в день смерти матери, Цинни молча сидела в своей комнатушке, и тусклый лунный свет падал из окна на грубый сосуд с прахом ее отца. Но вскоре дверь шумно распахнулась, и в комнату вломилась толпа родственников Оки во главе с его женой. Все стали орать на Цинни, требуя, чтобы она призналась, что он оставил ей, и принялись переворачивать все, что попадалось на глаза. Следом за ними вбежал престарелый директор школы, пытавшийся убедить их не шуметь и не буйствовать. Тут кто-то обнаружил под подушкой новенькую футболку, купленную Окой для ученицы, и нащупал подшитый потайной карман. Его тут же грубо разорвали и обнаружили конверт, содержимое которого определенно предназнача-

лось Цинни. Ока, судя по всему, хорошо знал, что долго не протянет. Директор школы выхватил конверт и заявил, что если Цинни родная дочь учителя Оки, то письмо является ее наследством. Жена Оки снова разоралась, схватила урну с прахом и начала в бешенстве трясти. Внутри что-то брякало. «Обручальное кольцо!» — взвизгнула она, сдернула крышку и высыпала белый пепел на стол. Цинни с плачем кинулась вперед, но ее грубо отшвырнули. Она отлетела в угол и упала, а родственники Оки принялись рыться в кучке праха. Цинни вскочила, снова кинулась к столу, и ее снова оттолкнули. Тут кто-то нащупал кусочек металла, но тут же с руганью бросил его на пол, до крови разрезав ладонь. По измазанной пеплом коже хлынула кровь. Директор школы бережно поднял странную находку. Это оказался маленький кусочек металла в форме листа водяного каштана с острыми, как бритва, уголками. «Это осколок ручной гранаты» — сказал он. «Боже, неужели Ока и в самом деле воевал на юге?!» — воскликнул кто-то. Некоторое время все растерянно молчали, но потом до родственников покойного дошло, что это значит. «Цинни, Ока тебе не отец, и ты ему не дочь! У тебя нет никакого права на его наследство!»

Директор школы сказал: «Ну-ка, посмотрим, что господин Ока оставил нам», открыл конверт и вынул оттуда лист бумаги. Потом он добрых три минуты, под пристальными взглядами собравшихся, изучал его и в конце концов торжественно сказал: «О, богатое наследство». Тут вдова Оки вырвала у него бумагу, и он, уже не глядя на написанное, закончил: «Жаль только, что воспользоваться им не сможет никто, кроме Цинни». Родственники долго читали и перечитывали содержание бумаги. В конце концов вдова Оки взглянула на Цинни с неожиданным смущением и сунула ей листок. Там было всего лишь несколько слов, написанных явно из последних сил, авторучкой, которая несколько раз прорвала бумагу, человеком, который был ее учителем, ее тренером и хотел стать ей отцом, невзирая даже на то, что в действительности не был им.

Слава и мечты

Около трех километров Цинни бежала изо всех сил, но так и не смогла оторваться от Эммы. Избавившись от бремени лидерства, Эмма успокоилась и опять превратилась из усталой растерявшейся девчонки в несравненную звезду марафона. Легконогая лань разбудила свою

уснувшую было энергию и перешла в контрнаступление. Резко ускорившись, она обогнала Цинни, и вскоре разрыв между ними стал больше, чем в первой половине дистанции. Глядя на постепенно отдаляющийся контур Эммы, Цинни понимала, что все кончено. Появилась отметка тридцать пятого километра, осталось семь километров. Это расстояние казалось Цинни непреодолимым. У нее было ощущение, будто она увязла в густом сиропе и уже не бежит, а еле-еле идет. И едва она успела об этом подумать, как увидела в толпе кучку знакомых лиц из команды Западной Азии. Соплеменники все же пришли поболеть за нее. Она не могла расслышать их голосов, но по движениям губ угадала, что они скандировали:

— Цин-ни, дер-жись!

Цинни увидела Клэра. Он изо всех сил размахивал обеими руками. В одной он держал маленький аптечный пузырек. Именно из него он достал таблетку, которая дала Цинни столько сил. Это был всего лишь витамин С.

Теперь Цинни видела, что в толпах, тянущихся по обе стороны трассы, буквально все, целый лес рук, указывают куда-то налево от нее на огромный экран, установленный на стене дома. Цинни

пришлось поднять голову и взглянуть туда. Она узнала место, которое показывало телевидение, — Площадь героев в столице Западной Азии. Оттуда каждое утро начинались ее тренировки. Сейчас площадь кишела народом. Камера показала людей крупным планом, и она разглядела, что губы у всех движутся одинаково. Сотни тысяч ее земляков выкрикивали в унисон:

Цин-ни, дер-жись!

И тут на Цинни обрушился хор голосов зрителей, растянувшихся по обеим сторонам трассы забега. Бесчисленное множество китайцев за считаные минуты выучили два коротких слова. Молчание, которому была подчинена Олимпиада, наконец-то оказалось сломлено, и все дружно скандировали:

— Цин-ни, дер-жись!

Черный туман опять заволок глаза Цинни. Из него выступил генерал Уэст. Факел, который он держал в руке, уже не горел.

— Цинни, — сказал он, — твое пламя погасло, потому что отдала ему всю себя. Ты выгорела дотла.

Впереди появилось и приблизилось несколько красных огоньков. Ока высоко поднял горящий факел.

— Нет, деточка. У тебя еще есть чему гореть. Вспомни о том наследстве, которое я тебе оставил!

Уэст усмехнулся и покачал головой:

— Хватит гореть, Цинни. Ты же не Жанна д'Арк. Все потеряно, ты сожгла себя. Тебе не победить.

Ока взмахнул факелом; пламя победно загудело.

— Нет, дитя мое. Благодаря тебе разделенная родина сможет воссоединиться. Твой огонь не должен погаснуть!

Цинни миновала Оку, мысленно воскликнув: «Огня!» Ока с факелом в руке подался вперед, огонь взревел: «вву-у-ух!» — и в нем с хрустальной чистотой засияли слава и мечты.

Эмму, пересекшую финишную линию, все сто тысяч зрителей на стадионе встретили молчанием. Одновременно пекинское небо заволокли тучи, засверкали молнии, оглушительно загремел близкий гром. Молнии дважды подряд ударили в громоотвод, поднимавшийся над чашей, где горел огонь, разбросав ужасающие пламенные шары. Через десять минут на стадион, тяжело вступая, вбежала Цинни. Она пересекла финишную черту и упала. Сто тысяч человек поднялись на ноги; весь мир смотрел через телекамеры на хрупкое тело, распростертое на беговой дорожке. Мерт-

вую тишину нарушал лишь гул мечущегося под хлесткими порывами бури олимпийского пламени. Служители, которые принесли олимпийский флаг с пятью кольцами и флаг Республики Западной Азии, чтобы накрыть безжизненное тело Цинни, с изумлением увидели, что она умерла, улыбаясь.

Она все же воплотила в жизнь свои мечты и обрела славу.

Страна, решившая держаться

— Эта великая Олимпиада знаменует собой начало новой эры. «Окно в мир» поможет человечеству наконец-то отрешиться от варварства и стать по-настоящему цивилизованным. Этические стандарты человечества будут соответствовать его технологическому развитию. Мы долго, очень долго ждали этого дня, но все же он наступил! Отныне спортивные достижения страны будут считаться важнейшим показателем развития нации, а спортивные соревнования наивысшего уровня будут возведены в качество универсальной основы и примера для спортивного совершенствования всех людей мира. Поэтому все страны могут перевести те колоссальные деньги, которые тратят на подготовку и ведение

войн, на улучшение здоровья своих народов, что приведет к оздоровлению социальных отношений внутри и вовне наших цивилизаций и к новой эре международных отношений. До идеального общества, которое объединит человечество, еще далеко, но сегодняшний день сияет зарей этого славного будущего!

Эту речь президент МОК произнес на борту авиалайнера, направляющегося в Республику Западная Азия. Комитет в почти полном составе отправился праздновать первый успех программы «Окно к миру». Вместе с ними летела возвращающаяся из Пекина сборная команда Западной Азии и несколько представителей команды США. Американцы получили не только олимпийское золото, но и Медали свободы[18] от своего президента, и сейчас с наслаждением купались в лучах собственной славы.

Президент МОК продолжил, обращаясь к американцам:

— Вы теперь самые знаменитые герои военных действий, каких только знала история. Не

[18] Примечания: 18

Президентская медаль свободы — высшая награда США для гражданских лиц, которой награждаются за существенный вклад в обеспечение национальной безопасности страны или за достижения в общественной и культурной жизни.

сомневаюсь в том, что народ Западной Азии, страдания которого наконец-то прекратятся, встретит вас как освободителей! — Он повернулся к спортсменам из Западной Азии. — А вы вовсе не проиграли, потому что на этой Олимпиаде не было побежденных. Вы все победили варварство человекоубийственной войны, своими спортивными подвигами вы завоевали мир для мира.

Недавние соперники пожимали руки и объяснялись во взаимном уважении — сначала сквозь зубы, но вскоре начали искренне обниматься. Многие растроганно прослезились.

Тогда-то в салон вышел командир корабля и объявил с мрачным видом:

— Уважаемые пассажиры! Западная Азия объявлена бесполетной зоной. Поэтому мы должны либо приземлиться в одной из соседних стран, либо вернуться в Пекин. Прошу вас решать поскорее.

Все недоуменно уставились на него, не зная, что сказать.

— Только что началось полномасштабное военное наступление на Республику Западной Азии. Бомбардировочная авиация поднялась в воздух.

Все долго молчали, и лишь потом до них начало доходить.

— Вы обманули нас!!! — закричали западноазиатские спортсмены, с ненавистью тыча пальцами в американцев. Клэр поспешно встал и поднял руки.

— Успокойтесь! Я думаю, что они здесь ни при чем. Всех обманули наши с вами земляки.

— Да, — поддержал его командир самолета. — В новостях говорят, что войска, намеревавшиеся войти в город для поддержания порядка, согласно договору программы «Окна в мир», столкнулись с яростным сопротивлением.

— Но… но ведь армия Западной Азии распущена, — пробормотал президент МОК. — Они сдали все тяжелое вооружение!

— Зато все стрелковое оружие досталось населению. И если бы сейчас с домов вдруг ветром снесло крыши, стало бы видно, что в каждом окне сидит по стрелку.

— Да что же это такое?! — По щекам президента МОК текли слезы. Он схватил Клэра за грудки и отчаянно кричал: — Ваша столица сгорит в огне! По улицам польются реки крови ваших соплеменников! Матери лишатся детей, дети — отцов. Те, кому удастся выжить, будут искать хоть что-то съедобное по помойкам… А в результате вы все равно будете разгромлены. Другого результата

просто не может быть!

— Значит — судьба. — Клэр криво улыбнулся президенту МОК и повернулся к спортсменам. — Именно это я предсказывал с самого начала. «Окна к миру» — всего лишь нежизнеспособная идеалистическая фантазия. Спортивные состязания не могут заменить собой войну. Точно так же, как вино не может заменить кровь. — Он подошел к иллюминатору и посмотрел наружу. — Что касается Республики Западной Азии, она точно такая же, как наша Цинни. Она хочет держаться до конца.

* * *

Когда Алек Салих смог наконец добраться на родину, война бушевала уже неделю с лишним.

После завершения церемонии закрытия Олимпиады, проходившей под грохот страшной грозы, Салих не сразу ушел под трибуну, а долго еще стоял и смотрел на то место, где упала Цинни. В конце концов он чуть слышно пробормотал: «Лучше я вернусь домой».

Война за столицу входила в заключительную стадию. Город был разрушен более чем наполовину. Основные боевые действия вроде бы закончились, но воевать все еще продолжали

и здесь, и в провинции. Оттуда в город потоком шли подкрепления, состоявшие из самых разных людей. На некоторых была потрепанная армейская форма, но большинство были обычными гражданскими, раздобывшими себе оружие. Салих попросил у офицера автомат. Тот узнал его и сказал с улыбкой:

— Ого! Знаешь, вряд ли у нас хватит денег нанять спасителя.

— Какой там спаситель. Простой солдат, — ответил Салих, тоже улыбнувшись, взял оружие и присоединился к нестройному хору, распевавшему гимн страны. А потом вышел в освещенный пляшущим пламенем пожаров город, где земля содрогалась в конвульсиях войны.

Бремя воспоминаний

[illegible], 2010 г.,
первая публикация в авторском сборнике Лю Цысиня «Море снов», 2015 г.

М а т ь: Деточка, ты слышишь меня?

П л о д: Где я?

М а т ь: О, прекрасно! Ты *можешь* меня слышать. Я твоя мать.

П л о д: Мама! Я что, действительно у тебя в животе? Я плаваю в воде…

М а т ь: Это называется ами… ани… амниотическая жидкость. Трудное слово, согласна. Я сама выучила его только сегодня.

П л о д: Что это за звук? Как будто гром все время гремит где-то вдали.

М а т ь: Это бьется мое сердце. Ведь ты же находишься во мне, помнишь?

П л о д: Мне здесь нравится. Я хочу остаться здесь навсегда.

М а т ь: Ха! Не получится. Тебе придется родиться.

П л о д: Нет! Я боюсь того, что там.

М а т ь: Ох… давай поговорим об этом позже.

П л о д: Мама, что это за веревка, приделанная к моему животу?

М а т ь: Это пуповина. Без нее нельзя жить, пока находишься внутри матери.

П л о д: Хм-м-м-м… Мама, а разве ты была когда-нибудь там же, где я сейчас нахожусь?

М а т ь: Была! До того как родилась, я тоже находилась внутри своей матери. Только я не помню, как там было, и ты тоже не будешь помнить. Деточка, у тебя там темно, внутри мамы? Ты что-нибудь видишь?

П л о д: Снаружи пробивается слабый свет. Красновато-оранжевое сияние такого же цвета, каким бывает небо в деревне Ситао, когда солнце садится за гору.

М а т ь: Ты помнишь Ситао? Да ведь я там родилась! В таком случае ты, наверно, помнишь, как выглядит твоя мама?

П л о д: Да, я помню, как ты выглядишь. Я даже знаю, как ты выглядела в детстве. Мама, ты помнишь, как впервые в жизни увидела себя?

М а т ь: О, этого я не помню. Наверно, в зеркале… У твоего деда было старое зеркало, разбитое на три части, которые он сложил вместе…

П л о д: А вот и нет, мама, нет. Ты впервые увидела свое отражение в воде.

М а т ь: Ха-ха-ха… Вот не подумала бы. Ситао находится в Ганьсю, а это в пустыне Гоби. Нам всегда не хватало воды, а в воздухе постоянно висела пыль, которую поднимал ветер.

П л о д: Совершенно верно. Мои дедушка или бабушка каждый день ходили за водой по нескольку километров. Однажды, когда тебе только-только исполнилось пять лет, ты пошла с бабушкой к колодцу. Когда вы возвращались назад, солнце стояло в зените и жара была невыносимой. Ты страдала от жажды, но не решалась спросить у бабушки разрешения напиться из ведра, потому что боялась, что она станет бранить тебя за то, что ты не догадалась напиться у колодца. Но у колодца толпилось так много народу, что маленькая девочка просто не смогла бы пробиться к воде. Год был засушливый, многие колодцы пересохли. В этом колодце воды было много, но туда ходили жители трех ближних деревень… В общем, когда бабушка на обратном пути остановилась отдохнуть, ты наклонилась над ведром, чтобы вдохнуть хотя бы запах прохладной воды, ощутить обожженной кожей лица ее влажное испарение…

М а т ь: Да, деточка, теперь вспомнила!

П л о д: …и ты увидела свое отражение в воде:

лицо, покрытое коркой пыли, испещренной полосками от пота, похожими на промоины, которые остаются в лессовой почве после дождя… Вот это первое воспоминание о том, как ты увидела себя.

М а т ь: Но как же получается, что ты помнишь мое прошлое лучше, чем я сама?

П л о д: Ты все помнишь, мама, только не можешь вызвать эти воспоминания. Но в моем сознании все твои воспоминания ясные и четкие; четкие настолько, будто все случилось только вчера.

М а т ь: Я даже не знаю, что сказать…

П л о д: Мама, я чувствую, что рядом с тобой кто-то находится.

М а т ь: О да, Это доктор Ин. Она изобрела ту самую машину, с помощью которой мы можем разговаривать с тобой, хотя ты сам еще не способен разговаривать, так как плаваешь в амниотической жидкости.

П л о д: Я знаю ее! Она немного старше тебя. На лице у нее очки, и ходит она в длинном белом халате.

М а т ь: Доктор Ин — выдающийся, мудрейший человек. Ученая!

Д о к т о р И н: Привет!

П л о д: Привет… Э-э-э… Как я понимаю, вы изучаете мозг?

Д о к т о р И н: Совершенно верно. Я нейрофизиолог — мы стараемся разобраться в том, как мозг образует мысли и формирует воспоминания. В человеческом мозге больше нейронов, чем звезд в Млечном Пути, благодаря этому он способен хранить колоссальные объемы информации. Но, судя по всему, возможности мозга используются лишь на незначительную часть. Я изучаю как раз те части мозга, которые вроде бы ничего не делают. Мы выяснили, что в областях, которые долго считали пустыми, содержится очень много информации, но лишь совсем недавно установили, что это информация, переходящая от наших предков. Дитя, ты понимаешь, что я говорю?

П л о д: Кое-что понимаю. Я знаю, что вы много раз объясняли это маме. То, что поняла она, понимаю и я.

Д о к т о р И н: Вообще-то, наследственная память — очень распространенное явление у самых разных живых существ. Взять хотя бы поведенческие модели, которые принято называть инстинктами: например, умение паука плести сети или пчел — строить соты. Это же унаследованная память в самом чистом проявлении.

Обнаруженная недавно наследственная память людей устроена еще сложнее, чем у прочих видов. Информации настолько много, что она не в состоянии поместиться в генетическом коде и поэтому фиксируется в ДНК на атомном уровне, через их квантовые состояния. Наши исследования непосредственно связаны с квантовой биологией…

М а т ь: Доктор Ин, это слишком сложно для моего малыша.

Д о к т о р И н: Прошу прощения. Я лишь хотела объяснить твоему младенцу, что ему очень повезло по сравнению с другими детьми! Хотя все люди обладают наследственной памятью, она неизменно лежит невостребованной в тайных закоулках мозга. Никто раньше просто не знал о ее существовании.

М а т ь: Доктор, вы, наверное, забыли, что я окончила только начальную школу. Вы бы попроще объясняли…

П л о д: После окончания школы ты несколько лет работала в полях, а потом уехала из дома искать другую работу.

М а т ь: Да, деточка, так все и было. У меня уже не было сил оставаться в Ситао; даже вода там сделалась для меня горькой. Я хотела другой жизни.

П л о д: Ты побывала в нескольких городах и занималась там всякой работой, которую обычно делают приезжие из деревни: мыла посуду в ресторанах, ухаживала за детьми в чьих-то семьях, делала картонные коробки на бумажной фабрике, была кухаркой у строителей. Иногда, когда дела шли совсем плохо, ты рылась в мусоре, искала что-нибудь такое, что можно было бы продать…

М а т ь: Ах ты, мой милый! Рассказывай дальше. И что же случилось потом?

П л о д: Ты ведь уже знаешь все, о чем я говорю!

М а т ь: Все равно рассказывай. Маме очень нравится слушать тебя.

П л о д: Так ты мыкалась до тех пор, пока в прошлом году тебя не взяли уборщицей в лабораторию доктора Ин.

М а т ь: Доктор Ин с самого начала очень тепло относилась ко мне. Если она приходила раньше обычного, когда я еще мыла полы в коридоре, то обычно останавливалась, говорила со мной, расспрашивала о жизни. А однажды позвала меня к себе в кабинет.

П л о д: Она спросила тебя: «Где ты хотела бы появиться на свет, если бы тебе выпал случай

родиться заново?»

М а т ь: Я ответила: «Здесь, конечно. Я хотела бы родиться в большом городе и жить нормальной горожанкой.

П л о д: Доктор Ин некоторое время с улыбкой рассматривала тебя, а ты не могла понять, чему она улыбается. Потом она сказала: «Я могла бы исполнить твою мечту, если у тебя хватит смелости».

М а т ь: Я сначала решила, что она шутит, но она объяснила мне все эти штуки с наследственной памятью.

Д о к т о р И н: Я объяснила твоей матери, что мы разработали методику перестройки генов в оплодотворенной яйцеклетке, в результате чего активизируется спящая наследственная память. Если наши расчеты оправдаются, то следующее поколение сможет достичь куда большего, чем предшественники, поскольку сможет опираться на их опыт.

М а т ь: Я тогда совершенно остолбенела и спросила доктора Ин: «Вы хотите, чтобы я родила такого ребенка?»

Д о к т о р И н: Я покачала головой и ответила твоей матери: «Нет, ты не родишь ребенка, ты родишь…»

П л о д: …Самое себя. Так вы сказали.

М а т ь: Я долго-долго размышляла над этими словами и в конце концов поняла: если другой мозг хранит те же самые воспоминания, что и твой, то получается копия твоей личности, верно? Но я не могла представить себе такого младенца.

Д о к т о р И н: Я объяснила ей, что это будет не младенец, а взрослый в теле младенца. Такие дети будут уметь говорить, как только появятся на свет, и даже более того — как мы сейчас видим, даже до появления на свет. Они смогут ходить, достигать других этапов своего развития гораздо раньше, чем обычные дети. Благодаря опыту и знаниям взрослых людей они опередят своих сверстников в развитии лет на двадцать с лишним. Конечно, мы не можем с уверенностью пообещать, что они будут обладать особенными дарованиями, но их потомки определенно будут, потому что наследственной памяти предстоит накапливаться из поколения в поколение. И через несколько поколений она станет основой для настоящих чудес! Человеческая цивилизация совершит качественный скачок, а тебя, как первую из матерей, участвующих в этом эпохальном мероприятии, впишут в историю золотыми буквами.

М а т ь: Вот так, сынок, ты и появился у меня.

П л о д: Но мы не знаем, кто мой отец.

Д о к т о р И н: По техническим причинам нам пришлось прибегнуть к экстракорпоральному оплодотворению. Донор спермы категорически требовал не раскрывать его личность, и твоя мать согласилась на это. На самом деле, малыш, совсем не важно, кто он. Вклад отца в твою жизнь можно считать не таким существенным, как у отцов других детей, потому что воспоминания ты унаследовал от матери. Существует способ пробудить воспоминания обоих родителей, но в твоем случае решили ограничиться матерью. Мы просто не представляем себе, что будет, если в одном мозгу пробудить воспоминания сразу двух людей.

М а т ь (*с тяжелым вздохом*): Вы пока не знаете, что будет, если пробудить одни только мои воспоминания.

Д о к т о р И н (*после продолжительной паузы*): Ты права. Не знаем.

М а т ь: Доктор Ин, позвольте спросить. Я все никак не могла решиться… Вы ведь тоже молоды, и детей у вас нет… Почему вы не сделали для самой себя такого младенца?

П л о д: Тетя Ин, мама думает, что вы большая

эгоистка.

М а т ь: Не говори так, деточка.

Д о к т о р И н: Нет-нет, твой ребенок прав, и вопрос ты задала верный. Я действительно эгоистка. В начале исследования я думала о том, чтобы завести собственного ребенка с пробужденной наследственной памятью, но что-то меня остановило. Нас смущало то, что эта память существует только в недоступном виде. Какой смысл фиксировать эти воспоминания, если их невозможно использовать? Дополнительные исследования показали: это нечто вроде аппендикса, рудимент, сохранившийся в ходе эволюции. Дальним предкам современных людей наследственная память определенно была доступна, но к нашей эпохе она ушла в тайники мозга. Мы не в состоянии объяснить, почему эволюция решила отказаться от столь выгодного для вида свойства. Возможно, так получилось потому, что в наследственной памяти есть что-то опасное.

М а т ь: Не подумайте, доктор Ин, у меня и в мыслях нет осуждать вас за осторожность, ведь я добровольно участвую в этом эксперименте. Я хочу родиться во второй раз.

Д о к т о р И н: Но этого не случится. Теперь мы знаем, что ты беременна не собой, а ребенком

— ребенком с твоими воспоминаниями.

П л о д: Я согласен. Мама, я не ты, но я чувствую, что все мои воспоминания пришли из твоего мозга. Я по-настоящему помню только воду вокруг меня, стук твоего сердца и слабый красновато-оранжевый свет, пробивающийся снаружи.

Д о к т о р И н: Мы допустили серьезную ошибку, решив, что продублировав память, продублируем и человека. Личность складывается помимо памяти из множества элементов, которые невозможно повторить. Личностные воспоминания — все равно что книга, которую разные читатели воспринимают по-разному. Просто страшно представить себе, как не родившийся еще ребенок воспримет такую мрачную, тяжелую книгу.

М а т ь: О, это верно! Мне нравится этот город, но город, каким он предстает в моих воспоминаниях, может напугать моего малютку.

П л о д: Город действительно страшный! И все там, снаружи, страшное. Мама, я не хочу рождаться!

М а т ь: Ну, что такое ты говоришь? Конечно ты родишься.

П л о д: Нет, мама! Помнишь то зимнее утро в Ситао, когда бабушка и дедушка долго бранили тебя?

М а т ь: Конечно помню. Родители разбудили меня до восхода солнца, чтобы я пошла помогать им чистить овечий загон. А мне так не хотелось вставать! Было еще темно, и ветер резал кожу, как ножом. Еще и снег срывался с неба. А я лежала в кровати, закутавшись в одеяло, и мне было так тепло… Мне всегда хотелось поспать подольше.

П л о д: Не просто подольше. Ты хотела вечно спать, завернувшись в теплое одеяло.

М а т ь (*немного помолчав*). Да, ты прав…

П л о д: Я не выйду отсюда! Никогда!

Д о к т о р И н: Уверяю тебя, дитя, окружающий мир отнюдь не вечная ночь, где бушуют зимние бури. Обязательно — и часто! — выпадают дни, когда светит яркое солнце и дует приятный теплый ветерок. Да, жизнь нелегка, но в ней все же много радости и счастья.

М а т ь: Доктор Ин права! Твоя мама помнит много счастливых моментов. Например, день, когда я покинула дом. Я вышла из Ситао… Только-только встало солнце, прохладный ветерок обвевал мое лицо, птицы распевали на все голоса. Я чувствовала себя птицей, вырвавшейся из клетки… А когда я в городе получила первую зарплату! Я пошла в супермаркет и раскрывшиеся безграничные возможности наполняли меня

блаженством. Ты, конечно, чувствуешь мою радость, деточка?

П л о д: Мама, я отчетливо помню оба эти случая, и они просто жуткие! Покинув деревню, ты прошла пешком по трудной тропе тридцать километров через горы до шоссе, чтобы сесть на автобус в ближайший город. В кармане у тебя было всего шестнадцать юаней, и ты даже не представляла себе, как жить, когда эти деньги кончатся. Ведь было совершенно неизвестно, как тебя встретит тот далекий мир! А тот супермаркет? Посетители метались в нем, как муравьи в муравейнике, и теснили друг друга. Столько незнакомых людей, так страшно…

Д о к т о р И н (*после продолжительной паузы*): Теперь я понимаю, почему эволюция отменила включение наследственной памяти у людей. С тех пор как в нашем сознании развилось такое свойство, как эмоциональная чувствительность, неосведомленность о мире в момент рождения играет роль мягкой упаковки, защищающей нас от суровой действительности мира. Мы же сорвали с твоего младенца эту оболочку, и он оказался преждевременно открыт недоброжелательству стихий.

П л о д: Тетя Ин, что это за веревка, приделанная

к моему животу?

Д о к т о р И н: Ты ведь уже задавал матери этот вопрос. Это твоя пуповина. До самого рождения ты получаешь через нее кислород и питательные вещества. Она обеспечивает твою жизнь.

Весеннее утро через два года

Доктор Ин и молодая мать стояли рядом посреди кладбища; мать держала на руках младенца.

— Доктор Ин, вам уже удалось отыскать хоть что-нибудь из того, что вы исследуете?

— Ты имеешь в виду что-то из того, что помимо воспоминаний составляет сущность человека? — Доктор Ин медленно покачала головой. — Конечно нет. И очень сомневаюсь, что наука вообще способна это найти.

Только-только поднявшееся над горизонтом солнце проложило на земле длинные тени от надгробных памятников. Оборвавшиеся давно или недавно бесчисленные жизни снова озарились мягким оранжевым светом.

— «Где зарождение любви? В мозгу ли, в сердце ли, в крови?»[19] — пробормотала доктор Ин.

— Что вы сказали? — Мать растерянно взгля-

---

[19] Примечания: 19

У. Шекспир. Венецианский купец. Пер. О. Сороки.

нула на нее.

— Это Шекспир когда-то написал, — доктор Ин протянула руки, и мать передала ей младенца.

Это был не тот ребенок, у которого пробудили наследственную память. Молодая мать вышла замуж за одного из ученых лаборатории, и это было их дитя.

Плод же, унаследовавший воспоминания матери, через несколько часов после того разговора разорвал свою пуповину. Ко времени, когда дежурный акушер понял, что случилось, нерожденный младенец был бесповоротно мертв. А потом все поражались тому, что в этих крошечных ручках хватило силы, чтобы совершить такое.

Сейчас две женщины стояли перед могилой самого младшего из всех самоубийц в истории человеческой расы.

Доктор Ин пытливо рассматривала младенца, которого держала в руках, как будто наблюдала за экспериментом. А дитя уделяло ей отнюдь не больше внимания, чем всему прочему, что попадало в поле его зрения. Малыш размахивал ручками и пытался ловить проплывавшие в воздухе пушинки цветущего тополя. Блестящие черные глаза взирали с радостным удивлением

на мир, который был пышным цветком, огромной прекрасной игрушкой. Крохотный мальчик был совершенно не подготовлен к лежавшей перед ним длинной и трудной дороге жизни, а значит, был готов ко всему.

Две женщины неторопливо прошли по дорожке среди надгробий. У выхода с кладбища мать забрала ребенка у доктора Ин.

— Нам пора по своим делам, — сказала она. Ее глаза сияли тревогой и любовью.

Круг

☒, 17 февраля 2013

Синьян, столица царства Цинь, 227 г. до н. э.[20]

Цзин Кэ медленно развернул на длинном низком столе шелковый свиток карты.

Сидевший по другую сторону стола Ин Чжэн, владыка царства Цинь, удовлетворенно вздохнул, глядя на появлявшиеся перед ним горы и реки, принадлежавшие врагу. Цзин Кэ представлял здесь царство Янь, готовое сдаться на милость победителя. Глядя на искусные изображения полей, дорог, городов и военных лагерей нетрудно было ощущать себя властелином всего этого. А реальная земля была столь необъятна, что перед ее громадностью он порой чувствовал себя бессильным.

Цзин Кэ развернул свиток до конца. Ярко блеснул острый кинжал. В этот миг в Большом зале

---

[20] Примечания: 20

Действие рассказа происходит в Эпоху воюющих царств, когда на территории Китая располагалось несколько независимых государств: Цинь, Ци, Чу, Вэй, Чжао, Янь и Хань. В результате продолжительных войн государство Цинь при правителе (ване) Ин Чжэне одержало полную победу, покорило остальные шесть государств и объединило Китай под властью династии Цинь. Ин Чжэн вошел в историю под именем Цинь Шихуанди, первый император Китая.

все застыли и, казалось, даже воздух окаменел.

Все министры вана, стоявшие на приемах не ближе чем в тридцати чи[21] от него, были безоружны. Вооруженная стража располагалась еще дальше — за ступенями, ведущими в зал. Все эти меры были рассчитаны на обеспечение безопасности вана, но сейчас лишь облегчили задачу убийцы.

Но владыка Чжэн сохранял спокойствие. На кинжал он взглянул лишь мельком и тут же обратил мрачный и острый взгляд на Цзин Кэ. Правитель царства Цинь был очень внимательным и осторожным человеком. Он сразу же заметил, что оружие обращено рукоятью к нему, а острием — к убийце.

Цзин Кэ поднял кинжал, и все, находившиеся в зале, ахнули. Кроме Чжэна — тот сдержал вздох облегчения. Онто сразу увидел, что посол держит кинжал пальцами за острие и подает ему вперед рукоятью.

— Ваше величество, прошу вас убить меня этим оружием, своей рукой. — Цзин Кэ низко поклонился, держа кинжал над головой. — Наследный принц Дань царства Янь приказал мне убить вас,

---

[21] Примечания: 21

Чи — китайская мера длины. В разные времена ее величина различалась; в эпоху Цинь чи — 23,1 см.

когда вы окажете мне честь личного приема, и я не мог возразить своему господину. Но безмерное восхищение вами не позволяет мне выполнить это повеление.

Правитель Чжэн не шелохнулся.

— Ваше величество, вовсе не обязательно наносить сильный удар. Клинок вымазан ядом. Чтобы оборвать жизнь недостойного, вашему величеству будет достаточно сделать небольшой порез на его теле.

Чжэн сидел все в той же позе, лишь мановением руки остановил стражей, вбежавших в зал.

— Моему величеству вовсе незачем убивать вас, чтобы чувствовать себя в безопасности. Из ваших слов понятно, что у вас не душа убийцы.

Цзин Кэ молниеносным движением перехватил кинжал за рукоять. Острие оружия было направлено ему в грудь, как будто он намеревался покончить с собой.

— Вы ученый человек, — холодно продолжал Чжэн. — Ваша смерть будет пустой растратой полезного имущества. Я предпочел бы употребить ваши знания и умения на пользу моей армии. Если вы настоятельно желаете умереть, дозволяю осуществить это лишь после того, как вы сделаете для меня что-нибудь заслуживающее

внимания. — Он пошевелил пальцами, разрешая Цзин Кэ удалиться. Несостоявшийся убийца из побежденного царства Янь аккуратно положил кинжал на стол и, продолжая кланяться, спиной вперед покинул Большой зал.

Владыка Чжэн поднялся и направился к другому выходу из Большого зала. Небо за окнами казалось нежным и хрупким, как сновидение, смутно запомнившееся с ночи.

— Цзин Кэ, — обратился он к убийце, который все еще продолжал пятиться по лестнице. — Часто ли луна появляется на небе днем?

Белый халат убийцы сверкал на солнце, как яркое пламя.

— Видеть на небе одновременно солнце и луну случается отнюдь не редко. Согласно лунному календарю, с четвертого по двенадцатый день каждого месяца луну можно видеть в дневном небе в разное время дня, если, конечно, погода позволяет.

Чжэн кивнул и чуть слышно пробормотал:

— О, не такое уж редкое зрелище.

Через два года владыка Чжэн призвал Цзин Кэ на аудиенцию.

Оказавшись у входа во дворец, он увидел, что вооруженные стражи выводят из Большого зала

троих сановников с сорванными регалиями и выбритыми головами. Двое с окровавленными лицами шли между стражами, а третий был настолько перепуган, что не мог идти. Двое воинов тащили его под руки, а он продолжал стенать, умоляя владыку Чжэна сохранить ему жизнь. Цзин Кэ уловил несколько раз повторяющееся слово «лекарство». Судя по всему, этих троих ждала смертная казнь.

Чжэн был в превосходном настроении, как будто ничего не произошло. Указав на лестницу, по которой только что выволокли троих приговоренных, он сказал:

— Флот Сюй Фу так и не вернулся из Восточного моря. Кто-то должен был понести за это ответственность.

Цзин Кэ знал, что Сюй Фу, маг и гадатель, клялся, что способен добраться до лежащих в Восточном море островов, где находятся три магических горы, и привезти оттуда эликсир вечной жизни. Ван Чжэн снарядил для него огромный флот, погрузил на корабли три тысячи юношей и девушек и неисчислимые сокровища, которые предназначались в дар бессмертным, хранившим тайну вечной жизни. Три года назад флот отбыл в плавание, и с тех пор от него не было ни

слуху ни духу.

Чжэн тут же отмахнулся от неприятной темы.

— Я слышал, что за последние годы вы изобрели немало чудес. Лук, который вы придумали, бьет вдвое дальше, чем те, что были прежде, боевые колесницы с хитрыми подвесными креплениями на осях едут быстро и плавно даже по неровной почве, на мосты, построенные под вашим надзором, ушло вдвое меньше материалов, чем на те, что строили до вас, а получились они даже крепче. Я доволен вами. Как вы додумались до всего этого?

— Ваше величество, когда следуешь указаниям неба, нет ничего невозможного.

— То же самое говорил и Сюй Фу.

— Ваше величество, позвольте мне сказать прямо. Сюй Фу всего лишь мошенник. Постоянные бестолковые медитации не открывают путь к постижению мироустройства. Такие, как он, вовсе не способны постичь изречения неба.

— И на каком же языке вещает небо?

— На языке математики. Числа и формы — вот те письмена, которыми небо пишет обращения к миру.

Чжэн задумчиво кивнул:

— Интересно… И чем же вы заняты сейчас?

— Я стараюсь понять как можно больше посланий небес, чтобы принести пользу вашему величеству.

— Есть успехи?

— Да, кое-что есть. Временами я просто чувствую, что стою прямо перед дверью сокровищницы, полной тайн Вселенной.

— И как же небеса рассказывают вам свои тайны? Ведь вы, боши[22], только что сказали мне, что язык небес состоит из чисел и форм.

— С помощью круга.

Заметив, что владыка Чжэн потерял нить его рассуждений, Цзин Кэ испросил — и получил — позволение воспользоваться кисточкой и тушью. На низком столике расстелили кусок белого шелка, и он изобразил круг. Он не пользовался ни циркулем, ни какими-либо еще приспособлениями, но круг получился идеальным.

— Ваше величество, случалось ли вам видеть в природе идеальные круги помимо тех, что созданы руками человека?

Владыка задумался на мгновение:

— Крайне редко. Разве что, когда мы с соколом рассматривали друг друга, я обратил внимание,

---

[22] Примечания: 22
Боши — ученый (*кит.*).

что у него совершенно круглые глаза.

— Да, ваше величество, как всегда, правы. Я могу привести еще несколько примеров: яйца, которые откладывают некоторые водные существа, плоскость пересечения капли росы и листа. Но я тщательно измерил все это и так и не нашел идеального круга. То же самое относится и к кругу, который я нарисовал здесь: хоть он и выглядит вполне правильным, но содержит ошибки и неточности, незаметные глазу. На самом деле это овал, а не идеальный круг. Я долго искал идеальный круг и наконец понял, что в нижнем мире такого не существует, а найти его можно лишь в небесах, что над нами.

— Вот как?

— Ваше величество, не соизволите ли вы выйти со мной из дворца?

Владыка царства Цинь в сопровождении Цзин Кэ вышел на площадь. Стоял чудесный ясный день из тех, когда на небе можно одновременно видеть и солнце, и луну.

— И солнце, и луна являют собой совершенные круги, — сказал Цзин Кэ, указав вверх. — Невозможные на земле идеалы небо поместило на свой свод и сделало их самыми заметными для любого, кто обратит туда взор. Причем не один,

а два образца. Смысл сего не может быть яснее: тайны небес спрятаны в круге.

— Но ведь круг — простейшая из фигур. Все другие, не считая прямой линии, явно сложнее, — правитель повернулся и вошел во дворец.

— За видимой простотой скрываются глубочайшие загадки, — ответил Цзин Кэ, следуя за императором.

Когда они вернулись в зал и Чжэн уселся около того же столика, Цзин Кэ начертил кистью на шелке прямоугольник.

— Соизвольте взглянуть на эту фигуру, ваше величество. Ее длинная сторона — четыре цуня[23], а короткая — два. Небо говорит и через эту фигуру.

— И что же оно говорит?

— Небо говорит, что стороны прямоугольника относятся друг к другу, как один к двум.

— Ты смеешься надо мной?

— Нет, ваше величество, я не осмелюсь на такую дерзость. Это всего лишь пример простого послания. Соизвольте взглянуть на эту фигуру, — Цзин Кэ изобразил другой прямоугольник. — На сей раз длинная сторона равна девяти цуням, а короткая — семи. В эту фигуру небеса заложили

---

[23] Примечания: 23
Цунь — 3,33 см.

гораздо более сложное содержание.

— Откуда же это видно? Фигура столь же проста, как и первая.

— Позвольте возразить, ваше величество. Отношение между длинной и короткой сторонами этого прямоугольника выражается числом 1,285714285714285714… Последовательность цифр 285714 повторяется в нем бесконечно. Из этого следует, что значение можно сколько угодно уточнять, но так и не достигнуть окончательной точности. Это послание тоже простое, но из него можно извлечь гораздо больше смысла.

— Интересно… — бросил правитель.

— А теперь прошу дозволения показать вам самую загадочную фигуру из всех, какими одарило нас небо: круг. — Цзин Кэ провел через центр ранее нарисованного круга прямую линию. — Установлено, что отношение длины окружности к длине диаметра круга выражается бесконечным числом, начинающимся с 3,1415926. И последовательность цифр в нем никогда не повторяется.

— Никогда?

— Никогда, ваше величество. Соизвольте представить себе кусок шелка размером с все, что существует под небом. Допустим, что цифры числа, выражающего это соотношение, можно было

бы записать мельчайшими значками величиной с мушиную головку каждый, и писать строчку отсюда до края земли, а потом начинать строчку за строчкой сначала. Продолжая таким образом, можно было бы заполнить всю ткань целиком, и числам все равно не было бы конца, а первая цепочка из восьми цифр все равно не повторилась бы ни разу. Ваше величество, в этой бесконечной цепи чисел заключены тайны Вселенной.

Выражение лица Чжэна не изменилось, но Цзин Кэ заметил, как блеснули его глаза.

— Пусть вам известно это столь необычное число. Но каким же образом вы будете читать в нем послание, которое якобы прислало вам небо?

— Для этого есть много способов. Например, используя числа как координаты, можно превратить их в новые формы и картины.

— Что же покажут эти картины?

— Я не знаю. Возможно, это будет иллюстрация к одной из высоких загадок Вселенной. Или, может быть, повесть, а то и целая книга. Но главное в том, что сначала необходимо получить достаточно длинную строку цифр. Мне представляется, что значение ряда начнет приоткрываться не раньше, чем будут рассчитаны десятки, а может быть, даже сотни тысяч символов. На сегодняш-

ний день я рассчитал лишь около сотни знаков, что не раскрывает никаких потаенных смыслов.

— Сотню? Только и всего?

— Ваше величество, даже на это мне потребовалось более десяти лет трудов. Чтобы вычислить отношение окружности к диаметру, нужно совершить приближения, вписав в окружность один многоугольник и описав вокруг нее второй. Чем больше сторон у многоугольников, тем точнее вычисления и тем больше цифр можно получить. Но сложность вычислений быстро возрастает, и дело идет чем дальше, тем медленнее.

Чжэн не сводил глаз с круга, пересеченного прямой линией.

— Значит, вы рассчитываете отыскать через это число секрет вечной жизни?

— Совершенно верно, ваше величество, — взволнованно ответил Цзин Кэ. — Жизнь и смерть — основные законы, дарованные миру небом. Следовательно, в этом послании должны содержаться великие тайны жизни и смерти, в том числе и секрет вечной жизни.

— Поэтому вы должны рассчитать это отношение. Я выделю вам двоих помощников, чтобы вы немедленно рассчитали до десяти тысяч знаков. А через пять лет представите мне сто тысяч

знаков.

— Это… это невозможно!

Чжэн взмахнул рукой и широким рукавом сбросил со стола и шелк, на котором чертил ученый, и тушь с кисточкой.

— В таком случае дам столько людей, сколько вам нужно. — Он холодно взглянул Цзин Кэ в глаза и добавил: — Но вы должны выполнить работу в срок.

Через пять дней владыка Чжэн снова вызвал Цзин Кэ. На сей раз не в синьянский дворец; ученый встретил правителя на дороге, по которой тот в сопровождении свиты прогуливался, любуясь окрестностями.

Чжен с ходу спросил Цзин Кэ, как продвигается работа.

Тот поклонился и ответил:

— Ваше величество, я собрал по вашему царству всех математиков, способных выполнять такие вычисления. Их оказалось лишь восемь. Имею покорнейше доложить вашему величеству, что даже если все мы, вдевятером, полностью посвятим свои жизни этой работе, то все равно не сможем вычислить более трех тысяч знаков. А за два года получится не более трехсот знаков.

Чжэн кивнул и, жестом приказав Цзин Кэ сле-

довать за ним, направился по дорожке. Вскоре они подошли к гранитному обелиску высотой около двадцати чи. За пропущенный сквозь сделанное наверху отверстие толстый канат обелиск был подвешен к мощной деревянной платформе, как громадный маятник, и его гладкое основание находилось на высоте человеческого роста от земли. На отшлифованных гранях не было никаких надписей.

Чжэн указал на сооружение и сказал:

— Смотрите, боши. Если вы завершите вычисления к сроку, этот камень станет монументом в вашу честь. Я повелю опустить его на землю и покрыть грани записями о ваших многочисленных достижениях. Но, если вы не справитесь, он же будет памятником вашего позора. В этом случае его тоже опустят на землю, но, прежде чем перережут веревку, вы сядете под ним. Так что обелиск станет вашим надгробием.

Цзин Кэ поднял голову и обвел взглядом огромный висящий камень, который заполнял все поле зрения. На фоне несущихся по небу облаков его темная масса производила угнетающее впечатление.

Цзин Кэ повернулся к правителю:

— Ваше величество однажды уже соизволили

сохранить мою жизнь, и даже если мне удастся завершить расчеты к нужному сроку, это все равно не искупит вину, что лежит на мне за то, что я согласился покуситься на вашу священную жизнь. Я не боюсь смерти, но покорнейше прошу дать мне еще пять дней на раздумья. Если я так и не смогу придумать, как справиться с этой работой, то с готовностью сяду под обелиск.

Через четыре дня Цзин Кэ попросил аудиенции и сразу же был допущен к циньскому вану. Чжэн не видел сейчас дела важнее, чем расчет соотношения длины и диаметра окружности.

— По вашему лицу я вижу, что у вас есть какой-то план, — благосклонно улыбнувшись, сказал он.

Цзин Кэ не сразу ответил на вопрос повелителя:

— Ваше величество, вы соблаговолили сказать, что дадите столько людей, сколько мне нужно. Не изволили ли вы с тех пор изменить свое решение?

— Нет, не изменил.

— Мне требуется три миллиона солдат из армии вашего величества.

Озвученное количество не изумило владыку. Он лишь чуть заметно приподнял брови.

— И какие же солдаты вам нужны?

— Любые солдаты, которых полководцы вашего величества смогут быстро прислать.

— Полагаю, вы понимаете, что большинство солдат моей армии неграмотны и умеют считать лишь по пальцам. За два года вы точно не сможете научить их сложной математике, необходимой для ваших вычислений.

— Ваше величество, любого солдата, если он способен соображать, я смогу научить всему, что нужно, за час. Соблаговолите приказать привести сюда троих солдат, чтобы я смог показать, как это делается.

— Троих? А хватит? Я легко могу сейчас же дать тебе и три тысячи.

— Мне хватит троих.

Чжэн махнул рукой, и рядом с ним тут же появились три солдата. Они были очень молоды и, как и все воины армии Цинь, двигались, как механизмы, и сразу выполняли приказы, ни на миг не задумываясь о них.

— Я не знаю ваших имен, — сказал Цзин Кэ. — Вы двое будете заниматься вводом чисел. Тебя, — он хлопнул по плечу одного, — я буду называть «Ввод-один», а тебя, — он прикоснулся ко второму, — «Ввод-два». А ты, — он указал на

третьего, — будешь «Вывод». — Он расставил солдат по местам. — Встаньте треугольником. Вывод будет вершиной, а Ввод-один и Ввод-два образуют основание.

— Проще было бы приказать им построиться атакующим клином, — сказал Чжэн и снова с улыбкой взглянул на Цзин Кэ.

А тот извлек из рукава шесть маленьких флажков — три белых и три черных — и раздал каждому по два разноцветных флажка.

— Белый означает ноль, черный означает единицу. Поняли? Теперь слушайте меня. Вывод, повернись и смотри на Ввод-один и Ввод-два. Если они оба поднимут черные флажки, ты тоже поднимешь черный. Если будут два белых или белый и черный — поднимаешь белый.

Цзин Кэ еще раз повторил указание, чтобы солдаты наверняка запомнили его. А потом начал выкрикивать приказы:

— Начали! Ввод-один и Ввод-два, поднимайте флажки, какие захотите. Так… Подняли! Так… Подняли! Подняли!

Ввод-один и Ввод-два трижды поднимали флажки. В первый раз черный и черный, во второй белый и черный, в третий — черный и белый. Вывод действовал совершенно правильно — один

раз поднял черный флажок и два раза — белый.

— Отлично. Ваше величество, эти солдаты очень умные.

— С этим справился бы даже последний дурачок. Расскажите-ка, для чего все это нужно. — Чжэн и не пытался сделать вид, будто понимает, что ему показывали.

— Эти трое солдат — часть вычислительной системы, которой я дал название «Ворота И». Если в ворота входят две единицы, то выходит из них единица. Если среди входящих чисел есть ноль — ноль и один, один и ноль или ноль и ноль, из ворот выходит ноль, — Цзин Кэ сделал паузу, чтобы правитель мог усвоить информацию, и снова повернулся к солдатам.

— Теперь будем делать по-другому. Ты, Вывод, поднимешь черный флаг, если увидишь черный флаг у кого-нибудь из Вводов. Могут быть такие сочетания: черный-черный, белый-черный, черный-белый. Если видишь белый-белый, то поднимаешь белый флаг. Понял? Молодец, умный парень. Ты замок, и управляешь воротами. Трудись как следует, и будешь награжден. Теперь начнем. Подняли! Хорошо, еще раз подняли! Еще подняли! Отлично! Ваше величество, сейчас вы видели «Ворота ИЛИ». Если среди двух вводов

есть единица, то и в выводе будет единица.

Цзин Кэ изобразил с помощью троих солдат то, что назвал «Воротами НЕ-И», затем «Ворота НЕ-ИЛИ», «Ворота Исключающее Или», «Ворота Исключающее НЕ-ИЛИ» и «Ворота трех состояний». В завершение он, используя только двоих солдат, показал самые простые «Ворота НЕТ» — Вывод всегда поднимал флаг не того цвета, который показывал Ввод.

Цзин Кэ поклонился императору.

— Ваше величество изволили увидеть все элементы вычислительной системы. Ни от кого из трех миллионов солдат не потребуется больше навыков, чем от этих троих.

— Но как же вы намереваетесь выполнять сложные вычисления при помощи таких простеньких детских игр? — с откровенным недоверием спросил Чжэн.

— Великий владыка, все сложное во Вселенной составлено из простейших частичек. С другой стороны, громадное множество простых частиц, если собрать их в надлежащем порядке, могут образовать чрезвычайно сложное сооружение. Три миллиона солдат — это миллион таких вот ворот, и их можно объединить в особое построение, способное проводить любые сложные вычисления.

Я называю свое изобретение вычислительным построением.

— И все же я так и не понимаю, как именно вы собираетесь считать.

— Точный процесс сложен. Если ваше величество продолжит проявлять интерес, я могу подробно объяснить позже. На данный момент достаточно знать, что работа вычислительной системы основана на новом методе осмысления и записи чисел. В этом методе необходимы только две цифры, ноль и единица, соответствующие белому и черному флагам. Зато ноль и единицу можно использовать для представления любого числа, и это позволяет вычислительному построению с помощью множества простых компонентов, действующих одновременно, проводить вычисления с очень высокой скоростью.

— Три миллиона — это почти вся моя армия, но вы получите этих солдат, — владыка Чжэн неожиданно вздохнул. — Поспешите. Я чувствую приближение старости.

Прошел год.

Стоял еще один чудесный ясный день из тех, когда на небе можно одновременно видеть и солнце, и луну. Властелин царства Цинь и Цзин Кэ стояли на высокой каменной трибуне. Ниже

их в несколько рядов расположились многочисленные министры. А вокруг выстроились в громадное каре со стороной почти в двенадцать ли[24] три миллиона воинов. Озаренный неярким утренним солнцем строй походил на терракотовую армию, расставленную на гигантском ковре. Но стайка птичек, снизившаяся было над неподвижными фигурами, сразу уловила окружавшую их ауру смерти и поспешно умчалась прочь.

— Ваше величество, ваша армия поистине не имеет себе равных, — сказал Цзин Кэ. — За столь короткое время все солдаты успешно прошли столь сложную подготовку!

Чжен положил руку на эфес длинного меча.

— Какой сложной ни была бы задача всего войска, каждый солдат в отдельности выполняет лишь очень простые действия. А уж по сравнению с военной подготовкой, которую все они прошли, это совсем пустяки.

— А теперь, ваше величество, соблаговолите отдать приказ! — произнес Цзин Кэ дрожащим от волнения голосом.

Правитель кивнул. Один из стражей подбежал

---

[24] Примечания: 24

Ли — китайская мера длины; в эпоху Цинь составляла 406,8 м.

к нему, взялся за эфес меча и сделал два шага назад. Бронзовый меч, который циньский ван носил на поясе, был таким длинным, что Чжэн не мог вынуть его из ножен без помощи. Страж опустился на колени и на двух руках поднес меч правителю. Тот воздел клинок к небесам и выкрикнул:

— Вычислительное построение!

Тут же загремели боевые барабаны, в четырех огромных медных чашах по углам помоста с ревом вспыхнуло пламя. Офицеры, цепью стоявшие вокруг возвышения лицом к солдатам, пропели в унисон:

— Вычислительное построение!

Строй зашевелился, начал переливаться разными цветами и стал расползаться. Появились сложные и детализированные контурные узоры, которые постепенно распространились на всю массу людей. Через десять минут компактный квадрат расширился; вычислительное построение имело сторону уже в тридцать пять ли.

Цзин Кэ обвел жестом строй, уходивший почти до горизонта, и начал объяснять.

— Ваше величество, это формирование мы назвали «Цинь-один». Соблаговолите взглянуть: в середине находится центральное подразде-

ление обработки, основной вычислительный компонент, состоящий из лучших отрядов вашей армии. На этом чертеже вы можете найти подразделения суммирования, кратковременного хранения и переменной памяти. Часть позиции вокруг — подразделение долговременной памяти. Выстроив его, мы обнаружили, что солдат все же не хватает. Но, к счастью, именно в этой части работа самая простая, и поэтому мы обучили солдат использовать больше цветных флагов. Теперь каждый из них может сделать то, на что первоначально требовалось двадцать человек. Это позволило нам увеличить объем памяти, чтобы соответствовать минимальным требованиям для выполнения процедуры расчета отношения длины окружности и ее диаметра. Соизвольте также обратить внимание на открытый проход через весь строй и на легкую кавалерию, ожидающую приказов в начале прохода: это главная линия связи системы, по которой передаются сообщения между всеми ее составляющими.

Двое воинов принесли огромный свиток длиной в рост человека и начали разворачивать его перед правителем. Когда они приблизились к концу свитка, все вокруг затаили дыхание, вспомнив о том, что случилось несколько лет назад. Но

оружия, о котором подумали приближенные вана, в свитке не оказалось. На длинном и широком куске тонкого шелка было начертано множество символов, каждый размером с голову мухи. Все было написано так плотно, что изумляло едва ли не сильнее, чем Вычислительное построение, заполнившее весь окоем.

— Ваше величество, здесь записан порядок действий, который я разработал для расчета. Соблаговолите взглянуть сюда. — Цзин Кэ указал на Вычислительное построение. — Все эти солдаты, замершие в ожидании, составляют то, что я назвал «техникой». А на этом полотнище записано то, чему я дал название «программа», но вернее было бы назвать эти записи душой Вычислительного построения. Связь между «техникой» и «программой» примерно та же, что между цитрой гуцинь и свитком, на котором записаны ноты.

— Хорошо, — кивнул правитель. — Начинайте.

Цзин Кэ воздел руки над головой и торжественно провозгласил:

— По приказу священного властителя — приступить! Самопроверка системы!

Сигнальщики, стоявшие вполоборота к трибуне чуть поодаль, повторили приказ взмахами флажков. В мгновение ока каре из трех милли-

онов человек словно превратилось в озеро, а взмахи флажков казались рябью, пробегающей по воде.

— Самопроверка закончена! Начать установочную последовательность! Загрузить методику вычислений!

Кавалеристы помчались по главной линии связи, пролегающей через все Вычислительное построение. Широкий проход сразу превратился в бурную реку, которая, постепенно делилась на многочисленные тонкие протоки, проникавшие во все модульные подразделения. Вскоре рябь от черных и белых флагов превратилась во вздымающиеся волны, пробегающие по всему громадному каре. Наибольшее движение наблюдалось в центральном подразделении обработки данных: там царила суматоха, как в муравейнике, куда попала искра.

Однако волнение вдруг начало утихать и вскоре совсем остановилось, как будто огонь догорел. Из центрального подразделения обработки торможение стремительно распространялось во все стороны, как лед, намерзший вокруг камня в стоячей воде. В конце концов вычислительная система остановилась, и лишь несколько разрозненных компонентов безжизненно подер-

гивались, застряв в бесконечных циклах.

— Системный сбой! — выкрикнул командир сигнальщиков.

Причину неисправности вскоре выяснили: ошибка случилась в одних из ворот кратковременного хранения данных в центральном подразделении обработки данных.

— Запустить систему вновь! — уверенно приказал Цзин Кэ.

— Погодите, — прервал его Чжэн, стиснув рукоять меча. — Замените негодные ворота, а солдат, из которых они состояли, обезглавьте. Впредь так будет караться любая неумелость.

Несколько всадников с мечами наголо промчались по узким проходам внутри каре. Трое несчастных были убиты на месте; на их место встали другие солдаты. С возвышения были хорошо видны три лужи крови среди центрального подразделения обработки данных.

Цзин Кэ отдал приказ начать заново. На сей раз все шло гладко. Через десять минут в расчет соотношения длины окружности и ее диаметра включились все солдаты. Вплоть до самого горизонта рябили черные пятна и белые блики. Вычислительное построение приступило к продолжительной работе.

— Поистине интересно, — отметил Чжэн, указывая на развернутое перед ним зрелище. — Каждый делает нечто донельзя примитивное, а все вместе разгадывают сложнейшую загадку.

— Ваше несравненное величество, это разгадывание никак не связано с умением мыслить. Это всего лишь бездумная работа живой машины. Каждый из этих ничтожных — не более чем ноль. Лишь в тех случаях, когда перед этим скопищем нулей становится великий человек, такой, как вы, оно обретает значение, — ответил Цзин Кэ с подобострастной улыбкой.

— Сколько времени потребуется, чтобы рассчитать отношение до десяти тысяч знаков? — спросил Чжэн.

— Около десяти месяцев. Может быть, удастся даже быстрее, если все пойдет хорошо.

Из свиты вышел вперед полководец Ван Цзянь[25].

— Ваше величество, осмелюсь высказать опасение. По всем канонам военного искусства считается, что даже в ходе обычных военных

---

[25] Примечания: 25

Ван Цзянь — один из четырех великих полководцев, участвовавших в кампаниях циньского вана Ин Чжэна против шести других царств. Исторический Ван Цзянь разгромил государства Янь (откуда был родом Цзин Кэ), Чжао и Чу. — *Прим. авт.*

операций крайне опасно сосредоточивать так много наших сил на открытой местности, как мы поступили сейчас. Более того, эти три миллиона солдат безоружны, у них нет ничего, кроме сигнальных флажков.

Вычислительное построение не предназначено для боя и окажется беззащитным перед возможным врагом. Даже при самых благоприятных условиях, чтобы провести организованный отход такого количества людей, да еще, столь плотно собранных, потребовался бы чуть ли не целый день. А если на них нападут, отступить просто не удастся. Ваше величество, в глазах наших врагов это Вычислительное построение будет выглядеть как мясо, выложенное на разделочную доску.

Правитель молча взглянул на Цзин Кэ. Тот поклонился и сказал:

— Ваше величество, полководец Ван совершенно прав. Осмелюсь посоветовать вашему величеству еще раз подумать, стоит ли проводить эти вычисления.

Потом Цзин Кэ сделал нечто такое, на что никто и никогда не решался: он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Чжэну. Циньский правитель сразу понял, что хотел сказать этим ученый: все ваши достижения пока что лишь нули; значение

они получат лишь в том случае, если вы поставите перед ними единицу — собственную вечную жизнь.

— Генерал Ван, вы излишне волнуетесь, — властелин Чжэн презрительно тряхнул рукавами. — Государства Хань, Вэй, Чжао и Чу приведены к полной покорности. Остались лишь царства Янь и Ци, безрассудные правители которых уже совершенно истощили свои народы. Они не представляют никакой опасности и вот-вот развалятся сами. При нынешнем положении вещей за время, которое займут вычисления, они вполне могут по собственной воле сдаться великому царству Цинь. Естественно, я заранее подумал о том, что тревожит моего славного полководца. Повелеваю ему расставить посты в разумном отдалении от Вычислительного построения и отрядить разведчиков, чтобы те неусыпно следили за всеми движениями войск в Янь и Ци.

Так мы обеспечим свою безопасность. — Он воздел свой длиннющий меч к небесам и провозгласил: — Вычисления должны быть доведены до конца. Такова моя воля!

Вычислительное построение бесперебойно работало целый месяц, и результаты оказались даже лучше, чем ожидал изобретатель. Было

получено более двух тысяч знаков отношения длины окружности к ее диаметру, солдаты приноровились к работе, а Цзин Кэ совершенствовал устройство живого вычислительного механизма, так что в будущем он должен был производить расчеты еще быстрее.

Утро сорок четвертого дня с начала расчетов выдалось туманным. Он скрыл Вычислительное построение от глаз наблюдавших с возвышения, да и солдаты видели не далее чем за пять человек от себя.

Но изобретатель предусмотрел и такие условия, так что вычисления продолжались бесперебойно. В тумане гулко разносились выкрикиваемые приказы и топот копыт коней рассыльных, разъезжавших по главной линии связи.

Однако солдаты, находившиеся на севере Вычислительного построения, вдруг услышали и другие звуки. Поначалу они были очень слабыми и казались призрачными, но постепенно усиливались и вскоре превратились в непрерывный глухой рокот, похожий на гром, доносившийся из сердцевины туманной мглы.

Это гремели копыта многих тысяч лошадей. С севера на Вычислительное построение надвигалось могучее конное войско под знаменем

царства Янь. Всадники двигались неторопливо, выдерживая строй. Они точно знали, что у них полно времени.

Разгоняться для атаки всадники начали не более чем за ли от края Вычислительного построения и ворвались в строй прежде, чем солдаты Цинь успели как следует рассмотреть врагов. В первом натиске они просто стоптали копытами лошадей десятки тысяч циньских солдат.

Затем началась даже не битва, а просто избиение. Яньские командиры знали, что не встретят значимого сопротивления, и поэтому конники шли не с обычным кавалерийским оружием — длинными копьями и алебардами, — а вооружились лишь мечами и кистенями. Несколько сотен тысяч яньской тяжелой кавалерии надвинулись смертоносной тучей, и, там, где она проходила, на земле оставался ковер из трупов циньских солдат.

Чтобы не всполошить раньше времени срединную область Вычислительного построения, нападавшие убивали молча, будто были механизмами, а не людьми. Но все же крики умирающих под ударами оружия или под копытами коней далеко разносились в густом тумане.

Увы, за полтора месяца циньских солдат под

угрозой смерти приучили не отвлекаться вообще ни на что и оставаться бездумными деталями вычислительной машины, способными лишь на несколько простейших движений. Из-за этой выработанной сосредоточенности, молчания атакующих и густого тумана, скрывавшего все уже за несколько шагов, большая часть Вычислительного построения просто не знала, что его северный край уже гибнет. Смертоносная туча медленно, но неуклонно проедала строй, превращая его в груды трупов, разбросанных по пропитанной кровью земле, но оставшаяся часть продолжала подсчеты, невзирая на то, что в системе появлялось все больше и больше ошибок.

Шедшие вслед за кавалерией сто с лишним тысяч лучников одновременно подняли луки и выпустили поверх голов всадников стрелы, которые как ливень обрушились уже значительно ближе к центру Вычислительного построения, и почти каждая стрела нашла свою жертву.

Лишь после этого Вычислительное построение начало рассыпаться. Одновременно по нему стала распространяться весть о нападении, сразу ввергнувшая эту в высшей степени упорядоченную структуру в полный хаос. Конные гонцы, разносившие приказы по живой машине,

помчались было к центру, чтобы сообщить о внезапной атаке, но к тому времени разбегающиеся солдаты уже заполнили проход между рядами, выполнявший роль центральной линии связи, и запаниковавшие курьеры сами безжалостно топтали конскими копытами своих соратников.

Враг атаковал только с севера. Восточная, южная и западная стороны Вычислительного построения начали отступать. Увы, без информации о том, что где происходит, и утраченной связью командования с подразделениями, отступление происходило беспорядочно и очень медленно. Вычислительное построение, утратившее смысл существования, напоминало каплю густой туши, упавшую в воду, которая не растворяется тут же, а долго выпускает из себя постепенно удлиняющиеся тонкие темные струйки.

Те циньские солдаты, что бежали на восток, неожиданно уперлись в стройную стену армии царства Ци. Но ее командиры не стали с ходу атаковать деморализованных беглецов, а выстроили непробиваемую дугу из пехоты и кавалерии, чтобы циньцы сами вбежали в мешок, который можно будет быстро завязать и истребить всех, кто попал туда.

Итак, открытой оставалась лишь юго-западная

сторона. Туда и устремились остатки циньской армии, не имевшие возможности драться. Сотни тысяч безоружных солдат мутным потоком хлынули с равнины, на которой полтора месяца занимались неизвестно чем. Но вскоре они и там столкнулись с врагами. Ими оказались не дисциплинированные войска китайских царств, а орды всадников-хунну. Они налетели на несчастных циньцев, как волки на отару овец.

Избиение продолжалось до полудня. Потом западный ветер разогнал туман, и равнину озарило стоявшее в зените солнце.

Тут и там армии Янь, Ци и Хунну объединяли усилия, умело окружали группы циньских солдат и истребляли их. Конники всех трех армий продолжали атаку на не успевшую рассеяться сердцевину Вычислительного построения, бросая раненых и немногочисленных уцелевших на растерзание пехоте. Издали прилетали камни, выпущенные катапультами, а следом за пехотой шли стада волов, подгоняемых факелами, которые втаптывали останки убитых в землю.

К вечеру над обширным полем, усыпанном трупами, между которыми текли реки крови, звучали только печальные звуки воинских сигнальных труб. Остатки циньской армии загнали

в три неумолимо суживающихся кольца.

Безоблачной ночью полная луна бесстрастно плыла над полем бойни, заливая спокойным холодным текучим светом горы трупов и озера крови. Избиение продолжалось всю ночь и на следующий день.

Армия империи Цинь была полностью истреблена.

Через месяц объединенные силы Янь, Ци и Хунну вошли в Синьян и взяли в плен правителя Чжэна. Циньская империя прекратила свое существование.

Для казни Чжэна выбрали очередной день, когда на небе находились вместе солнце и луна, проплывавшая в ясной лазури, как снежинка.

Обелиск, ранее предназначавшийся для Цзин Кэ, висел на прежнем месте. Государь уничтоженного царства Цинь сидел под ним и ждал, когда яньский палач перерубит веревку из воловьих ремней.

Из толпы наблюдавших за казнью вышел Цзин Кэ, так же одетый во все белое. Он остановился перед Чжэном и низко поклонился.

— Ваше величество…

— Все это время вы неизменно оставались убийцей, подосланным из царства Янь, — сказал

Чжэн, не глядя на него.

— Да. Но мне было недостаточно убить вас, я считал необходимым уничтожить и вашу армию. Если бы несколько лет назад мне удалось убить вас, Цинь все равно осталась бы могущественной державой. Ее армия, возглавляемая непревзойденными стратегами и испытанными в победоносных боях ветеранами, продолжала бы угрожать Янь и рано или поздно завоевала бы ее.

Чжэн решил задать последний в жизни вопрос:

— Как вам удалось скрытно подвести вплотную к моей армии такое множество войск?

— Весь год, пока шла подготовка Вычислительного построения, царства Янь и Ци копали туннели по много ли длиной и такой ширины и высоты, что там могли ехать всадники на конях. Выстроить туннели, по которым ваши враги незаметно для дальних дозоров могли бы добраться до беззащитного Вычислительного построения и застать вас врасплох, придумал я.

Чжэн кивнул, закрыл глаза и молча ждал смерти. Распорядитель казни выкрикнул приказ, и палач, зажав в зубах нож, полез по хлипкой лесенке на помост.

Государь Чжэн услышал шорох рядом с собой. Он открыл глаза и увидел, что рядом с ним сел Цзин Кэ.

— Ваше величество, мы умрем вместе. Когда этот камень упадет, он станет памятником нам обоим. Ваши кровь и плоть смешаются с моими. Возможно, от этого у вас на душе станет хоть немного легче.

— И зачем вам это понадобилось? — холодно спросил Чжэн.

— Нет-нет, я вовсе не хочу умирать. Но государь Янь приказал казнить меня.

Губы Чжэна на мгновение изогнулись в почти неуловимой улыбке.

— Вы так много сделали для царства Янь, что ваше имя неминуемо стало бы превыше правителя страны. Он заблаговременно пресек ваши возможные амбиции. Этого следовало ожидать.

— Это лишь одна из причин, причем не главная. Я также посоветовал владыке Янь создать собственное вычислительное построение. Вот это и явилось весомым основанием для моей казни.

Чжэн повернул голову к Цзин Кэ. В его глазах читалось неподдельное удивление.

— Хотите верьте, хотите нет — мне все равно. Мой совет был направлен на усиление Янь. Да,

чистая правда, что создание Вычислительного построения было главной частью моего стратегического плана уничтожения царства Цинь. Я воспользовался вашим стремлением к вечной жизни, но при этом сделал действительно грандиозное изобретение. Это построение и в самом деле обладает невообразимой вычислительной мощностью, позволяющей нам по-настоящему овладеть языком математики и узреть великие тайны Вселенной. Оно могло бы открыть для человечества новую эру.

Палач забрался наконец на помост, лежащий поверх высоченной конструкции, и, ожидая сигнала, замер с ножом в руке перед блоком, по которому проходил толстенный канат.

Сидевший поодаль под ярким балдахином владыка Янь махнул рукой. Распорядитель начал выкрикивать короткий приговор.

И тут Цзин Кэ широко раскрыл глаза, как будто пробудился ото сна.

— Понял! Для Вычислительного построения вовсе не обязательно использовать войска или вообще людей. Все эти ворота — И, НЕТ, ИЛИ, НЕ-И, НЕ-ИЛИ и так далее могут быть механическими устройствами. Их можно сделать очень маленькими, и, собранные вместе, они образу-

ют механическое Вычислительное построение! Нет, его нужно назвать не Вычислительным построением, а вычислительной машиной! Государь! Погодите! Выслушайте меня! — крикнул он правителю Янь. — Вычислительная машина! Вычислительная машина!

Палач закончил резать канат.

— Вычислительная машина! — с последним в жизни выдохом крикнул Цзин Кэ.

Гигантский камень устремился вниз, и в миг, когда его широкая тень заслонила весь мир, обманутый государь Чжэн почувствовал лишь конец своей жизни. А в глазах Цзин Кэ погас слабый лучик света, предвещавший начало новой эры.